

Сергей Солдатов

ЗАРНИЦЫ

ВОЗРОЖДЕНИЯ

ЗАРНИЦЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Sergei Soldatov

**POLITICAL STRUGGLE
AND
ETHICAL REBIRTH**

*With an Introduction
by Abdurakhman Avtorkhanov
and a Foreword
by Martin Dewhirst*

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1984**

Сергей Солдатов

**ЗАРНИЦЫ
ВОЗРОЖДЕНИЯ**

**Опыт политической борьбы
и нравственного просветительства**

Предисловие

Абдурахмана Авторханова

Введение

Мартина Дьюхёрста

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1984**

**Sergei Soldatov: ZARNITSY VOZROZHDENIIA.
Opyt politicheskoi bor'by i npravstvennogo prosvetitelstva**

**With an Introduction by Abdurakhman Avtorkhanov
and a Foreword by Martin Dewhirst**

**First Russian edition published in 1984
by Overseas Publications Interchange Ltd
8, Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England**

**Copyright © Sergei Soldatov, 1984
Copyright ©/Russian edition Overseas Publications Interchange Ltd, 1984**

All rights reserved

**No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.**

ISBN 0 903868 71 7

Cover design by Krause and Ludmila Soldatova

Printed in West Germany by Polyglott-Druck GmbH

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в 1970 г. на Западе появился присланный из СССР подпольный документ "Программа Демократического Движения Советского Союза" (ДДСС), то впечатление от нее было необыкновенное, даже сенсационное. Мы до сих пор знали о легальном демократическом движении и о его мужественных деятелях, открыто бросивших вызов тиранической системе, требуя от нее соблюдения собственных законов, но мы ничего не знали, что существует и нелегальное демократическое движение, которое ставило своей целью ликвидацию самой этой советской системы со всеми ее лжезаконами. Факт этот произвел такое сильное впечатление даже на западную общественность, что КГБ поспешил объявить "Программу ДДСС" фальшивкой, сфабрикованной в русской редакции радио "Свобода" членом НТС Граниным.

После тяжких испытаний революционного подполья, тюрьмы и концлагерей появился на Западе теперь и сам автор названной "Программы" и один из ведущих организаторов ДДСС — Сергей Иванович Солдатов.

Его воспоминания об этих испытаниях, как и его рассказ о тяжелом детстве, являются одновременно и ярким историческим свидетельством, и впечатляющей исповедью человека, которого судьба не баловала, но именно поэтому закалила.

”Демократическое Движение Советского Союза” по существу было революционно-демократическим движением, ибо оно ставило своей программной целью замену системы диктатуры системой демократии, но оно отвергало насилие как метод достижения такой цели. Автор пишет на этот счет: ”Мы были против применения силы. Многие ... инстинктивно тянулись к насилию, к оружию, с целью пока- рать зло и несправедливость. Мы не хотели морально отве- чать за кровопролитие... хотя решимости для этого у нас было достаточно. Поэтому мы не призывали к вооружен- ному восстанию, признавая оружие лишь как средство защиты в исключительной обстановке. Мы хотели вести широкую разъяснительную работу среди населения и расши- рить число наших сторонников. При достаточной социаль- ной базе... мы бы перешли к массовым бойкотам, демонст- рациям, забастовкам...” (Глава 6).

В этой тактике ДДСС предвосхищена будущая стратегия польской ”мирной революции” в августе 1980 года. ДДСС не строило себе никаких иллюзий в отношении открытых действий при закрытом тоталитарно-полицейском режиме. Автор замечает по этому поводу: ”Мы были против полити- ческого легкомыслия. Смешно подставлять щеку тому, кто сносит и голову. Непозволительно вести себя в тоталитар- ном обществе так, как в свободном обществе... Мы знали природу советской власти, ее беспощадность, решитель- ность, жестокость... При ”открытости” наши бойцы стано- вились открытой и беззащитной мишенью для карательных органов” (там же).

Иную позицию в вопросе ”открытости” занимало Демо- кратическое движение инакомыслящих, названных на За- паде ”диссидентами”, по совершенно очевидной причине: его возглавляли лояльные советские граждане, среди кото- рых были такие заслуженные советские деятели, как акаде- мик А. Д. Сахаров и генерал П. Г. Григоренко. Движение инакомыслящих вовсе не хотело заменить советскую власть другой властью, а хотело придать ей характер правового государства на основе осуществления в жизни тех свобод и

прав граждан, которые записаны в ее же Конституции. Тактические требования, как и сама тактика "открытости" диссидентского движения, для своего времени были величайшим подвигом, который первоначально даже поверг режим в какую-то растерянность из-за своей абсолютной неуязвимости с точки зрения существующих законов. Поэтому режим долго не решался окончательно ликвидировать его. Однако тактические требования диссидентов по логике вещей постепенно переросли в требования программные, ибо диссиденты по существу требовали от советской власти перестать быть советской властью. Вот тогда советское правительство, нарушая не только свою Конституцию, но и торжественно подписанные им соглашения в Хельсинки, приступило к ликвидации диссидентства. Теперь "тактика открытости" диссидентов обернулась против самих диссидентов, как этого опасалось ДДСС. Стало ясно, что при тиранических режимах, как коммунистические, открытое, легальное движение бесперспективно, если оно не сочетается с разветвленной нелегальной сетью. Презрение к нелегалитине, которое культивировали диссиденты, хотя и свидетельствовало об их личном мужестве и жертвенности, но на деле облегчало контроль КГБ над ними и над их акциями.

Несмотря на вездесущий шпионаж сыщиков из КГБ, ДДСС только благодаря конспирации движения и конспиративной тактике его членов просуществовало более пяти лет и успело издать не только "Программу" и "Тактические основы", но и периодически выпускать два его подпольных журнала — "Демократ" и "Луч Свободы". Раскрыли организацию, когда некоторые ее руководящие члены начали пренебрегать элементарными правилами конспирации, о чем с вполне понятной досадой и разочарованием рассказывает наш автор. Правильны были и исходные позиции ДДСС — начать борьбу за свободу народа с первичного и элементарного — с политического и нравственного возрождения. С. Солдатов обосновывает эту позицию: "Моя общественно-направленная деятельность начиналась не с политики. Она

начиналась с просветительства... Мое видение говорило мне, что окружающее меня общество не только политически порабощено, но и подвержено глубокой порче. И эта порча не могла не коснуться каждого. И в первую очередь, конечно, меня самого. Но отсюда следовал и определенный долг для исполнения... Каждый человек, болеющий за людей, должен стремиться к просветлению своего духа и души... к духовному и нравственному просвещению общества" (Глава 7).

Нет на свете более несчастного народа, чем тот, который не знает, что он несчастный. Когда Гегель говорил, что каждый народ имеет то правительство, которого он достоин, то это был его реверанс в адрес прусского "просвещенного абсолютизма". Ибо великий диалектик был одновременно и великим оппортунистом, когда речь заходила о правительстве прусского короля. Но сказать, что народы СССР имеют правительство, которого они достойны, — значит святотатствовать. Уже к концу правления Сталина в СССР было убито, по подсчетам специалистов, более 60 миллионов человек — это составляет больше, чем население любой великой европейской нации — Англии, Франции или ФРГ, или половину населения Российской империи к началу XX века. Вот эта перманентная физическая и психологическая мясорубка на протяжении 66 лет, хотя и не создала никакого "советского человека", но создала легион нравственных калек — несчастных людей, которые даже не знают, что они несчастны. Среди них встречаются все типы: исправные "винтики" во враждебной им машине, дремучие невежды с вузовским дипломом, закоснелые карьеристы с людоедской психологией, повзрослевшие павлики морозовы, которые даже не чувствуют себя подлецами. Нужна великая нравственная революция, чтобы их излечить. Ее организовать могут только сами советские интеллектуалы, которых не смогла переломать никакая чекистская мясорубка. Таковыми именно и были славные деятели Демократического движения (легального и нелегального), которые сейчас томятся в психушках, тюрьмах, концлагерях, ссылках.

Таковыми же являются и те, которые в изгнании продолжают борьбу за права и свободу своих народов. К последним принадлежит автор данной книги — Сергей Солдатов.

А. Авторханов

ВВЕДЕНИЕ ЗАПАДНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДА

За последние несколько лет человек, живущий на Западе и читающий по-русски, имел при желании возможность ознакомиться с воспоминаниями и размышлениями немалого количества известных советских (или бывших советских) инакопишущих и инакодействующих, в том числе Андрея Амальрика, Владимира Буковского, Бориса Вайля, Петра Григоренко, Льва Копелева, Анатолия Левитина-Краснова, Леонида Плюща, Андрея Сахарова, Андрея Синявского, Александра Солженицына, Ефима Эткинда... Столь избалованный человек теперь оправданно может себя спросить: а стоит ли издавать, стоит ли мне читать еще чью-то автобиографию, еще чьи-то мысли о недавнем прошлом, удручающем настоящем и возможном будущем Советского Союза? В данном случае кажется, что ответить можно на этот вопрос утвердительно, независимо от того, нравится или не нравится кое-что в стиле, мировоззрении и предлагаемой стратегии Сергея Ивановича Солдатова.

Чем отличается его "подход" к страшным проблемам своей огромной родины? Я бы прежде всего выделил следующие четыре пункта:

Во-первых, Солдатов — человек русский, русской культу-

ры, но (может быть отчасти вследствие того, что вырос в независимой, потом закабаленной советской системой стране) гораздо болезненнее многих других русских "диссидентов" (он сам не любит этого слова) воспринимает то чувство подавленности, которое испытывают столько нерусских граждан СССР, и гораздо четче поддерживает их желания и стремления повысить степень "автономности" и независимости своих национальных территорий. А Солдатова ведь нельзя обвинить в антирусских предубеждениях!

Во-вторых, он, тем не менее, иногда не находил (да и теперь в отдельных случаях не находит) общего языка с советскими (или бывшими советскими) нерусскими гражданами, которые считают единственно важной целью "просто" выход своего народа, своей родины, из состава Союза Советских Социалистических Республик и не понимают, почему автор этой книги столько времени и усилий уделяет "общесоюзным" проблемам, почему он так озабочен перспективами для *всех* наций в СССР.

В-третьих, автор отличается от правозащитников и большинства диссидентов тем, что с самого начала своей деятельности был убежден в абсолютной необходимости "подпольных", конспиративных средств борьбы, строгой организованности, а также точной формулировки открыто выраженных оппозиционных *политических* целей. То есть, нелепо, недальновидно, по его мнению, ожидать или требовать, чтобы советские власти (значит, своего рода мафия) следовали своим опубликованным законам и Конституции, наивно оставаться в рамках улучшения (чтобы не сказать усовершенствования) порочной в самой основе своей советской политической, экономической и социальной системы.

И, в-четвертых, участники движений религиозного сопротивления в большинстве своем плохо понимают и неохотно воспринимают тот факт, что Сергей Иванович, сам глубоко верующий человек, с одной стороны, смотрит с симпатией на *все* религии (да и поддерживает тесные, дружеские отношения и с принципиально неверующими), а, с другой стороны, не ограничивается исключительно или хотя

бы преимущественно проблемами *религиозной* свободы и несвободы в современном мире.

В итоге можно сказать, что С. И. Солдатов — человек на редкость широкого, но не аморфного кругозора, человек, проявляющий удивительную терпимость по отношению к чуть ли не ко всем течениям оппозиционной мысли в теперешнем СССР и в российской эмиграции. Он полностью не соглашается и не отождествляет себя ни с одной из самых известных групп или группировок, ныне или в недавнем прошлом действующих открыто на родине и/или на чужбине. Однако такое "доброжелательное неприсоединение" не значит, что его мнения и предложения лишены притягательности или не имеют сторонников. Его синтез (в лучшем смысле этого термина) разных подходов, тактик и стратегий имеет не только потенциально, но и актуально чрезвычайно большое значение, и лишь, пожалуй, вследствие "москвоцентричности" не только официальной, но и неофициальной политической жизни в СССР российская и западная общественность все еще очень плохо осведомлена и о последователях Солдатова и вообще о том, что происходит на огромной "периферии" Советского Союза. А ведь деятельность сторонников и преемников Солдатова, в частности, в Прибалтике, далеко не кончилась! Действуя в подполье, но принципиально ненасильственно (забастовки и демонстрации, но ни при каких обстоятельствах не бомбы), ведя целеустремленную устную пропаганду и трезвую, конструктивную публицистическую самиздатовскую деятельность (а не только разоблачительные разговоры об очередных советских ужасах), предпринимая скромные, ежедневные дела (а не громкие акции, рассчитанные на "паблисити" за границей), такие люди (а их немало, разумеется, и в самой Москве) не хотят, чтобы о них писали преждевременно. Так что посторонний наблюдатель может только гадать: много их, или мало?

Жаль, что понятие "диссидентство" так политизировано и так узко понято. Печально, что так часто недооценивают моральное, социальное и культурное значение тех (я бы ска-

зал, весьма многочисленных) советских людей, которые пытаются вести себя честно, порядочно, — так, как подобает любому человеку. Солдатов, мне кажется, понимает лучше многих, что в СССР невозможны политические перемены к лучшему без одновременного (или скорее предшествующего) повышения нравственности, без улучшения этического климата по всей стране, а чтобы способствовать этому процессу больше всего нужна воля: стойкость и терпение — да, но плюс к этому еще и *активность*. Вот такой комбинации добродетелей учит нас Сергей Солдатов. Можно надеяться, что, прочтя эту книгу, добрый читатель поймет его и даже во многом согласится с ним.

Мартин Дьюхерст,
Глазговский Университет,
Шотландия.

*Борцам и мученикам
морально-политического возрождения
посвящается*

ОТ АВТОРА

В настоящее время в России, в Прибалтике и в Восточной Европе царит тяжелая социально-политическая обстановка. Западные общества также испытывают определенные трудности, а внутри политической эмиграции из СССР установились сложные взаимоотношения, ослабляющие единство и плодотворность действий. Все это ко многому обязывает лиц, посвящающих себя общественной деятельности. Это обязывает их еще настойчивее прилагать усилия, в том числе и литературные, во имя утверждения Блага и торжества Правды на земле. С другой стороны, до сих пор продолжают жестокие расправы с инакомыслящими и с независимым рабочим движением в Восточной Европе и в России. Это побуждает нас еще тверже стремиться к преодолению господства бесчеловечных сил, сначала духовно и нравственно, а потом социально и политически.

Нам представляется, что священная миссия и главная задача каждого честного общественного деятеля в мире — во внесении посильного вклада в дело социально-нравственного совершенствования Российского и Восточноевропейского целого, а косвенно — общеевропейского и всемирного целого.

Мощным оружием в борьбе за всеобщее благо, оружием более действенным, чем когда-либо, является вдохновенное слово, устное и печатное. Поэтому, желая служить указан-

ной цели, автор претворяет в жизнь свой давний замысел — написать книгу, в которой с пользой для всех борцов за благо, для их друзей и помощников был бы обобщен его полувековой жизненный опыт, подведены итоги политико-просветительской деятельности и духовно-творческих исканий.

Автору, русскому по происхождению, верующему, довелось жить в Эстонской Республике, на стыке восточного и западного миров, в среде эстонского народа, исключительно свободолобивого и независимого. Довелось жить среди значительного русского национального меньшинства, активно жившего своей религиозной и культурной жизнью. Это обострило его видение межнациональных отношений. Ему также довелось быть свидетелем захвата Эстонии советскими империалистами и последующих массовых репрессий, стоивших населению страны более одной трети ее состава. Видеть драму Второй мировой войны, в ходе которой страна была трижды оккупирована иноземными войсками. Учиться в средней школе в условиях деспотического сталинского режима. Кончать Политехнический институт в Ленинграде в условиях хрущевской оттепели. Работать на ведущих инженерных должностях в советской промышленности. Преподавать в советской высшей школе. Противопоставлять себя советской системе. В течение многих лет отбывать срок в советских тюрьмах и концлагерях. Быть изгнанным вместе с женой Людмилой за пределы Советского Союза в 1981 г. после выхода из заключения.

Книга написана в форме повествования-исследования, совмещающего лично пережитое и ощущение современности с видением будущего.

Книга содержит жизненные факты и размышления о них, свидетельства о прошлых событиях и постановку новых проблем, анализ порочной советской действительности и программные предложения на будущее. Но философская и социологическая тема составляет лишь отдаленный фон книги. Ее основным ядром является лично пережитое за полвека. Книгу преимущественно теоретического харак-

тера автор предполагает выпустить вслед за автобиографической.

Книга предназначена русскоязычным, и не в меньшей степени, иноязычным, западным, особенно сочувствующим читателям; она предназначена всем свободолюбивым и подлинно патриотическим силам, молодым энтузиастам и ветеранам борьбы, всем духовно ищущим и нравственно чутким людям, всем, кто признает и верит в высшие ценности, кто готов их отстаивать и проводить в жизнь. Книга призывает русского и иноязычного читателя к согласию, к сочувствию и к содействию делу, в ней затронутому.

Исходный принцип книги — укрепить веру в плодотворность человеческих усилий, если прочно опираются на высшие начала и твердо стремятся к подлинным ценностям, невзирая на испытания. Ее руководящие идеи сводятся к четырем положениям. Мир нуждается:

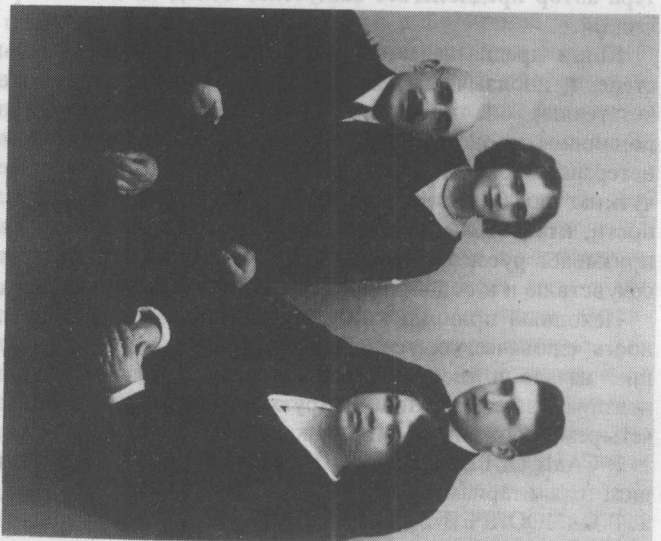
1. В САМООСВОБОЖДЕНИИ ОБЩЕСТВ, а не в порабощающем тоталитаризме;
2. В САМООПРЕДЕЛЕНИИ НАЦИЙ, а не в закрепощающем империализме;
3. В САМООЧИЩЕНИИ ВОЛИ, вместо безнравственных стремлений;
4. В САМОПРОСВЕТЛЕНИИ УМА, вместо бездуховного мировоззрения.

Заключительный принцип — вселить твердую веру в достижение идеалов Свободы и Любви, в победу морально-политического Возрождения, вместо Катастрофы.

Если эти принципы и идеи удастся в ясной и краткой форме довести до читателя, то задача книги будет выполнена.

Приношу сердечную благодарность моей жене Людмиле за ценную помощь в работе над книгой, а также издательству Оверсиз (O. P. I.)

Мюнхен, 1984 г.

Таллин, 1925. Мать, дядя, бабушка и дед

Киевщина, 1932. Мать и отец

Глава 1

ИЗНАЧАЛЬНОЕ

Ворошить прошлое — дело нелегкое. Верно осмыслить свою жизнь — дело почти невозможное. Оглядывая пройденный путь, думаешь, что ошибочного было больше, чем правильного, потерь больше, чем приобретений, неудач больше, чем успехов, поражений больше, чем побед, и уж конечно, — горя было больше, чем радости. Но, видимо, так и должно быть!

Я не принадлежу к избранному народу или к славному роду. Не было у меня счастливой судьбы или исключительных данных. Я осознаю себя человеком обыкновенным. Но и ответственным за то, что происходило и будет происходить. За то, что было, есть и будет. До меня, при мне и после меня. В ближнем и дальнем от меня.

Не все удалось. Не все свершилось. Много не удалось. И еще большее не свершилось. Но знаю, что так поступал не я один. Так поступали многие. И так мог бы поступить каждый. Если бы пожелал и вдохновился. Если бы решился...

Но есть и нечто особенное. Мне суждено было постоянно быть на линии пересечения граней. Жизнь возле границы сло-

жила и образовала меня. Приходилось всегда быть на границе разнородных явлений. Вмещать их противоположности. Мучительно добиваться их согласия и просветления. Но всецело не принадлежать ни одному. А лишь той Вершине, где сходятся все грани мира. Лишь Тому, что примиряет и соединяет в Себе все. Что есть Начало и Конец, что есть Исход и Завершение всего.

И если высокий Следователь, он же Исполнитель, он же и Судья, потребовал бы отчета о моей жизни, то я начал бы просто: "Родился 24 июня 1933 года в Нарве, в независимой Эстонии, в семье рабочего и свободной художницы..."

Здесь все — пограничность, все — стык несовпадаемого.

"24 июня..." Я родился в дни летнего равноденствия... в дни, когда "свет" уже перестал прибывать, а "тьма" еще не начала своего наступления. Я увидел свет в те сутки, когда древнейшие племена — финно-угорские, балтские, славянские и другие — приносили жертвы своим богам. Этот день стал общенародным праздником и в более позднее время, сочетая в себе языческие и христианские начала. У русских он назывался Ивановым днем, у белорусов и украинцев — днем Ивана Купала, у эстонцев — Яанипяев, у латышей — Лиго...

По крайней мере у славянских племен Иванов день был Границей и прерывностью также и в другом. В этот день старшина племени объявлял всех замужних жен и женатых мужчин свободными на одни сутки, вольными делать все, что им подскажет сердце...

"1933 года..." В этот год кончилась первая треть века, принеся человечеству Первую мировую войну. И началась вторая треть, несшая в своих недрах Вторую мировую войну. В Советской России закончилась коллективизация. На костях загубленного крестьянства начались строительство оружейной кузницы и сооружение военной машины. Над взвихренной Россией поднимается новая кровавая волна террора. В Германии приходит к власти Адольф Гитлер и страна готовится к войне. Европа стремительно начинает

свой путь к военной катастрофе. К ее народам приближается призрак Возмездия. Сворачивать свое таинство.

"В городе Нарве..." Город — крепость на бурной реке Нарове. Каменный страж на границе между Западом и Востоком. Страж в древности и в дни моего рождения. Одновременно здесь проходила граница между "демократическим" и "социалистическим" мирами, между миром свободным и порабощенным, между Эстонией и Россией. Здесь, на берегу Наровы, где полноводная река внезапно с грохотом срывается в бездну, в Кренгольмской больнице, мне суждено было увидеть свет. Лучше всего было бы не видеть этого света...

"В независимой Эстонии..." Но прежде, чем стать независимой, и даже прежде, чем этой древней земле называться "Эстонией", а ее историческому народу — "эстонцами", происходило примерно следующее...

В третьем тысячелетии по лесной зоне северо-восточной Европы начинается движение угро-финских племен совместно с балтами. Поток расселения был исторически устремлен на запад и северо-запад Европы. Их прародиной считается Среднее и Южное Приуралье. На рубеже третьего и второго тысячелетий одно из угро-финских племен, видимо, наиболее энергичное и стремительное, достигло побережья Балтийского моря и остановилось. Открытая ими земля была своеобразной естественной крепостью. С севера и с запада ее ограничивало беспредельное море, с востока — бурная река и огромное озеро, а с юга — непроходимые леса и бездонные болота. Земля дарила скромные возможности бороться за свое существование. Бороться способами, освященными племенными обычаями. Этими способами издревле были — охота, рыболовство, собирательство, а позднее — животноводство и подсечное земледелие. Угрюмых и отважных охотников, их трудолюбивых жен чаровала и сурово-царственная красота неведомой земли. Позднее страну посещали греческие, варяжские и арабские мореплаватели. Германские географы прозвали ее землей Эст, восточной землей (от герм. Oest — восток), а населяю-

щих ее людей — эстиями. Единого, самодержавного или родовластного, государства эсты не создали, как не создали его и славяне до прихода варягов. Но со временем эсты стали воинственным и мореходным народом. Они совершали опустошительные набеги на соседние земли, в том числе и на шведское побережье. Но, видимо, главная цель была не завоевание земель, а приумножение богатств. Земля разделилась на воеводства, во главе которых в мирное время стоял выборный старшина, а в лихое — опытный военный вождь. Между воеводствами не было единства и нередко возникали раздоры. Ибо уже тогда давал себя знать определенный индивидуализм, мешающий союзу и коллективным действиям. Эстонская семья и род издавна жили по хуторам, часто отдаленным друг от друга на значительные расстояния. И с древних времен эстонский человек привык полагаться только на собственные силы в борьбе с суровой природой и с лихими людьми, своими и зарубежными.

Но любое благо, доведенное до крайности, становится злом. Эстонское государство не было создано. Не найдены были надежные союзники. Это облегчило германским рыцарям завоевание Эстонии. Наступление рыцарей, объединенных в орден Меченосцев, началось в 1208 году. Оно было направлено на южные воеводства Эстонии — Соо́нтагана, У́ганда и Са́кала. Потребовалось почти одиннадцать лет непрерывной войны и стоило огромных жертв, чтобы завоевать лишь южную часть Эстонии (1219 г.). Эсты оборонялись героически. Но рыцари-крестоносцы обладали лучшим вооружением своего времени и огромными человеческими ресурсами. Тем не менее на завоевание эстонской земли германские и присоединившиеся к ним с 1219 года датские рыцари потратили почти двадцать лет. Это большой срок, учитывая огромное неравенство сил — два мощных централизованных государства против небольшой группы разрозненных воеводств. Это свидетельствует о природном мужестве и свободолюбии эстонцев еще с древних времен.

Экономическое и культурное господство остзейского дворянства немецкого происхождения длилось семь веков, практически до 1917 года.

Еще до немецко-датского нашествия Киевская Русь делает попытку захватить юго-восточную Эстонию. В 1030 году князь Ярослав совершает поход и на месте старого языческого святилища основывает опорный пункт Юрьев (современный Тарту). Но вскоре он был вытеснен наступающими эстонскими дружинами. В 1558—1561 годах, в ходе Ливонской войны, Иоанн Грозный также пытается захватить страну. Это ему не удается. Но он подверг страну такому страшному опустошению, что оно вошло в народные предания.

В конце Ливонской войны Эстония подпадает под власть шведского короля Эрика XVI. Шведское "время" длилось 155 лет с 1562 по 1717 год, до завоевания Эстонии Петром I. Шведское правительство ограничило права и привилегии остзейского дворянства, проводя так называемую политику "редуцирования". Оно улучшило экономическое и правовое положение коренного народа. Оно заботилось также о народном образовании и здравоохранении. И эстонский народ с благодарностью называет этот период "добрым, старым шведским временем". Так — исторически, в жизни, а не на бумаге, на деле, а не на словах, и создаются столь трудные межнациональные отношения. Народ очень многое помнит. Народ не забывает ни добра, ни зла, ему причиненного. Межнациональные отношения — это, прежде всего, национальная память об этих отношениях.

В разительном контрасте со шведским временем была эпоха, начавшаяся с петровских завоеваний. Включение Эстонии в состав Российской империи, в ходе бедственной Северной войны, было окончательно закреплено Ништадтским договором в 1721 году. Петр I, по договору с остзейским дворянством, ввел в стране крепостное право по образцу и подобию Российской империи. И оно было отменено лишь сто лет спустя, в правление Александра I, под сильным влиянием баронессы фон Крюденер. А после все-

общей отмены крепостного права в России в 1861 году начался мощный подъем эстонской культуры и общественной деятельности. Его назовут "временем пробуждения" (Яркамизаэг). Ярким достижением этого времени были опубликование Ф. Крейцвальдом эстонского национального эпоса "Калевипоэг" и вдохновенная патриотическая поэзия Лидии Койдулы.

Политическому пробуждению эстонского народа содействовали демократические реформы в России в октябре 1905 года. В Государственной Думе Эстония была представлена двумя депутатами — Я. Тыниссоном и К. Рюютелем.

Вступление России в Первую мировую войну оказалось судьбоносным и для Эстонии. После трудностей военного времени и революционных перемен в России начинается поворот и в исторической судьбе Эстонии. После большевистского переворота в октябре 1917 года, в Бресте начались переговоры с Германией о заключении мирного договора. Вследствие их провала в феврале 1918 года Эстония оказалась оккупированной немецкими войсками. За день до занятия Таллина, столицы Эстонии, там была провозглашена Эстонская Республика. После этого первый эстонский орган власти — Эстонский Комитет Спасения был распущен германскими военными властями, его члены — либо арестованы, либо загнаны в подполье, либо даже расстреляны (Ю. Вилмс и др.).

С ноября 1918 года, после революционных событий в Германии, немецкие войска начали уходить на родину. По их следам Красная армия начала операции по занятию Эстонии. Новоиспеченные империалисты, сменившие формы и символы, оставались верными своей сущности. Они стремились, как и некогда, включить страну в состав новой коммунистической колониальной империи. Но эстонский народ, в короткий срок, поставил под ружье 75 тысяч человек и начал Освободительную войну против большевизма.

Эстонская армия, недостаточно вооруженная и плохо снабженная, после упорной кровопролитной борьбы отбросила советские войска, и к концу января 1919 г. Эстония

оказалась свободной. Затем она отбила натиск прогерманских войск Ландесвера. Потеряв более двух тысяч человек убитыми, двенадцать тысяч ранеными, около пяти тысяч умершими от ран и болезней, она одержала победу. Это было закреплено в Тартуском мирном договоре, заключенном между Советской Россией и Эстонской Республикой в феврале 1920 года. Согласно этому договору советское правительство признало на вечные времена суверенитет Эстонии, выплатило ей пятнадцать миллионов рублей военных репараций. На территории Эстонии оставалась почти 18-тысячная Северо-Западная армия ген. Юденича. Из-за ее враждебной настроенности к Республике ее разоружили.

Эстонская Республика обеспечила своим гражданам всю полноту прав и свобод. Она дала населению возможность создавать свое благосостояние, а своим национальным меньшинствам — развивать свою культуру. И это несмотря на то, что Республика переживала серьезные трудности. А их было немало: консервация заводов, построенных царской Россией, вследствие отсутствия сырья и заказов, мировой кризис 1929—33 гг., нестабильность правительства, огромный государственный долг и многое другое. Все это тормозило успешное развитие молодой республики. Но и успехи были налицо: расширялась промышленность, поднималось сельское хозяйство, рос экспорт бекона и масла, заграничные фирмы получали концессии, развивалась национальная культура, укреплялась система образования и здравоохранения.

Приведем некоторые данные. Число хуторов за 1929—1939 гг. увеличилось с 133 до 140 тысяч. Это значит, что ежегодно в среднем возникало 700 новых хуторов. Это большой успех, принимая во внимание малые размеры страны. В 1939 году в каждом из ее 140 тысяч хуторов было в среднем около 5 голов рогатого скота, 5 овец, более 3 свиной и почти две лошади.

Это приблизительно в 2—3 раза больше сельскохозяйственной продукции на хозяйство, чем в Советской России. Это очень высокие показатели! Развитость сельского хо-

зяйства обеспечивала благоприятный баланс внешней торговли. За десять лет, в период 1929—1939 гг., весь экспорт увеличился почти в 1,5 раза (с 71 до 103 миллионов крон). Сельскохозяйственный экспорт составлял более половины всего экспорта (53%). Главными статьями экспорта были масло, бекон и яйца. Экспорт промышленной продукции рос также, но в 1939 г. не превышал и 40% (38%) от общего объема. Статьями промэкспорта были бензин, сланцевые масла и древесная целлюлоза. Экспорт в 1939 году достигал 103 млн. крон. Более 2/3 экспорта приходилось на долю Англии и Германии (соотв. 35 и 32 млн. крон). На долю США и СССР не приходилось и одной десятой эстонского экспорта (соотв. 4,6 и 4,3 млн. крон).

Значительных успехов достигла культура. В Тартуском университете, во всемирно известном образовательном центре, основанном шведским королем Густавом Адольфом в 1632 году, училось более 3000 студентов. Издавались десятки газет и журналов, тысячи книг. Все интересное и значительное в мировой литературе, философии и науке было переведено на эстонский язык. В стране проводились певческие праздники и художественные выставки, действовали театры и музеи, строились народные дома и школы. В каждой местности были созданы хоры, театральные коллективы, кружки народного танца, оркестры народных инструментов. Развивалась наука, особенно ее гуманитарные области. Высокого развития достиг спорт во всех его видах.

Коротко о национальных отношениях. В 1939 году население Эстонии составляло 1133 тысячи человек. Более 2/3 населения проживало в сельской местности. Эстонцы составляли 88% населения. 12% приходилось на долю нацменьшинств. Больше всего было русских, насчитывавших около 92 тысяч человек. Долгое время второе место занимали немцы (16 тыс. в 1934 г.). Но затем в 1939 году, откликнувшись на призыв германского правительства, они репатриировались в Германию. Родовые поместья, собственные дома, основанные предприятия, могилы предков — все

осталось в Эстонии. К концу 1939 года немцев осталось всего лишь около трех тысяч. В северной и западной Эстонии проживало более 7 тысяч шведов. Они не играли заметной роли в политической жизни страны, тяготея к своей заморской родине. Успешно занимаясь земледелием и рыболовством, они достигли значительного уровня благосостояния. В стране было более 4 тысяч евреев. В Таллине была синагога, большое еврейское кладбище, действовали еврейские культурные общества. Я не замечал среди эстонцев каких-либо проявлений антисемитизма, если не считать безобидных анекдотов на извечные темы о еврейской скупости и хитрости. Не было, конечно, и дружбы. Но евреи были ценимы населением как высококвалифицированные специалисты в качестве адвокатов, врачей, ювелиров, часовщиков, торговцев и т. д. Благодаря успешному состоянию дел, они жили очень зажиточно.

Особое положение сложилось в русской национальной общине. Она делилась на три группы:

А. Русские Причудья и Принаровья. Они жили здесь с древнейших времен, переселившись еще из Новгородской Руси. С конца 17 века сюда бежали и старообрядцы, спасаясь от преследований на Московской Руси. Все они занимались земледелием, рыболовством, овощеводством, льноводством, мелкой торговлей и кустарным промыслом. Условия хозяйственной деятельности были для всех одинаковы, но уровень благосостояния русских был значительно ниже, чем у эстонцев. Объясняется это различными причинами: 1/ отсутствием у русских сильно выраженного желания достичь благосостояния (эстонцы к этому упорно стремились); 2/ слишком большими затратами времени на живое общение между собой (эстонцы общались со своими односельчанами сравнительно меньше и реже); 3/ большими затратами средств на алкоголь (эсты отличались большой трезвостью); 4/ большой приверженностью к простейшим старинным формам быта, завещанным предками (жилище, утварь, обстановка, одежда, сад, огород) (эстонцы стремились модернизировать свой быт по западным образцам);

5/ многодетностью семей (эстонские семьи были, в основном, малодетными). Все это приводило к тому, что русский крестьянин тратил на земледельческий труд в два раза меньше времени, чем эстонский. Отсюда, естественно, и различная степень зажиточности. Следует отметить исключительную набожность русских и верность их всему тому, что обычно называют "русским духом". Жили они кипучей религиозной жизнью, точно соблюдая церковные обряды, часто ходили в церковь, торжественно справляли религиозные праздники, совершали паломничества по святым местам — в Куремяеский женский и Печерский мужской монастыри.

Б. Русские горожане, жившие здесь еще с дореволюционных времен. Это были рабочие, ремесленники, торговцы, домовладельцы, служащие и значительный отряд интеллигенции. Каждый имел какой-то достаток. Их трудности были почти такими же, как и у всего городского населения.

В. Бывшие беженцы и военнослужащие белых армий, оказавшиеся в Эстонии после революции и гражданской войны в России. Доля беженцев, эмигрантов, изгнанников — всегда горька! И условия жизни их тоже были нелегкими. Безработица, бедность, жилищное и бытовое неустройство были господствующими явлениями. Русско-эстонские отношения тоже оставляли желать лучшего. Мне приходилось слышать обоюдные русско-эстонские обвинения. И ни одна сторона не кажется мне до конца правой. С одной стороны, неблагоприятные для человеческой жизни условия часто складывались в силу самих обстоятельств и законов развития, независимо от сознательной воли людей. С другой стороны, сами люди, в силу своих слабостей и недостатков, усугубляют неблагополучие дел. Так было и в Эстонии. В новорожденном национальном государстве были свои серьезные трудности. Более 2/3 населения было занято в сельском хозяйстве. Русские беженцы либо не могли, не имея средств и навыков, либо не хотели, понимая всю тяжесть крестьянского труда, заниматься земледелием. А в

городах сложилась трудная экономическая обстановка. Три огромных судостроительных завода, построенных еще царской Россией, были из-за отсутствия заказов и сырья частью законсервированы, частью проданы на слом. Балтийская и Кренгольмская текстильные мануфактуры были не в состоянии успешно конкурировать на европейском рынке. Производство неумолимо сокращалось. Оставалась государственная служба и работа в социальной сфере. Но здесь, само собой разумеется, требовалось следующее:

1. Гражданство. К сожалению, многие по старинке рассматривали Эстонию лишь как "загородную провинцию Петербурга". А принятие ее гражданства считали чуть ли не изменой делу "великой России, единой и неделимой".

2. Знание государственного языка. Этого тоже не получалось. Конечно, эстонский язык с его богатством слов, сложной грамматикой (13 падежей) и непривычным для славянина произношением — нелегок для усвоения. Но бытовало и другое. Любовь к родному "державному" русскому языку почему-то сочеталась с пренебрежительным отношением к языку малого народа. А эстонский язык следовало бы выучить. Хотя бы посильно. Хотя бы из чувства благодарности к народу, оказавшему гостеприимство.

3. Образование. У кого оно было — в конце концов устраивались! Например, профессором гражданского права в ТГУ был бывший доцент Петербургского университета И. Тютрюмов. Но образование было не у всех. И, как это часто бывает, не все хотели прилагать больших усилий к его получению. Моя мать и дядя не получили высшего образования, якобы горячо этого желая. Но горячие желания нужно подкрепить железными усилиями! Они любили ссылаться на отсутствие средств и дороговизну обучения в Эстонии. Все это так. Но это лишь полуправда. В ТГУ успешно учились и бедные, получая стипендии и льготы. Но если люди не обладают блестящими способностями или достаточным состоянием, то они должны это восполнить упорным трудом и отказом от удовольствий. Но как раз этого-

то эпикурейски настроенные люди не желали. Негласно требовалось и еще нечто.

4. Лояльность к молодой национальной республике. Но этого тоже многим не хватало. Некоторым моим соотечественникам идея независимого государства для малого народа казалась настолько незаконной и неестественной, что ничего, кроме презрительных слов — "картофельная республика" и "чухляндия", — они для Эстонии не находили. А, собственно, почему незаконно? почему неестественно? И как бы отнесся русский человек к поволжскому немцу, ратовавшему за включение России в состав Германской империи? И мог ли эстонский патриот восторгаться противниками своего государства?

Как бы то ни было, экономическое и социальное положение русских, а также межнациональные отношения первоначально складывались неладно. Совершенно иным образом складывалась духовная обстановка. Оторванные волей судьбы от России, русские беженцы начали с горячим энтузиазмом строить на чужбине "идеальную, духовную Россию", укрепляя начала религиозной жизни, развивая национальную культуру, поддерживая российские обычаи. Права и свободы, предоставленные Эстонской республикой, этому исключительно благоприятствовали. Русская православная церковь жила полноценной жизнью, существовали русские учебные заведения, вплоть до гимназий, издавались русские газеты, журналы и книги, действовали русские общества и организации, проводились слеты и певческие праздники, работал русский театр и проводились концерты русских народных инструментов, читались лекции и доклады. Здесь выступали и философ Бердяев, и вождь партии кадетов Миллюков, пел Шаляпин, творил поэт Игорь Северянин.

Но не только это. При эстонском парламенте существовало русское представительство, защищавшее интересы русских. Русские могли свободно выезжать в любую страну, широко общаться с русскими общинами в других западных странах. Пользовались ли русские в Советской России такими же возможностями для развития своей национальной

культуры, как в стране, которую они иногда непочтительно называли "картофельной республикой?"

Но мощный религиозный и культурный подъем, будучи сам по себе явлением положительным, не улучшал первоначально межнациональных отношений. Скорее даже наоборот — подъем вел к самовозвеличиванию, которое затмевало видение судьбы, значения и целей малых народов. Поиск величия в величине, а не в благодати, в силе, а не в справедливости, в исключительности, а не во всечеловечности не приводили и никогда не приведут народы к сближению. А ведь именно в этом надежда и подлинный путь человечества. Между русскими и эстонцами была отчужденность. На великодержавную пренебрежительность русских эстонцы отвечали хмурой недоверчивостью. Психологически русские стремились видеть в эстонцах только скупых, холодных и мелочных людей. А эстонцы — в русских лишь одну якобы лень, неряшливость и шумливость.

Обе стороны оказались не на высоте, ибо кое в чем были должны друг другу. Эстонцы по сути дела подарили русским новую родину — свободную и культурную страну с прекрасной природой и хорошим климатом. И эта новообретенная родина была неизмеримо человечней, чем Советская Россия, стонавшая под красным террором, лучше Галлиполийского трудного сидения и привычнее других, сугубо и слишком западных стран Европы. Русские же по сути дела подарили эстонцам свое государственное наследие. В Эстонии использовались многие законодательные основы Российской империи и российский административный опыт. Она получила в свое достояние железные дороги и порты, шоссе и мосты, общественные здания и заводы, оборудование и сооружения, корабли и вооружение, в своей основной части созданное под управлением российской администрации.

Так что есть вина, и есть недостаток благодарности у обоих народов. Хотелось бы видеть нечто другое, более справедливое. Русские должны были бы уважать эстонские стремления и больше помогать им в строительстве незави-

симой жизни. А эстонцы — больше прощать русские недостатки и с большим состраданием относиться к их нелегкой судьбе. Впрочем, со временем многое изменилось к лучшему.

Экономика, хотя и неровно, но шла на подъем. Возникновение сланцеперегонных заводов в Кивиыли, Кохтла, Кохтла-Ярве, Силламяэ, а также сланцевых шахт и карьеров в Кивиыли, Кюттейгуде, Кукрузе, Кохтла, Вийвиконде предоставило русской безработной эмиграции рабочие места, возможность приличного заработка и бытового благополучия. Русские устраивались, получали образование. Мой дед работал врачом, мать уже работала фармацевтом, дядя — профессиональным музыкантом, отец — сначала мастером, а потом квалифицированным мастерским-ремесленником. Повторяю, между русскими и эстонцами были отчужденность и напряженность. Но никогда не было злобной вражды. Никогда в эстонском государственном сознании не возникало мысли о насильственном изгнании непопулярных русских за пределы республики. Хотя недовольство и существовало. И никогда в местном русском национальном сознании не утверждались идеи о насильственной ликвидации независимой республики, хотя не всем русским она нравилась. Более того, к концу 30-х годов обе нации еще больше привыкли друг к другу и социально срастались. Намечалась даже некая отрадная линия сближения. Но обеим сторонам предстоит еще горчайший исторический опыт. Эстонцы вскоре познают вопиющую разницу между еще "непонятными" советскими коммунистами и уже "несносными" русскими националистами. А русские увидят страшное различие между "своей" Советской Россией и "чужой" Эстонией. Но это горькое познание будет стоить больших мук и самой жизни десяткам тысяч людей...

"В семье рабочего и свободной художницы..." Родители мои... Родительского тепла в моей жизни сильно не доставало. Предки мои были людьми нелегкими, беспокойными, порывистыми, страстными. Мой дед по матери — Федор Трушин кончил Кронштадтское медицинское военно-мор-

ское училище. В молодости плавал на кораблях Российского флота. Один из его далеких предков был чистокровным немцем, еще с петровских времен по зову правительства переселившимся из Германии. (Не секрет, что Германия дала для России изначальный слой интеллигенции и многих выдающихся деятелей — Мюнних, Остерман, Бирон, Беннигсен и др.) Его потомство дало целый отряд лекарей и врачей. От этого предка дед, видимо, унаследовал свою суровую склонность к порядку, честность и точность. Но преобладающая славянская кровь давала себя знать. И в сердце деда в молодости бушевали страсти. Во время визита эскадры русских кораблей в Константинополь, в начале этого века, он страстно влюбился. Предметом страсти была гречанка, томившаяся в гареме турецкого паши. Она ответила ему взаимностью. И, с ее согласия, дед пытался выкрасть ее. Но был пойман турецкой стражей и нещадно бит. Гречанка была возвращена паше, а дед посажен под корабельный арест. Царские дипломаты с большим трудом уладили неприятности. По этой ли причине или нет, но в дальнейшем мы находим его линейным врачом в Петербурге и в Белостоке, в системе Министерства путей сообщения. В 1906 году, влюбившись в очередной раз, он женится на миленькой Александре Мироновой.

Она недавно окончила Петербургскую Анненшуле и давала частные уроки готовившимся к поступлению в университет. По характеру она была очень властной, довольно суровой, энергичной и эмоциональной. Она происходила из состоятельной семьи и родилась в Царском Селе. Отец ее был владельцем кумысо-лечебного заведения. Имела она многочисленных братьев и сестер. Их было 12 человек. У многих из них была необычная судьба. Ее старший брат Александр был социалистом-революционером и, сидя в одиночной камере, по невыясненным причинам покончил с собой. Смертная казнь ему не грозила, с товарищами по партии осложнений не было. Тюремные условия царского времени были сносными. Бабушка, хотя уже и в преклонном возрасте, была проницательной и догадывалась, что я занимался "политикой".

Она все страдала меня его трагической судьбой. Другой брат, Миша, был летчиком, окончил Гатчинское летное училище и погиб в воздушном бою, в начале Первой мировой войны. Сестра Ксения, замечательная красавица, узнав о неверности мужа, повесилась на дереве в собственном саду в Курессааре (бывш. Аренсбург). Сестра Евдокия работала бухгалтером, пережила блокаду Ленинграда и награждена советским трудовым орденом. Вот некоторые из судеб.

В 1906 году дед сделал моей бабушке предложение и через несколько месяцев они повенчались во Владимирском соборе в Петербурге. В 1907 году, уже в Белостоке, у них родилась дочь Ольга — моя будущая мать, а через два года в Гатчине — сын Борис, мой дядя. Позднее семья оказалась в Эстонии и стала там жить. В 1926 году мать закончила классическую русскую гимназию в Таллине. Экономическая обстановка в молодой республике была нелегкой. Продолжать образование она не смогла. Обладая прирожденным даром рисования, она стала работать свободной художницей. Рисовала картины и набрасывала эскизы новых моделей одежды. Заказов не всегда хватало. И приходилось подрабатывать на кондитерской фабрике "Кавэ", завертывая конфеты. В это время, в восточной Эстонии, открывался сланцеперегонный завод "Кивиыли". При нем строился промышленный поселок, создавался сланцевый карьер. Завод предназначался для производства жидкого топлива, от высокооктанового бензина до "тяжелых масел" включительно. Там срочно требовались врачи, и дед вместе с семьей переезжает туда жить.

В начале 1932 года, на одной из вечеринок, во время игры в лото, происходит знакомство моей матери с отцом. Мать поразила воображение отца, и он страстно в нее влюбился. После его признания она гордо ответила: "Я стою десятерых таких, как вы..." Однако после определенного периода высокомерия, "образованная барышня" стала отвечать взаимностью...

Несколько слов о предках отца... Мой дед по отцу Алексей Макарович Солдатов происходил из потомственных

рязанских крестьян. Большинство его предков несли военную службу при московских царях. На это указывает и фамилия. В прошлом веке они переселились на Северный Кавказ, приписавшись к кубанскому казачеству. И мой дед родился в станице Елизаветинская. Будучи старательным и не без способностей, он на "медные гроши" кончил школу. Затем поступил в коммерческое училище. После окончания училища он стал работать таможенным инспектором. Служба началась в Керчи, потом продолжалась в Риге и в Архангельске. Дед был по-крестьянски суровым, строгим и даже деспотичным по характеру. Он был очень набожным и к службе относился честно. Где-то в конце 19 века, служа в Керчи, он женился по любви на юной, красивой дочери одного из сослуживцев — Анне. Среди предков моей бабушки по отцу были не только славяне. Был грек-эмигрант, не выдержавший турецких притеснений веры и соплеменников в своей древней, чудесной стране. Он начал бороться с турецкой администрацией. Не желая сдаваться наступающим его властям, он спешно покинул свою родину. Рискуя жизнью, он пересек бурное Черное море и приехал в Крым. Здесь с давних времен проживала греческая община. От Анны и Алексея, в 1894 году, в Керчи, младшим из детей, родился сын — мой будущий отец. Его называли Иваном. У отца было три сестры. Об их судьбе я ничего не знаю. Их следы теряются в Архангельске. Кажется, их репрессировали в 1929 году.

Иван очень любил свою мать, но не сошелся с отцом. Когда началась Первая мировая война, Иван захотел пойти добровольцем на фронт. Поскольку он не был военнообязанным, то суровый отец строго-настрого запретил ему это. Но моего отца было трудно остановить. Он был достаточно упрямым и вскоре тайно убежал в действующую армию. Его бегство, как считается, привело к тому, что дед с горя заболел и скоро скончался. Вскоре за ним последовала и бабушка Анна.

Мой отец, прошедший военную выучку, был на фронте под Ригой и даже в русском экспедиционном корпусе во

Франции. Дошел такой эпизод, характеризующий отца. Их везли на военном транспорте из Архангельска во Францию. Около норвежского порта Берген их выследила немецкая подводная лодка. Обладая острым зрением, отец заметил на поверхности моря фосфористый след стремительно несущейся торпеды. Торпеда шла на корабль и гибель казалась неминуемой. А он продолжал лежать в гамаке. И даже не шелохнулся, когда на корабле началась паника. Но все обошлось... Делал он это не из отваги, как мне кажется. Хотя отвага тоже была ему свойственна. Дело было скорее в присущей ему демонической гордости. Она часто доходила до высокомерия и не позволяла ему проявлять страха даже перед лицом смертельной опасности. Он никогда не терпел унижения. Но других... унижать любил.

Затем, в конце войны, он снова очутился в России. Специальности не имел никакой, но воевал неплохо. И вот, на короткое время, судьба заносит его в Северо-Западную армию генерала Юденича, воевавшую против красных. Из этого факта и из ряда его высказываний можно сделать некоторые выводы. Он скрывал свои политические симпатии. Но, видимо, он питал определенные теплые чувства к строю предвоенной России, вполне вероятно, даже к особе последнего российского царя Николая II. Что касается судьбы других, нерусских народов, вопроса их самоопределения, то он был к этому безразличен. Во всяком случае, возражениями или высказываниями на этот счет, он меня не удостаивал. Антисемитом он не был, хотя и не прочь был поиронизировать на уровне анекдотов. В церковь иногда ходил, но был довольно прохладен к религии. После демобилизации, во всем разочарованный, но полный сил и небесталанный, он начинает трудовую жизнь в Эстонии. Сначала работает на лесоповале в лесничестве Туду. Затем, в середине 20-х годов, переезжает в Кивиули. Там он работает рабочим в сланцевом карьере, шахтером и минером на шахте. Благодаря известным способностям, он был затем взят оператором в печной цех сланцеперегонного завода. Здесь он проявил недюжинную инженерную смекалку в модернизации

и отлаживании сланцевых печей. За это он был назначен мастером смены. Выбившись в "люди", он все чаще начал появляться в местном русском обществе. Ходил в гости, посещал вечеринки, участвовал в мероприятиях, праздничных играх и собраниях. Его везде хорошо принимали. И надо сказать, что он умел производить впечатление — умный, начитанный, с чувством юмора, в обаянии молодости.

Здесь-то, на одной из вечеринок, и произошла та роковая встреча отца с моей матерью. Они встретились, чтобы без памяти влюбиться друг в друга... — и навсегда расстаться смертельными врагами! Но тогда все сулило, казалось, долгое и безоблачное счастье... Они понравились друг другу, завязался роман, стали встречаться. И вскоре отец сделал ей предложение... Но не тут-то было. Обо всем узнали бабушка и дед. Поднялась паника, и дело затормозилось. Мой отец, хотя и способный человек, был в их глазах необразованным рабочим. И не пара их образованной дочери. Дошли также сведения о прежних амурных похождениях отца. Да и духовенство жаловалось на нерадивость отца к делам церковным. Кроме того, на руку и сердце их дочери претендовало два солидных жениха — один молодой, способный инженер, другой — сын крупного домовладельца. Да, видимо, и само родительское сердце безошибочно и верно чуяло недоброе... И бабушка всей силой своего решительного и властного характера решила воспрепятствовать браку. "Не видать Ваньке Солдатову моей Ляли, как своих ушей" — твердо отрезала она. И Ляля была заперта в родительском доме, с грозным приказом немедленно порвать все отношения с моим будущим отцом. Но мать проявила неслыханное упорство и строптивость. Она заявила: "У него глаза, как звезды... Я выйду только за него... Или повешусь!" Напрасно бабушка, со слезами на глазах, — что было явлением чрезвычайно редким! — умоляла ее забыть его, предлагала взять деньги, уехать на Пярнуский курорт или за границу. Все было впустую. Тогда бабушка пригрозила родительским проклятием, и строгости домашнего ареста были усилены. Дело становилось притчей во языцех. Мнение поселковой

общественности разделилось: кто был за, а кто и против намечаемого брака.

Отец решил вопрос по-своему. Он нанял коляску с двумя лихими конями в упряжке, незаметно подошел к ее дому и скрытно вывел ее к ожидавшей паре "вороных". И, затем, на полном скаку погнал их в ближайшее волостное управление Эрра — зарегистрировать брак. Возвращались торжественно — медленно, через весь поселок. Новоявленная супружеская пара предстала пред грозные очи бабушки и сказала: "Ну, поздравьте нас!" На что бабушка гневно ответила: "Не было моего благословения — не будет и поздравления!" Отец, взяв за руку молодую жену, повернулся было уйти... Но деваться некуда — дело сделано! И они были милостиво оставлены, "для разговора". А вскоре "Ваньке Солдатову" пришлось сказать: "Иван Алексеевич! Пожалуйте к столу. Отведать хлеба-соли. И чем Бог послал". Бабушка была отменной хозяйкой, а отец смолоду любил поесть.

Но брак оказался несчастливый. Сам отец это тоже предчувствовал. И за свадебным столом, уже пьяный, вдруг, к удивлению гостей, снял обручальное кольцо и бросил его так, что оно со звоном покатилося по полу.

Правда, трудно было найти людей более несовместимых по душе, чем мои родители. Отец — человек бывалый, деятельный, практичный, изматывающий себя в напряженном труде. Мать — женщина избалованная, малоподвижная, бесхозяйственная, погруженная в чтение романов, рисование картин и неопределенные радужные мечты. Оба были высокого мнения о себе и ни в чем не желали уступать друг другу. Начались недоразумения вроде следующего. После одиннадцати часов рабочей смены отец приходил домой усталый и голодный, как волк. Требовал есть. Мать ставила на стол мелко нарезанные огурцы, политые уксусом. Отец, не говоря ни слова, бросал тарелку на пол и, громко хлопнув дверьми, убегал в ближайшую закусочную. С другими домашними заботами было то же самое... Начались напряженности и с ее родителями. Учащаются беседы следующего рода. Дед: "Моя дочь знает бином Ньютона. И не обязана

стирать твои портянки!” Отец: ”А я тебе сам доказал бы бинном Ньютона... Только твоя лысая голова ни черта не поймет!” Дед в гневе поднимал палку, чтобы ударить обидчика. Но отец, более быстрый и ловкий, схватывал палку и с треском ломал ее о свое колено...

Мое рождение не только не изменило, но еще более ухудшило супружеские отношения. Уход за ребенком — дело не простое. Это знают все матери. И непрактичность моей матери выявилась при этом еще резче. К тому же выяснилось, что у отца от одной молодой эстонки есть дочь. Она родилась на пять лет раньше меня. (В конце 30-х годов я познакомился с Верой. Это была очень симпатичная девочка, хорошо ко мне относившаяся. Но отец и ее не пощадил. И однажды, на моих глазах, невзирая на мои вопли-протесты, выпорол ее. Вид избиваемой девочки мне запомнился на всю жизнь. И это еще больше испортило мои отношения с отцом. Во время войны, в 1944 году, у Веры произошла какая-то романтическая история, и она эвакуировалась в Германию. Я слышал, что она проживала где-то в ФРГ.)

Отношения моих родителей близились к неизбежной развязке. В конце концов у матери с отцом происходит драматический разговор: ”Знаешь, Ваня, мы не подходим друг другу... Разойдемся по-доброму... А ты будешь мне помогать растить Сережу!” — ”Так только ради этого ты выходила за меня?” — ”Во всяком случае, я сжигаю корабли!” — ”А я щепки спасать буду!” — грозно клянется отец. Вскоре они разошлись. И — увы! — навсегда.

После разрыва с матерью отец начинает жить с молодой и очень милой эстонской женщиной — Ландой Лаос. Она уже давно симпатизировала отцу. И крах его семейной жизни их сразу сблизил. В канун Пасхи отец умудрился выкрасть меня у матери. Мне не было тогда и десяти месяцев. Полиция не вмешивалась. Было подано заявление о разводе. И ожидали решения суда — кому будет доверен ребенок. Поскольку отец работал, а мать — нет, то решение могло быть в пользу отца. Начался многолетний и громкий бракоразводный процесс. В то время очень редко подавали на раз-

вод. И власти очень неохотно расторгали браки. Для развода требовалось нечто большее, чем неверность или несходство характеров. Ланда — чудесная и многострадальная женщина, заменила мне мать. Не имея собственных детей, она была матерью не за страх, а за совесть. Она была и общественницей — членом Найскодукайтсэ (Женская защита очага), эстонской полувоензированной организации женщин. Встречные и вполне естественные попытки матери меня похитить были безуспешными. Я остался на попечении отца.

Но и в судьбе отца наметился решительный перелом... В 1936 году на Кивийльском заводе началась прогремевшая на всю Эстонию забастовка. Она проводилась в связи с требованием о повышении зарплаты и об улучшении условий труда. Мой отец, хотя и занимал на заводе почетное и хорошо оплачиваемое место, оказался одним из ее организаторов. Видимо, в пик "эстаблишменту". Он подошел во главе явившейся в полном составе смены к заводским воротам и отказался войти в них. Был вызван директор завода, кажется, его звали Кельцер. Увидев отца, он сказал: "Иван Алексеевич! Вам не место среди забастовщиков. Проходите, пожалуйста, на территорию". Отец, гордо подбоченясь, ответил: "За моей спиной стоит смена. И я отвечаю за каждого из них". "Ах, даже та-ак!" — изумленно протянул директор... И отца немедленно уволили с "волчьим билетом", т. е. без права поступать на другие заводы. Однако, зная его способности, ему предложили компромисс — выйти на "плац", т. е. на погрузку-выгрузку железнодорожных вагонов. И после определенного срока обещали восстановить на должности мастера. Но гордец отказался наотрез и вместе с Ландой и со мной переехал в пос. Силламяэ Вайваравской волости. Здесь мы поселились у родственников Ланды, и отец безуспешно пытался устроиться на местный сланцевый завод.

Дом стоял напротив местной православной церкви, которая навсегда осталась в моей памяти. Как не вспомнить слова Некрасова: "Вся бела, вся видна, при луне, Церковь старая чудится мне..." И действительно на холме, на стыке ста-

рого и нового шоссе, стояла белоснежная, изумительно красивая церковь, с яркозеленым шатром и позолоченными узорчатыми крестами. С ее колокольни по субботам, воскресеньям и праздничным дням раздавался торжественный благовест... Уж давно и церкви нет. Но по сей день в моих ушах звучит малиновый звон ее колоколов. После жизненных неудач отец еще больше отошел от церкви. Меня же туда потянуло. Я познакомился с местным батюшкой Александром, с матушкой и с дьяконом Полетаевым, по своему почину ходил на церковные службы. Отцу это не очень нравилось. Он был очень мнительным и считал, что через кого-то ведутся "Ольгины интриги". Но детское чутье уже тогда говорило мне, что за всей этой природой, небом, птицами, цветами, камнями, солнцем, морем стоит некая загадочная и непостижимая Высшая сила. И то, что я теперь слышал и видел в церкви, лишь переливало смутные ощущения в точные образы. Помню, однажды отец дал мне 10 крон на покупку продуктов в лавке. Это была для меня неслыханно крупная сумма. Такого богатства я еще в руках не держал. Но вместо лавки я пошел в церковь. Торжественность и благолепие богослужения тронули меня до глубины души... у меня из глаз хлынули слезы. И в конце службы, во время обхода прихожан церковными служками, я бросил на поднос для пожертвований все, что у меня было. Узнав об этом, отец ужасно рассердился, но побить почему-то не решился. Я никогда не врал отцу. И он это знал. В затруднительных случаях я просто молчал. Но заниматься сочинительством считал для себя унижительным.

В Силламяэ отец начал вести жизнь не "вольного каменщика"! — но вольного строителя и мастера на все руки. И в этой немудреной по названию работе окончательно раскрылась одаренность отца по преобразованию материи в полезное и красивое. Слава о его "золотых руках" переживет его работу, и он будет до старости заниматься ею. Отец обладал хорошим вкусом, был аккуратен, изобретателен и точен во всех работах, которые ему посылала судьба. Он мог делать почти все, что составляет материальную сторону

человеческой жизни. Делал быстро и с высоким качеством. Он золотил иконы, лудил, паял, чинил, выпиливал, строгал, столярил, слесарил, вставлял стекла и крыл крыши, складывал печи и плиты, клал каменные стены и фундаменты, строил целые дома. И главное, как волшебник-чародей, отделывал жилые помещения домов. Каких только сочетаний красок и оттенков он не подбирал, каких только причудливых узоров и рисунков не создавал, приводя в восторг людей даже с самым взыскательным художественным вкусом! Но в людских душах он разбирался плохо, внося туда хаос и разрушение...

Его блестящее строительное и ремесленное мастерство принесло ему среди населения заслуженное уважение и славу, а значит и неплохие доходы. Он был честным человеком, ни на кого не доносил, никого не выдавал, не шел на сближение ни с одной властью. Благодаря этой славе и аполитичности, а также из-за постоянной нужды населения в его работе, ему прощали все, что происходило в его частной жизни, в его доме. А происходило неладное. Он ощущал, что неудачный брак закрыл ему дорогу в интеллигентные круги, а увольнение оборвало его карьеру. Он представлялся себе отвергнутым, неоцененным и непонятым.

Разочарованность, мизантропия, своеобразный "байронизм" станут постоянными свойствами его характера. Его гордая, способная, но себялюбивая натура была оскорблена до глубины души. Он хорошо зарабатывал. Но деньги не шли впрок, не создавали достатка. Он не чувствовал в себе сил, чтобы повернуть свою жизнь согласно честолюбивым замыслам. И он начал пить. И пропивать все заработанное. Загул длился неделями. Он часто уезжал в ближние города — в Нарву, Раквере, Йыхви. И там с шиком, со случайными друзьями и подругами, до нитки пропивал все. Потом возвращался домой, опустошенный и озлобленный, вымещая зло на близких. Участились домашние скандалы. На меня и на Ланду все чаще начал обрушиваться град побоев. Ланда все чаще стала уходить из дома и подолгу не возвращалась. В эстонских семьях редко бьют женщин... Я это тяжело

переживал, тайно плакал и все больше замыкался в себе.

С родными Ланды отец поссорился. И нам пришлось переехать в дом Чижикова, неподалеку от волостного Народного Дома. Но перемена места не преображала души, не меняла сути. Не было счастья и на новой квартире. Со временем вся эта семейная неурядица получила трагическую развязку, которой я был свидетель и к которой все неуклонно шло. Как сейчас помню эту ужасную сцену... Летний душный день. Отец точил, "правил" напильником зубья дуговой пилы. Дзи-дзинь! Дзи-дзинь!... Звонко-монотонный звук прерывался нервной, возбужденной речью Ланды. Ланда упрекала отца за бесконечное пьянство и неверность. Отец зло орал на нее и, под конец, ударил ее пилой. Раздался дикий крик, брызнула кровь. Ланда закричала, что она сейчас же примет "мыльный камень". Так назывался крепкий щелочной раствор, использовавшийся при варении мыла. Отец, видимо, считая это пустой угрозой, насмешливо бросил: "Пей хоть целое ведро!" Ведро она пить не стала. Но тут же наполнила стакан "мыльным камнем" и отпила из него. Дальше — душераздирающий стон... Ланда выбежала на улицу, около уголков ее рта пузырилась кровавая пена. Сбежались соседи, начался шум, пытались откачать... Скоро за ней приехала "скорая помощь", и Ланду увезли в Нарвскую больницу. Там ей с трудом спасли жизнь, но ненадолго. Домой она уже не вернулась и уехала к сестре Эльмире в Таллин. Там по следам внутренних ожогов у нее начался рак пищевода, и она скоро умерла. Мы с отцом ездили в Таллин ее хоронить. Она похоронена на кладбище Лийва.

Так в мою жизнь вошла первая осязаемая смерть. Все бремя забот в первые годы моей жизни легло на плечи покойницы. Она была доброй матерью. Я не совсем отчетливо помню ее образ. Но в моей бессознательной памяти осталось смутное воспоминание о ней, как о ком-то очень близком и хорошем. С нее начинается скорбный счет моих грехов перед людьми. В течение следующих четырех десятилетий я за жизненной суетой, тревогами и заботами так и не сумел найти ее могилу и поклониться ей. Сначала это не приходило

в голову. Потом казалось, что спустя 30 лет могилу невозможно разыскать. Наконец, возникло решение отложить розыски до лучших времен. Но "лучшие времена" продолжались уже в тюрьме и в лагере. А на смену лагерю пришла граница. Говорят, что перед тонущим в несколько мгновений проходит вся его жизнь. Я такой случай в жизни пережил. Это было в отроческие годы. Но что-то подобное я прочувствовал также в одиночной камере Лефортовской тюрьмы, перед отправкой в психбольницу имени Сербского. Это было уже в 1975 году. В те просветляющие ночи, когда не чаял я уже и в живых остаться, вспомнились мне мои прегрешения перед людьми. И мысленно каялся перед ними. И просил прощения у Бога. Тогда, в первую очередь, я вспомнил о Ланде.

Порою судьба дает нам один-единственный шанс воздать кому-то добром, искупить зло, исполнить долг перед совестью, перед отдельным человеком или перед всеми людьми. А мы этот шанс беспечно упускаем. По слепоте. По неведению. По загубленности души. Или так безнадежно опаздываем, что вернуть уже ничего невозможно. А судьба уже не повторяет, не возвращает потерянного мгновения.

Вынужденные долгие отлучки Ланды, а потом ее уход из семьи, а затем и из жизни, резко ухудшили условия моего детства. Отец был умным, одаренным, физически очень сильным человеком, но обладал деспотическим, необузданным, неуравновешенным характером. Все чаще время напряженной работы по всей волости чередовалось днями беспробудного пьянства. Целыми днями, а то и неделями его не было дома. А режим моего содержания он организовал гениально просто. На кухне поставил ведро для естественных нужд, а меня запирали на ключ. И я оставался один в двух комнатах, часто в течение нескольких дней. С пищей было еще проще. В подвале кухни отец оставлял 3-литровую манерку с молоком. Я насыпал в миску немного овсяных хлопьев — "геркулеса", как тогда называли, наливал молока и добавлял две-три ложки сахара. Варить или жарить на примусе мне не доверяли — боялись пожара. Я настолько

привык ко вкусу овсянки, что это пригодилося мне на всю жизнь. (Тридцать пять лет спустя я попаду во второе, менее удобное заключение, и выдаваемая там изо дня в день овсяная каша будет давно знакомой и привычной пищей.) Моей обязанностью было подметать и мыть пол, мыть посуду и расставлять вещи по заданному порядку, а также учить русскую азбуку. За малейшие упущения и за неумение применить выученную назубок азбуку к чтению, отец меня строго наказывал. Он часто бил меня наотмашь по лицу, так что искры сыпались из глаз. Либо, зажав мою голову между коленями, нещадно драл кожаным ремнем. Все сопровождалось, конечно, руганью. Боль я терпеть умел, но оскорбляли унижения и несправедливость. Вся эта хваленая школа воспитания, основанная на отрезанности от мира и на жестокости, оказала глубокое влияние на мою душу и имела последствия, неожиданные для отца.

Во-первых, потерю действительного мира я попытался восполнить миром книжным. Дома лежали кипы газет — эстонские "Рахвалехт" (Народная газета) и "Пяевалехт" (Ежедневная газета), а также русская газета "Нарвский листок". В газетах сериями печатались романы в картинках. Это были приключения загадочного Фантома, забавной мыши "Микки-Мауса", ковбоев на Диком западе, сказочной утки "Пийлу-парт", хитрого Ханса и другие. Я без конца перелистывал эти газеты и жадно впивался в картинки, пытаюсь понять их содержание и смысл. Я уже знал наизусть эстонскую и русскую азбуку. Но никто не умел научить меня соединять звуки букв в слова. И лишь сильное желание узнать суть действий, происходящих на картинках, совершило чудо — я внезапно, без всякой помощи извне, научился читать эстонские слова. А затем и русские. Так, еще в пятилетнем возрасте, невольно и случайно, я овладел грамотой. Но этого открытия хватило ненадолго.

Я все больше начал задумываться, замыкаться, уходить в себя. Произошел душевный перелом. Словно какая-то молния ударила в сердце, а я не умер. Остался жить. Стал жить в новом и необычном мире. Так будет еще не раз.

Мне в темноте стали являться видения. В нашей квартире не было электричества. А керосиновую лампу отец зажигать не давал, боясь пожара. И вот, начиная с вечера и всю ночь, комната стала наполняться странными существами самого причудливого облика. Сначала это были смутные тени. Потом они приобретали окраску и свечение. Со временем я начал воспринимать звуки — щелканье, визг, скрежет, треск, стук и даже грохот. Еще позднее я начал чувствовать их прикосновение — щипание, жжение, толчки, сжимание и дерганье... Сначала я старался не обращать на это внимания. Затем начал бросать в них попадавшими под руку предметами. Наконец, брал отцовский топор, вжимался в угол комнаты и принимал оборонительную позицию... Ничто не помогало... Тогда я бросался на кровать, закрывал голову одеялом и, со слезами отчаяния на глазах, принимался жарко молиться: "Дорогой и хороший Боженька! Помоги мне отбиться от злых ангелов..." И что-то еще. Для убедительности я складывал крестом не только руки, но и ноги, ставя под прямым углом одну голень к другой. И перед глазами возникало белоснежное облако, вспыхивавшее голубым, розовым и золотистым цветом, принимающее образ человекообразной звезды. Лилась неведомая музыка и звучали звонкие слова. Происходило и многое другое. На меня нисходили тепло, свет и покой. Затем я засыпал крепким сном, умиротворенный и сильный. Утром я подбирал разбросанные вещи — следы ночного боя. Но вечером и ночью все повторялось снова...

Однажды утром, когда я еще спал, вернулся отец. Он открыл ключом дверь — и увидел "мамаево побоище". Сначала он так обомлел от изумления, что даже не стал меня бить. Потом приступил с грозным допросом. Но у меня уже не было с отцом доверительных отношений. Я был нем, как рыба. Это еще больше его озадачило. Отец, перебрав в своем уме десятки теорий и предположений, остановился, наконец, на одном — "Сергей делает мне назло...". Что за этим "открытием" последовало, не трудно догадаться... Однако ночных тайн он от меня так никогда и

не узнал. Таинственные наваждения и очистительные молитвы повторялись...

И тогда произошло третье событие, перевернувшее мою жизнь еще раз. Однажды рано утром я проснулся и, не одеваясь, подошел к окну. Прямо в окно, сквозь легкую пелену тумана, смотрело утреннее, ласковое солнце. Я был ослеплен его ярким светом, ощутил тепло его лучей. В вишневом саду, ликуя, щебетали птицы. А вдали, за светло-желтыми ржаными полями, виднелась неподвижная бирюзовая полоска моря. Я приоткрыл крохотную форточку. Оттуда хлынул опьяняющий аромат полевых цветов, вишневых деревьев, зеленых лугов и всей проснувшейся, распаренной земли. И на меня снизошло какое-то откровение. На глаза навернулись благодарственные слезы. Я почувствовал внутреннее просветление и внезапную решимость. В меня вошла неведомая, Бог весть откуда взявшаяся сила... Я схватил отцовский молоток и со страшным звоном вдребезги разбил окно... Переплет рамы разбить не удалось... Дальше, не помня себя, я пополз наружу, порезав живот о торчащие в раме осколки стекла. Боли я не чувствовал. Затем, с высоты приблизительно в человеческий рост, я сорвался вниз и грохнулся головой о землю. Сознания я не лишился и со всех ног побежал по двору. На противоположном конце дома жила немецкая женщина г-жа Гофман. Она меня увидела и страшно испугалась — к воротам двора бежал полуголый мальчишка с окровавленным животом и с разбитой головой, но радостный и смеющийся... То была радость обретенной свободы. Шрам с того самого утра и до сегодняшнего дня остался на моем животе. Он напоминает мне о первой, еще бессознательной борьбе за свободу. Сначала г-жа Гофман меня перебинтовала. Затем накормила, вызвала врача и сообщила отцу на работу. Отец прибыл очень быстро. Он со зловещим спокойствием властно подошел ко мне и с деланной заботливостью, словно бы ничего не произошло, сказал: "Надо идти домой... Ты, наверно, есть хочешь?" Дома, наедине, он избил меня так зверски, как никогда ранее. Он заявил, что следующий раз будет

драть меня как "сидорову козу". Он хорошо владел образным русским языком. Вставив стекла, он снова запер меня, и, убрав молоток, ушел.

Но уже на следующее утро, вооружившись деревянной толкушкой, я снова выбил свежевставленные стекла и оказался снаружи. На этот раз я был более осмотрительным и предварительно выбрал из рамы осколки стекол. Я отделался лишь ушибом, падая из окна на землю. Вечером последовало... непередаваемое на словах. Корчась от нестерпимой боли, я кричал, что подожгу дом. Тогда отец, уже не помня себя, стал бить меня железной пряжкой своего офицерского ремня, да так, что на мне уже живого места не оставалось. Выбившись из сил и отрезвев, он, видимо, сам испугался моего истерзанного, окровавленного вида. Боясь загноения и заражения крови, он тут же начал меня мазать иодом, какой-то желтой жидкостью и белой мазью. Затем снова вставил стекла. Утром ушел, пообещав драть так, что "небу жарко станет". Но на третий раз я выбил уже не только стекла. Превозмогая боль и напрягая все силенки, действуя кочергой и утюгом, я умудрился разбить и весь оконный переплет. И почти по всей высоте... Этого для выхода наружу уже явно не требовалось.

Вернувшись и увидев вконец истерзанное окно, отец растерялся. Что-то в нем дрогнуло. Он не понимал больше, что со мной происходит и что со мной делать. Наказывать дальше уже некуда. Убить тоже нельзя. Ответственность... Да и вся волость начинает обращать внимание. Побил легко, лишь для порядка. Но мне уже было все равно. Я знал, что пока жив и руки не связаны, — буду вновь и вновь ломать эти проклятые окна или сожгу этот ненавистный дом, ставший моей тюрьмой, почти гробом. Толк в спичках я уже знал. Каким-то волчьим чутьем это понимал и он — мой родной тюремщик-жизнедатель. Наутро отец сдался, и, швырнув мне ключ, прогремел: "На, дрянь паршивая! И чтобы к моему приходу комната была подметена!" Затем он, пообещав в случае чего угрохать, хлопнул дверью и ушел. Я не сразу понял, что это была победа! Победа, ко-

торая никогда не дается без усилий и жертв! Победа, ценой которой бывает иногда сама жизнь!

В морозное, январское утро 1981 года я вышел из советской тюрьмы... И я верю, что психологическое состояние моих тюремщиков-жизнеотнимателей было сходно с настроением моего тюремщика-жизнедателя, в то летнее утро 42 года назад. Ибо воплощалось тогда в них обоих сходное, хотя и не равное начало. И действовали они, по существу, одинаково.

Президент Чехословакии Томаш Масарик вспоминал, что он уже в шесть лет стал сознательным социалистом. Неуместно и нескромно сравнивать несоизмеримые величины, но мне думается, что в том же возрасте я провел свой первый, еще бессознательный бой за свободу. И завоеванная свобода была преддверием в рай, дорогой к Любви!

Я всегда любил природу; тянулся к свету и теплу, струящемуся от нее; восторгался красотой, обнаруживаемой в ее многоцветных, многозвучных и многоароматных образах; желал мудрости, скрытой в ее непостижимых проявлениях. И я всегда переживал вынужденный отрыв от нее. Жизнь налагала свои собственные цепи. Отлитые из света. Выкованные из тьмы. Железные. Золотые. Невидимые. Непостигаемые. Но тогда, в детстве, она раскрывалась мне щедро и вся, в своем первобытном очаровании. Я начал жить по солнечному календарю, вскоре после восхода уходил и незадолго перед закатом приходил. Не было леса, кустарника, луга или ручья в окрестности, которые я не исходил и не исследовал вдоль и поперек. Я залезал на высокие деревья, часами наблюдал за кипуче деятельным муравейником, следил за быстрым полетом птиц и бабочек, собирал цветы и травы, ел дикие ягоды. Людям казалось, что я голоден. Они замечали, что я покрыт ссадинами, синяками и волдырями. Для них было загадкой, где я пропадаю целыми днями. Но мать-природа давала мне все — и питание, и лечение, и занятие. И в каждое время года она давала свое, особенное, сокровенное. Нужно было лишь учиться. Быть ее прилежным и послушным учеником. Нуж-

но было уметь приложить к поврежденному месту лист подорожника или мать-и-мачехи. А можно залепить его смолой вишневого дерева или серебристой паутиной. Прикрыть напеченную голову папоротником. При больном желудке есть чернику. Надо было уметь есть листья кислого щавеля или луковицу сладкого горьчичника, жевать стебельки первоцвета или заячьей капусты. Есть сырую брюкву и морковь. Печь картошку в пепле костра. Там же в консервной банке испечь досладка головку лука. Сбирать землянику и чернику, малину и бруснику, черемуху и клюкву. Пить березовый или кленовый сок. Или просто ждать, когда муравьи обрызгают обструганную палочку, положенную в муравейник, и облизать ее. А уж занятиям и забавам природа учит бесконечно. Надо было уметь посплюнуть дугообразную травинку и через полученное "стекло" как можно дольше смотреть на мир. Из большого кленового листа сделать корзинку. Из водяной лилии и ее стебля — ожерелье. Из стеблей одуванчика — цепь. Из еловой или дубовой коры выстругать лодку, приделав парус из птичьего пера. Из ветки молодой ивы смастерить свисток. Из полого ствола дудника сделать ружье и, дуя в него, обстреливать приятеля ягодами можжевельника. А из ствола можжевельника — прогулочную трость с вырезанными на ней узорами. Протянуть через пальцы стебель тимopheевки и проверять догадливость приятеля вопросом — "петух или курица?" С силой ударить по прижатому к торцу кулака сиреневому листу и произвести оглушительный "выстрел". Или, прижав лист к губам, выводить музыкальные трели. Сплести плетень из трех жилистых стеблей водорослей и биться с "противником" до победы или изнеможения. Гадать на ромашках. Строить шалаш. Разжигать костры... Да счет можно вести до бесконечности. Рыбная ловля не прельщала — невыносимой казалась судьба червяка и рыбки. Но стрельба из лука, сделанного из гибкой лозы орешника, и метание камней были освоены превосходно!

Вообще оборонительные инстинкты были во мне сильно развиты с самого детства. Я не любил сильных и агрессив-

ных парней — они немножко напоминали мне положение дома. В случае обид я сразу хватался за камни, чтобы покарать самого злостного. Мою меткость знали и благоразумно отступали. Но я предпочитал и верно дружил с ребятами-сверстниками, душевными, ко всему благожелательными, с изобретательными затейниками и с интересными рассказчиками.

А на море — о, Господи! — у дивного моря надо было знать еще больше. Уметь изготовить посуду из морской глины. Из песка, камней и глины строить дома, крепости, плотины, целые города и сооружения. На соревнование бросать на морскую гладь плоские камешки — да так, чтобы они лягушкой пропрыгали по ней бессчетное число раз. Найти особые "звонящие" камни, сложить их в мудреное полое сооружение, бить по нему другим "звонящим" камнем и оглашать весь берег "колокольным" звоном. В "водяной" войне обязательно перебрызгать других. А в песок зарываться так, чтобы из него торчала лишь дыхательная трубка из березовой коры.

Но самым главным чудом было само беспредельное море! Я мог с утра и до самого вечера находиться на его золотистом берегу, смотреть в его бесконечную даль, кувыряться в его волнах, строить плотины на впадающих в него ручьях, рыть колодцы, сооружать пещеры, башни, мосты и целые города, благо песка, глины и камней кругом вдоволь. Друзья-мальчишки прозвали меня "казвумейстер", а потом "таммимейстер" (соответственно — колодезный и плотинный мастер). С морем у меня на всю жизнь возникла таинственная и близкая связь. Величавое море таило в себе что-то загадочное, жило неведомой жизнью, было изменчивым в настроениях и крутого нрава...

Между тем, весть о моих приключениях дошла до матери. Что-то видимо всколыхнулось в ее сердце. Она жила километров за 50 от нас. По баснословной цене в 190 крон она наняла легковую машину, которых в 30-е годы еще было очень мало. Подъехала к нашему дому, увидела меня перед окном и сказала: "Я твоя мама... Хочешь покататься на ма-

шине?” — “Хочу...”. И машина помчалась до самого Кюттейуд. Так назывался поселок, где она жила. Здесь я впервые увидел бабушку и дедушку. Но все было очень непривычно и неожиданно. Мне было как-то неуютно, я не захотел остаться и настоял на возвращении. Отец, дабы “проучить”, подал на мать в суд. Он обвинял ее в том, что мать-де похитила не только ребенка, но и какие-то деньги. Началась судебная канитель — не выигрышная ни для кого и стыдная для всех. Отец, разумеется, все это выдумал...

Но шло время. И отец пошел на новую уступку — стал меня брать с собой на окрестные хутора, где он работал. Видимо, сказалось общественное мнение. Да и мои, слишком уж самостоятельные знакомства с крестьянами волости сыграли свою роль. В отце не все было отрицательно. И за многое я ему благодарен. Его жизнь оказалась изломанной. Во многом виноваты обстоятельства. Но еще больше ответственна его собственная воля. Иногда он бывал в хорошем настроении, рассказывал сказки и истории, учил песням, возил кататься на санках, проявлял заботу, пышно справлял Рождество, Пасху и мой день рождения. Звали и других ребят. Но здесь была доля работы на общественное мнение, — определенная доля показа. Все та же родная “потемкинская” деревня. Одежды он мне почти не покупал. Но зато любил гостям показывать хорошие детские костюмы, которые иногда посылала мать. Мне он их носить не давал. За это я ему даже благодарен — я всю жизнь скромно одевался. И в молодости, и в пожилом возрасте так и не научился франтить. Игрушек отец не покупал вовсе. Но зато, видимо из любви мастерить и для все того же “пускания пыли в глаза”, он создал лучшее в волости собрание игрушек. Была белая мельница с вращающимися крыльями. Был домик, с обставленными комнатами и освещенный внутри. Пушка с пружинным затвором, стреляющая ядрами. Самодвижущийся заводной автомобиль. Большой деревянный грузовик. Лошадь, запряженная в сани. Пасхальный заяц с мешком за плечами. Деревянный аэроплан с двумя плоскостями. Огромный жестяной паровоз.

Даже многие отцовские недостатки сыграли положительную роль в моей жизни. Через всю жизнь я пронес отвращение к водке, к курению, к мату и вообще к сквернословию, к насилию над людьми, особенно над женщинами. Прекращал отношения с грубиянами, наглецами и психопатами и, чаще всего, навсегда, Отец, невольно и своим примером, воспитал гордость, неприхотливость, готовность к труду, стояние на своем, чувство личной независимости, равнодушие к житейским потерям и умение кое-что делать своими руками. И была все-таки некая обоюдная привязанность, то обрывающаяся, то возобновляющаяся.

Итак, теперь мне открывался новый, интересный и живой мир. Этим миром был эстонский хутор! Надо сказать, что хозяйки, да и хозяева хуторов относились ко мне очень сочувственно и заботливо, считая меня сиротой. По их настоянию отец и стал брать меня с собой. На хуторе кипела удивительная и разнообразная жизнь. У лошадей были смешные и резвые жеребята, норовящие лягнуть, а то и укусить докучливых мальчишек, пытающихся залезть на них и покататься. На огороженном выгоне хрюкали и чавкали свиньи, розово-черные от грязи и сосредоточенно роющиеся своими пяточками в рыхлой земле. По двору, вокруг куриного семейства, бдительно и гордо расхаживал петух, время от времени отпугивающий предполагаемых соперников боевым кукареканьем, а соседский петух отвечал тем же. Возбужденно кудахтали куры, оповещая весь мир о свершившемся чуде — снесении снежно-белого яйца. Озабоченная наседка выводила гулять цыплят, похожих на звонкие, золотистые, пушистые шарики, словно катящиеся по земле, и храбро защищала их от ястреба. Надменно шествовал черный красноголовый индюк, внезапно разражающийся гневным клекотом. Вкрадчиво и бесшумно пробиралась на сеновал кошка — охотиться на мышей. Дружественно и вопрошающе тявкала собака, ожидая, чтобы я снова принес ей костей. К вечеру пригоняли с пастбища черно-белых, медлительных и большеоких коров, и вскоре началось их доение. Потом ставился ужин. Пища была про-

стая и сытная — яично-мучные соусы со свиной, овощами и картошкой, прохладное и очень вкусное молоко, налитое из бидона, только что вынутого из хрустально-чистого родника (любовь к молоку я сохранил на всю жизнь), краюха душистого ржаного хлеба со свежим цветочным медом...

По вечерам добрые бабушки, сидя за веретеном или вязанием, рассказывали сказки и пели песни. А бывалые дедушки, покуривая трубку, не спеша повествовали о былых временах, вспоминали смешные или странные истории...

Не обходилось и без приключений. Однажды я с отцом был на хуторе Оскара Эндлера, одиноко расположенном на лесистом западном холме Синих гор (Синимаяд). Они станут в 1944 году ареной кровопролитных боев. Десятки тысяч эстонских, немецких, а больше всего советских солдат сложат здесь свои головы. А от хутора не останется даже фундамента. Но в 1939 году пришлось там "повоевать" и мне. Каморку, где я спал, хозяин по ошибке запер на ключ. Утром, не разобравшись спросонья, я решил, что отец взялся за свои старые штучки. Я схватил висящий безмен и — трахх! — окно со звоном разлетелось вдребезги. Пришлось отцу объяснить перепуганным и изумленным хозяевам — дескать, он у меня того... с приветом! И, яростно матерясь, он принялся вставлять стекло. Бить при посторонних он меня не решался. В отличие от меня, отец был очень чувствительным к тому, что скажут люди...

Эстонский крестьянин проводил всю свою жизнь в тяжелом и настойчивом труде, наедине с прекрасной, но суровой, неласковой природой. Но любовное отношение и осмысленный труд давали свои плоды. И природа, в конечном счете, щедро вознаграждала его своими дарами. Первой, в 4—5 часов утра, вставала хозяйка — кормить свиней и выпускать коров на пастбище. За ней, кряхтя, выходил хозяин поить лошадей и с неторопливой основательностью готовиться к трудовому дню. К семи утра хозяйка успевала приготовить завтрак. Затем начиналась работа. Позднее, в час дня, начинался обед, а после этого 2—3 часовой перерыв

для сна. Потом снова работа, почти до заката солнца. Спать по крестьянскому обычаю ложились рано, в 9 часов вечера или чуть позднее.

Особенно тяжелое бремя несла хозяйка. Кроме семейных забот и ухода за детьми, надо было кормить и смотреть за другим многочисленным семейством — домашними животными, скотом и птицами. Надо было лечить, доить, чистить, стричь, пряхать, вязать, шить, мыть, стирать, сажать и собирать картошку, сгребать сено и жать рожь — работе не было конца и края. Кроме этого, надо было вынашивать, вскармливать, воспитывать детей, а потом еще ходить в школу на родительские собрания.

Но доставалось и хозяину. Весной и осенью нужно было вывезти тяжелый навоз и раскидать по полю. Направляя крепкими руками плуг и покрикивая на верного коня, вспахать каменистое и неплодородное поле. Затем бороновать, сеять, закатывать деревянным катком. Летом — косить и сушить сено, а затем стоговать его в конусообразные стога. Зимой оно развозилось на хутор или на полевые сеновалы. В конце лета начиналась жатва зерновых, скирдование и завоз на ригу. Туда привозилась молотилка, работающая от паровой машины или колесного трактора через ременной привод. На 1—2 молотилки было с десятков хуторов, нетерпеливо ожидавших своей очереди. Зерно быстро начинало осыпаться из колосьев. Поэтому молотьбу нужно было произвести быстро — за день или, в худшем случае, два. Для этого, по обычаю, устраивали "талгуд" (особый вид общественных работ).

Все трудоспособное крестьянство соседних хуторов приходило бесплатно помогать молотьбе.

Особого внимания требовало и молочное производство. После очень трудной утренней и вечерней дойки молоко процеживали, охлаждали и разливали в 10—15-литровые металлические бидоны. Хозяин вез их на телеге к шоссе и ставил на деревянный помост. Затем забирал находящиеся там пустые бидоны и возвращался обратно. И ни разу не было в волости случаев кражи молока, хотя оно часами

без всякого присмотра стояло на обочине очень людной дороги. Позднее приезжала автомашина-молоковоз, оставляла пустые бидоны, забирала полные и везла их на молокоприемный пункт. Он был построен на средства, собранные крестьянами. Там в мощных сепараторах отделялись сливки, которые везли на маслозавод. С маслозавода, расположенного у железнодорожной станции, уже готовые к экспорту 50-килограммовые ящики масла грузились в вагоны-холодильники и увозились в Таллинский порт для продажи за границу.

Эстонский крестьянин, обычно очень бережливый, не склонный к развлечениям и к праздности, строго исполнял все обычаи. Щедро и обильно, с участием огромного количества гостей, справлялись крестины и свадьбы. Поминки тоже сопровождалась большой выпивкой и проходили оживленно, хотя семья пребывала в глубоком трауре. Считалось, что хорошего человека и помянуть надо весело. Так же безусловно соблюдались праздники. Главным праздником было Рождество, отмечаемое 24—25 декабря. В сочельник в дом приносились зеленые благоухающие елки. Их украшали стеклянными игрушками и свечами. Вечером зажигались свечи, приходил Дед Мороз с огромным мешком подарков для прилежных и с пучком розог для непослушных детей. Дети читали заученные стихи и получали подарки. Разумеется, по ходатайству простивших родителей. Неделя от Рождества до Нового года была сплошным пиром.

Следующим праздником был День Независимости Республики — 24 февраля. В этот день в Народном доме и в школах проходили торжественные собрания, произносились патриотические речи, устраивались банкеты, ставились спектакли, выступали декламаторы, пел хор, танцевались народные танцы в ярких и красочных национальных одеждах. Все носило серьезный и торжественный характер, внушало уважение к национальной культуре и государственности...

Во второе воскресенье мая справляли День Матери. В отличие от некоторых других народов, образ Матери чтили.

В этот день дети, а также уже взрослые сыновья и дочери чествовали своих матерей, принося им цветы, как правило, голубые перелески с мелодичным названием "синилиль" (по-эстонски — голубой цветок); при этом читали милые и ласковые стихи. В школе и в народном доме этот день также отмечали торжественно. В ночь с 24 на 25 июня, под открытым небом, оживленно справляли Иванов день. Разжигался огромный костер, вокруг него танцевали или кружился веселый хоровод. Смелчаки пытались прыгать через костер. Иванов день всегда совпадал с моим днем рождения. И я из года в год видел запомнившуюся на всю жизнь феерическую картину. Поздно вечером на берегу моря поджигали несколько старых просмоленных лодок, поставленных стоймя и прислоненных друг к другу. И вверх, с шумом и треском, подымался такой мощный столб огня, что и небо, и морская поверхность до самого горизонта окрашивались в фантастический, багрянисто-розовый цвет...

Эстонская жизнь издревле вращалась вокруг двух центров, религиозного и культурного. Ими были — церковь и школа. Своими духовными и нравственными началами эстонский человек обязан пастору и учителю. Власть же была у русских и немецких чиновников. В годы независимости добавились еще административный и культурный центр — волостное управление (Валлавалитсус), и народный дом (Сельцимая).

Волостное управление ведало социально-административной и финансово-экономической частью волостной общины. При ней находилась полиция — 1 констебль и 2 его помощника. Этого было достаточно на две с половиной тысячи населения. Однако я не в состоянии вспомнить ни одного случая кражи, а тем более грабежа или изнасилования. Главными нарушениями были пьяные скандалы по праздникам, иногда заканчивающиеся дракой. Тогда виновных "воспитывали" резиновой дубинкой, доставляли на сутки в волостную кузку, а наутро выписывали штраф. Надо отметить, что каждый эстонец и финн, по обычаю, сызмала носил на поясе финский нож, с узорчатой наборной рукояткой и

в нарядном, кожаном чехле. И в очень редких случаях, на почве ревности или застарелых обид, потасовка могла закончиться ударом ножа. Тогда, в случае тяжелых последствий, виновного ожидали арест и суд.

О Народном доме мы уже говорили. Лютеранская церковь играла важную роль в жизни эстонца. Впрочем, почти 1/5 часть эстонцев принадлежала к православию. Ради справедливости следует отметить, что средний эстонец относился к вере несколько прохладнее, чем, например, средний литовец или те же местные русские. Так мне кажется.

Школа обладала также большим влиянием. Личность учителя пользовалась заслуженным авторитетом и уважением не только у детей, но и у взрослых. Начальная 6-классная школа была бесплатной и обязательной для всех. Посещение школы начиналось с 8-летнего возраста.

Таковы были, вкратце, обычаи, нравы и общее положение в одной из небогатых и неплодородных волостей северо-восточной Эстонии в конце 30-х годов. Таковым запомнилось мне мое раннее детство.

Глава 2

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В конце тридцатых годов с востока на маленькую, мирную и процветающую страну надвигаются черные грозовые тучи. Облака сгущались и над Европой. 23 августа 1939 года между Советским Союзом и Германским Рейхом был заключен так называемый "Пакт о дружбе и ненападении". Секретный протокол договора Молотова и фон Риббентропа предусматривал совместный, по историческому счету уже четвертый, раздел Польши. Предусматривал он и переход Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы "в сферу влияния" их восточного соседа, чьи захватнические аппетиты росли с каждым часом.

С точки зрения национальных интересов Польши, Финляндии и Прибалтийских стран пакт этот был злом, ибо означал конец их независимости, ставил под угрозу само существование их государств. Но с точки зрения национально-государственных интересов Германии он был благом, ибо нейтрализовал Советский Союз и обеспечивал с его стороны поставки стратегического сырья, позволял в краткий срок и с наименьшими потерями разгромить Польское государство, а затем обратить всю свою мощь против Англии и Франции — гарантов независимости Польши. И с точки зрения государственных интересов СССР он тоже был бла-

гом, ибо сулил редкую возможность безнаказанно захватить огромные, стратегически и экономически важные земли Восточной Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы.

Так чем же, в конце концов, был этот договор — благом или злом?

Любое политическое решение, принимаемое на основе узких и временных национально-государственных интересов, оторванных от общечеловеческих и долговременных целей, — порочно и ущербно. И лишь сочетание национальных интересов с общечеловеческими, национального блага со всеобщим благом, сиюминутных целей с вечными целями ведет к истинным и совершенным политическим решениям.

В возникновении упомянутого пакта и в развязывании Второй мировой войны обычно обвиняют германский национал-социализм и советский коммунизм. И на них — огромная вина. Но главный виновник — черствый национальный эгоизм и отчужденность от общечеловеческих ценностей почти всех наций и государств. Приход Адольфа Гитлера к власти был бы невозможен без навязанного Германии унижительного Версальского договора за 14 лет до этого и возникновения коммунистической России 15 лет назад. Первое событие было бы невозможно без мстительности и корыстолюбия, а второе — без потворства и пособничества величайших держав мира и государств, примыкающих к ним. Любая игра с сатаной есть единение с ним и неизменно ведет к проигрышу, к потере блага и часто самой жизни. Лишь полное противоположение и неуклонная борьба с ним приводят к победе, к благу, к достойному бытию на земле. Общечеловеческие интересы и принципы требовали: а) от держав Антанты — выработки более достойных и щадящих Германию условий для Версальского мирного договора; б) от всех держав мира — решительной борьбы с возникшей в России большевистской диктатурой; в) от антибольшевистских сил в России — большего единства и политической активности, содействия самоопределению народов и отказа от идеала едино-неделимой империи, про-

ведения земельной реформы и введения гармоничного народовластия.

Все оказались морально и политически несостоятельными, ибо исходили из порочного принципа.

Наряду с другими государствами показала свою нравственную и политическую незрелость и Эстония, ее политическое руководство. Все, что происходит в этой малой стране после сентября 1939 года, будет с советской стороны — разбоем и грабежом, а с эстонской — мягко говоря, — недальновидностью и нерешительностью.

Эстонская Республика за годы независимости добилась больших успехов в области национальной культуры и экономики, в правовом положении своих граждан. Но с начала 30-х годов в ее политической жизни все больше стала обнаруживаться порча, ведущая к нагромождению роковых ошибок, а в конечном счете и к гибели.

Каковы были эти ошибки? Их было четыре.

1. *Расправа с вапсами.* Это была право-националистическая, прогерманская партия, возглавляемая ветераном Освободительной войны ген. Ларка и адвокатом Сирк. Их приход к власти означал бы, с одной стороны, известное ограничение гражданских прав. Но зато он обеспечивал бы а) твердую власть, б) поддержку Германии, в) военное сопротивление возможному советскому нажиму. Один из их деятелей Хьяльмар Мяэ доказал свою решимость, объявив зимой 1944 года, перед лицом вторгавшихся советских войск, всеобщую мобилизацию, преодолевая сопротивление германских властей. Он был тогда главой эстонского самоуправления, функционировавшего под немецким наблюдением. Это был не способен сделать президент Пятс в июне 1940 года. Этого не произошло и в Литве в 1944 г. В 1934 году на президентских выборах ген. Ларка получил больше голосов, чем К. Пятс и главнокомандующий И. Лайдонер вместе взятые. Боясь потерять власть, они возглавили государственный переворот и ввели в стране военное положение, как это сделал ген. Ярузельский в Польше в декабре 1981 г. К вапсам применили методы расправы, близкие к советским.

Полвека спустя мне придется сидеть в знаменитой Таллинской батарее в тех же сумрачных казематах, где их когда-то содержали. А определенные им сроки заключения были выше моих. Правда, в последующие годы их амнистировали.

2. *Антидемократический курс.* Пятс оправдывал свой переворот как меру против "антидемократичности" вапсов. Теперь он сам установил единоличную диктатуру. В 1935 году были запрещены все политические партии. Их деятели были загнаны в подполье и находились в резкой оппозиции. Печать была принуждена к молчанию и подчинена цензуре государственного пропагандистского ведомства. Общество лишалось правдивой и нужной информации. А Пятс получил возможность единолично распоряжаться всей страной. При многопартийном парламенте услужливая сдача страны Советскому Союзу была бы невозможной.

3. *Антибалтийский курс.* Диктатура Пятса, видимо, высокомерно относилась к "упрямым" финнам и к "иноплеменным" литовцам и латышам. Самонадеянно отвергала, по существу, всякие попытки сближения и единения со своими южными и северными соседями. Балтийский союз на экономической, политической или военной основе, способный объединить громадные ресурсы, так и не был создан.

4. *Просоветский курс.* По отношению к Советскому Союзу постоянно проводилась заискивающая внешняя политика под вывеской так называемого "добрососедского сотрудничества и дружбы". Она сводилась к линии уступок, пособничества и капитулянтства. Печати было запрещено давать какую-либо правдивую и критическую информацию об СССР. Это сыграло трагическую роль в неподготовленности и в непонимании народом того, что несет в себе советская система...

И мудро ли по всему по этому, что наглое требование Советского Союза в сентябре 1939 года о введении своих войск, численностью в 25 тыс. человек, о размещении своих армейских, военно-морских и авиационных баз в Эстонии,

в том числе и рядом со столицей, в порту Палдиски, было безоговорочно принято? И закреплено договором "о дружбе" от 29 сентября 1939 года! Этот договор был предвестником гибели Эстонской Республики и символом четырех ошибок правительства Пятса:

1. Отсутствие мужества перед лицом врага. Налицо был полный отказ от политического или военного сопротивления советскому нажиму.

2. Отсутствие гражданственности перед своим государством. Жертвовали суверенитетом государства, во имя завоевания которого в ходе Освободительной войны отдали свою кровь или жизнь тысячи эстонских патриотов.

3. Отсутствие патриотичности по отношению к своему народу. Народ заведомо обрекался на колоссальные потери и неисчислимые страдания под чужеземным игом.

4. Отсутствие солидарности по отношению к другим народам. Уступка советскому империалистическому хищнику, только что вышедшему на промысел, лишь разожжет в нем дальнейший аппетит. И закрепит в нем тот способ полумирного захвата, жертвой которого станут еще многие страны, от Бессарабии в 1940 году до Афганистана в 1980 году.

Все это легко предугадывалось еще в 1939 году. Трудно было предусмотреть лишь то, что все это через месяц выльется в вероломство перед одноплеменным соседним народом. Со своих баз в Эстонии советские корабли будут совершать военные рейды к берегам Финляндии, а самолеты — бомбить ее столицу и другие крупные города...

Была ли альтернатива? Конечно была!

1. Правдивая информация духовно подготовила бы народ к встрече опасности с Востока. Но печать подчинили просоветской цензуре.

2. Военно-политический союз Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы, который в случае всеобщей мобилизации мог бы выставить миллионную боеспособную армию. По вздорным причинам этот союз создан не был.

3. Нужна была готовность и к оборонительной войне, (в которой победила Финляндия). Лицемерно прикрыва-

лись тем, что не хотят-де пролития народной крови, и сдавались без боя. Но почему не боялись начать Освободительную войну 1918—1920 гг., где тоже пролилась кровь патриотов? И с каких пор мужественная и жертвенная защита отечества отменена за ее "бессмысленность", "глупость" или даже "опасность"?

Руководство Финляндской республики в ноябре 1939 года проявило бóльшую нравственную и политическую зрелость. Отвергнув бессовестные притязания Советского Союза на свою территорию, Финляндия, всеми брошенная и одинокая, решилась на единоборство с восточным исполином. Выставив более чем 200-тысячную армию, она начала всенародную оборонительную войну. Война вошла в историю под названием "Зимней". Но я бы назвал ее "Весенней", ибо мужество и жертвенность финских патриотов пережили во время вооруженной защиты своей независимости подлинный расцвет. Советские войска потеряли в ходе войны только убитыми на фронте около 100 тысяч человек. Пострадавших же от мороза и болезней было более 1 миллиона. Сама природа стала на защиту правого дела.

Скажут, что и населения в Финляндии было в три с лишним раза больше, чем в Эстонии. Да, но и линия сухопутных границ, подлежащих обороне, была у финнов примерно в 10 раз больше, чем у Эстонии. И все же, несмотря на недостаток решительности, патриотизма, гражданственности и солидарности, вина эстонского правительства в 1939—1940 гг. намного меньше, чем других. Вина стран, поддавшихся советской экспансии или пособничавших ей, во столько раз больше эстонской, насколько они сами многочисленнее и больше Эстонии...

Я хорошо запомнил эту зиму. Стояли невиданно страшные 40-градусные морозы, от которых пострадало много людей и замерзло большинство фруктовых деревьев Эстонии. Со стороны залива вечерами слышалась глухая канонада. На горизонте вспыхивали огни и он освещался временами багровыми сполохами. Но самое потрясающее, зловещее творилось вечерами на небе. На нем вспыхивало, зажи-

галось, растекалось, пульсировало, волновалось диковинное море огня. Оно окрашивалось в пугающие ярко-желтые, кроваво-красные и багрово-пламенные цвета и принимало грозно-величественные формы, словно грозя земле грядущим всемирным пожаром. Такого северного сияния никто не помнил. И старые люди говорили: "Это — знамение — быть страшной беде".

Но финский народ победил в своей справедливой войне. Беда же пришла на эстонскую землю. И не только туда...

Вапсы хотели преодолеть расколотость общества установлением полуавторитарного строя, терпимого к оппозиции и твердого к внешнему врагу. Пятс же установил диктатуру, подавляющую оппозицию и бесхарактерную к внешнему врагу. Единоличная власть и принудительное молчание внутренне лишь ослабили общество. Внешнего единства тоже не было. Наладить какое-либо ощутимое сотрудничество между Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией так и не удалось. Робкие попытки начать военные консультации Прибалтийских стран в первой половине 1940 года оказались слишком запоздалыми. На их территории уже 8 месяцев как находились советские войска. "Троянский конь" уже был впущен в город... В военных совещаниях стран Прибалтики и в намечающемся подобии единства советское руководство увидело угрозу своим захватническим планам. Кроме того, поражение в Финляндии оно решило возместить занятием Эстонии, Латвии и Литвы, уже частично оккупированных под предлогом так называемых "баз". И 17 июня 1940 года оно предъявило Эстонии (а также Латвии и Литве) не имеющий примера по своей наглости ультиматум. В нем СССР требовал: а) введения на базы новых, дополнительных войск, б) смещения существующего правительства Эстонии, в) назначения угодного Сталину нового правительства.

Безвольный Пятс покорно принял все условия ультиматума. А за ним и руководители Латвии и Литвы. Договорились, что эстонские власти пропустят у пограничных городов Нарва и Печоры по одной моторизованной колонне

в 400 машин с солдатами. Да куда там. Как только развели пограничные шлагбаумы, то, сбивая с ног эстонских пограничников, хлынула такая несметная бронированная орда, которую остановить было уже невозможно...

Как сейчас помню этот душный июньский день 1940 года. Мы, ребята, остолбенело стоим на обочине Нарвского шоссе и дивимся на невиданное зрелище. По шоссе, в густом облаке желтой пыли и синеватой гари, движется грохочущая серо-зеленая лавина — идут бесконечные колонны танков, орудий, бронемашин, спецмашин, легковых автомобилей и грузовиков, до отказа набитых мотопехотой. Бойцы бездумно и лихо горланят "Катюшу". А потом какая-то часть делает привал. Группа офицеров в краснозвездных пилотках и фуражках окружает русского белоголового мальчика. Вопросы сыплются градом: "А кем ты станешь, когда вырастешь большим? А хочешь ли поехать с нами в СССР?" Захватывая страну, готовясь к будущим репрессиям, сталинские командиры носили маску приветливости. Не помню уже, что я им тогда отвечал. Но через четверть века судьба даст собственный ответ: я стану убежденным противником советского империализма, воплощаемого в этих весело-болтливых офицерах. А затем действительно поеду в СССР — в один из его бесчисленных концлагерей на Мордовской земле. Ну, а пока, надсадно ревя моторами и отравляя девственный приморский воздух выхлопными газами, бронированные полчища Сталина спешно, без боя, занимают жизненные центры беззащитной, уже несвободной страны. Так, за несколько дней, без единого выстрела, был осуществлен ее военный захват...

Я уважаю заслуги выдающегося эстонского национального лидера, последнего президента Эстонии Константина Пятса, и потрясен его трагической, многострадальной судьбой. Он многое сделал для своего народа в 1918—1935 гг., а кое-что и после. С 30 июля 1940 года он уже никогда, до самой смерти, не покинет стен советских тюрем и специальных медицинских заведений. И в начале хрущевской оттепели, в 1956 г. глубоким стариком умрет в одной из псих-

больниц гор. Казани, несломленным и непримиренным. Но во всем этом есть и рука Возмездия! Тогда, в злосчастном 1940 году, он отдал войскам (их было 16 тысяч — в армии мирного времени!) приказ не сопротивляться и согласился на разоружение вооруженного союза "Кайтселийт" (более 30 тысяч членов). По-видимому, он руководился также и любовью к своему народу, стремясь избежать кровопролитного столкновения с огромной страной, оградить нацию от больших потерь. Отчасти это можно понять. И все же... Меня часто мучил этот вопрос. Но и в 20, и в 50 лет в голову приходило одно единственное решение: обладай я той высшей ответственностью и в тот роковой час я распорядился бы об одном — провести всеобщую мобилизацию и оказать сопротивление всеми видами оружия. Даже если бы вторглась страна размером с Китай. Скажут, легко переигрывать историю в собственной комнате и выигрывать войны на бумаге. Но я достаточно верю в боеспособность эстонского солдата, в его любовь к своей земле и во всенародную поддержку его. И уверен, что эстонская армия — а ее можно было довести и до 100 тысяч солдат! — была бы в состоянии в течение нескольких месяцев успешно защищать свои рубежи, даже против намного превосходящего противника. Смогла же эстонская армия отстоять независимость своей страны в упорных боях с Красной армией и немецким Ландсвером в 1918—20 годах. Смогли же эстонские солдаты, переодетые в немецкую форму, без танков, артиллерии и собственной авиации почти на 8 месяцев в 1944 году, в ходе упорных кровопролитных боев, остановить наступление Ленинградского фронта на эстонской границе. Лишь прорыв советских войск осенью 1944 года в Латвии заставил немецкое командование отвести свои войска из материковой части Эстонии. Исхода возможного сражения в 1940 году предрешать не будем. Но с международным разбоем, в какие бы племенные, идеологические или даже религиозные одежды он ни рядился, можно разговаривать только на языке всенародной войны. И эта глава эстонской истории была бы достойней. Советская пропа-

ганда не могла бы на весь мир кричать о "горячем стремлении эстонского народа воссоединиться с СССР". А лидеры западных стран не получили бы юридической лазейки — уходить от предъявления серьезных требований независимости Эстонии, от достаточной поддержки дела ее свободы, как это было обещано в п. 3 Атлантической Хартии. И во всяком случае число потерь в этой оборонительной войне составило бы лишь крохотную долю потерь от сталинского террора в 1940—1952 годах. А общее число его прямых и косвенных жертв составило 345 тысяч человек — одну треть населения Эстонии!

Приходит звездный час нации, когда не благоразумие страха, не мелкая расчетливость, а безумство храбрых — единственная и высшая мудрость! Мир, готовый к самозащите, может предотвратить войны. Но мир, склонный к отказу от защиты, лишь разжигает их. Возможное, но не принятое решение вождей демократического государства начать войну против захватчиков и за национальную свободу, имея за собой народ и вооруженные силы, могло бы принести если не военно-оперативный, то бесспорный морально-политический успех...

А пока что, после военного захвата, начали захват политический. При прямой поддержке советских войск, разумеется. При помощи кучки коммунистов (их в 1934 году не насчитывалось и 300 человек!), левой интеллигенции, представителей этнических групп, свезенных со всей страны, и под прикрытием советских танков и броневиков 21.06.40 — на четвертый день оккупации — проводятся "демонстрация трудящихся" и шествие к президентскому дворцу. Пятс сдается еще раз: увольняет в отставку свое правительство и, по советскому списку, назначает правительство во главе с Варес-Барбарусом. По советскому же требованию Пятс назначает новые выборы по кремлевскому образцу — с единственным коммунистическим кандидатом по всем избирательным округам. Полученный в результате фальшивых выборов 15—17 июля раболопствующий состав парламента направляет в Кремль делегацию, смиренно прося-

шую принять Эстонию в состав СССР. Горячую просьбу делегации удовлетворяют 6 августа. Пятс, сделавший все от него зависящее, чтобы впустить без единого выстрела Красную армию, назначить прокоммунистическое правительство, уволить со службы почти всю национальную администрацию и провести незаконные выборы, — был теперь не нужен. И 30 июля 1940 года со своими соратниками был арестован органами НКВД. Хотя формально Эстония не подпадала еще под юрисдикцию СССР. Время от 12.03.34 до 2.09.39 было не "эпохой молчания" а эпохой государственного упадка, приведшей к государственному позору. Время с 2.09.39 до 21.06.40 было не "эпохой баз", а эпохой государственного позора, приведшей к военному захвату. Но время с 21.06.40 по 12.06.41 было "эпохой национального позора", когда народ сделал или позволил сделать все для политического захвата страны. Народ проявил такую покорность и послушание распоряжениям новой власти по политической и экономической тоталитаризации страны, каких он не проявлял даже к собственному правительству, избранному им. Это определенно свидетельствовало, что, наряду со свободолюбием, были еще живучи корни многовекового рабства. Зажиточность, культурность, высокая степень правосознания — не всегда залог мужества и свободолюбия.

Тогда, в 1940 году, эстонская армия без сопротивления включается в Красную армию. 30-тысячный вооруженный союз "Кайтселийт" покорно разоружается. Полиция и политические деятели дают себя арестовать. А часть населения из желания карьеры или стремления продвинуться по социальной лестнице, боясь мести за свои заслуги перед Республикой или сочувствуя коммунистам, начинает активно сотрудничать с советской властью. Ими заполняются новые государственные, советские и профсоюзные органы, а также спешно создаваемый НКВД аппарат местной политической полиции и милиции, с примыкающей к ним сетью доносчиков и осведомителей. Интеллигенция спешит пройти курсы марксистско-ленинской теории. Народ безмолствует и плывет в потоке событий. Но советской власти мало пассивной

покорности и послушания. Она требует активного прислуживания. И вот местные культурные и общественные деятели начинают усердно и повсеместно развешивать лозунги — хлесткие, неизменно лживые слова, накрашенные белой краской или наклеенные из белой бумаги на кумач. Отныне отовсюду назойливо лезло в глаза "Долой буржуазных эксплуататоров и кровопийц!", "За советскую социалистическую Эстонию!", конечно, "Да здравствует товарищ Сталин — мудрейший вождь передового человечества!", и многое другое в этом же духе.

Далее, народ сгоняется на многотысячные собрания — "митинги", с обязательным прослушиванием агитационно-поджигательских речей красных ораторов и нестройным пением "Интернационала". Но лозунги и митинги — явления пространственно ограниченные. И народ в еще больших количествах принуждается к участию в долгих и многолюдных шествиях-демонстрациях", с обязательным несением транспарантов. Пение, песен-агиток "Расцветали яблони и груши...", "Солнце красит нежным цветом...", "Широка страна моя родная" и других было тоже строго обязательно. Их срочно переводят на эстонский язык... А мы, мальчишки, как всегда, что-то выкрикивая и хохоча, прыгали и бегали по обочине дороги, дивясь на спектакль взрослых.

Запомнилось и такое... Бывшая общественная деятельница времен независимости так неистово маршировала и пела "кипучая, могучая, никем не побеждаемая", что у ней отскочил каблук. И она по инерции, боясь отстать от колонны, еще несколько минут скакала на одной ноге. Эта акробатика ее не спасла. И в июне 1941 года она была арестована только за то, что когда-то была замужем за полицейским. Арестована, чтобы больше не вернуться. "Она — жить хотела..." — говорил ее отец. Но всегда ли это оправдание? Многие, вскоре взявшие оружие, живы и по сей день...

А вот другой случай. Один русский эмигрант, знакомый моего отца, восторженно говорил, показывая пальцем на пролетающие самолеты: "Смотри-ка, Иван, наши соколики летят". Невдомек этому несчастному было, что не пройдет

и года, как эти "наши соколики" ему выключают очи ясные. Надо сказать про отца, что он с честью выдержал этот величайший иску́с и соблазн века. Новая власть вдруг цепко ухватилась за то, что он — русский, рабочий, в "буржуазных" организациях не состоял, а, главное, в 1934 году был организатором рабочей забастовки. И ему тотчас же и очень настойчиво предложили — по форме "избрать", а по сути дела назначить председателем профсоюза Силламяэского сланцевого завода. В 1940 году он работал там в котельной. Это было бы обычным примером головокружительной карьеры тех времен — первая ступенька лестницы, круто ведущей вверх, и очень часто — прямо в пропасть. Отец наотрез отказался, сославшись на нелюбовь к политике. Но у многих людей, не коммунистов и не карьеристов в душе своей, не было этого мужества отказа. И они покорно принимали эту, чаще всего гибельную чару судьбы.

НКВД в кратчайший срок составил списки всех, еще живых, участников Освободительной войны и активных общественных деятелей времен независимости. Во-первых, общественная жизнь Эстонии была открытой, подробно отраженной в печати и в архивах. Последние почти полностью были услужливо оставлены советской власти. Во-вторых, как из-под земли выросла такая несметная армия негласных осведомителей, доносчиков и жалобщиков, что даже самая тайная из тайн становилась чекистам известной. "Это все русские да евреи", — скажут иные. Но — увы! — тайны правительственных и национально-патриотических организаций могли знать только лица коренной национальности. Причина — в определенной морально-политической порче общества.

Пользуясь черными списками, НКВД либо арестовал, либо принудил к сотрудничеству всю политическую и военную верхушку прежней республики. Затем принялся за истребление или политическое разращение местных общественных деятелей и администраторов... Серия ночных арестов наполнила людские души еще большим страхом и увеличила их послушание власти.

Но ночные аресты вызывали не только такую реакцию. Наши мальчишеские души, например, начали наполняться и ненавистью. Помню, что слова "политрук", "НКВД", "комуд" (сокращенное от "коммунист") стали ругательными и воспринимались как оскорбление. Ибо исчезать начали хорошо известные и уважаемые в волости люди — пастор, учитель, констебль и другие. И с моей склонностью к безрассудствам я решился на следующее. Население согнали в Народный дом на очередной митинг. Я пробрался между взрослыми в битком набитую ложу актового зала и посмотрел вниз. Внизу, в партере, прямо подо мной сидел один из самых грозных местных коммунистических деятелей, бывший сапожник. У него была огромная блестящая лысина. И хотя я был воспитан в уважении к старшим — тут не удержался и схулиганил. Выдавлив из себя плевок, я точно опустил его на "сановную" лысину. Он вскочил, начал что-то кричать и показывать на наш балкон. Но куда там — меня и след простыл. Делали и похуже. Мочились в графин, предусмотренный для оратора, поджигали или ломали трибуну, подготовленную к завтрашнему митингу под открытым небом. Тем не менее власть воочию видела в населении наружную покорность и крайнюю политическую податливость. Не встречая явного и, тем более, вооруженного сопротивления, она распоясалась совсем — перешла к массовым репрессиям. Так она делала и будет делать всегда, когда убеждена в прочности занятого положения и в безответности людей. Так или иначе, лошадь была оседлана — теперь на ней можно было ездить и сечь ее кнутом.

Власть, как говорится, была молодец — против овец. И в ночь на 13 июня 1941 года вместе с семьями арестовывает всех "подозрительных" 1-й категории. На малую страну таких "подозрительных" пришлось около 12 000 человек — почти в 6 раз больше, чем погибших в Освободительной войне. Повезут их, горемычных, ни в чем не повинных, в скотоперегонных вагонах, женщин и детей отдельно от мужчин, умиравших от жары, духоты и жажды. А кто переживет смертельный этап, того добьют голод, холод и болез-

ни на островах ГУЛАГа в Сибири и в Северной России. Вернутся ли? Не вернется почти никто.

С этого дня национального траура начали снова писаться страницы национальной славы. В народной душе поднялась волна печали, гнева, возмущения, а также еще большего страха перед дальнейшими преследованиями. И его наиболее решительная и смелая, а также наиболее опасаящаяся террора часть начала вооруженную борьбу, уйдя в леса и болота Эстонии. Этой борьбе дала новый толчок начавшаяся через неделю германо-советская война. Вскоре части Красной армии и НКВД, а также вновь созданные органы власти начинают ощущать чувствительные удары эстонских партизан. Против отрядов "лесных братьев" власть использует не только части регулярной армии и карательных органов. Она начала формировать из сотрудничающих с ней людей вооруженные "истребительные батальоны". В эти же дни была объявлена мобилизация. На призывные пункты покорно явились защищать сталинское отечество 33 тысячи молодых людей. Не только, правда, эстонцы, но также евреи и русские. В том числе и мой дядя Борис. Это — 2,5 раз больше, чем вся эстонская армия в 1940 году. Из самой армии около 10 тысяч будет увезено в Россию. (Из них, правда, половина перейдет на сторону немцев в первых же боях.) Судьба не будет милосердной к мобилизованным. И воздаст за покорность. Они погибнут под Великими Луками в 1942/43 гг. и в Курляндии в 1944 году. Только на фронте в боях на советской стороне будет убито более 13 тысяч человек. Часть сгинет в трудовых лагерях. Здоровыми или искалеченными в Эстонию к 1945 году вернется лишь 5000 человек. В том числе, хромающим инвалидом, вернется и мой дядя, чтобы всю жизнь мучиться от болей...

Начало войны я помню по двум картинкам... Гул моторов. Оглушительные разрывы бомб. Стрекотанье пулеметов. Все около станции. Затем над шоссе, на бреющем полете, выйдя из пики, в сторону моря, со страшным грохотом, пролетел серо-зеленый самолет с черными крестами на фюзеляже. Голова летчика была отчетливо видна за прозрачным

фонарем кабины. Говорили, что он попал в эшелон с краснофлотцами. Жуткие следы катастрофы потом действительно были видны. Обгорелые, покореженные остовы вагонов рядом с железнодорожным полотном. Какие-то окровавленные тряпки на ветках ближних деревьев. (Бомбежек я не очень боялся — гроза пугала больше. Думалось, Божий гром страшнее взрывов от человеческой руки.) И вторая... Пыльное шоссе. Останавливаются три грузовика. На них мрачные люди в штатском, с красной лентой на руке, вооруженные гранатами, маузерами, винтовками, ручными пулеметами "Дегтярев". На некоторых из них окровавленные бинты. В задней машине трупы, покрытые рогожей. Эти мрачные люди хотят пить. Идут к колодцу и, не спрашиваясь, набирают воды, утоляют жажду, а ведро с водой напоследок забирают с собой. "Это — 'красноленточники'! Едут с облавы на 'лесных братьев Вийвиконда' ", — презрительно, но с потаенным страхом поясняет хозяйка. К югу от нас, далеко за железной дорогой, был сланцевый карьер, а около него рабочий поселок Вийвиконд. Вокруг него — бескрайние, дремучие леса. Где-то в них была оперативная база "лесных братьев". Ее тщетно и многократно пытались разгромить. Любопытно, что среди "лесных братьев" сражались и некоторые русские солдаты, дезертировавшие из Красной армии...

В обстановке войны и неудач с "лесными братьями" началось зверское обращение с населением. Красноармейцы уже не пели "Катюшу" и не дарили детям красные звездочки, сухие галеты и конфеты "Москва". Грабежи и конфискации под угрозой оружия стали обычным явлением. Инициативу этого проявила сама власть. Под угрозой страшных кар она потребовала, чтобы все радиоприемники, велосипеды и автомобили были немедленно сданы на приемные пункты. Напуганное население, конечно, поспешило исполнить.

Любая группа военнослужащих могла прийти, перерезать кур и свиней, угнать лошадей, забрать продукты и все, что понравится, не спрашивая хозяев. Помню такой случай. Кондитерская, еще не разграбленная и не закрытая. Сидит крестьянин, пьет лимонад и ест булку. Врывается по-

лупяный политрук с солдатами. Чем-то ему сидящий не понравился. Подходит к столу: "Ты где, сволочь буржуйская, работаешь?" Тот, не зная русского, мямлит: "По зэмлэ. По зэмлэ". "Ты что мне, гад, мозги темнишь? Скажи мне, где твоя работа, или я тебя сейчас свяжу!" Мужик лепечет от страха что-то невразумительное. "Ах, та-ак. В машину его!" И больше его уже никто не видел...

А с дедом моего знакомого мальчишки получилось так. Их дом был рядом с шоссе. Дед, чисто одетый и при галстукке, вышел к дороге и, явно без сочувствия, стал смотреть на проходящие войска. Одна легковая машина остановилась и вышел офицер с ординарцем. Дед, наверное, думал, что будут спрашивать дорогу. Но спросили другое: "Ты что, гад-буржуй, немцев вышел дожидаться?" И, не дожидаясь ответа, на виду семьи, в упор застрелил его из нагана...

Был у нас лесник. Верно или нет, но заподозрили его, что помогает партизанам продовольствием. Может быть, он не помогал. Может быть, давал кое-что под нажимом. А возможно и добровольно. Но то, что произошло дальше, превосходит меру человеческого воображения, не говоря уже о справедливости. На глазах у плачущей жены и детей он был замучен до смерти. С него требовали, видимо, указать место расположения отряда. Вряд ли он и знал-то его. На его трупе нашли десятки колотых ран от советского трехгранного штыка. Проколоты были также внутренности и детородные органы... Ну как вот забыть такое, не в кошмаре, наяву случившееся?!

Но память сохранила и другое. Синие горы. Солдатский привал. Костер. Мы с одним эстонским парнем подходим. Усатый, по-домашнему уютный деревенский дядька, с накинута на плечи шинелью, сажает нас у костра, поит крепким и сладким чаем, немудряще рассказывает о своих детках, оставленных там, в России, в далекой деревне. Что-то было в нем столь душевное и незабываемое, что и сейчас помню его... Где-то ты, солдат-отец, сейчас? Сгинул ли ты в советских лагерях или в немецком плену, живешь ли на Западе или еще в 41-ом захоронен в эстонской земле? И

еще другое мучит. А если бы политрук приказал тебе: "Расстрелять этих малолетних фашистских шпионов!" Что бы ты делал — предпринял? Слепо поверив или испугавшись, с готовностью бы добил? Или попросил бы назначить другого исполнителя? Или, разодрав на груди солдатскую гимнастерку, бедово закричал бы — "В детей, ирод, стрелять не стану!"? Все могло быть. Все было и есть. Водораздел роковой — не между нациями. Но — между людьми...

Потом началось неизбежное. Отступление. Все чаще гремели разрывы немецких бомб на железной дороге. Все чаще шли обозы с ранеными. Затем потянулись жидкие колонны машин и бесконечные вереницы обозов с военным имуществом и награбленным добром. Увозили все — хлеб, сахар, ткани, швейные машинки, велосипеды, часы. Масло, мясо, оборудование и сырье везли в железнодорожных составах и на кораблях угоняемого торгового флота. Но не идет впрок награбленное. И своим не станет. Одна часть награбленного утонет с 53-мя потопленными с воздуха кораблями, другая будет взорвана на бросаемых в панике военных складах, третья — развеется в прах в разбомбленных составах, четвертая — сгорит на Бадаевских складах в Ленинграде, пятая — достанется в качестве трофея немецким войскам. Да разве исчислишь пути Возмездия?

Помнится одна августовская ночь. Немецкие миноносцы с моря начали обстрел дороги, по которой отступали советские войска. Крупнокалиберные снаряды падали неподалеку от дома, где мы укрывались. Мы ушли в вырытый рядом с домом подвал. Поднялся такой адский грохот, что никакими подушками, натягиваемыми на голову, невозможно было его заглушить. Едва обстрел закончился, как вошли советские солдаты: "Где хозяйка?" Она вышла дрожа, но с достоинством. "Давай ключи. Пошли с нами..." Потом открыли сарай, взяли велосипеды и связку теплой одежды. Затем вошли в дом, забрали какие-то ценные вещи, выпили домашнюю вишневую наливку. Наконец, ушли, унося мешки с добром и обругав напоследок хозяйку: "Эх ты, буржуйка чертова! Даже путной

горилки делать не умеешь". Хозяйка говорила, что она молчала от гнева. Но, видимо, была довольна, что пронесло. И что жива осталась...

После грабежа началась вакханалия истребления. Что сожгли волостное управление и станцию, взорвали завод и подожгли бензобаки, разрушили мосты и переправы — это как-то можно было бы понять. Военные соображения... Но поджоги мельниц и молокоприемных пунктов, хуторов и жилых домов уже не укладывались в обычные человеческие понятия. Тогда, в 20-х числах августа 1941 года, подожгли бутылкой-гранатой и дом Чижикова, где мы жили и где столько было пережито. Куча горько пахнувших и дымящихся углей, сгустки расплавившихся стекол, обгоревший остов железной кровати, обугленные стволы вишневых деревьев — вот и все, что осталось от старинного дома с желтыми ставнями и с петухом-флюгером на крыше. Уж какое грозное военное значение он мог иметь — в толк не возьму.

Думаю, что "ястребки" отомстили этим отцу за отказ сотрудничать, за отказ эвакуироваться, да и за то, что где-то укрылся. Как бы то ни было, но мы остались с отцом в том, что было на нас надето. Сатана свое дело сделал. И еще много раз сделает. Но нам помогли хуторяне. И я помню, что Эльмар Пресс сделал нам с отцом в то время поистине царский подарок — подарил несколько бараньих шкур для зимнего пальто. Иначе, в будущую морозную зиму нам пришлось бы туго...

Самое страшное было увидеть обгорелые каменные стены когда-то прекрасной православной церкви. Поперек церковного двора лежал остов обрушенной церковной башни с обрывком стального троса на кресте и куполе. Церковь предварительно разграбили. Что нельзя было увезти — разбили. А часть увезенных икон нашли неподалеку на опушке леса, в изрубленном и в преднамеренно загаженном виде. Сатане мало уничтожить или убить. Ему нужно еще и поглумиться. Затем, как водится, церковь предали огню. Кому она мешала? Разве что сатане. И моим серпасто-молотка-

стым соплеменникам. Местное население говорило: "Они (т. е. русские) убивают собственную душу!" Впрочем, разграбили и подожгли также и лютеранскую церковь Вайвара, рядом с железной дорогой. Но и этого казалось мало — еще вскрыли ломами цинковые гробы, вмурованные в подполье церкви. Там была захоронена местная остзейская знать и просто знатные люди. Останки выбросили из гробов и разграбили, сняв украшения и ценности. А обручальные кольца, не снимавшиеся с истлевших суставов, были сорваны вместе с пальцами. Здесь уже не военные соображения — здесь святотатство, глумление над всем священным, что когда-то было у этих народов.

Но все это мы увидим чуть позже...

Смена власти началась в предрассветные сумерки. После мотоциклетного стрекота, стрельбы и топота ног в подвал вошла группа солдат в стальных касках и серо-зеленых плащах. Посветив фонариком, один из них спросил: "Ist hier ein Ivan?" Отец поднялся: "Я — Иван". "Wieso? Wer bist du?" — насторожились немцы. "Солдатов — мое имя", — пояснил отец. "Soldat?" — всполошились германские солдаты. Звякнуло оружие. Потом все захохотали. Недоразумение рассеялось. (Немцы спрашивали есть ли тут "Иваны", т. е. русские солдаты. Но мой отец слишком уж мало походил на военного.)

Затем уже весь день, и многие, многие дни шла на восток немецкая военная техника. Должен признаться, что я во все глаза, забыв о сне и о еде, смотрел на этот стремительный стальной поток и невольно сравнивал с прошлогодними советскими колоннами. Было в глаза несравненное превосходство немцев. Шли грузовики обтекаемой формы, разнотипные легковые машины, клинообразные броневики, грохочущие бронетранспортеры, мощные крепостные орудия, велосипедные роты, танки и понтоны на особых платформах. Казалось, этой грохочущей лавине нет конца, а ее мощи — предела...

А кругом была разрушенная и израненная земля, полуголодное и полуобезумевшее от кровопускания и истребле-

ния, от ненависти и страха, население. Это было то самое население, которое президент Пятс, отдаваясь в лапы советскому хищнику, думал оградить от ужасов военного времени и человеческих жертв. Он убеждал всех, что эстонский народ, эстонская армия не готова и не будет воевать. Как бы не так. Только на советской стороне было убито 13,2 тысячи человек — больше, чем численность всей эстонской армии в 1939 году. А на немецкой — еще 6 тысяч. Всего Советский Союз до 1946 года уничтожит, использует на фронте, в тылу и в лагерях около 125 тысяч человек (2 тыс. расстреляно, 12 тыс. депортировано, 33 тыс. мобилизовано, 5 тыс. увезено в составе армии, 65 тыс. эвакуировано и 8 тыс. пропало без вести), что в 10 раз превышает численность эстонской армии. Сюда надо еще добавить 15 тысяч погибших на немецкой стороне (5 тыс. погибло от репрессий, 6 тыс. на фронте и 4 тыс. во время советских налетов и при эвакуации). Это уже 140 тысяч человек. Мы не считаем 70 тысяч человек, вынужденных эмигрировать в 1944 году на Запад, 36 тысяч арестованных в 1945—46 гг., почти 100 тысяч депортированных в 1949 году и 3 тысячи арестованных в 1950 году. Вот итоги экономии "национальной крови" правительством Пятса...

Немецкой военной администрации еще не было и власть явочным порядком перешла в руки вышедших из укрытий "лесных братьев", сформировавшихся в организацию "Омакайтсе" ("Самозащита"). Создалось нечто вроде гражданской полиции. Их штаб обосновался в Курзале — в бывшем казино для курортников. За Курзалом был обрыв и случилось, что там расстреливали приговоренных за сотрудничество с коммунистами. И, к сожалению, как это часто бывает в смутные времена, подчас страдали не столь уж виновные или даже вовсе невинные. По кровавым свежим следам красного террора, на разграбленной и истерзанной земле, конечно же, воспламенилась жажда мести, которая часто туманит рассудок... И вот однажды за моим отцом также пришли двое вооруженных членов "Омакайтсе" и молча повели его в Курзал. Отец не расспрашивал, не умолял, а

молча собрался и пошел. Я же смотрел ему вслед и еще не осознавал всего происшедшего. Отец был уверен, что его по чьему-то наговору просто ведут "шлепнуть". Каково же было его изумление, когда его привели в мастерскую и предложили делать дорожные знаки на эстонском, немецком и русском языках.

Так началась его работа при немцах — при третьей по счету власти.

Осенью этого года я пошел в 1-й класс начальной школы Перьятси. Год был голодный и отец давал мне с собой бутылку молока и бутерброды с маргарином. С едой было плохо — в магазине продавались кроваво-красное лошадиное мясо, синеватое снятое молоко и хлеб со жмыхом...

Еще хуже было положение у советских пленных. Они десятками тысяч сдавались в плен. В разрушенной стране их трудно было разместить и почти нечем было кормить. Их поселили в нашей волости в бывшем здании винного магазина и в его складских помещениях. Вид у них был измученный и голодный, ремней и сапог на них не было. Их использовали на дорожных работах. Они засыпали дорожные ямы песком и щебнем, а потом их разравнивали. Завидя прохожих, они просили что-либо поесть. Мне они жалобно говорили: "Мальчик! Дай хлебца! Еле на ногах стоим". Я отдавал им свои бутерброды. Но намного ли этого хватало?

Школа была эстонской, фамилия учительницы была Мянник. Она была одна на три класса. Классы размещались в одном просторном помещении, с большой железной печкой, с маленьким органом в углу, с кафедрой, с черной доской и, как полагается, с классными партами в три ряда. Было всякое: и дружба, и рознь, и озорство, и серьезные дела. Мы пели, считали, читали, учили немецкий язык и закон Божий...

Запомнился эпизод. В классе был высокий, рыжий парень — задавака и хвостун. Будучи агрессивным и сильным, он задирали многих соучеников, в том числе и меня. Накопился счет. И однажды мы, разделившись на две команды, начали снежную "войну". Во главе одной команды был я, — счита-

лось, что я метко бросаю, — а во главе другой — он. Мы яростно бросились в бой. По мере нашего наступления выявился наш перевес. И ребята его команды начали перебегать к нам. И, когда рыжий остался почти один, кто-то из нашей команды изловчился и бросил ему твердым снежком прямо в лицо. Из носа брызнула кровь, и он закрыл руками лицо. Но его обстрел становился все неумолимее. Тогда я сам перешел на его сторону и, прикрывая его своим телом, начал бешенно воевать против собственной команды. Ребята так растерялись, что бросились врассыпную. Мне кажется, что мое несправедливое детство обострило мое чувство справедливости. Так мне думается. И если не всегда дело, то во всяком случае сочувствие мое было всегда на стороне пусть слабых, но морально правых, а не на стороне сильных и неправых.

По обеим сторонам дороги в школу находились одиночные могилы немецких солдат. Могилы были аккуратно обложены дерном. Над могилами высились черные деревянные кресты, напоминающие по форме Железный крест. Подножия крестов были выкрашены в желто-бежевый цвет и на них была прибита металлическая табличка с фамилией, именем, личным номером, датой рождения и смерти павшего солдата. На каждый крест была надета стальная немецкая каска. На Рождество проезжала особая машина с военными. Они зажигали на могилах дискообразные поминальные свечи. И всю ночь вдоль дороги мерцали негаснущие на ветру огоньки, символизируя бессмертие человеческой души и бессмертную солдатскую славу. Мы, дети военного времени, были святотатцами. И случалось, похищали немецкие, военные каски. С приходом советских войск не только эти могилы, но целые солдатские кладбища, как, например, у православной церкви Кивиыли, будут сравнены с землей. И по ним будут ходить люди... пастись коровы и козы. И что можно ожидать от власти, которая и собственных-то убитых солдат, как правило, равнодушно бросала на поле боя? Или небрежно сваливала в спешно вырытые ямы неказистых и безымянных братских могил. А погибло на

этой стороне 20 миллионов жизней, больше чем у кого-либо из воевавших во Второй мировой войне.

Вскоре восстановили Силламяеский сланцевый завод, начавший выпускать стратегически важный бензин. Отец начал работать в строительном отделе завода. Мы переехали в один из заводских домов, стоявший одновременно на берегу реки и рядом с морем. Река текла здесь параллельно морю и далее впадала в него.

Мы получили одну большую комнату с плитой, на втором этаже, в только что отремонтированном доме. Поселок был объявлен на военном положении. Вся власть принадлежала коменданту СС Бродовскому. По странному стечению обстоятельств он получил квартиру рядом с нами, где и проживал со своим ординарцем. Надо сказать, что отец вечерами слушал московское радио. По германским законам за это, в военное время, полагалось заключение в концлагерь. Комендант все слышал через стенку и вежливо намекал отцу на недопустимость такого слушания. Но отец был упрям и продолжал слушать. Мер против него, однако, не последовало. И лишь когда Адольф Гитлер произносил свою очередную речь, то Бродовский просил разрешения прийти и послушать, так как своего приемника у него не было. Он приходил — торжественный и серьезный, чисто выбритый и в парадном мундире и, даже сидя по стойке "смирно", внимательно слушал хриплую эмоциональную речь своего фюрера. Речь кончалась, комендант благодарил и уходил. А отец начинал слушать концерт ансамбля песни и пляски Красной армии, громко хохоча над шутками конферансье.

Шел военный 1943 год. Почти 20 лет спустя я прочту в докладе Хрущева, что в 1980 году "все советские люди будут жить при коммунизме". Это означало, что будет бесплатное питание на рабочих местах, бесплатными будут также коммунальные и транспортные услуги. Если коммунизм лишь в этом, то все это имели жители нашего поселка еще в 1943 году. Отец, как и все другие рабочие, имел бесплатно — 1) комнату, 2) спецодежду, 3) талоны на трех-

разовое питание (мы приносили свою норму домой из заводской столовой), 4) автомашину, доставляющую группу рабочих на завод, 5) освещение и отопление, 6) баню, 7) лечение и лекарства. С тех пор прошло 40 лет. Но СССР все еще не достиг даже такого уровня военно-поселкового "коммунизма" нацистского образца.

Но бывали у отца и конфликты. Отец стоит на подмостках и красит потолок в одном из заводских домов. Входит немецкий оберст, инспектирующий завод, и начинает громко кричать по-немецки, что, дескать, очень грязно. Отец понял только слово "швейн" (то есть, "свинья") и вспыхнул. Не слезая с подмостков и ткнув в сторону оберста кистью, он крикнул: "Ду бист швейн! Их нихт!" (Это ты — свинья. А я — нет). Оберст, вытирая закапанный мундир, выбежал с проклятиями. Вскоре за отцом приходят два эсэсовца и уводят к коменданту. Комендант, насупившись, спрашивает: "Почему вы оскорбили немецкого офицера? Знаете, что за это полагается?" Отец: "На своем рабочем месте старшим офицером являюсь я сам. Если я только свинья, то работать отказываюсь". — "Нет, зачем же так. Мы уважаем вас как мастера. Но и скандалить не следует". — "Унижать я себя тоже никому не дам". Отца предупредили, но одновременно выдали спирт и блок сигарет. Но не со всеми германские власти обращались так, как с вольнонаемными...

Около железнодорожной станции выстроили 3 рабочих лагеря: 1) женский и 2) мужской — для евреев-заключенных, 3) для советских военнопленных. Заключенные и пленные работали на заводе и на сланцевом карьере Вийвиконд. Их не казнили, но обращение было некорректное и питание скудное. Однажды германская администрация, со своим стремлением к чистоте и к порядку, решила продезинфицировать заводские дома с целью избавиться от клопов, блох и других насекомых. Нас всех, по очереди, на три дня выселяли из домов.

На проведение дезинфекции прибыла команда евреев-заключенных, приблизительно в 10 человек. Они были без

охраны и население охотно давало им продукты. Они изолировали помещения, используя специальную ленту, и потом забрасывали в них цилиндрические шашки с газом циклон-Б (на основе синильной кислоты). Через пару дней помещение проветривали, и люди снова въезжали в свои квартиры, иногда сладко пахнущие миндалем. Заключенные, проводившие дезинфекцию, были одеты в серые арестантские одежды со звездой Давида, но не выглядели исхудалыми. Видимо, общение с населением улучшало положение.

И вот однажды я был свидетелем события, которого я не смогу забыть никогда. Завод соединялся с карьером Вийвиконд узкоколейной железной дорогой, пересекающей государственную около станции Вайвара. Мы ежедневно шли мимо заводского паровозного депо и, затем, по узкоколейке — в школу, до которой было около 6-ти километров. Учился я в 3-м классе школы Вана-Сытке. Утром, направляясь с мальчишками в школу, мы увидели пассажирский вагон, стоявший на запасных путях у депо. В этот вагон почему-то под строгой охраной свозили еврейских детей, начиная от новорожденных и кончая подростками. Слышались крики и плач. Потоптавшись возле, мы решили, что еврейских детей отправляют в детскую колонию. И пошли в школу, почти забыв увиденное. Возвратившись к концу рабочего дня из школы, мы увидели тот же вагон, по-прежнему под охраной, но странно затихший. А окна и двери были заклеены той самой серой лентой, которую я запомнил еще со времен дезинфекции. Выяснилось, что с этими детьми проделали то же, что и с насекомыми в наших домах. Та же дезинфекционная команда из заключенных евреев, на этот раз под охраной, изолировала окна и двери вагона, а затем забросила в вагон с детьми шашки с "циклоном-Б". "Это им расплата за наших убитых и замученных!" — сказал один из нас.

Но мое чувство справедливости давно испытывало сомнения. Массовая пропаганда и мнение взрослых сумели убедить нас, что в большевистском терроре якобы виноваты евреи, т. е. взрослые мужчины-евреи, как я понимал. Но уже

учреждение женского еврейского лагеря посеяло сомнения — а, собственно, в чем могут быть виноваты еврейские женщины? Теперь я видел казнь детей. А их виновность вообще не укладывалась в моем, хотя еще и незрелом сознании. Я крикнул своему приятелю: "А если бы тебя в этом вагоне задушили за отца? Это тоже было бы справедливо?" Все как-то странно затихли. Невинность наших ровесников или младших товарищей становилась все очевиднее. И тогда, задумавшись над невообразимыми делами взрослых, мы молча побрели домой.

А происходило так. В Эстонии никогда не было антисемитизма как значимого явления. Но народ не помнил за всю свою историю такой страшной волны истребления и разрушения. Он обладал не идеологическим, а национальным видением. И в обрушившейся и в бушевавшей большевистской лавине выделил четыре национальных "типа", национальных "образа": 1. "Монголы", то есть все косоглазые брюнеты. 2. "Евреи", то есть все обычные брюнеты, особенно горбоносые. 3. "Русские", то есть славяноязычные шатены и блондины. 4. "Кому", то есть соплеменники, сотрудничающие с советскими большевиками. Грубо считалось, что "монголы" и "русские" могут хамить, материться, избить, искалечить, ограбить и даже убить, а "кому" — ради карьеры доносить и прислуживать новым хозяевам. Но народ недоумевал, откуда у большевизма, кроме кровавого террора, такая гипнотизирующая, непостижимо-изворотливая хитрость, такое ангелообразное сатанинство. И тут геббельсовская машина пропаганды услужливо приходила на помощь: во всем виноваты евреи. Евреи во главе капиталистического заговора на Западе. Евреи же руководители коммунистического заговора на Востоке. Евреи, де, поэтому — враги человечества. Так и утверждался миф, что еврей — это злобный колдун, незримо стоящий за всеми кровавыми событиями, их создающий и ими руководящий. Этот миф был прост, понятен и психологически удобен, ибо сваливал все грехи на одну определенную нацию, оставляя свой народ в белоснежно праведных ризах, изображая его лишь невинным

страдальцем. Поэтому миф перешел в веру, имя которой — антисемитизм военного времени.

Но следует сказать и другое. Если отдельные представители или существенная часть какой-либо нации активно участвуют в историческом событии, несущем зло человечеству или его части, то они навлекают и будут навлекать бедствия на весь свой народ в целом. Хотя ни один народ, как целое, не бывает виновным и будет страдать невинно...

В свободное время я продолжал пропадать на реке и на берегу моря. В тихие летние вечера на берегу моря, в отстроенном из сосновых досок павильоне под аккордеон устраивали танцы, куда приходила местная молодежь и молодые немецкие солдаты. Между эстонскими и немецкими парнями часто из-за девушек возникали потасовки. Но хотя эстонцы на поясе носили ножи, а немцы — штыки-кинжалы, до поножовщины дело не доходило.

В эти же тихие, ясные вечера из-за морского горизонта доносился смутный гул — далекая оружейная стрельба. Это немецкая тяжелая артиллерия обстреливала окруженный Ленинград. Мог ли я тогда думать, что они стреляют и по той чернявой и живой девочке, которая выживет и затем придет в наши края, свяжет свою жизнь с моей нелегкой судьбой, а намного позднее будет жить на родине и рядом с этими самыми дядями-артиллеристами?

Отец в 1942 году знакомится и сходитя с молоденькой эстонской женщиной, эвакуированной из-под Волосово Ленинградской области. Я звал ее Мали, сокращенное от Амалия. По профессии она была парикмахершей, характером обладала добродушным, но была довольно бесхозяйственной. Каждое утро она будила меня в школу, ставила на стол чашку эрзац-кофе с сахарином и клала ломти хлеба, поджаренные на маргарине. В общем мы с ней ладили, а потом и подружились. Во всяком случае мы друг другу не мешали. Время от времени между ней и отцом возникали сцены, хорошо знакомые с детства. Но для нее уже было поздно менять свой выбор. Вскоре у ней родилась дочь Таня. Видимо, я стал отцу некоторой помехой. И внезапно отец

милостиво разрешил мне съездить в поселок Кюттейгуд и навестить мать впервые за 10 лет жизни. Полиция, хорошо знавшая мою историю, охотно выдала пропуск на проезд. А выдавался он в те времена очень редко и по уважительным причинам.

Ехал я в полностью затемненном вагоне — опасались советских бомбежек. На покрытие расстояния около 50 км потребовалось три с половиной часа. К тому же в темноте на меня все время что-то капало и страшно щипало. Оказалось, что с потекшего бидона на верхней полке капал разбавленный раствор "мыльного камня". Этот концентрированный щелочной раствор употреблялся для варения мыла и был популярным предметом спекуляции так же, как самогон и свинина. В итоге весь мой парадный костюм оказался в дырках. И мать с бабушкой, после теплой встречи, пришли в ужас и начали меня отмывать...

В конце 1943 года я учился в 3-м классе в Вана-Сытке. И на Рождество, на школьном акте, запинаясь, но с подъемом прочел стихотворение о южном итальянском звездочете, страдающем в темнице за открытие звезды. Его пытаются, добиваясь отречения от своего небесного открытия. "А все-таки она есть" — с трудом произносит он воспаленными губами и умирает. Я прочитал это стихотворение с таким воодушевлением, что напоследок даже прослезился. А вся школа, учителя и ученики, восторженно хлопали. Думал ли я, что через треть века сам познакомлюсь с советскими инквизиторами и их темницами...

Я не знал, что все это уже приближалось. В январе 1944 года немецкий фронт под Ленинградом оказался внезапно прорванным. Командующий германской группой войск "Норд" генерал Кюхлер был немедленно снят со своего поста. Но было уже поздно. Немецкие войска уже неудержимым потоком отступали в двух направлениях — на Псков и на Нарву. И войска Ленинградского фронта, на плечах отступающих немцев, сумели с ходу прорваться на западный, незащищенный берег реки Наровы. Это произошло южнее Нарвы в начале февраля 1944 г. Прорвались они местами и севернее

Нарвы. Обойдя Нарву южнее, они в считанные дни оказались под Аувере, почти перед Синими горами и недалеко от станции Вайвара. И здесь глава Эстонского Самоуправления при немцах Хьялмар Мяз и его правительство приняли трудное в условиях немецкого несогласия и единственно правильное решение, на которое неспособен был Пятс. Он объявил всеобщую мобилизацию, а затем лично выехал на фронт изучать положение и консультироваться с германским командованием. Ввод в бой частей Эстонского Легиона внес в военную обстановку коренной перелом. После упорных боев, советские войска были отброшены севернее Нарвы за Нарову и легионеры заняли вдоль реки прочные оборонительные позиции. Жаркие бои разгорелись и под Аувере и Кривасоо, в ходе которых советские войска были остановлены до самого конца военных действий в сентябре 1944 года.

В бессильной ярости советское командование решило устроить эстонское "ковентри" и подвергло массовой террористической бомбардировке Нарву (6.03.44) и Таллин (9.03.44). Погибли, главным образом, жилые кварталы, культурные и исторические памятники. Погибли тысячи гражданских лиц. Будучи в то время в Таллине, моя бабушка чудом осталась жива.

Я помню это время по внезапно наводнившим все дороги немецким войскам, теперь отступающим на Запад. Вскоре методически и со свистом начали пролетать снаряды и рваться около нашего поселка. Запомнилась драматическая картина. Я шел из школы, доживающей последние дни. Внезапно из-за леса вынырнула тройка штурмовиков "Ил-2" и на бешеной скорости устремилась к заводу. Но на пригорке их караулила судьба в лице батареи немецких мелкокалиберных зениток. Она открыла яростный огонь и сбоку стала бить по самолетам. Две машины вспыхнули сразу и рухнули в море. Третий, оставляя за собой струйку дыма, явно поврежденный и обреченный, скрылся за морским горизонтом. Да, в безрассудной храбрости моим соотечественникам иногда не откажешь!

В 3—4 часа ночи мы проснулись от страшного орудийного грохота, треска пулеметных очередей и щелканья винтовочных выстрелов. Мы сначала думали, что "красные" штурмуют поселок. Оказывается, советское командование делало отчаянную попытку окружить Нарву. С одной стороны, советские войска наступали на север под Аувере. Усеяв болота тысячами солдатских трупов, наступление захлебнулось. А навстречу наступающим войскам, около деревни Мерекула, в 6 километрах от нас, был высажен морской десант. Этот десант был примером отчаянной и безрассудной храбрости, и в то же время жертвой трусости и предательства. Военно-морские корабли, под ураганным огнем высадив десант, вместо огневой поддержки, полным ходом направились к своим базам, оставив десант на произвол судьбы. К утру весь десант, численностью в несколько тысяч человек, был полностью перебит. Пленных не было. То ли никто не хотел сдаваться живым, то ли эстонские и немецкие части пленных не брали...

Учеба еще продолжалась. Но конец приходил и этому. В поселке разместились немецкие и эстонские военные части и службы. Началась жизнь в прифронтовой зоне. Вспоминаю два эпизода. В лесу, неподалеку от нас, расположилась бронетанковая часть СС. Однажды, оставив приятеля на страже, я подкрался к броневику и, открыв заднюю, стальную дверь, влез в него. Там я вынул из круглой, гофрированной гашетки полупустую пулеметную ленту, в которой было патронов 20 с черными наконечниками. Это были зажигательные пули. Мы отделяли пулю от патрона, расковыривали на ее торце серую горящую массу, поджигали ее и одновременно выстреливали из рогатки в воздух. Выпрыгнув из броневика, я был вдруг остановлен офицером войск СС с боевыми наградами на груди. Он строго спросил меня: "Bu-bi, was machst du hier?" "Да так, ничего... spazieren", — пробормотал я. "Was hast du in deiner Tasche?" — холодно спросил он. "Nichts", — ответил я, показывая свой пустой бездонный карман на правой стороне зимнего пальто. "Nein, in der linken", — и сам вытащил у меня из левого кармана злопо-

лучшую пулеметную ленту. Взяв ленту в левую руку, а правой схватив меня за пальто, он поволок меня на опушку леса. И, кажется, полузанятой левой начал отстегивать кобуру. Я понял, что это — смерть! Но страха и слез не было. Была полная безучастность ко всему. Было ощущение пустого звона в груди. Но он привел меня к отдыхающим танкистам, и те сразу вскочили по стойке "смирно". Он начал орать на них, потрясая лентой и указывая на меня. Видимо, ругал за небрежность по охране боевой техники. Потом повел меня дальше. В душе возник смутный, бессознательный вопрос — почему он не стреляет... Вдруг оглушительный удар сбил меня с ног. Я с трудом поднялся. Ударил второй раз — я уже не поднялся. Ударив еще носком сапога, он рывкнул: "Аб!", показывая пальцем в пространство. Я, не веря ушам своим, поднялся и давай Бог ноги. На прощание он еще жиганул меня пулеметной лентой поперек спины. Потом люди вспоминали и дивились — по улице бежит окровавленный сын Солдатова. Все лицо и вся грудь в крови, а сам весел и громко смеется. Думали, рехнулся парень! И не диво рехнуться — только что избежал смерти!

Я вполне могу понять действия этого боевого офицера. Каждый день он терял боевых товарищей убитыми и искалеченными и сам, отправленный на передовую, ждал верной смерти. И, быть может, уже не надеялся увидеть своего сына или дочь. А тут какой-то сопляк-подросток во фронтовой части из бронемашины ворует боеприпасы. В своей строгости ко мне он был совершенно прав...

Второй случай. В нашу комнату на постой были определены два немецких солдата. Я пытался выучить премудрость деления чисел. Отец, видя мою неспособность, начал было меня учить. Потом вспылил по поводу моей тупости и стал наотмашь бить меня по щекам. Одному ефрейтору это зрелище, видимо, не понравилось. Он сказал отцу, дай попробую я. Сел рядом, закурил трубку, спокойно и неторопливо начал объяснять, давать примеры. И уже через полчаса я делил любые числа. Где-то ты сейчас, мой солдат-учитель, научивший меня четвертому действию арифметики?

Все это хорошо. Но вскоре немецкое командование в обязательном порядке эвакуировало все гражданское население. У нас в комнате хранились несколько больших полотен оконного стекла, невесть откуда принесенного отцом. Небось "принес" с заводского склада. Он встал к ним спиной и ударом ноги разбил их вдребезги. Затем несколько тюков с посудой и одеждой забросили на военный грузовик. А мебель и все тяжелое пришлось бросить. Тут же начался авиационный налет. Затем грузовики тронулись. Мы проехали мимо горящего уже второй раз завода. Прощай, Вайвара! Прощай, Силламяе! И прощайте, мои детские годы. Нас привезли в Кивиыли — 50 км западнее от нас. И здесь мы расстались с отцом почти навсегда, если не считать недолгих сосуществований. Они с Мали и новорожденной Таней получили однокомнатную квартиру на улице Муру и начали там жить. А я, по обоюдному горячему желанию как отца, так и матери, перешел жить в Кюттейюд — в шахтерский поселок в 6 км от Кивиыли.

При шахтерском поселке были амбулатория и аптечный пункт. Аптечным пунктом заведовала моя мать, а в амбулатории работали два врача — Мария Павловна Карпова и Федор Терентьевич Трушин — мой дед. Бабушка заведовала там всей хозяйственной частью. Сестрой милосердия работала Мура Назимова, племянница Марии Павловны. Вот и весь медицинский персонал на одну сланцевую шахту, на шахтерский поселок и на весь окружающий район. У лагеря военнопленных была своя амбулатория. Кюттейюд был также военно-промышленным поселком. Он был при сланцевой шахте, дающей топливо и химическое сырье для сланце-химической промышленности, а также для электростанции Пюсси. В поселке была часть СС и отряд "Омакайтсе". Они несли охрану шахты, лагеря военнопленных приблизительно на 2000 человек и сланцедробильной установки около станции Кюттейюд.

Следует сказать, что в отношении упомянутого города и поселка немецкий организационный гений раскрылся во всем своем блеске. В немыслимо короткий срок здесь были

восстановлены и пущены сланцеперегонный завод, 2 шахты, 2 сланцевых карьера, электростанция. Потрясающе, что за старым заводом за два года были построены громадные кирпично-бетонные корпуса и 70-метровая дымовая труба нового гигантского сланце-химического комбината, пущена установка подземной перегонки сланца в газ. Комбинат сам так и не был пущен в ход, но к осени 1944 года на 90% был готов.

Характерно, что советские власти, почти за 40 лет хозяйничанья, так и не сумели пустить его в эксплуатацию, под предлогом незнания немецкой химической технологии. Правда, для всех этих работ использовались почти 11 тысяч советских военнопленных и около 1 тысячи заключенных евреев. Но это не были лагеря смерти, и смертность была не очень высокой. Питание было скудным, но для тех времен — приемлемым. Следует учесть, что и само вольное население испытывало значительные продовольственные затруднения.

Все небо над нашим районом было покрыто воздушно-заградительными баллонами. В ясную погоду я насчитал их более трехсот. При каждом баллоне была техническая станция с командой в 3 человека. Таким образом, только "баллонщиков" было около 1000 человек. Кроме того, кругом стояли тяжелые противозенитные батареи. В каждой батарее по 6 85-мм орудий и радиолокационная установка. Советская авиация бомбила нас постоянно. Но действовала довольно трусовато и бестолково. Поднявшись с аэродромов Кронштадта, Карельского перешейка и Ленинградской области, их эскадры летали над Финским заливом в ночное и вечернее время, сворачивали в районе реки Пуртсе, и зажигали над нами треугольные гирлянды светящихся авиационных бомб. Мы называли их "рождественскими елками". Все заливалось кругом мертвенным голубоватым светом. Становилось светло, как днем. Самолеты, пролетая на огромной высоте над баллонами, спешили освободиться от смертоносного груза. Сверхтяжелые фугасные бомбы падали куда попало. Оглушительные разрывы бомб сопро-

вождались яростным грохотом зенитных орудий. Время от времени падали горящие самолеты. Иногда от бомб страдали жилые дома и гражданское население. Но ни разу за всю войну не было ни единого попадания по станциям, шахтоуправлениям или по заводу.

Одно время бомбежки происходили почти каждый вечер и каждую ночь и угнетающе действовали на психику. Бессонные ночи изматывали. Обычно мы спускались со второго этажа вниз, а несколько раз ходили в бомбоубежище около лагеря военнопленных. Многие ходили с одеялами и подушками в заброшенные подземелья шахт. Помню, однажды штандартенфюрер СС Фицнер пришел к бомбоубежищу и сказал: "Sie können gehen. Ivan kommt heute nicht. Ich habe mit dem Kreml telefoniert und Stalin gesprochen".

Штандартенфюрер СС Фицнер был любопытной фигурой. Он отвечал перед Рейхом за организацию производства и бесперебойную добычу сланца, за порядок и дисциплину в военизированном поселке. Ему подчинялись шахта, дробилка, лагерь военнопленных, отряд "Омакайтсе" и взвод СС-овцев, а также все население поселка. Он обладал всей полнотой административной власти. По его указанию любого человека могли арестовать. И при необходимости он имел право пустить в ход оружие. Но что-то я таких случаев не помню. Это был тип деятельного, строгого, требовательно-го организатора, справедливого и не лишённого своеобразного юмора. Суховатый, подтянутый, в щеголеватой серо-зеленой полевой форме СС, всегда вооруженный, он внезапно мог появиться в любом месте поселка. В дни германских праздников он надевал черную, парадную форму СС. И тогда на его мундире зловеще поблескивали серебристые эмблемы в виде двух молний и черепа со скрещенными костями. Помню две сцены. По долгу службы он время от времени инспектировал амбулаторию и аптеку. В первый раз мать встретила "инспектора" осторожно, может быть даже робко. Но потом она узнала, что ее гимназическая подруга, еврейка по происхождению и зубной врач по профессии, Эсфирь Лившиц, была отправлена в концлагерь. И во время очеред-

ной инспекции мать начала ругать Гитлера за плохое обращение с евреями и с военнопленными. Немецкий язык она знала еще с гимназии. Комендант сначала обомлел и вытаращил глаза. Затем сказал: "Pass mal auf, Mensch! Es wird der Tod kommen und sagen: 'komm' mit mir". Мать не унималась и истерически продолжала кричать. Тогда комендант полез в кобуру, доставать свой "Вальтер". Но пистолет почему-то не вынимался, застревал, а Фицнер убегал, грозя самыми страшными карами. А на следующий раз все повторялось сызнова, в том числе и попытки вынуть пистолет...

Наша квартира была при амбулатории на втором этаже. Напротив амбулатории был наш сарай, а за ним огород. Бабушка, очень хозяйственная и энергичная, сажала овощи, разводила кур и выкармливала свинью. Надо было все-таки как-то кормить семью из 4-х человек. Получаемого по продовольственным карточкам, конечно, никому не хватало, хотя и мать, и бабушка, и дед — все работали. Дальше, в здании напротив, располагалась квартира самого коменданта. К нашему огороду постоянно шли пленные. Бабушка давала им хлеб, свинину, овощи, листья доморощенной махорки, приговаривая: "Берите, ребята, с Богом! Может быть и моему Боре кто-то там... в России... поможет". И тяжело вздыхала. Пленные проходили в сарай и в благодарность кололи сланец и дрова, дарили свои немудреные поделки. Однако подкармливание пленных было строго запрещено. И Фицнер забавлялся тем, что из окон своей квартиры, в мощный цейссовский бинокль наблюдал за всем происходящим. Наконец, однажды, он пришел в аптеку и сказал матери: "Вашу родительницу давно пора посадить в концлагерь. Мало того, что ее сын воюет против Рейха. Так она еще и Красную армию снабжает продовольствием". Но негласный "Красный крест" продолжал действовать... Комендант, наконец, махнул рукой.

Человеческая история знает много тайных и не тайных, мирных и воинственных орденов. Были тамплиеры, госпиталиеры, иоанниты, меченосцы, масоны, розенкрейцеры, иезуиты. В XX веке мир узнал и был потрясен явлением

и делами черного ордена СС. Меня всегда привлекала идея тайного ордена избранных. Но он оправдан лишь в тех случаях, если цели — общечеловечны, а средства — чисты...

Помню еще симпатичного обер-ефрейтора Рудольфа Хаазе из Данцига. Он приходил в аптеку за лекарствами и за мои выходки называл меня "вредный". А я дерзил и хулиганил, ибо мне ... казалось, что он пытается ухаживать за матерью. Был он награжден Железным крестом. Где-то под Ленинградом, во время бомбежки, загорелся гараж с военными автомашинами. Их бензобаки каждую минуту грозили взорваться. Он несколько раз бросался в бушующее пламя, пока не вывел оттуда все военные грузовики. Где-то он сейчас, добродушный и смешной Руди?

Я вживался в новую для меня обстановку. Наша квартира на втором этаже состояла из просторной кухни и комнаты. Мать готовила лекарства, а дед все больше хворал. В 1940 году во время приема он случайно пролил себе на ногу флакон бензина и уронил туда вслед тлеющую папиросу. Дед был рассеянным. И я пошел в него. Все вспыхнуло и нога была тяжело обожжена. На почве запущенного ожога началась гангрена. Дед лечил сотни людей, но сам лечиться не любил. В итоге, к началу войны левую ногу пришлось ампутировать. Он ходил с двумя палками и на протезе. Несмотря на это, он продолжал принимать больных. Дома он целыми днями отрешенно молчал, читал любимых им Лескова, Мельникова-Печерского, Станюковича и Мамина-Сибиряка.

Мать за 11 лет, конечно, отвыкла от меня. Да и мне она казалась иногда странноватой. Характера она была неровного. То проявляла бурную ласковость, то начинала ругать и даже кидать в меня попадающими под руку предметами. Однажды бросила в меня игровую стеклянную коробку, внутри которой перекатывались шарики. Да так, что до крови рассекла мне голову. Правда, и я был хорош гусь. Я часто высмеивал и дразнил ее за бесхозяйственность, за неумелость, за склонность к длительному лежанию на диване, за припадки истерии. Тягот по моему воспитанию она не несла,

бремя всех забот легло на бабушку. Но рисуя картины, декламируя стихи, цитируя классиков, высказывая своеобразные и неглупые мысли, она невольно пробуждала во мне интерес к русской и всемирной культуре...

Особые отношения сложились у меня с бабушкой. Бабушка была по своей натуре суровой, практичной и очень деятельной, благоговела перед мужем и была без ума от сына Бори. Я же был в ее глазах частицей ненавистного Ваньки Солдатова — "заскока", как она его называла, и невольным виновником несложившейся жизни ее дочери. Моя мать казалась ей неприспособленной к жизни, воплощением многих странностей и недостатков. Она вспоминала ряд необычных случаев про мать. Когда в детстве в ее кровать положили малолетнего брата Борю, то мать закричала "Вон дитю!" Перед школьным актовым вечером в гимназии вдруг потребовала: "Чтоб было шелковое платье. А то повешусь!" На жалобы бабушки на усталость якобы отвечала: "Знаешь, мама, в могиле отдыхать будешь!" Добрые советы бабушки квалифицировала так: "Грязными сапогами в душу лезут!" Среди ночи вставала и шла спать под бок к бабушке: "Опять черный монах приснился!"

Когда перед немецким наступлением в 1941 году прятались у одного знакомого, у Виллера, то мать вдруг убежала, крича: "Я молодая, жить хочу!" Я слушал рассказы бабушки, хохотал и невольно заражался некоторым ироническим отношением к матери. Но вообще бабушка была довольно суровой и неласковой, без конца ругала меня за шалости, нерадивую учебу, исчезновения из дома и неохотную помощь по хозяйству.

Было в поселке и небольшое русское общество. В религиозные праздники и в дни рождения бабушка напекала пирогов с капустой, морковью, мясом, варила варенья, пекла куличи, делала пасхи, варила, жарила и готовила десятки российских блюд. Созывались гости. Среди них бывал Николай Васильевич Торн-Самохвалов, внебрачный сын одного из великих князей, родом из Павловска, гитарист и поэт, печатавшийся в парижской "Иллюстрированной

России"; его жена — Александра Васильевна — массажистка по профессии, приобщившая меня к индийской йоге; отец Николай, крестивший меня и похоронивший моего деда; Михаил Николаевич Венгер, знавший множество смешных анекдотов; его живая и неглупая жена Нина; ее темпераментная и хорошенькая сестра Валя; высокоинтеллигентная Мария Павловна Карпова, кончившая медицинское отделение Бестужевских курсов; ее сестра Надежда, бывшая замужем за бывшим псковским помещиком Назимовым; ее живая веселая дочь Мура; чета Косогорских, склонных к черной магии. Время проходило весело, несмотря на тревожные времена. Обсуждали новости, вспоминали прошлое, пели, рассказывали, читали стихи, играли в лото и в бридж. Успехи советских войск в 1944 году, с одной стороны, вызывали некоторое сочувствие — дескать, "русские наступают". Но, с другой стороны, рождали тревогу — "совдеповцы с нами расправятся". Помню, как на одной из вечеринок мать, возбужденно жестикулируя, кричала: "Я — интеллигентная женщина. Да? А вот во сны верю. И вот что я видела. Будто надвигается из тьмы грозное, угрожающее, покрытое кровью войско и пугающе кричит: "Мы хамье, хамье идем! Мы, хамье, вас всех побьем..." Гости мрачно задумывались, а я звонко хохотал, подметив в матери еще одну странность. Но сон этот сбывся в отношении многих. И оказался пророческим.

В одно сентябрьское утро 1944 года пришел Фицнер, сообщил, что сорок советских дивизий прорвались в Латвию, и предложил эвакуироваться в Германию. "За вами приедет машина. Здесь будут военные действия и вы можете погибнуть", — сказал он в заключение. Мать страшно расстроилась и побежала домой. Было решено не ехать, так как дед болен. "Будь, что будет", — сказала бабушка. Из наших соседей, ехать собрался лишь Михаил Николаевич, ибо боялся репрессий за свою службу в шахтоуправлении. Он было уже вышел на крыльцо, с рюкзаком за плечами. Но жена Нина с плачем уговаривала его не ехать. Когда Фицнер зашел повторно, то, узнав об отказе, сначала изумился, затем вежли-

во попрощался. Но на Венгеров почему-то рассердился и сказал: "Пусть на ваши головы упадут русские бомбы". С плачем расставались мы с Мурой, Марией и Надеждой Павловой. Увы — навсегда!

Вскоре мы с приятелем залезли на высокую гору из сланцевых отходов и стали наблюдать за окрестностью. Сначала взорвалась шахта, потом дробилка, наконец, склад взрывчатки для подземных подрывных работ. Нас чуть не смело воздушной волной. Потом взорвали сланцевый завод в Кивийли. Начали рваться бензобаки. Было видно, как высоко в небо полетела круглая стальная крышка огромного бензобака... К небу поднялся исполинский столб черного дыма, будто при извержении вулкана. Сланцевое масло горело еще около месяца. Горели все подожженные немецкие учреждения. По железной дороге прошел последний состав. Затем, на наших глазах, немецкие саперы начали поджигать через определенные промежутки бикфордовы шнуры, и железнодорожное полотно взлетало за ними на воздух. То же происходило с телеграфными столбами. Картина была жуткая, апокалипсическая, уже знакомая мне по Силламяэ, три года назад. Скоро прилетели советские "Илы", вероятно для разведки. Утром по Нарвскому шоссе, проходящему за несколько километров от нас, пошли советские войска. Сквозь гул моторов доносился какой-то протяжный вой. Потом можно было различить слова. Солдаты пели, видимо, казачью песню — "выйди, выйди на крылечко, к удалому молодцу". (За правильность слов песни не ручаюсь.) 22 сентября 1944 г. был взят Таллин.

К чести, но и к несчастью эстонского народа, в промежутке между уходом немецких войск и приходом советских проф. Ю. Улуотс и О. Тиф сформировали независимое эстонское правительство и провозгласили вторую Эстонскую Республику. Некоторое время на башне Германа Вышгородского дворца в Таллине развевался эстонский национальный, сине-черно-белый флаг. Напрасно престарелый адмирал И. Питка, ветеран Освободительной войны, пытался сформировать эстонские национальные войска и организо-

вать сопротивление советским войскам. Эти люди исполнили неисполненный правительством Пятса долг в 1940 году. Но, к сожалению, они опоздали на 4 года и 3 месяца. Было уже слишком поздно. История не прощает иногда даже часового опоздания и строго карает за это!

Ю. Улуотсу удалось бежать за границу, а О. Тиф и другие члены его правительства проведут 12 лет в советских лагерях. И. Питка, согласно некоторым данным, по-офицерски покончит с собой в лесах западной Эстонии в октябре 1944 года, отказавшись от побега в Швецию. Эстонская независимость еще раз погибнет под гусеницами советских танков.

Так во второй раз пришла советская власть — незваная, как татарин. Уже на следующий же день во главе шахтоуправления поставили советского директора Блытова. Так и хочется "ы" заменить на "а". На зоркие ястребиные должности парторга ЦК ВКП(б) и начальника милиции назначили людей с кроткими фамилиями. Оба были Голубевыми. Но оба относились к более хищной породе птиц. Всем предложили выйти на работу. Работающим выдали продовольственные карточки, намного более скудные, чем немецкие... Спустя несколько месяцев, в мае 1945-го, в пустующий после эвакуации советских пленных лагерь привезли немцев, капитулировавших в Курляндском котле. Ихудалые и изможденные, они протягивали нам свои алюминиевые полевые фляги. А мы наполняли их у колодца водой и возвращали. И смотрели на них во все глаза. Невдомек мне было, что в это самое время, на верхней прогулочной площадке Лубянской Внутренней тюрьмы, возможно, стоит другой узник и в другой военной форме, со споротыми погонами, которому не то что невозможно подать воды, но даже взглянуть на него означало бы совершить государственное преступление. Ему суждено будет стать великим писателем России...

Немецких пленных частично использовали на строительстве, частью — на шахте. Конвой был слабым. И с немцами, работающими на стройке, я скоро подружился. Я часто и охотно с ними беседовал, носил продукты, рассказывал

о новых порядках. Одному офицеру, имеющему боевые награды, я говорил нечто вроде того — что, мол толку, что вы храбро воевали, а теперь, вот, сидите здесь за колючей проволокой. Он отвечал: "Мальчик! Ты еще очень молод... Против нас воевал весь мир... И 6 лет не мог нас преодолеть. История не кончилась. А только начинается". Но все очень тосковали по родине, болезненно переживали разлуку с ней. Видя это, я подарил бывшему художнику Вейнхардту свой иллюстрированный сборник "Deutschland" (Германия). Получение этого сборника было большим событием для всего лагеря. Установилась очередь для чтения. А Вейнхардт, из чувства благодарности, по фотографии сборника нарисовал коричневой охрой замечательный портрет Л. Бетховена. Его глаза были как живые, горели огнем вдохновения и муки. До 1974 года я бережно хранил этот портрет. Но после моего ареста, по вине моего сына Александра, он навсегда исчез из моего дома.

В 1947 году немецкие пленные, стройной колонной и печатая шаг, распевая коммунистическую песню и неся лозунг "Wir kamen als Feinde und gehen als Freunde", двинулись к станции и погрузились в поезд, увозящий их на Запад. Таков был ритуал возвращения из плена, желаемый властями.

... Если бы германский народ свою кипучую энергию и внутреннюю одаренность, свой организаторский гений и потрясающую способность к порядку, свое мужество и настойчивость, проявленные во время Второй мировой войны, направил бы на общечеловеческие цели; если бы он более человечно обращался со своим противником и с негерманскими народами; если бы он был так мудр и дальновиден, чтобы в поляках, русских и украинцах приобрести союзников, а во французах и англичанах — доброжелателей, — то коммунизм был бы сокрушен, а истинная "Новая Европа" построена. Что ж — с Богом! История, действительно, еще не кончается...

Но вернемся к 1944—47 годам. Жизнь начинала становиться подлинно советской. Принудительный труд, всеоб-

ший голод, террор политический, террор уголовный... Мать не от хорошей жизни вывесила объявление "Даю уроки русского языка за продуктовые товары" — и начала потихоньку менять лекарства на литры молока, на куски свинины. Потом продала часы "Омега" и шведский велосипед фирмы "Викинг" за несколько мешков картошки и крохотного поросенка. Затем на лошади поехали на мельницу. Там в обмен на серебряные ложки из бабушкиного приданого и за бостоновый костюм деда мы получили несколько мешков различного сорта муки.

В связи с голодом и с общим отчаянным положением в семье случилось несчастье. У деда на ампутированной ноге снова открылась гангрена и его поместили в деревянный барак немецкого времени под гордым названием "Хирургическая больница гор. Кивиыли". Бабушка, употребив всю свою пробивную энергию и решительность, добилась права жить с ним в одной палате в качестве сиделки. Дед очень мучился, протяжно стонал и бредил, держался на уколах морфия и пантопона. Затем долго и тяжело агонизировал. Но умер тихо и просветленно, три раза глубоко вздохнув. Бабушка до последнего мгновения была с ним.

Я хочу лишь пожелать каждому, чтобы в дни тяжкие, в дни предсмертные, каждая жена перед мужем, и каждый муж перед женой исполнили свой долг так, как это сделала моя бабушка осенью 1946 года. После смерти в кармане деда обнаружили краткую записку, написанную нетвердой рукой: "Дорогая мака! (так он звал бабушку) Я умер. Прости меня за все. И спасибо за все. Передай привет детишкам. Твой Федя".

Но, к сожалению, полностью исполнить последнее пожелание деда тогда оказалось невозможным. Бориса, моего дяди, еще не было. Вскоре он приедет из Куйбышева.

Сочувствующий коммунистам и мобилизованный в августе 1941 года, он в 1942 году в составе Эстонского стрелкового корпуса будет отправлен на фронт под Великими Луками. Здесь на фронте вступит в партию. В ближайшем

же бою осколок немецкой мины навылет пробьет его правую ступню и его эвакуируют в тыл.

Вернулся он в конце 1946 года из Куйбышева в Кивиыли инвалидом войны. Его тут же назначили заместителем начальника шахты Кивиыли. Он получил чью-то брошенную квартиру, литер "Б" (продкарточка для элиты) и начал делать карьеру...

В те годы Эстония снова пережила все то, что было знакомо еще по 1941 году. Война не изменила лика тирании. Как водится, сначала пришли советские воины, а затем пришли советские чекисты. Новым было только то, что вслед за этим страну захлестнула третья, не менее опасная для жизни волна — нашествие блатных. Многие, кого не пристрелили бойцы и не арестовали чекисты, были теперь искалечены или убиты уголовниками, несметной ратью хлынувшими из России в Эстонию. Забушевала дьявольская стихия избиений, изнасилований, воровства, грабежей... А кто сопротивлялся — убивали на месте. Сын женщины, купившей у моей матери велосипед, 16-летний Ю. Пеетс, вышел на нем покататься. Он не пожелал отдать велосипед окружившим его грабителям. И тут же среди бела дня был ими на дороге зарезан. Вагоны поездов, их крыши были заполнены не только блатными, приехавшими на "гастроли". Тут был и околоуголовный элемент, кого мы звали "мешочниками". "Мешочники", выменивая, воруя или скупая ворованное, вывозили на Восток мешки с картошкой, мукой, мясом, хлебом и мануфактурой. С крыш вагонов едущего поезда нет-нет да кого-нибудь сталкивали вниз — на верную инвалидность или смерть. А имущество несчастного присваивали и пропивали. Милиция с этими людьми обращалась запанибрата и практически ничего не предпринимала. Более того, власть даже негласно поощряла "блатовщину" и "мешочничество". "Социально-близкие", а вернее морально родственные "блатные" нужны были для устрашения и гражданского террора над населением Эстонии. А "мешочники" помогали опустошать "буржуйскую" страну и отчасти решали проблему снабжения России...

Но чекистский террор был, конечно, не меньше уголовного. В Эстонии осталось тогда много людей, ненавидящих советскую систему, служивших в немецких военных частях или политически сотрудничавших с ними. Те из них, кто до конца понял суть этой власти, ушли в отряды "лесных братьев". После периода фронтальных боев начался период лесо-болотной вооруженной борьбы. Недопонявшие суть власти поверили советским пропагандистским уткам, что, дескать, можно "кровью искупить вину перед Родиной", и мобилизовались в Советскую армию. Их направили сначала в учебные лагеря, а затем бросили на самые убийственные участки фронта в Курляндии и на о. Сааремаа. Выживших на фронте отправили после завершения боев уже в другие лагеря. Не ушедших в лес или на фронт арестовали сразу. Общее число арестованных только за 1945—46 гг. достигло 38 тысяч человек. И в нашем поселке целыми семьями по ночам начали исчезать люди, неугодные властям. Сначала арестовали несколько эстонских семей, потом принялись и за русских. Исчезли Дорбеки, Капнины и другие.

Заинтересовалось МГБ и моей матерью. Телефонным звонком ее вызвали в отдел МГБ в г. Кивибли. Автобусы не ходили, велосипеда уже не было. И пришлось ей прошагать 6 км туда и столько же обратно. На допросе ее спрашивали, зачем в аптеку приходил Фицнер, что она знает о судьбе пленного военно-морского врача Валерьяна Ивановича и что она вообще знает. С одной стороны, она никогда не интересовалась политикой и действительно ничего не знала. С другой стороны, ее брат был членом партии и инвалидом "Отечественной" войны. И ее отпустили. Еле волоча ноги от усталости, она вернулась домой. И тут раздался новый звонок с приказом тотчас же вернуться в МГБ. Еще 6 км пешком. В МГБ ее долго заставили ждать. Потом к ней вышел полупьяный майор, мутно на нее посмотрел и сказал: "Ладно, идите, дамочка. Я хотел взглянуть на вас". Еле добравшись домой, она с нервным шоком и с высокой температурой свалилась с ног. И многие дни пролежала больной.

Затем в аптеку приходил другой майор МГБ по имени Негин и, фамильярно называя ее "сестренка", требовал спирта и наркотиков. Она давала. И что-то я не помню, чтобы она осмеливалась дерзить ему так, как Фицнеру. Страх пред-советский был десятикратно выше страха пред-нацистского. Видимо пропорционально общему количеству жертв. Когда я впоследствии упрекнул ее в робости, то она ответила: "Вас надо было спасать".

Нас-то нас, а всегда ли это резон? Такими вот миллионнократно повторенными страхами-причинами растет, крепнет и живет тоталитарная власть!

Между тем, я ходил в школу в Ирвала, в 3 км от поселка, кончал там 4-й и 5-й класс. Директором ее был назначен один эстонец, проживавший всю жизнь в Ленинградской области и являвшийся членом партии. Парень он был неплохой, но ограниченный. По заданному стереотипу он порочил независимую Эстонию: "Вы думали только о том, чтобы пить и есть. А о благе трудящихся всего мира забыли". Однажды мы с Иваром Т., во время большой перемены, разложили на полу газету с огромным портретом Сталина и стали в его лицо бросать карманные ножи. Лезвия метко попадали в цель. Но мы не заметили, как к нам сзади подошел директор. Увидя, что мы делаем, он весь побагровел, у него отвисла челюсть и задргала нога. Потом он вырвал и скомкал газету, а нас отправил в угол. К его чести, история была замята.

Но мы проделывали и более рискованное. Однажды с Иваром, маскируясь под сборщиков ягод и запасшись корзинами, мы отправились в деревню Кийкла — один из очагов движения "лесных братьев". Мы относили туда секретное письмо. Ночью в доме, где мы ночевали, происходило совещание партизан. Утром, с корзинами, наполненными ягодами, мы возвращались в поселок. Под ягодами, на дне корзины, лежало ответное зашифрованное письмо "лесных братьев".

В карьере мы прятали 10-зарядную советскую винтовку и тайно ходили туда стрелять в цель. Стреляли тогда везде и очень много. Наши выстрелы не привлекали большого вни-

мания. Дома под диваном, в сарае и на чердаке у меня хранилось много боеприпасов и огромный американский "кольт".

Однажды мать нашла под диваном небольшой ящик с патронами и по глупости отнесла начальнику милиции Голубеву. С тех пор я был взят на учет как "хулиганствующий подросток". Это было недалеко от истины. В середине поселка росло старое дерево с огромным дуплом. Вечером мы набили его макаронovidным порохом из гильз артиллерийских снарядов и винтовочными патронами. А затем подожгли. Из дупла под влиянием сильной тяги вырвался буйный столб огня, и патроны стали пачками рваться. После такого знатного "фейерверка", "огненного фонтана", как мы его называли, вся милиция была поднята на ноги. Но нас не поймали.

Не обошлось без трагедий. Мой друг Хальянд Кург, встретив меня на лыжах, уговорил меня на обмен: я даю ему старый пистолет, а он мне снайперский прицел. Вечером мы должны были встретиться. Но эта встреча не состоялась никогда. Еще в сумерках его принесли в амбулаторию, протяжно стонущим и с вырванным боком. Он кричал: "Пристрелите меня!", потом потерял сознание и к утру умер. А было так. У немцев была на вооружении граната с длинной деревянной рукояткой. Он взял гранату, вышел на крыльцо и, взявшись за белый пластмассовый шарик, выдернул чеку. Он хотел бросить гранату на огороды между бараками, чтобы попугать милицию. В это время из-за угла появился Голубев, Хальянд инстинктивно отпрянул, задержав на секунду бросок. Грянул взрыв...

Но были и у меня дела, граничившие со смертельным риском. Немцы перед уходом оставили огромное количество подорванных орудий и полувзорвавшихся складов с зенитными снарядами. Я брал зенитный заряд и с размаху бросал его о бревно. После нескольких попыток, снаряд отделялся от гильзы. Из открывшейся гильзы я вынимал связку длинных черных "макарон" (вид артиллерийского пороха) и белую шелковую подушечку с зеленым зернис-

тым порохом. Но самое опасное было еще впереди. Вооружившись молотком и зубилом, я принимался за сам снаряд. Используя боковые срезы алюминиевой головки снаряда, я наносил удары по касательной и постепенно свинчивал головку. В алюминиевой головке был часовой механизм, приводящий в движение бойник. Его игольчатый наконечник смещался на два миллиметра через заданное артиллерийским прибором время, пробивал пистон, тот подрывал тарельчатый капсюль и весь снаряд взрывался. Как я не подорвался, разряжая таким грубым способом десятки снарядов, я не могу понять до сих пор. Это какое-то очередное чудо моей жизни. И все то же желание — взглянуть в глаза смерти. Взрослые и практически все сверстники этого делать не решались. Но все очень охотно покупали часовые механизмы, добытые в ходе моего смертельного промысла. Они давали мне за них ножи с серебряной рукояткой, патроны, ракеты, оружие, карманные фонари и многое другое, ценное мальчишками. Часовые механизмы взрослые использовали для часов, а мальчишки — как диковинную игру. Они заводились, трещали, щелкали...

Жила во мне острая тоска по Вайваре. И однажды я убежал из дома и зайцем доехал до Вайвары. Пешком дошел от станции до Силламяэ, а потом и до Синих гор. Менее, чем два года назад здесь шли кровопролитные бои. Теперь весь район был объявлен запретной зоной — вход и въезд только по спецпропускам. Недавно в Силламяэ, исследуя сланцевую породу, выброшенную из бомбовой воронки, московские геологи нашли урановую руду. И теперь пленные латышские эсесовцы, заключенные и привезенные по оргнабору рабочие строили здесь урановую шахту, урановый комбинат и промышленный поселок.

Я не узнал больше этих мест. Не встретил ни одного знакомого, даже ни одного человека, говорящего по-эстонски. На морском берегу почти не было песка — он весь ушел на строительство. Среди серо-монотонных каменных коробок я с трудом обнаружил наш деревянный дом. Там жил теперь какой-то партработник с семьей. "Дом старомодный, но с

огородом и на берегу реки. Да и с даровой мебелью от прежних жильцов”, — так, наверное, оценивал дом новый владелец. Позднее дом окажется на огороженной территории нефтесклада и будет использоваться как подсобное помещение. Затем пойдет на слом.

От Силламяэ я пошел по шоссе в направлении Синих гор. Ни домов, ни леса, ни даже кустарников... сплошная пустыня. Будто промчались апокалипсические всадники... Будто огненный вихрь атомной войны пронесся через мир моего детства, уничтожив все, кроме земли. Но и земля вся была изранена — вся в воронках от снарядов и бомб, в ямах для добычи песка и щебня, вся изрыта блиндажами и окопами. Синие горы были тогда окружены еще минными полями. Лишь узкая полоска вдоль шоссе была разминирована. Вдалеке, на окружающих полях виднелись серые холмики с какими-то выцветшими тряпками. Это были трупы солдат, уже второй год неубранные. Считалось, что они тоже заминированы.

Сойдя с шоссе на Западную гору, я медленно пошел, ощупывая шестом каждое место, на которое собирался вступить. Так я обошел все три горы, хорошо знакомые мне с детства. На них теперь не было даже травы. Кругом обгорелые и расщепленные пни, полуобвалившиеся блиндажи, осыпающиеся окопы, обрывки разорванных писем, окровавленные коричнево-грязные от крови и земли бинты, груды ржавых патронов, гильз и обойм, пробитые футляры противогазов, смятые алюминиевые фляги и обломки, обломки, обломки. Подорванные танки, орудия и оружие, видно, недавно были подобраны. Чудом уцелела лишь высокая триангуляционная башня, сколоченная из мощных бревен, изрешеченных осколками и пулями. Лестницы никакой не было. Но я залез на самый верх, карабкаясь по выступам бревен. И оттуда увидел неповторимую картину. Впервые я видел землю не зеленою или желтоватою, но черною и темнокоричневою от сплошь покрывающих ее воронок. Мне думается, что даже лунный ландшафт был бы

жизнерадостнее того, что я видел с вершины треугольной, бревенчатой башни.

И мне думалось, что какой-то страшный рок преследует меня, так неумолимо, жестоко и неуклонно разрушающий мой детский, прекрасный мир. Мир, где кипела такая богатая и разнообразная жизнь, где я собирал синие перелески и яркокрасную землянику, обратился теперь в юдоль скорби и печали, в кровопролитное побоище, в кладбище для десятков тысяч людей, в братскую могилу для представителей разных народов.

Меня повлекло также в Россию, к истокам столь противоречивого и разнородного, потрясающего и трогającego, ужасающего и волнующего. В Ленинграде, в Чернышевском переулке, жила тетя Дотя — сестра моей бабушки, Евдокия Миронова. Она пережила Ленинградскую блокаду и имела награды. Не сообщая матери и бабушке, я решил навестить ее. Отец предложил мне взаймы 150 рублей денег. На самом деле я просто хотел посмотреть страну. Взяв с собой еще коробку овсянки, перемешанной с сахаром, я отправился в путь. Билета я покупать не стал. Жулье на меня не обращало никакого внимания, от кондукторов я скрылся и зайцем доехал до Гатчины. Здесь я ознакомился с Гатчинским дворцом, резиденцией Павла I и Александра III, бывшей временно и резиденцией А. Керенского. В одном из его флигелей находился бесплатный музей. Там показывали и карандашную надпись на каменной плите, сделанную готическим шрифтом каким-то немецким солдатом. Перевод под стеклом не стенде гласил: "Мы здесь были, по оставаться здесь больше мы не можем. А когда придет Иван — все здесь будет пусто. Январь 1944". Эту полушутливую надпись советская пропаганда теперь всерьез использовала для доказательства якобы особого вандализма немецких войск. Заночевал я на скамейке, в дворцовом парке со статуями, перед прудом. От холода я не мог заснуть. И ко мне ночью вновь пришли видения...

Утром я доехал до Ленинграда-Петербурга. Снова, конечно, зайцем. И весь день затратил на знакомство с городом.

Тетю Дотю я решил разыскать позднее. Вечером я неосторожно решил поспать — отдохнуть на Балтийском вокзале. Однако ночью была облава, меня разбудили, спросили документы, их не оказалось и я тут же был арестован. Меня доставили в детприемник при Отделении милиции вокзала. После краткого и грубого опроса со стороны женщины-инспектора милиции, я был сдан наряду милиции. Те втолкнули меня в подъехавший воронок, который был битком набит только что пойманными молодыми преступниками и бродягами. Через заднюю стенку-решетку милиционер отдал мне отобранные при обыске 150 рублей. Едем. Душно. Жарко. Тесно. А трясет так, что мочи нет. А сесть?.. Да куда там — яблоку упасть негде. Хозяйничающая в глубине воронка уголовная верхушка вдруг проявляет отзывчивость: "Эй, пацан! Есть место. Кантуйся к нам". Но едва я сел, как словно железными клещами оказались сжатыми мои руки, к глазам была поднесена бритва и чья-то рука начала опытно открывать мой застегнутый грудной карман. "Отдавай, подлюга, деньги!" — донеслось угрожающее змеиное шипение. Не знаю, откуда взялась сила. Но я вырвался, раскидал воровскую братию и с силой пробился к задней решетке. Я протянул деньги милиционеру и сказал: "Милиционер! Возьмите мои деньги на хранение. Хотят отобрать". Тот молча взял: "У-у, гад ползучий!" — "У-у, фраер паскудный!" — "Ну погоди — кишки выпустим... Пасть порвем... свет погасим", — шипяще пронеслось по воронку. Началось трусливое издевательство. Выкрали из сумки овсянку с сахаром. Прижигали папирсой. Кололи иголками. И все как-то подло. Из темноты. Прячась за спины других. Я пытался было защищаться, опираясь на власть. Но те с безучастным видом молчали. Тогда я озлился, молча терпел и время от времени отбивался.

Привезли в детприемник Свердловского района. Раздели, все отобрали, свели в баню и развели по камерам-отделениям. Воспитатели — бывшие солдаты, разжалованные милиционеры и чекисты. Были и женщины. Одна женщина воспитывала так. Пригибала провинившегося лицом к полу

и с размаху била носком сапога по заднему месту. Впрочем, это считалось нормальным. По детприемнику поползли слухи о моем "преступлении". Не отдав вора́м деньги, я нарушил какие-то важные в их мире "законы". Меня предупредили, что будет "правилка" и меня зарежут. Но мне было все равно — пусть деньги пропадут, лишь бы не в ваши бандитские руки! Но нападать, пока не нападали. Уголовники — хорошие психологи. И днем ожидали от меня, в случае нападения, скандального отпора. Надо было что-то делать "втихаря", решили они. Один все меня расспрашивал про Эстонию. Я рассказывал. Глаза его разгорались. Конец разговора меня изумил: "Вот бы куда поехать... Вот бы где пограбить". Я перестал рассказывать. Так воспринималась Эстония этим подростком. Но так воспринимал ее и Кремль, и значительная часть советского населения до июня 1940 года.

Спать нас всех клали по двое на одну узкую койку. Там было немало подростков по 18 лет. И такая совместная укладка подростков только способствовала гомосексуализму и другим извращениям. Ночью я почувствовал, что кто-то осторожно снимает с моей головы одеяло. Я вскочил и чья-то тень бесшумно выскользнула из спального отделения. Не знаю, что хотели — то ли спящему перерезать сонную артерию, то ли выколоть глаза. Утром во время завтрака новая сцена. За квадратным столом сидит большеротый, как жаба, рослый подросток и три мальчика поменьше. Раздали кашу. Но большеротый, еще не начиная собственную миску, начинает жадно есть из мисок своих товарищей послабее. Воспитатели не вмешиваются. Их дело следить за раздачей мисок, а не за тем, кто у кого ест. После завтрака все должны были хором сказать: "Спасибо!" В том числе и те, кому ничего не досталось...

Вскоре в сопровождении воспитателя меня этапируют в Таллин, а потом домой. Воспитатель, член партии и бывший фронтовик, в офицерском кителе со споротыми погонами и с колодкой орденов на груди, подсаживается и укоряюще, но задушевно говорит мне: "Послушай, Серега, ты парень

культурный. Поимей совесть гражданскую. Государство тебя поило, кормило, теперь тратится на твою отправку. У тебя 150 рублей. Возмести государству хоть часть расходов. Распишись, что деньги получил". Я кляну на демагогию, как и миллионы. Расписался, отступился, отдал. Но потом сообразил, что происходит. Прозрение и просветление ко мне приходит медленно. Но верно! И в Таллинском детприемнике, при сдаче дел, потребовал вернуть мои деньги. И мой горе-воспитатель, весь красный от стыда, оправдываясь и ругаясь, при всем честном народе вынужден был отдать присвоенные деньги... Моя роспись на бумаге, а деньги-то у него, в бумажнике.

От уголовников я их сохранил, от полууголовника тоже. И вот победоносно отдаю отцу нерастраченные деньги. Отец, уже полупьяный, решил их разменять в банке, чтобы выпить. Но поскольку я носил их одно время в ботинке, то на ассигнации оказалась дырка от гвоздя. Банк менять согласился, но, по правилам, должен был актом заприходовать поврежденные деньги. Но отцу, вдруг, захотелось покуражиться. И он, на глазах у изумленных банковских служащих, разорвал ассигнации в мелкие куски. Каких нервов и риска мне стоило отстоять отцовские деньги от блатных хищников, а он ради театрального жеста изорвал их в клочья!

Так вот часто идут впустую многие наши жертвы и усилия! Особенно, если цели суетны... Все накопившиеся в моей душе тягостные впечатления начали, наконец, давать свои непредсказуемые плоды. Я вдруг возненавидел весь мир и мне опротивели все люди. Я начал искать уединения или смерти. Я онемел и закрылся для мира. Для начала я перестал разговаривать дома и с учениками в школе. Их разговоры казались мне теперь пустыми, шутки — плоскими, интересы — мелкими. Ребята сначала испугались и недоумевали — вчерашний лихой заводила превратился вдруг в брезгливо сторонящегося всех тихоню. Преследовать меня или издеваться надо мной никто не посмел — это было бы небезопасно. И меня просто стали обходить стороной: не

хочешь общаться — не надо. А я неделями, а потом и месяцами не ходил в школу. Я врал учителю, что болею (это было верно в отношении моей души!). А записки, посылаемые матери из школы, рвал по дороге.

Дома долго ничего не знали. Каждое утро я уходил со своим неизменным бутербродом. Дома думали, что я в школе. А я целыми днями бродил по лесам и кустарникам, по берегу реки и по отвалам обширного карьера. Я вглядывался в облака, воду, камни, деревья, зайцев, птиц. Во мне бурлили чувства. Я пытался размышлять. И мучительно бился над вопросом — почему этот мир и эта жизнь так устроены? Но я был слеп и беспомощен — истина не открывалась моему видению...

Однажды в большом зале помещичьего дворца, где помещалась наша Майдласская школа, ребята выпустили пойманного голубя. Он резво взмахнул крыльями и обрадованно полетел на свет. Но стукнулся об окно и вдребезги разбил его. Трепыхаясь и недоумевая, он, наконец, сел на срез разбитого стекла. По стеклу лениво побежала ярко-красная струйка крови. Я смотрел и думал — вот точный образ моей жизни, вот символ моего душевного смятения!.. К Богу я уже относился прохладно. Если Ты есть, то зачем допускаешь это? Перед Недобрым я благоговеть не могу! Если же Тебя нет, то к чему моя вера?

Обман мой разоблачили. Но бесполезны были попытки близких, угрозами и посулами вернуть меня в школу... Так в 1947—48 году я и не кончил Майдласской 7-летней школы. Мать вынашивала фантастические планы. То хотела сдать меня в ФЗО (школа фабрично-заводского обучения). То обещала определить в спецшколу для трудновоспитуемых. Я же начал ночи напролет, запоем, читать Мамина-Сибиряка, Лескова, Диккенса, Золя. Пытался осилить Достоевского. Затем...

У нас был очень толстый словарь "Etymologisches Wörterbuch", кажется, Лангеншейдта. Я оборудовал в крохотном чулане квартиры маленький столик, провел туда свет, сделал сидение. И целыми неделями начал переводить на рус-

ский язык международных термины словаря. Таким образом я пытался раздвинуть границы своего знания о мире. Работа так увлекла меня, что я исписал несколько толстых тетрадей. И довел свои переводы до слова: "Idolatrie".

Но мир книжный, по-новому всколыхнув мои чувства и расширив кругозор, не дал мне истинного знания о мире действительном...

Внезапно мой душевный надлом дополнился сильным ударом судьбы. В стране свирепствовал чекистский террор. Но террор рождает контртеррор. И "лесные братья" все чаще совершали дерзкие налеты на сельсоветы и райкомы, на шахто- и заводоуправления и даже на отделения милиции и отделы МГБ, обстреливали из лесов проходившие воинские подразделения. Все чаще не только ночью, но и днем слышалась перестрелка. Одновременно начались нападения на банки и почты, на магазины и склады с целью экспроприации советской власти и изыскания средств...

Помню такой случай. Темное зимнее утро. Иду в Майдласкую школу, куда ходил в 6-й класс. За школой я увидел огромное зарево. Выяснилось, что ночью группа партизан, во главе с бывшим хозяином, окружила дом, где теперь жили парторг и председатель колхоза "Савала" со своими семьями. Они подожгли дом. А членов семьи, пытавшихся выпрыгнуть из горящего дома, в упор расстреляли из автоматов... Я не оправдываю жестокость. Но состояние людей, вынужденных многие годы на своей собственной родине, подобно зверям лесным, скрываться по кустам, лесам и болотам, ежечасно ожидая ран, пыток, заключения или смерти, понять можно... В 70-е годы я прочел одну советскую книгу, где говорилось: "... за послевоенные годы на территории ЭССР наши доблестные чекисты разоблачили и обезвредили около 50 тысяч активных бандитов". Уже это признание красноречиво говорит о масштабах партизанской борьбы...

Так вот и случилось, что во время облавы на "лесных братьев" в районе деревни Ийзаку Мязтагузской волости в 1948 году погиб видный чекист и коммунист эстонец

А. Омаль. Его вдову, имевшую средне-фармацевтическое образование, спросили, где она хотела бы работать? Она ответила — в аптеке поселка Кюттейюд. Вдова была не виновата. Сломленная горем и отчаянием из-за потери близкого ей человека, она сама не знала, что ей нужно. И вскоре она, преследуемая страхом и одолеваемая болезнями, уедет в Советскую Россию к родственникам... А моя мать в те дни тотчас же была уволена. С нею случился нервный припадок. Но с властью не поспоришь. И пришлось в 24 часа покинуть аптеку, созданную дедом и матерью. И спешно, под наблюдением милиции, выселяться из квартиры... Бабушка перешла к Борису, жившему в Кивийли. Я по приглашению отца временно поселился в его семье, в том же городе. А мать стала работать в аптеке города Йыхви, снимая в частном доме проходную комнату, не имеющую даже плиты.

Так судьба через советскую власть, или советская власть наперекор судьбе, еще раз неумолимо и жестоко раскидала семью, в которой я жил — семью моей матери. Таковы мои подростковые впечатления.

Глава 3

УЧЕНИЕ

1947 год для Эстонии был некоторой передышкой после волны массовых репрессий 1945–1946 гг. Но с 1948 года начинается новая волна террора. Эта волна совпадает с общесоюзной. Происходит очередная крупная чистка партии. Контроль над духовной жизнью общества еще больше ужесточается. Сигнал к "завинчиванию гаек" в области культуры был дан еще в 1946 году в карательных мерах ЦК партии против журналов "Звезда" и "Ленинград", в преследовании Анны Ахматовой, Мих. Зощенко и других.

Культ личности Сталина достигает апогея. К обычным эпитетам — "вождь всех трудящихся", "мудрый учитель", "Ленин сегодня" — добавляются теперь "величайший полководец всех времен", "кормчий человечества" и "зодчий коммунизма". И это неудивительно. В ходе Второй мировой войны советские граждане — военнослужащие и администраторы, — пришли в страны Восточной Европы, изначально находившиеся под влиянием западной культуры. Этот невольный контакт порождал духовные веяния и влияния, чуждые обычному советскому мировоззрению. Послевоенный террор по идеологическим мотивам должен был послужить предостережением и положить конец проникновению

чуждого мировоззрения. Сами страны, попавшие под советский военный контроль, подвергались в это время усиленной "советизации". Происходит их оформление в страны "народной демократии", полностью зависимые и преобразованные по указаниям из Москвы, начиная от Албании в 1945 году и кончая Венгрией в 1949 году. Кроме того, Советский Союз добился в 1949 году определенных успехов в своей великодержавной политике: он испытывает собственную атомную бомбу и приобретает могучего сателлита в лице коммунистического Китая. Одновременно продолжается и внутренний террор. В ходе так называемого "Ленинградского дела" подвергается разгрому партийное руководство Ленинграда. В Эстонии, Латвии, Литве, на Западной Украине и в других западных районах страны в это время происходят массовые аресты крестьянства и депортация их в отдаленные места Северной России и Сибири.

В 1949 году решено было в странах Прибалтики провести добровольную по форме, принудительную по существу "сплошную" коллективизацию крестьянства. Проводилась она по образцу и подобию советской, проведенной в 1930—1933 гг. В Эстонии это происходило так. В канун 25 марта 1949 года, под завесой великой секретности, были мобилизованы части Советской армии, подразделения милиции и МГБ, а также весь партийный актив. Вспомогательно к этому был мобилизован почти весь автомобильный транспорт, выделены десятки железнодорожных составов. В уездных и волостных партийных комитетах были заранее составлены черные списки "кулаков" (неугодные зажиточные крестьяне и середняки) и "подкулачников" (неугодные бедные крестьяне и безземельные). Таким образом искоренению подлежали все, по какой-либо причине вызвавшие подозрение или немилость властей. На каждого из них было подготовлено "постановление о выселении" за подписью руководства партии и МГБ, а также трех односельчан. К стыду народному, такая "черная троица" земляков всегда находилась. По оперативной разнарядке и по подготовленным постановлениям грузовая автомашина с уполномоченным МГБ,

с вооруженными солдатами и партийными активистами подъезжала к дому или к хутору, его жителям зачитывалось это постановление. Семье разрешалось брать по 25 кг вещей на взрослого человека и давалось от десяти минут до нескольких часов на сборы. Затем несчастную семью сажали в автомобиль, везли до ближайшей станции и грузили в товарные вагоны охраняемого состава. Разгрузив "живой товар", автомобиль шел в новый "пиратский" рейс. И наиболее шустрые из них успевали обернуться по 5—6 раз в сутки, каждый раз привозя новую партию рабов для ГУЛага.

Характерно, что те намеченные жертвы, которые случайно не оказывались дома во время операции 25 марта, после этого уже не арестовывались. День магической пляски колдунов, человеческих жертвоприношений и охоты на ведьм на этот раз закончился. Выжившие могли заниматься повседневными делами.

Ряд хуторян оказал вооруженное сопротивление, а другая часть с боем или без него прорвалась в лес. Но основная масса крестьянства подчинилась насилию. В тот злосчастный для народа день было арестовано почти 100 тысяч человек, что составляет более 10% всего населения и в 8 раз превышает число жертв в ночь с 13 на 14 июня 1941 года. Случалось, что легионы Древнего Рима совершали страшное по законам государства преступление — бежали с поля боя. Тогда легион децимировали. То есть, казнили или наказывали каждого десятого, выхваченного из строя. Но за какое преступление был "децимирован" — депортирован эстонский народ?

К стыду нашего рода, мой дядя Борис, принадлежа к партактиву г. Кивийли, тоже принимал участие в этой депортации. Он — единственный из моей родни причастен к репрессиям. Делал он это не по желанию, но из трусости. Он боялся послушаться своего партийного начальства и пожертвовать карьерой. Бога он боялся меньше, и смело жертвовал своей совестью... Но и он рассказывал, что "раскулачивание" было только вывеской. Арестовывали как раз больше всего бедняков и середняков, чьи взгляды

властям не нравились, кто не ладил с местным начальством или просто не догадался во время "отмазать" — дать взятку. Не по "классовому признаку", как любят похвастаться советские историки, проводилась эта коллективизация, но по идеологическим и психологическим основаниям. Да точно так же она происходила и в России и на Украине 16 лет тому назад.

В следующем, 1950 году, Советский Союз, ощущая "избыток" державной силы, решил завершить завоевание Дальнего Востока. По внушению из Москвы Китай напал на Южную Корею, намереваясь оккупировать ее и создать здесь совместный с СССР военный плацдарм против Японии. Началась кровопролитная и, в конечном счете, позорно-проигрышная война в Корее. Коммунистическая экспансия впервые получила достойный отпор в мире. Одновременно Кремль инспирирует так называемое "движение за мир" под дымовой завесой пресловутого "Стокгольмского воззвания". Его единственной целью было подорвать оборонительную силу Запада, его волю к сопротивлению...

В Эстонии же власти проводят типично по-сталински пресловутую "культурную революцию" под лозунгом борьбы "с буржуазными пережитками". Арестовывается более 3000 человек, идеологически ненадежных с точки зрения властей. Происходит массовое увольнение учителей, журналистов и ученых. Целый ряд видных писателей, композиторов и художников лишают средств к существованию.

После крестьянства "коллективизируют" другой ненадежный класс — национальную интеллигенцию. Но репрессируют и "июньских коммунистов", пристроившихся к советской лавине после 21 июня 1940 года и придавших империалистическому захвату страны вид "народного волеизъявления". Теперь приходит расплата и для них. И они, в большинстве своем, арестовываются.

Одновременно все большей становится организованная миграция неэстонского, в основном русского, населения из Советской России. Государство стимулирует также переселение эстонцев, родившихся и живших в России. Советизи-

руется и административное деление страны: волости и уезды превращаются в области, районы, поселковые и сельские советы.

...Летом 1948 года, после удара, свалившегося на нашу семью, отец приглашает меня жить к себе. Строительный отдел комбината "Кивиыли" берет меня на работу учеником маляра, и я начинаю помогать отцу в его работе. Первую же мою зарплату он взял сам. И вместо того, чтобы отдать ее на хозяйство Мали, загулял и пропил как свою, так и мою. Мне сказал, что отдаст при первой возможности. Тогда я попросил отдел зарплаты выплачивать мою зарплату только мне. Узнав об этом, он рассердился: "Я тебя, олуха неспособного, ремеслу учу... А ты мне деньги не доверяешь?.. Ну погоди!" Я погодил. Сначала начались придирки по работе. Вскоре он напился, Мали загнал дома в заднюю комнату, а со мной затеял пьяный "мужской" разговор. Посыпались оскорбления, а потом он ударил меня по лицу. От разговора руками я успел отвыкнуть, и мне было уже не 10—11 лет. Виноват, грешен! Я заорал на него: "Если бы я мог, я бы тебя убил!" И, вырвавшись из рук взбешенного отца, в разорванной рубашке, выбежал на улицу. Отец вышел мне вслед и крикнул с крыльца: "Сергей, вернись! Иначе пожалеешь..." Но мне надоело, я решил "пожалеть" и не вернулся в ближайшие 12 лет.

Переночевав у бабушки, жившей у Бориса, я разыскал отца на следующий день, около базара. Он стоял, как это часто бывало, у киоска с горячительными напитками, окруженный приятелями-собутыльниками. И, с ненавистью глядя ему в глаза, я сказал: "Забирай, крохобор, все мои вещи... Но одеяло и подушку отдай". (Мне практически не на чем было спать.) — "Поговори еще, выродок, я тебе сейчас еще деру дам..." — были его прощальные слова.

Одеяло и подушку мне выдала Мали. Я не мог отцу простить и того, что свой малооправданный скандал он начал тогда, когда мне некуда было идти. Я глубоко и серьезно задумался над своей дальнейшей судьбой. И было над чем. Жить мне теперь было почти нигде. У отца нельзя.

У Бориса в его однокомнатной квартире жила бабушка, а во время ее отъезда там жила будущая жена дяди — Л. Т. Мать жила в Йыхви, снимая крохотную проходную комнату у одной старушки, придавленная своей неожиданно свалившейся служебной неприятностью... Я понял, что полностью предоставлен теперь самому себе. Ни дома, ни друзей, ни определенных занятий... Профессии у меня не было. До 7 класса я не дошел... Никому не было до меня дела. Возник проклятый и вечный в этой большой и больной стране вопрос: Что делать? Что предпринять? Как вообще направить свои силы? Как вырваться из этого заколдованного круга? Как перестроить свою с самого начала изуродованную жизнь?.. Все было против меня — обстоятельства, власть, близкие. Но я смутно ощущал и таившиеся во мне силы. Меня угнетала моя бездомность и моя необразованность. И я решил во что бы то ни стало получить образование и очаг. А там, думалось, я совершу что-то очень полезное и нужное для людей. Что именно — я еще не знал, но верил, что задание мое будет ниспослано мне.

Найдя первоначальные цели, я почувствовал такое облегчение, что даже прослезился. Провидение послало мне тогда не только ясные цели, но и некоторую устойчивость в осуществлении и преследовании их. В неблагоприятнейших личных и социальных условиях я буду идти к образованию 12 лет, а к очагу — 15 лет.

Прежде всего я поехал к матери и объявил ей, что продолжу учебу, перейду в русскую школу в 7 класс и прошу о поддержке. Я просил только об одном — подыскать мне место для проживания. Мать сначала удивилась моему решению, затем вспомнила, что около Кивийли живет ее добрая знакомая Компус — владелица хутора. За небольшую плату у нее был снят угол, и я стал там жить. Это была суровая, но добрая крестьянка. Мне было в ее доме хорошо. Живя у нее, я кончил 7-й и 8-й классы русской школы.

Среда в советско-русской школе была агрессивной. Царили закон джунглей и кулачное право, как в большинстве советских коллективов. И мне в первый же день при-

шлось выдержать несколько раундов борьбы — кто кого уложит на лопатки. Я выдержал это испытание и доказал, что я не из слабых. Не зря, видимо, в детстве я уплетал "геркулес". Лишь поэтому меня оставили в покое. Духовный уровень в классе был низок. Я полагаю, что тайных верующих на 7 класс, насчитывавший более 40 человек, было не более 2—3. Зато процветал агрессивно-спесивый совпатриотизм, опирающийся на три принципа: а) все "наше" самое лучшее, б) "мы" — всегда правы, в) все должны подчиниться "нам". Несогласного с этим могли загрызть насмерть, особенно если кто был послабее. Терпимости не было почти ни в ком. Эту волчью мораль я потом часто встречал во многих советских стаях—"коллективах" — в школе, в институте, на военных сборах, в советских организациях и учреждениях.

Я не вдавался в дискуссии с ложными предрассудками, обусловленными всеобъемлющей пропагандой и оторванностью от всего мира. Я жил своим миром. И лишь смутно надеялся, что когда-нибудь я во всеуслышание, всемирно выступлю против этого волчьего духа, имя которому совпатриотизм. По воле Божьей это произойдет позднее.

Жил я на хуторе в привычном и интересном для меня мире. Иногда помогал по хозяйству, хотя это не входило в мои обязанности. Поил лошадей, чистил и запрягал их, косил траву, ездил в лес пилить дрова... Мать-природа снова скрашивала серую, холодную и монотонную, как бесконечный бетонированный тоннель, социальную жизнь. Очень символично, что именно в эти годы по льду Чудского озера пришли большие стаи волков, вероятно, в поисках корма. Они до того осмелели, что по ночам появлялись во дворе хуторов, загрызая собак, а иногда выходили и к окраинам поселков. Одного моего сверстника волки загрызли рано утром, когда он через лес направлялся в школу. Около его останков нашли разгрызенный школьный ранец, два волчьих труп и немецкий штык. Но силы были неравные...

И снова во мне проснулось странное. Снова захотелось испытать судьбу. Моя мать к тому времени уже жила в

Кохтла, работая в местной аптеке. И в первый день новогодних каникул я, встав в 6 часов утра, пошел пешком, через лес из Кивиыли в Кохтла. Это чуть менее двух десятков километров. В запасе у меня был только нож и одна-единственная мысль — в случае нападения волчьей стаи залезть на дерево и дожидаться рассвета. Но обошлось. Кроме отдаленного воя ничего не было. Мелькнувшие были тени явно принадлежали собакам.

7-й и 8-й класс я кончил не так уж и плохо, хотя как всегда много и запоем читал. После этого я начал ходить последовательно в 9-й и в 10-й классы средней школы города Йыхви. Мать снова договорилась и меня взяли в пришкольный интернат-общежитие. Я жил там и летом, работая до кровавых мозолей землекопом на строительстве больничного городка. В то время из школьной канцелярии была украдена пишущая машинка. Время было тревожное. Все доступные властям пишущие машинки того времени были зарегистрированы с приложением обязательной пробы печати и находились на спецучете. Поэтому расследованием дела занялась не только милиция, но и МГБ. Подозрение пало на меня, так как я жил в школьном интернате. За мной приехали и отвезли в МГБ. С криком и угрозами, но пока еще без побоев стали требовать признания — где спрятана пишмашинка. Это был типичный метод допросов в МГБ — предъявить недоказанное, чаще всего измышленное обвинение и под нажимом требовать признания. Поразило угодливое поведение хозяйки интерната, ингерманландки из Ленинграда, перед МГБ. К ней я относился всегда неплохо. Она поняла, откуда ветер дует, и хотела соответствовать той роли, которой от нее ждали. Согласно ее показаниям, я часто водился с подозрительными лицами, возвращался навеселе, а ездил ли я к матери — она что-то не помнит. И хоть все было ложью — свидетель обвинения у МГБ уже был. И получай, миллионноликий и миллионносмертный ГУЛаг, нового раба сейчас, новый труп в будущем. Но возникшее было фальшивое "дело" лопнуло, как мыльный пузырь. У меня нашелся билет, с которым я ездил к матери и как раз в

канун случившегося. Это было моим бесспорным алиби. А если бы я этот билет выбросил?

Все объяснилось значительно позднее. В те времена во всесоюзном масштабе действовала большая банда — "Черная кошка", организованная известным бандитом Пивоваровым. Особенно полюбила она угле- и сланцедобывающие районы — Донбасс, Мосбасс, Эстонбасс и другие. Видимо потому, что здесь всегда вращались крупные деньги. Шахтерам платили высокую зарплату, и бандитам было, чем поживиться. Один из тайных притонов был в неожиданном месте — в подвале часовни старинного и заросшего деревьями городского кладбища. Около кладбища постоянно грабили, а то и убивали людей. Трупы закапывали тут же, в старые могилы. Все боялись ходить около кладбища, даже днем. Шайку все же выследили, сделали облаву и около 2—3 десятков бандитов было арестовано. Когда их под усиленным конвоем вели из "воронка" в вагонзак, один из них, видимо главный, весело и уверенно крикнул притихшей толпе: "Мы с вами не прощаемся, фраеры!.. До скорой встречи, братва!" И была в его уверенности и в его словах доля правды. И тогда, и в наши дни значительные области советской жизни и существенная часть населения контролируются людьми их пошиба... Существует и второй "новый класс" — многомиллионный класс уголовников в стране, который еще ждет своего Джиласа.

Учеба шла монотонно и скучно. В республике бушевала "культурная революция" и учеников старших классов поголовно загоняли в комсомол. Я не помню ученика, который умудрился бы увильнуть от этого. Мне, как и многим, это было все равно. Большинство не придавало этому никакого значения. Но были "идейные" одиночки. Были и "прагматики-карьеристы" — легче, мол, будет поступить в институт, техникум или училище.

Дружил я с двумя противоположными по душевному складу ребятами. Геннадий М. был умен, по-своему, и обладал недюжинными математическими способностями. Его отец был парторгом шахты Ахтме. Это был большевик

30-х годов, из крестьянской семьи, активный участник коллективизации в Московской области. Геннадий сам был просоветски циничен ("Сталин убивал, но зато пожил вдоволь...", "надо было грабить крестьян, чтобы построить промышленность" и т. д.), хотя сам был внуком крестьянина, сыном крестьянского парня и девушки из Московской области. О моей вере говорил: "В Бога может верить или дурак, или подлец!" Мне оставалось лишь выбрать между обоими. Был самолюбив, мстителен и не скрывал, что жаждет сделать блестящую карьеру любыми средствами. При всем нагромождении лжи и лицемерия советская порочность иногда просто потрясающе правдива. Все это ему в определенной мере удалось, ибо он умел "соответствовать".

Он кончит потом Физико-технический институт, защитит кандидатскую диссертацию, вступит в партию и будет заведующим сектора Института Математики Новосибирского Отделения АН СССР. Не одного соперника съест он путем политических или служебных интриг. Во время одной из последних встреч в Эстонии он будет с самовлюбленной дрожью в голосе хвастать своей 500-рублевой зарплатой в месяц, которая возрастет скоро еще больше. Но на его лице — осунувшемся, посеревшем, с преждевременными морщинами, с пустыми, остекленевшими глазами — не было радости. И почему-то он все больше и больше спивался. К диссидентству, к их идеалам отнесся нигилистически. И расставаясь тогда с ним, в начале 70-х годов, я подумал: "Еще одна живая могила в моей жизни". Был он, впрочем, типичным технократом-карьеристом, пригодным к практической работе, словом, продуктом своей эпохи.

Другой мой друг был Алексей Е. Это был милый парень — неглуп, добродушен, прост. Его отец — фельдшер Куремязской амбулатории рано умер от заражения крови. Алексей мечтал стать летчиком. И это нас роднило. Я с детства был подвержен авиационной романтике. Меня чаровала символика полета. Сесть на серебристую птицу, оторваться от земли, стремительно взмыть к солнцу и на недосягаемой

высоте, с ураганной скоростью, нестись к сияющей цели — это было пределом моих мечтаний!

В 51—52 гг. советская пропаганда миллионноголосого твердила из репродукторов, газет, книг, что существует "американская угроза", военно-воздушная и атомная. Об ужасах воздушных бомбардировок я знал еще по немецким военным журналам и многое пережил лично. И мое сырое и податливое сознание было бессильно этому мифу не поверить. "Советская власть есть сегодня, а завтра ее может не быть. Народ же, люди этой земли, были и останутся. Но народ-богатырь без шлема. Он беззащитен с воздуха. И я должен тоже защищать его от нового истребления. Поэтому быть летчиком важнее, чем инженером", — так рассуждал я тогда, соединив авиационную романтику с патриотической идеей. В молодости так легко фальшь принимается за истину.

Перед получением аттестата зрелости мы с Алексеем проходили военную медкомиссию. Так как у нас обоих был небольшой недостаток в зрении, то мы, к нашему огорчению, ее не прошли. Нам предложили ехать не в летное, а Серпуховское авиационно-техническое училище. Я наотрез отказался, а Алексей поехал. Он кончил это училище и стал техником по авиационному вооружению. Он женился, народил детей, стал пить и тянул служебную лямку. Увы, он тоже был сыном своего времени...

Милые, юные девушки-одноклассницы определяли меня как "умную ненужность". В первом они, конечно, заблуждались. Но второе девичий инстинкт определял совершенно точно — я, действительно, по всем параметрам не подходил к советскому образу жизни и мышления...

Через некоторое время после окончания средней школы, ко мне вдруг приходит грозная повестка — явиться в такой-то день в Отдел МГБ к 10 часам вечера. Думаю теперь, что повестка пришла не без содействия моего дяди. Я подумал, что каким-то непостижимым образом они узнали про хранящееся у меня оружие. Но оказалось другое. Откуда-то хорошо осведомленные, что я имею аттестат зрелости

и владею двумя языками, они начали меня уговаривать поступить в Минское училище МГБ. Экзаменов никаких, если не считать собеседования, стипендия — 80 рублей в месяц, обмундирование, три месяца отпуска, на всем готовом. Я аж рот разинул — уж, кажется, ни сном, ни духом. Скорее наоборот. Словом, я наотрез отказался, заявив, что хочу получить высшее техническое образование. "А-а, так, значит, не хотите быть славным чекистом, бороться с врагами советской власти", — ехидно, с подковыркой, протянул чин МГБ. "У меня начисто отсутствуют данные для этого", — спокойно, но с тайной брезгливостью ответил я. Не знал ты, владыка тел и душ советских, что согласишься этот невзрачный паренек, то через годы вы имели бы советского "Клеточникова" (чиновник полиции, информировавший народныхольцев).

Сначала я подал документы в Ленинградский институт авиационного приборостроения — все-таки ближе к нравящемуся делу. Но поскольку я был под немецкой оккупацией, а поэтому — лицо подозрительное, то документы мне вернули. Затем я успешно сдал, в августе 1952 года, приемные экзамены и был зачислен на металлургический факультет Ленинградского Политехнического института (ЛПИ). Место в общежитии я тоже получил. Правда, за городом, в частном доме, в поселке Лахта, на берегу Финского залива. Но учеба по этой специальности меня не прельщала, несмотря на повышенную стипендию. И я решил: раз летчика из меня не получилось, то я должен попытаться стать поближе к авиационному делу. И через три месяца я вернулся в Эстонию. Я поселился у бабушки и матери, имеющих теперь, в 3 км от станции Кохтла, в шахтерском поселке Кохтла-Нымме, довольно просторную квартиру. Я знал два языка и был взят переводчиком в Кохтла-Ярвскую местную газету "Шахтер" с окладом 75 рублей. Там во время моего дежурства пришла телеграмма из Таллина об изменении текста одной из статей. Я передал телеграмму редактору с небольшим опозданием и пришлось срочно менять набор этой статьи. На мою беду, в стране уже были арестованы вид-

ные врачи, по обвинению "в убийствах". И проводилась кампания против "ротозейства" и за повышение "бдительности". Меня обвинили в возможном "вредительстве". И никто, конечно, не пощадил бы невинного юношу в угоду "кампании", если бы в разгар моей травли не пришла весть о смерти Сталина. В редакции начались рыдания и плач. И под этот шум и слезный вой ограничились строгим выговором с предупреждением.

Удушливая атмосфера редакции так угнетала меня, что я уволился и начал работать генераторщиком в генераторном цехе № 4 Кохтла-Ярвского газокOMBината.

Вообще, в продолжительности человеческого бытия, в долголетней жизни или в ранней смерти, скрыт таинственный, непостижимый смысл. Почему так рано умирают, например, Франциск Ассизский, несущий людям светлую и радостную религиозность; Владимир Соловьев, открывающий людям высокие, чистые, освобождающие истины; Михаил Лермонтов, слагающий благородные, звонкие и пламенные стихи; Петр Столыпин, создающий человеческое, свободное и процветающее государство? И почему долголетне живут, например, Томас Торквемада, сжигающий людей ради веры; Карл Маркс, создающий свое разрушительное и порабощающее учение; Максим Горький, освящающий своим словом великий террор, и Иосиф Сталин, построивший самое бесчеловечное государство? Покров с этой тайны тайн падает, если предположить, что наша единичная, отдельно взятая жизнь есть лишь последовательное звено в едином и великом бурлящем и стремительном потоке жизни. И что наша жизнь находится в тесном и сложном сцеплении с жизнями уже бывшими, и с жизнями, еще предстоящими. Она есть следствие наших прошлых жизней и причина будущих. А смерть — лишь граница и переход между звеньями потока, лишь промежуток между бусинками великого ожерелья жизни, надетого на шею Матери Вселенной.

Во всю высоту 5-этажного цеха стояли, загружаемые сверху сланцем, стальные генераторные печи, в которых, при температуре в несколько сот градусов, сланец перегонялся в газ. Газ откачивали мощные эксгаустеры, а горячая зола удалялась в подвальном этаже специальным транспортером. Каждому для обслуживания, невзирая на силы и возраст, полагалось по 2—3 генератора. Работа была адски тяжелой. Я задыхался от проникающего газа и удушливой жары. По тайному законодательству уволиться отсюда было нельзя, под страхом уголовного преследования. Я чуть здесь не погиб. Перед цехом, на железнодорожных путях, стоял состав со сланцем. Я был так измотан, что вышел из цеха, судорожно глотая свежий воздух, и в изнеможении сел на рельс, недалеко от колес последней платформы, ногами внутрь колес, опустив голову на руки. Вдруг я услышал пронзительный женский крик, страшный грохот, потом инстинктивно сбросил тело с рельс. На долю секунды позже по месту, где я сидел, пронесся состав. Женщины видели с 5-го этажа цеха, что к составу, с противоположной стороны, на большой скорости приближается маневровый паровоз. Они закричали от ужаса, думая, что меня перережет. И спасло Провидение. В который уже раз!

Уволиться мне помогло лишь извещение из Московского Авиационного института (МАИ), что я допущен к приемным экзаменам. Начальник отдела кадров Сассиад отпустила меня с руганью, обзывая "гастролером". Но в МАИ, в более мягкой форме, повторилось то же, что и в ЛИАП. Шел все-таки пятый месяц со дня смерти Сталина. Хотя меня допустили до экзаменов, и я сдал на проходной балл, но мандатная комиссия меня не пропустила (немецкая оккупация!). И опять, не солоно хлебавши, я вернулся домой и поступил откатчиком на шахту "Кохтла". Тяжелая физическая работа, шахтерская грубовато-шутливая среда, глоток взбадривающего напитка перед субботними танцами, гонки на велосипедах, романтические приключения, — вот и вся моя жизнь до августа 1954 года!

Несмотря на наличие у меня серьезных гуманитарных

интересов, я упорно не хотел поступать на философский или исторический факультет Ленинградского или Московского университета. Я знал, что по окончании их моей профессией станет ложь. Как учитель я годами обязан буду врать своим ученикам, обманывать их, наперекор собственным взглядам и совести. А как советский ученый, историк или социолог, — врать вдвойне. То, что я жил в Эстонии во время немецкой оккупации, закрывало мне дорогу к авиационному делу. И я решил избрать нейтральную, среднюю между ними профессию — инженера-машиностроителя.

В августе 1954 года я выдержал вступительные экзамены при конкурсе 7 человек на одно место. И был принят с предоставлением общежития на механико-машиностроительный факультет Ленинградского Политехнического института (ЛПИ). Но на радиотехнический (РТФ) и физико-механический факультет (ФМФ) был конкурс 14—16 человек на место. В те годы начинался атомно-ракетно-электронный бум. И технические романтики и расчетливые прагматики одинаково бешено рвались в "супероборонные", сверхсекретные и высокооплачиваемые области техники. Были случаи, что провалившиеся на вступительных экзаменах выбрасывались с 5-го этажа общежития и насмерть разбивались на мостовой, как это было с одной девушкой, поступавшей на РТФ.

Со временем этот реактивно-радио-ядерный психоз у молодежи пройдет, уступив место более человеческим, гуманитарным стремлениям. Но тогда в основе упомянутых стремлений не виделось ни глубоких размышлений, ни нравственной щепетильности в отношении цели и смысла избираемой деятельности.

Но институт, сам по себе, был очень почтенным. Красивое и огромное белоснежное здание в классическом стиле с колоннами дорического ордера среди вечнозеленого соснового парка с водонапорной башней. Детище царского министра финансов С. Ю. Витте еще в начале злополучного века. Один из первых технических институтов России. Главная "кузница кадров" для "оружейной мастерской"

громадной советской империи, наряду с Московским Высшим Техническим Училищем (МВТУ). Учебная программа была одной из самых напряженных в Ленинграде и во всей стране. Лекции, семинары, практические занятия и лабораторные работы длились в среднем по 8 часов в день. Кроме того, по вечерам необходимо было чертить бесчисленные эскизы, схемы и чертежи курсовых проектов и заданий. Все 5 лет читались строго обязательные для посещения лекции по марксистско-ленинской теории в различных видах и вариациях — Основы марксизма-ленинизма, История КПСС, Диалектика, Истмат, Политэкономика, Экономика промышленного производства и др.

Непосещавший лекции рисковал быть снятым со стипендии или остаться без допуска к экзаменам. А для многих, как впрочем и для меня, мизерная 29—35-ти рублевая стипендия была единственным источником средств к существованию... И все 5 лет так же строго обязательно было присутствовать 1 день в неделю на занятиях военной кафедры. Нудно и утомительно проходить системы зенитных орудий. Отсутствие без уважительной причины грозило исключением из института. При наличии медсправки занятия надо было повторять во внеурочное время...

Производственная практика была поставлена неплохо. И мы проходили ее почти каждое лето. В 1955 году я проходил ее на Машиностроительном заводе им. Кирова (бывш. Путиловский), в последующие годы на Станкостроительном заводе им. Свердлова и на Механическом заводе "Экономайзер", изготавливавшем детали и для ракетной промышленности.

Отбор преподавательского состава шел по трем каналам. Во-первых, родственники именитых людей науки. Во-вторых, родственники партийной элиты Ленинграда. Были они людьми, подчас, довольно развитыми. Но страх перед потерей места, жажда успешной карьеры и удовольствий жизни делали из них людей замкнутых, слепых и глухих ко всему, что не касалось их специальности. Третий поток шел из провинции. Это были, в основном, трудолюбивые и технически

одаренные, лояльные к власти студенты, оставляемые при кафедре, или инженеры-практики, приходящие с производства. Их духовный и политический кругозор был чрезвычайно узок. Об их моральном облике говорить не берусь. А истинных знаний, выходящих за рамки специальности, или нравственно-политических стремлений, опасных для карьеры, я что-то не замечал. Казалось, что все — от академиков и профессоров до студентов-отличников и инженеров-практиков — лишь бессмысленно, как слепые кроты, усердно и суетливо копошатся в черноземье техники, в конечном счете, не зная зачем и во имя чего. Без особых размышлений и, тем более, без нравственных стремлений. Вот поэтому, за все 5 лет мне никто особенно не запомнился.

Поражал воображение студентов лишь преподаватель математики Горшков. Он задавал странные вопросы: "Напишите формулу пивной бутылки (надо было дать формулу параболоида!)" "В комнате летят три мухи. Когда они будут в одной плоскости?" (надо было отвечать: всегда), или: "Чему равен угол в квадрате?" (ответ: 90 градусов). У меня он спросил: "Чему равно произведение котангенсов от нуля до девяносто градусов?" Я случайно догадался и ответил "единица", получив незаслуженно высший балл.

Нужно сказать, что духовного наставничества или нравственного воспитания я не ощутил ни со стороны учителей школы, ни со стороны преподавателей института. Они лишь вдалбливали нам казенные учебники. Как будто это может научить жить достойно. Это были в своей массе советские школьно-институтские чиновники. Вместо прежней "церкви" в молодую душу вторгалось "учреждение", стремясь из учащихся сделать таких же приземленных, бездушных и бездуховных чиновников, как они сами. И это, в общем, почти удавалось.

Группа, в которой я учился, состояла первоначально из 30 человек. Лишь меньше половины из них выдержит все тяготы учебы. Были медалисты и отличники техникумов. Были ленинградцы и иногородние. Были венгр, румын и

китаец. Сначала мы жили в общежитии недалеко от ЛПИ, на 1-ой Муринской, в крохотной комнате на четверых. В проходе между кроватями едва умещался столик. Но и это было большим везением. Не имеющие общежития снимали углы в частных квартирах за 30—40 рублей в месяц. Питались мы в студенческой столовой, что имело огромное значение. На младших курсах наша стипендия, при условии отсутствия троек на экзаменах, была 29,5 рублей в месяц. Я не завтракал, но на обед брал полтарелки овощного супа, котлету с лапшой или с макаронами и стакан компота. Вечером заливал бесплатным кипятком щепотку сухого фруктового киселя и заедал все это булкой. Все 4 года я проходил в неизменном синем лыжном костюме. На такой "диете" и при таком щегольстве стипендии, конечно, хватало. Позднее нас перевели в общежитие Студгородка, на Лесном проспекте 65. Мы стали жить в двух крохотных комнатах, впятером — трое в задней непроходной, а один студент и я, как редко бывающий в комнате в течение суток, — в передней, проходной.

Я дружил с Олегом С., который был хоть и вспыльчивым и странным, но отзывчивым и серьезным товарищем. Он всегда ругал меня за малообщительность, но всегда давал конспекты лекций, которые я не любил, да и не всегда мог посещать за недостатком времени. Был еще Коля С., парень неплохой, но ограниченный и мечтающий сделать комсомольскую карьеру. Был Григорий Г., хороший и простой товарищ, усердный и трудолюбивый, как муравей, бывший отличник авиационного техникума. Это были все труженики. Ленинградцы, в основном, были любители пожить и понаслаждаться. Поэтому часто оказывались в академических долгах или исключались за неуспеваемость.

Запас неизрасходованных на излишества жизненных сил был во мне большой. И я по письменному разрешению из деканата, как бедный и неимущий студент, устроился вместе с Олегом кочегаром в ночную смену в котельной номерного радиоэлектронного завода. Там мы работали из года в год, так как очень нуждались в деньгах. Оба мы

были студентами-”пролетариями” в полном смысле этого слова.

Училась с нами и большая группа китайских студентов. Были они очень прилежны, дисциплинированы, скромны, вежливы, но и очень замкнуты. Носили они все темносиние тужурки, с наглухо застегнутым воротником, и такого же цвета брюки. Вставали они в 6 часов утра, когда остальные студенты еще сладко спали, и делали зимой и летом пробежку вокруг корпуса общежития. Нравы у них были пуританскими. Был случай, когда влюбленных друг в друга китайца и китайку отправили обратно на родину за то, что они в ”отрыве от коллектива” осмелились вместе пойти в кино.

Я подружился с Шао-Дзедуном из Шанхая. Он был убежденным противником всей советской системы и людей, ее воплощающих. Он говорил мне: ”Вы — народ дьявола. Мы уважаем имя матери, не пьянствуем и до 30 лет не касаемся женщины. А у вас — мат, пьянство, драки, оргии с девицами легкого поведения. Да вас уничтожить надо!” — горячась, заключал он. Меня лично это не касалось. И он это прекрасно знал. Но я был для него представителем ”падшей расы”, хотя и его друг. За моральный экстремизм я прозвал его ”хунхузом”. Но в части изображения студенческих нравов он был совершенно точен и справедлив. Где-то ты, мой друг Шао, сейчас?

Весной 1956 года нам прочли закрытое письмо ЦК по поводу культа личности и резюме доклада Н. Хрущева на XX съезде партии. В октябре того же года начались события в Венгрии. Они всех взбудоражили. Большинство слепо поверило, или захотело поверить, советским газетам, считая, что это ”фашистский мятеж”. Меньшинство считало, что это ”народное восстание” против сталинских порядков. И у нас-де, надо бы что-то предпринять. А что? Начались горячие, нескончаемо длинные споры. Но они были бесплодными. И дальше шумных словопрений и пустой болтовни, часто всю ночь напролет, дело не шло. Наступал следующий день, все сказанное забывалось и начинала молоть новая мельница.

Тогда я, будучи сторонником четких действий, предложил написать и направить в ЦК коллективное письмо студентов ЛПИ с требованием демократических реформ. Все горячо согласилось. И текст письма поручили составить мне. Я посидел несколько ночей и получился документ в 12 страниц. Началось согласование текста обращения.

Но о письме узнали комитет комсомола и партком. Забыли сирены тревоги. На участников замысла начали оказывать давление. Дело доходило до угроз исключения из института. Это подействовало молниеносно и безотказно. Одни — краснея и стыдясь, другие — вызывающе и резко, стали отказываться от подписи под письмом. Одни говорили — "слишком резко" (Так предложи нерезкое!), другие — "бессмысленно" (Так укажи смысл!), третьи — "это — не тот путь!" (А какой путь тот?), четвертые — "надо действовать после окончания института" (А после этого мешала боязнь за жену и детей), пятые стали придирались к точкам и запятым... И так до бесконечности...

Предлогов было много, а причина одна — страх. В итоге с этим письмом остались лишь мы с Олегом. Я заявил, что pošлю письмо лично от своего имени. Но Олег согласился поставить и свою подпись. Только предварительно он основательно исправил мой текст, придав ему более миролюбивый, дипломатический и обтекаемый вид. И за нашими двумя подписями мы отправили его в декабре 1956 года в ЦК. Ребята были уверены, что нас обоих возьмут прямо с зимней экзаменационной сессии. Заключали даже пари, как на гладиаторов.

Ответ нам пришел, однако, лишь после зимней сессии и новогодних каникул. В пасмурный февральский день 1957 года нас внезапно вызвали в партком ЛПИ. Просторное помещение парткома было битком набито людьми. Вдоль периметра комнаты сидели в несколько рядов члены райкома партии и комсомола Выборгского района Ленинграда, на территории которого находится ЛПИ. Рядом с парторгом ЛПИ сидел секретарь Ленинградского обкома Логинов, как он отрекомендовался. И еще какие-то лица в штатском.

Нас посадили на конце Т-образного стола, находящегося посредине комнаты. Ближе к нам сидели члены партбюро ЛПИ, в том числе директор и многие именитые профессора института. Я подумал: "Вот судилище собралось... судить страшных преступников".

Логинов был ведущим оратором. Он начал так: "Ваше письмо, товарищи, было получено аппаратом ЦК и его копии розданы членам ЦК. ЦК поручил мне ответить на него".

Начался критический разбор наших тезисов. Все сводилось к тому, что партия уже много сделала и сделает еще больше по демократизации общества. "Но мы не буржуазные либералы, — сказал секретарь обкома. — И никакой свободы для чуждых нашему обществу элементов не будет".

Мы ответили, что свобода восхвалять партию была и при Сталине. "Пожалуйста, критикуйте. Но не занимайтесь злопыхательством". Мы потребовали уточнить понятие "злопыхательство". Но он увильнул от ответа... На наши обвинения в массовом принудительном загоне в комсомол в средних школах и институтах, без учета желания и убеждений, он лицемерно ответил: "Назовите нам лиц, ответственных за это, и мы их накажем". "Тогда надо наказать членов ЦК, по директивам которых это проводится...", — ответили мы. "А вы эти директивы читали?" — ехидно спросил он. Мы рассмеялись — кто же нас ознакомит со сверхсекретными партдокументами!? Потом он цинично пояснил: "Партии важно, чтобы была вспахана целина, построены дома и заводы. А делают ли это убежденные комсомольцы или случайно туда попавшие — это не столь важно". Далее он обрушился на наше требование обеспечить право добровольного выхода из комсомола и не препятствовать основанию новой независимой молодежной организации. И мы просили считать нас выбывшими из комсомола, ибо не согласны с политическими принципами и практическими методами комсомола. "Пожалуйста, вас никто не держит. ВЛКСМ и так организация добровольная. Но опасно другое..." И тут же истерически начал кричать на нас: "Вы хотите комсомол

оторвать от партии. Вы собираетесь основать молодежную партию и противопоставить ее КПСС! Партия этого никогда не допустит! Не выйдет! Не вы-ы-йдет!" — стучал он кулаком по столу...

Но мы стояли на своем. Бесплодный спор затянулся на несколько часов. Наконец, Логинов, весь потный и багровый, сорвал с себя галстук и раздраженно крикнул: "Неужели я такой плохой агитатор, что не могу переубедить вас?" "Нас надо не агитировать, а убеждать добрыми делами", — буркнули мы.

Затем он произнес заключительную речь. О нас он сказал так: "Эти молодые люди — не враги, но глубоко заблуждаются. Им не место в комсомоле. Если они, конечно, не осознают своих ошибок". Затем он произнес грозную обвинительную речь в адрес Выборгского райкома и руководства ЛПИ, напирая на запущенность политико-воспитательной работы среди молодежи. "Многие другие ВУЗы страны проявили ценнейшую инициативу, помогли партии провести мелиоративные работы на Карельском перешейке, строить Череповецкий металлургический комбинат, послать отряды целинников в Казахстан и многое другое. А вот 12-тысячный коллектив ЛПИ разразился в адрес партии этим вот, политически сомнительным и малограмотным обращением!" — бушевал он, трагически потрясая нашими текстами. Это уже была явная передержка! Несчастные 12 тысяч были совершенно ни при чем и совсем даже невиновны. А те несколько десятков студентов, которые первоначально поддерживали нас, очень быстро нас предали, доказав полную, по крайней мере внешне, лояльность к партии.

Так все и кончилось. Из комсомола мы считались автоматически выбывшими. Но в институте нас оставили. Шла все-таки хрущевская оттепель.

Олег в 1959 году получит назначение на Пензенский велосипедный завод, женится и, к сожалению, заживет чисто мешанской жизнью. Когда в 1964 году я написал ему письмо, предлагая встретиться и решить вопрос о действиях в новое время, он ответил отказом. Он писал мне, что во встрече не

видит необходимости. У него есть теперь Галочка, и он должен думать о покое семьи. Я вспыхнул. И в ответной телеграмме просил его больше мне никогда не писать и прервать отношения со мной. Так закончилась эта дружба...

Летом 1957 года всех студентов вербовали на целину, тоже под негласной угрозой исключения из института. Но я согласился очень охотно. Нужно было зарабатывать деньги. Да и Азию хотелось посмотреть. Тем более, что проезд и питание — бесплатные.

После летней сессии я съездил домой и опоздал на эшелон, отвозящий студентов ЛПИ. Я поехал со студентами Ленинградского университета.

Эшелон был составлен из товарных вагонов, оборудованных нарами. Везли нас через Урал и Западную Сибирь в Казахстан. На некоторых станциях были организованы пункты питания, где кормили просто, но сытно. Наши предшественники из рабочего класса успели тут уже побезобразничать с дармовой пищей — на столах и под столом лежали ошметки разбросанной каши, в неначатые еще порции были брошены окурки, лежали разбитые бутылки из-под водки. Уборщицы не успевали убирать.

Я ехал с эшелоном через Свердловск-Курган и слез в Петропавловске. Состав следовал в Кокчетавскую область. Наши же находились в Павлодарской области. Так и доехал я самостоятельно и наполовину зайцем через Омск-Татарская-Кулунда-Павлодар до заветной остановки "7-й аул". Тут нашлась грузовая машина, везшая доски в нужный мне совхоз им. Жданова. Шофер, заправив машину и заправившись сам литром дешевого разливного портвейна, милостиво разрешил мне занять место между кабиной и торцами связанных досок. Там я все 150 километров пути и простоял, на ветру и ежеминутно ожидая быть раздавленным наезжающими досками...

Совхоз им. Жданова располагался на берегу Иртыша и имел 13 тысяч га засеянного поля. Мы жили в палатках полевого стана, расположенного в 6 км от центральной усадьбы. Меня назначили сначала копнильщиком, а потом

помощником комбайнера. Но я умудрился еще выкопать с ребятами степной колодец глубиной в 11 метров, и вспахивать ночью послеуборочное поле в качестве сменного тракториста. Ходил на центральную усадьбу перелопачивать зерно на току и делать саман, перемешивая глину с навозом.

Порядки были здесь аховые. Огромная часть поля была на солончаках и урожайность здесь была... 1,5 центнера с га, при средней урожайности остального нормального поля 6—7 центнеров с га. Запчастей не было, и в случае поломки комбайна, тракторист отцеплял свой трактор, ехал на стоянку сельскохозяйственной техники, снимал с новехонького комбайна нужную деталь или узел, приводя машину в негодность. Так делали все, и рядом находилось целое кладбище новой техники, которая была уже непригодна.

Из-за дырявых кузовов автомашин все дороги были густо усыпаны зерном. На току зерно перегревалось и гнило. Не беда! Директор совхоза, используя зависимых от него шоферов, свозил десятки тонн испорченного зерна ночью в степь и тайно зарывал его в ямы — и сам чист, и начальство довольно.

Около новорожденного совхоза успело образоваться и свежее кладбище. Болезни, аварии, обморожения, удары молнии, поножовщина требовали своей роковой дани! У одной из могил я остановился. Свежий холмик, некрашеная доска и чернильным карандашом коряво выведена надпись: "Спи спакоина, милаиа дотчинка". Ни имени, ни даты. Могила неизвестной девушки.

Я чуть было не лег в сыру землю где-то рядом с этой безвестной доченькой. На зерновом складе стоял огромный транспортер, перегружавший зерно из одного угла склада в другой. Ребята что-то ковыряли в его подъемном механизме. А я стоял под транспортером. Едва я сделал шаг в сторону и нагнулся, как многотонная стальная ферма транспортера с грохотом рухнула на бетонный пол. И как раз там, где я только что стоял. Еще раз спасло чудо!

Я вышел на второе место по зарплате после строительной бригады и получил "знак почета целинника"...

После 4-го курса летом 1958 года нас отправили в военные лагеря. Я попал с группой однокурсников в Кронштадт. Загнали нас в казармы артиллерийского полка, поиздевались, как водится, ознакомили со 100-миллиметровыми зенитными орудиями и радиолокационными установками (РЛУ). Орудия были страшно громоздкими для транспортировки, а РЛУ уязвимы для каждого осколка. Я не представлял, как могла бы эта громоздкая и неуклюжая система работать в боевых условиях. Горы брошенной советской боевой техники я помнил еще с детства.

Итоги полковых стрельб из стрелкового оружия потрясли даже меня самого. Из 5 разрешенных выстрелов из карабина я 2 выстрела сделал по чужой мишени. Командир полка, украинец по происхождению, грозно скомандовал мне: "Встать! Смирно!" и гаркнул: "Курсант Солдатов! За халатность при исполнении боевого приказа объявляю вам вихвор!" Потом разрешил продолжать. И поразительно, что оставшимися 3-мя выстрелами я все же сдал зачет, получив не ниже требуемых 25 очков. Стрельбу из автомата Калашникова я сдал на "хорошо". А по стрельбе из пистолета Макарова вышел на 2-ое место после однокурсника Либкинда.

Результаты всех удивили. И больше всех меня самого, так как я уже был "очкариком". Видимо, сказалась тренировка в годы отрочества.

Нами командовал и с нами ночевал в казарме один старшина-солдафон. Он от души ненавидел "этих интеллихентов", временно переодетых в военную форму. И особенно глумился над моим однокурсником Лево́й, вероятно за его еврейское происхождение, и надо мной, "очкариком": то кровать плохо застелена, то гимнастерка плохо застегнута, то сапоги недостаточно начищены, то пуговицы не блестят. Мирные увещевания не давали плодов. И однажды ночью мы подошли к его кровати, держа в руках по сапогу, и, накинув на голову одеяло, собрались его ими отдубасить.

Но он вскочил, издав испуганное "Ох!". С тех пор притеснения прекратились...

Потом мы все по очереди читали перед строем текст присяги. К этому времени большинство из нас питало такое отвращение к совпатриотизму, к армии, к советской системе и к "социалистическому отечеству", что торжественный для каждого солдата-патриота ритуал присяги превратили в балаган. Отказ от присяги означал 1) исключение из института, 2) отдачу под суд. Никто не считал нужным идти на такие жертвы. Зачем? Но устроили комедию. Притворяясь безграмотными, читали текст, страшно запинаясь, безбожно перевирая слова, пропускали группы слов, создавая бессмысленный текст и т. д. А я при чтении скорчил такую гримасу, что весь строй захохотал. Так происходило наше посвящение в офицеры...

Прошло 5 лет учебы. Приближалась пора дипломного проекта. Предстоял выбор темы проекта. Еще раз сказалась тяга к авиации. Я выбрал темой "Обработка лопаток газовой турбины реактивного двигателя". При проектировании технологической линии возникла сложная проблема — как шлифовать жароупорную сталь, имеющую аэродинамический профиль. Я применил принцип гидрошлифования, предложенный проф. МВТУ, бельгийцем по происхождению, Э. Сателем. Он заключался в том, чтобы на шлифуемую поверхность направлять сильную гидравлическую струю со взвешенными в ней абразивными зёрнами. И я сконструировал специальный для этого гидрошлифовальный станок. Но на кафедре технологии машиностроения ЛПИ поднялась страшная паника. Оказывается, она не на жизнь, а на смерть соперничала-враждовала с родственной кафедрой в МВТУ. И на кафедре вдруг потребовали, чтобы я отказался от гидрошлифования, заменив его твердым шлифованием. Иначе, де, не допустим до защиты. Во как! Я отказался наотрез, ибо твердое шлифование потребовало бы сложнейшего копировального устройства и создавало бы угрозу силикоза для рабочего. Что касается недопущения к защите, то я 1) решил обратиться в Министерство Высшего образо-

вания с обоснованием своего решения, и 2) был готов защищать проект годом позже. Начался молчаливый скандал, кафедра мною больше не занималась. Я оказался как бы "вне закона". Я уже готовился ехать домой.

Но в войне нервов кафедра проиграла.

Я закончил проект и позднее, в январе 1960 г., успешно защитил его. Как иногда психологическое и амбициозное стоит выше подлинных интересов дела! И наблюдается это не только в технике...

Наступило время и для распределения на работу. Это что-то вроде аукциона на живой товар — на рабов-умельцев. Молодой специалист должен принудительно отработать три года там, куда его назначат. В институт приезжают представители ведомств и министерств, созывается распределительная комиссия, вызывается студент, заслушивается его мнение и утверждается его назначение. Я просил назначения в Эстонию, мотивируя тем, что там живут мои родители и гарантируется работа. Мне наотрез отказали. Только в Ленинградский совнархоз! (т. е. в Ленинград и в Ленинградскую область). Выбирать было особенно не из чего и мне достался Авиационный завод в г. Выборге. Ребята, правда, мне завидовали — в 2-х часах езды от города и курортное место. Но я был мрачен, как туча. Выхлопотав спецпропуск в Ленинградском "Большом доме", я съездил в Выборг, который был закрытым городом. Там меня обещали сделать начальником испытательной лаборатории и предоставляли большую комнату для жилья. Получить жилье тоже считалось удачей. Но мне многое не понравилось, в том числе и обилие военнослужащих. Не хотелось работать в советской военной промышленности. К этому прибавилась мысль, что этот город украден у Финляндии и находится далеко от Эстонии. Я пришел в Управление кадров Ленсовнархоза и заявил о своем отказе. Вдруг мне пошли еще больше навстречу — ЛПИ имел добрую славу — и предложили назначение на Ленинградский Тепловозостроительный завод. Завод согласен был также оплачивать мне комнату в Озерках — в зеленом районе Ленинграда. Остаться в Ленинграде было

пределом мечтаний всех иногородних студентов! Но я в Ленинград не рвался. И я взял из ЛПИ свое направление и диплом, отказавшись от 100 рублей полагававшихся мне подъемных денег. Затем самовольно выехал из Ленинграда, в Кохтла и затем в Таллин. Тайный голос говорил мне, что именно здесь мне суждено начать кое-что...

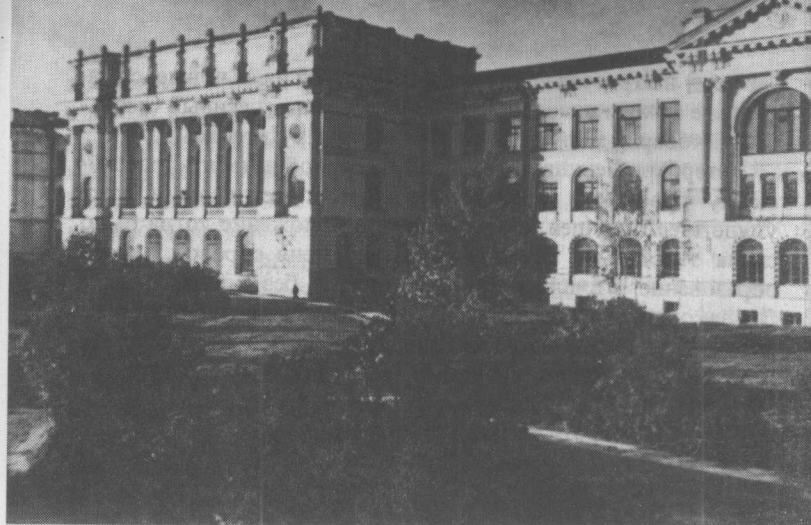
Я покидал Ленинград с раздражением. Он отнял у меня столько сил, сколько хватило бы на добрых 20 лет жизни. Но город этот сыграл в моей жизни важнейшую роль. Я пробыл в стольном граде государства Российского, в его культурно-историческом центре, почти 6 лет. Столько же мне предстоит отбыть в тюремном граде государства советского, в его карательно-политическом центре. Это помогло более целостному постижению судьбы российской в ее прошлом и настоящем.

Все эти годы, в свободные часы, я ходил по площадям и улицам Петербурга и ощущал неровный пульс российской истории. Я многократно посещал Зимний дворец, откуда десятилетиями и веками вершились судьбы громадной империи, и Петропавловскую крепость, где был задушен царевич Алексей, повешены декабристы, сидели народовольцы, сожгла себя революционерка Ветрова, заключены были министры Временного правительства. Я посещал также Военно-морской музей, рассказывающий о морской экспансии России и о подвигах ее простых людей, ее патриотов. Бывало, я задумчиво смотрел на Храм на крови, где народовольцы смертельно ранили Александра Освободителя...

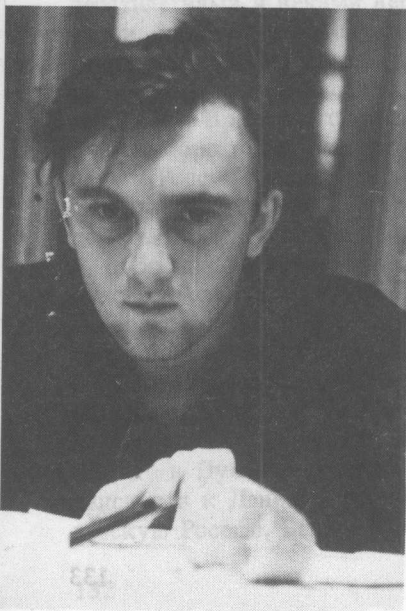
Я бродил по паркам и скверам Петербурга, проникался духом российской культуры. Я восторгался величием Исаакиевского и Казанского соборов, красотой Царскосельского дворца и Смольного монастыря. Любовался картинами Репина, Айвазовского, Ге и Куинджи в Русском музее. Наслаждался музыкой Чайковского и Верди в Михайловском и Мариинском театрах. Читал Владимира Соловьева и "Вехи" в Публичной библиотеке на Фонтанке. Присматривался я и к Ленинграду, пытаюсь понять современную, советскую Россию. Вглядывался в людей в институте и в ко-

чегарке, на тротуаре и в трамвае. Смотрел на ее новые, суматошные дома и заводы. Глядел на казенно-спесивый Смольный и коварно-молчащий Большой дом на Литейном...

Петербург-Ленинград помог мне приобщиться к российскому прошлому, познать российское настоящее и даже увидеть ее будущее. Но мое личное положение тогда было снова отчаянным. Эстония встретила меня сурово. Я имел образование и диплом. Но я снова был без крова. И даже без законного права на работу. В столице республики я не имел ни одного знакомого или друга, способного мне помочь. Но я решил, что невидимо "завоюю" и эту столицу...

Ленинградский политехнический институт

1956. За курсовым проектом... 1958. Кронштадт. На военных сборах

Глава 4

Т Р У Д

Вторую половину 50-ых годов следует считать апогеем советской системы. Сельское хозяйство испытывало определенный подъем. Была поднята целина. Было увеличено производство кормовых культур. Лучше оплачивался труд лиц, занятых в сельском хозяйстве. В городах расширилось жилищное строительство. Города снабжались продуктами лучше, чем когда-либо. Все дальнейшее развитие страны будет проходить под знаком неуклонного упадка благосостояния и все более обостряющегося экономического кризиса.

Одновременно шла определенная борьба с наследием эпохи Сталина, хотя очень нерешительная и непоследовательная. Установился период так называемой "хрущевской оттепели", возбуждав столько несбывшихся надежд. Целый ряд хрущевских преобразований был либеральным по своему смыслу и проводился во имя народного блага. Некоторое правовое и экономическое улучшение на время было достигнуто.

Но несмотря на свою кипучую реформаторскую деятельность, Хрущев не был популярен ни в народе, ни в глазах партийной элиты. У народа была отнята вера в земного бога,

в Иосифа Сталина, подорван миф о славном Стеньке Разине нашего времени, который хоть и казнил, но зато и миловал — "цены снижал", "порядок обеспечивал" и "полмира завоевал". Этому народ Хрущеву не простил. А партийная элита не прощала того, что идеологически ослаблялась и политически расшатывалась основа их власти... Но в области великодержавно-империалистической политики он вполне шел по стопам своего грозного предшественника. В 1956 году он безжалостно расправляется с восставшей Венгрией. Начинает нагнетать берлинский кризис. Бросив огромные средства на создание ракетно-ядерного арсенала, он добивается создания межконтинентальной ракеты и запуска искусственного спутника в 1957 году. И под фанфары пропагандистского "мирного сосуществования" проводит политику всемирного военно-политического распространения советской системы. Это ему вполне удастся в отношении Вьетнама, Индонезии, Египта, Сирии, Ирака, Кубы и многих других стран.

С начала 60-ых годов достигнутые было экономические успехи начинают сводиться на нет. Сельское хозяйство все хуже справляется со своими заданиями. Зато "велики" успехи в области ракетно-ядерной гонки вооружений, поглощающей основную часть экономической мощи страны, в ущерб другим отраслям общественной жизни. Начинается дорогостоящее ракетно-ядерное перевооружение армии. В 1961 году производится запуск космических кораблей с космонавтами Гагариным, а затем и Титовым. Берлинский кризис кончается сооружением печально знаменитой Берлинской стены. Происходит внедрение в Алжир и Конго. Строительство ракетных баз на Кубе приводит к Карибскому кризису. Но Хрущев отступает перед решительностью президента США Дж. Кеннеди. Начавшийся в 1962—63 годах продовольственный кризис приводит к рабочим беспорядкам в ряде промышленных городов страны и кладет начало сенсационным закупкам зерна за границей. Все эти неудачи кончаются падением Хрущева осенью 1964 года. Начинается еще менее популярная эра господства Брежнева,

проникнутая консервативно-охранительным и реставрационно-неосталинским духом...

Итак, зимним днем 1960 года я сошел на перрон Балтийского вокзала Таллина. В кармане моего прохудившегося пиджака были лишь паспорт, диплом и немного мелочи. Но при мне был также еще нерастраченный запас жизненных сил. А это уже было немало. В этом городе у меня не было ни возможностей жилья, ни друзей, ни даже хороших знакомых. Знакомые бабушки и матери меня, бедствующего, и знать не хотели. Но и я сам никогда не был просителем, считая это унижительным. Ни одно учреждение, ни один завод не имели права брать меня на работу. Ибо я был молодым специалистом, не имевшим обязательного стажа работы по распределению и направлению из института. Но именно такого рода "направление" я категорически отверг.

В это мгновение судьба снова тесно сводит меня с отцом. Несмотря на наши постоянные размолвки, я состоял с ним в постоянной переписке. Какой-либо помощи, с самого дня расставания в военную зиму 1944 года, он мне никогда не оказывал. Но я сам никогда никого об этом не просил. Пока я учился на младших курсах ТПИ, с отцом приключилась беда. Судьба, наконец, потребовала с отца расплаты за его обращение с близкими. Он совершил хулиганский поступок и его ожидал суд. Он пребывал в растерянности и плакал пьяными слезами. Я прервал учебу, приехал в Кивиыли и пошел к следователю МВД, ведущему его дело. Я увидел молодого выпускника юрфакультета ТГУ, полупьяного и равнодушного, с холодным пустым взглядом. Я пытался убедить его, что пожилого человека, отца трех несовершеннолетних детей и первый раз привлекаемого к уголовной ответственности, не следовало бы отправлять в лагерь. Есть же формы условного осуждения, принудительные работы по месту жительства и другие административные меры. Следователь лицемерно согласился со мной и лживо заверил, что дело выведенного яйца не стоит. И даже до суда не дойдет. Но все получилось наоборот. После моего отъезда отец был осужден на 4 года лагерей.

Большую роль в этом сыграли отрицательные показания его жены Мали. Ее можно было понять. Несчастливая женщина была до того измучена многолетними пьяными скандалами и побоями, что была рада избавиться от супруга легальным образом. После процесса она вместе с детьми уехала жить к своему брату Альберту, в город Ухту Коми АССР.

Отец же, отбыв срок наказания, поселился в поселке Харку в 16-ти километрах от Таллина и стал работать в стройбригаде садоводческого совхоза "Харку". От совхоза он получил комнату в 12 кв. метров с плитой в здании бывшей конюшни барского поместья, переделанного в жилой дом. Кстати, в этом поместье Петр I в 1717 году, завоевав Эстонию, утвердил привилегии остзейского дворянства. Жил отец теперь в свободном браке с простой, добродушной и очень трудолюбивой женщиной Ириной Г-нко. Была она украинского происхождения, прожила нелегкую жизнь и по соседству имела собственную квартиру, т. е. комнату. Отца она жалела, заботилась о нем и переносила все неровности его характера и поведения. Работала она экономкой в Харкуской больнице.

Приехав в Таллин устроиться, я, естественно, навестил и отца. Я невзначай поинтересовался, где можно под городом снять комнату или угол. Но он начал горячо настаивать, чтобы я временно поселился у него. Это меня не очень прельщало — я хорошо помнил прежние недоразумения. Но после долгих колебаний и с большой неохотой я все же согласился. Не в первый и не в последний раз в жизни я совершал крупную ошибку. Дело в том, что дом принадлежал совхозу и находился в запретной пограничной зоне (вся береговая полоса Эстонии шириной в 12 км объявлена запретной зоной), и на прописку требовалось целых три разрешения, то есть владельца площади, директора совхоза и спецотдела МВД ЭССР. Директор совхоза сначала отказал, но отец пообещал ему произвести какие-то внеочередные ремонтные работы. И директор уступил, сказав: "Ладно, надо же помогать людям...". Не возражало и МВД. У меня в паспорте все-таки стояла ленинградская прописка. А это произвело на

чиновников милиции впечатление. И прописка в Харку состоялась... Не к добру. Без лилового штампа в паспорте от местного отдела милиции вы могли быть крупно оштрафованы, а после этого и арестованы за нарушение паспортного режима.

Но что это были за условия! Старый и молодой ютились теперь на 10 кв метрах жилплощади. Удобств никаких. Ни ванной, ни душа, ни даже водопровода и канализации. Где-то в районе сараев две уборные на 14 семей. Зато в комнате огромная плита, прожорливая на дрова. Тем более, что зимой из всех щелей дуло. До города надо было добираться вечно опаздывающим и набитым до отказа автобусом.

Начались поиски работы. Наиболее крупным и известным в Таллине предприятием был электромашиностроительный завод "Вольта". Была призрачная надежда, что именно здесь есть шансы решить жилищную проблему. Я пошел в отдел кадров завода. Оттуда меня направили для переговоров с главным инженером Венде. Тот посмотрел мои документы, увидел свежую дату выдачи диплома (Ага! обязательного инженерного стажа нет!), загородную прописку (Ясно! Нуждается в жилье!) и кое-что смекнул. И не отказал. Но по-своему использовал мое бесправное положение. Ему срочно требовался человек с образованием, знающий два языка, на должность, носящую громкое название начальника сектора стандартизации при отделе главного конструктора (ОГК). Но в жилье он отказал и назначил минимальный оклад в 105 рублей.

Потянулась монотонная и скучная работа по классификации деталей машин и по выпуску заводских нормалей-перечней этих деталей. Все мои технические знания, приобретенные за 5 лет обучения и закрепленные в ходе более, чем 60-ти успешно сданных экзаменов, оказались теперь ненужными! Их теперь надлежало выбросить за борт за ненужностью. Всю эту работу я мог бы выполнять еще в 1952 году, в год окончания средней школы.

Попытки получить не то что комнату, но хотя бы только койку в общежитии оказались напрасными. Я не состоял в

партии, не имел влиятельных родственников, не ходил в передовиках производства. И мой диплом ровным счетом ничего не значил в глазах матерых хозяйственников и партийцев. Тогда я пошел к председателю профкома с просьбой поставить меня на очередь на получение хотя бы участка земли. За год я мог бы отстроить на нем какое ни на есть временное жилище. И такие участки в те годы предоставлялись. Но не тут-то было! Председатель профкома был старый партийный волк, демобилизованный с военно-морского флота, бывший работник политотдела, и уже издали чуял во мне чужака и одиночку. "Что, баб некуда приводить? — цинично осведомился он. — Вот поработаешь годик, два — тогда и посмотрим". Но по его непреклонно-насмешливой кирпично-красной физиономии я понял, что по крайней мере в пределах этого века и при советской власти мне рассчитывать не на что. И я по-прежнему вставал в 6 часов утра, добирался до работы автобусом-пепком-трамваем-снова пешком, затрачивая на дорогу в один конец 1,5 часа. Выхода с жильем не было никакого. Создавался тупик.

Все осложнялось и личными обстоятельствами. В прежние годы я познакомился с очень милой девушкой Е. Н., которая после окончания средней школы работала в заводской лаборатории. Во время каникул я встречался с ней. Было решено, что после окончания ЛПИ мы будем жить вместе. Теперь это время наступило. Но бытовых возможностей не было.

Тогда возникла новая идея. Е. Н. пошла работать в совхоз в садоводческую бригаду и при этом условии ей предоставили комнату и кухню в совхозном доме. Там мы и начали жить. Зная нашу нужду в жилье совхозное руководство жестоко эксплуатировало труд молодой женщины. Ее заставляли, например, по 8 часов в день на солнцепеке полоть грядки. Вся ее спина была в солнечных ожогах. За тяжелую работу ей платили сущие гроши. К тому же Е., учась заочно в Северо-Западном Политехническом институте, хотела работать ближе к специальности. Она уволилась из совхоза и стала ездить на работу в город. Она тоже

поступила на завод "Вольта", работая там техником-чертежником. Так промучились мы до самой зимы.

Военно-отставные круги на заводе хорошо знали о нашем бедственном положении. И вдруг ко мне приходит соблазнительное на первый взгляд предложение: на военизированном заводе бетонных изделий № 31 освободилось место главного механика, если я согласился бы там работать, то легко решился бы и жилищный вопрос. Персонал на заводе был советско-русский. Служащие и отставные офицеры, демобилизованные солдаты, возвратившиеся из лагерей уголовники. Тон задавали отходы военно-морской бюрократической машины. Были, правда, в малом числе и простые рабочие люди, на которых можно было полагаться. Но основным стилем работы сверху донизу были мат, угрозы, обман, недобросовестность, воровство, штурмовщина на производстве и насквозь фальшивая отчетность. Во главе завода стоял капитан 1-го ранга Авербух — ругатель и матерщинник, каких свет не видел. Хитро подмигивая, он бодро пообещал: "Приступайте к работе. А через месячишко, самое большое — два, мы предоставим вам однокомнатную квартиру. Ведь у нас — свой жилфонд". И снова я, как последний дурак, оказался бессовестно обманутым. Оформлял меня капитан 2-го ранга Кожухов. Он сразу поинтересовался: "А почему вы до сих пор не в партии?" Я ответил, что и не собираюсь поступать. Тогда, бросив перо, он раздраженно принялся читать мне свою убогую мораль: "Вон вы какой еще несознательный. Я беспризорником был. А меня партия в люди вывела". И хвастливо кивнул на свои желтые с черным просветом погоны. И хотя на нем был черный китель с желтыми погонами и нашивками, с какими-то значками, орденскими колодками и прочей мишурой, но все его хищно-хорьковое лицо выражало единственное — как был он "блатным" уголовничком, так им же по духу и остался. Это был типичный представитель сталинской военной касты. Ограниченный, аморальный, самодур по отношению к подчиненным и подхалим перед начальством, всегда готовый к интригам и доносу. И даже к тому, чтобы в интересах мафии

толкнуть любого человека в пропасть. Но в то же время — с крепкой хваткой и практической смекалкой.

Зарплату мне определили намного ниже, чем предшественнику. "Зато получите квартиру" — был лейтмотив. Ценилось здесь не образование, а пробивная сила. Все оборудование на заводе было старым и предельно изношенным. Подъемные краны и вибрационные станки, механизмы и электромоторы постоянно выходили из строя. А запчастей не было. И главный механик должен был быть лишь успешным "толкачом" — срочно, хоть из-под земли, доставать "горящие" детали и узлы. Нужно было с утра до вечера обзванивать и объезжать десятки складов и заводов города в поисках сцепной муфты для станка, тормозной колодки для крана или подшипников нужного типоразмера. Или бесконечно договариваться с дюжиной организаций о проведении текущего или капитального ремонта оборудования.

День был ненормированный. Работа была на физический износ. Всплыло и начальственное вранье. Освободившуюся комнату, даже не квартиру, отдали родственнику старпома, приехавшему из России, хотя тот не имел никакого отношения к заводу. До предела возмущенный обманом и гнетущей, типично советской обстановкой, я уволился. Никакие новые лживые обещания и угрозы выдать плохую характеристику не помогли. Я, хлопнув дверью, ушел с завода. Но обман и надувательство Авербухов были лишь началом длинной цепи бед и злоключений этого проклятого черного 1961 года.

Новая беда подкралась с совершенно неожиданной стороны. Нам обоим пришла повестка из Прокуратуры Харьковского района. Выяснилось следующее. Поскольку Е. прекратила трудовые отношения с совхозом Харку, то мы подлежали немедленному принудительному выселению с совхозной жилплощади. Я указал на то, что за квартиру мы платим аккуратно. А по советскому гласному закону никто не может быть выселенным на улицу, т. е. без предоставления равноценного жилья в другом месте. "Ошибаетесь", — злобно ухмыльнулся прокурор. И показал мне негласную

инструкцию Совета министров ЭССР. Там был приведен перечень предприятий, хозяйств и учреждений, пользующихся исключительным правом выселения неработающих там людей. Вещи выселяемых сдавались на государственный склад, квартира опечатывалась в присутствии милиции, а выселяемые в 3-дневный срок могли быть арестованы за нарушение правил о прописке и за бродяжничество. Если, конечно, попадутся милиции на глаза, или в паспорте чудесно не возникнет штамп о новой прописке. Напрасно я ссылался на наше тяжелое положение с жильем и просил подождать хотя бы немного... Пришлось срочно, под надзором милиции, очищать помещение. Вещи свезли в подвал Психоневрологической больницы, среди администрации которой у меня были знакомые. И мы очутились в буквальном смысле слова на улице.

Не успел я предпринять какие-то шаги по подысканию нового, хотя бы временного жилья, как свалилась новая напасть. Пришла повестка из районного военкомата. На мою беду, я, единственный на весь район, обладал военно-учетной специальностью по зенитным орудиям. И теперь, так же срочно, как только что выселялся на улицу, был призван на трехмесячные военно-учебные сборы. И снова не помогли ссылки на безвыходное положение с жильем, на необходимость подыскать хотя бы какую-то замену. Офицера-солдафона это попросту не интересовало. Потребности государства были главными, а человек с его жизненными нуждами — ничто. И под угрозой предания суду за уклонение от призыва на военные сборы, я был призван. Я успел лишь одну знакомую семью попросить приютить Е., пока я не вернусь со сборов.

А учебные сборы проходили в г. Риге при Рижском Высшем Краснознаменном Артиллерийском Училище (РВКУ). Сюда, со всех концов Советского Союза, было согнано более 600 инженеров с производства, из научно-исследовательских учреждений и учебных заведений, в том числе много бывших выпускников ЛПИ. На нас напялили поношенные солдатские мундиры с лейтенантскими пого-

нами и поселили в казарме. Выяснилось, что в связи с общим перевооружением армии нас будут учить обращению с ракетным оружием. Мы должны были, например, подсчитывать на арифмометрах величину ядерного заряда и параметры стрельбы по "заданным объектам". А "объектами" были города разной величины и различного расположения на земной поверхности. Такие, с позволения сказать, "занятия" ни в ком не вызывали энтузиазма. Я задал вопрос — не готовят ли из нас убийц женщин, детей и стариков, составляющих основное население городов в военное время. Мне ответили, что "по нашим городам тоже будут стрелять; почему же мы должны быть мягче и гуманнее к врагам?" Логика, знакомая со сталинских времен. Настроение у большинства курсантов было хмурое и боязливое, у меньшинства — наигранно-бравурное. Но в кругу моих знакомых преобладало мнение, что таких "войск", как мы, в плен брать не будут. А будут резать на мелкие кусочки. Мнение оказалось пророческим — приблизительно это и происходит ныне в Афганистане. В офицерско-преподавательском составе поражала причудливая смесь махрово-реакционного с нескрываемым вольнодумством. Например, открыто преклонялись перед американской военной техникой — у них-де ракеты мощнее и точнее, а мобильности позавидовать можно. А недавно-де они перешли на технически выгодное твердое ракетное топливо. А мы и с жидким-то справиться не можем. Похвально отзывались об американских военных — "Пауэрс был хороший летчик и не трус". Рассказывали и анекдоты следующего типа. Пошли дед и бабка разводиться. Судья спрашивает причину. Бабка отвечает: "Да вот дед жрет, как нарком. Прокормить его невозможно..." "Что-о?" — угрожающе переспрашивает судья. Но дед спешит опровергнуть бабкины утверждения: "Не слушайте вы глупую бабу. Врет она, как радио". И получили дед да бабка вместо развода по 10 лет тюрьмы за "антисоветскую клевету". И происходило это в дни опасного берлинского кризиса. Причиной офицерской фронды был не только общий дух хрущевских времен, но и то, что офицеры не боялись уволь-

нения из армии, до того военная служба им всем опостыле-
ла. А служить после училища надо было все 25 лет. И многие
отчаянные головы пускались на крайнее. Нарочно напива-
лись, дебоширили, грубили начальству, прогуливали слу-
жебные часы. Многих увольняли. Но случалось, что наказы-
вали лишь разжалованием или отправкой в дисциплинарный
батальон...

Однажды нам показали гвоздь программы наших сборов.
Нас вывезли на ближнюю от города ракетную базу и про-
демонстрировали перевод средней ракеты из походного,
горизонтального положения в боевое, вертикальное. По
уставу это должно было произойти за 30 минут. Но — Бог
мой! — сколько же неумелости и неслаженности было в
действиях ракетного расчета, сколько нарушений и неполад-
ок в оборудовании. Нас держали на базе 6 часов, с утра до
вечера. Но ракета так и не пришла в боевое положение.
Это тоже не внушало уважения к достижениям "социалисти-
ческого отечества". Один из курсантов резюмировал увиден-
ное так: "Советская ракета — это упряжка, на которой
быстро ездят, но неделю запрягают". Он, видимо, перефра-
зировал Бисмарка...

Кормили нас плоховато. Среди нас были и столичные
жители, привыкшие к лучшему питанию. Мы устроили бузу,
отказались идти на занятия. Пригрозили коллективной
неявкой на все дальнейшие занятия. Это уже было похоже
на офицерскую забастовку, да еще в ракетных частях. На-
чальство РВКУ всполошилось. Сам генерал — начальник учи-
лища — вышел нас успокаивать. По его распоряжению, из
неприкосновенных фондов стали выдавать масло, печенье и
сухой компот. После этого немножко поутихло.

Воскресенья у нас были свободными, и я старался знако-
миться с достопримечательностями Риги. Я посетил, к
большому удивлению латышей-посетителей, этнографиче-
ский музей около реки Юглы. Вокруг меня шептали "Оф-
фицис... Оффицис". Видимо, редким был интерес совет-
ских офицеров к латышской национальной культуре. Я по-
сетил также Братское кладбище и склонил голову перед

могилами павших в Латвийской Освободительной войне в 1918—20. Долго стоял над могилами выдающихся национальных поэтов Латвии Я. Райниса и его жены "Аспазии".

В связи с берлинским кризисом все ждали военного конфликта и нас "обещали" оставить на военной службе. Однако, к концу сентября, нас всех распустили по домам...

Увы! Покой нам только снится. По возвращении домой меня ждало тяжелое объяснение с Е. Ее нервы больше не выдерживали. И она была по-своему права. Как всякая женщина она хотела иметь устроенный очаг. А во мне она видела обреченного неудачника, неспособного все это наладить. Что ж, все было правильно. Так действительно было в эти месяцы. Время было очень тяжелое. И советская свинцовая действительность не давала жить нормальной жизнью, обрекала на неуспех все мои действия. Но я был тогда молод и горяч. А поэтому не мог понять — почему в такой трудный период на "фронте" так предательски дрогнул "тыл"? Почему не проявляют терпения и стойкости в час испытаний, который, может быть, еще много раз повторится? А свою лихо и неладно закрученную судьбу я уже ощущал в прошлом. И предчувствовал в будущем.

Конечно, моя логика была слишком прямолинейной и требовательной. И слишком жесткой. Под давлением этой логики я принял решение, которое далось нелегко. После трудного разговора с ее родителями, мы, при драматических обстоятельствах, расстались навсегда...

Опыт семейной жизни не продлился и года... И все же теперь, на склоне лет, я считаю, что в таких случаях следует быть более мягким и прощающим, иначе возможны роковые последствия.

Неладно получилось и с Е. Она закончила курсы радистов и на долгие годы отправила себя в добровольную ссылку. Не менее 20 лет она проведет на метеостанциях острова Колгуева и полуострова Канин Нос, в полярных условиях и среди бескрайней тундры, среди вечных снегов и при почти полном безлюдье. И я часто спрашиваю себя — не я ли косвенный виновник этого странного, принятого ею решения?

И те огромные деньги, которые ей там выплачиваются, не могут объяснить сути ее решения. Если наши желания хоть что-то значат, то, где бы она ни была и что бы ни делала, — от души желаю ей личного счастья, здоровья и благосостояния. Если это еще хоть как-то и сколько-нибудь возможно. Я же обречен нести свое собственное бремя...

Но вернемся к злополучному 1961 году. Оказывается, не все еще его сюрпризы иссякли. Удар пришел с обычной, но одновременно и с очень чувствительной стороны. Со стороны, откуда не должны были приходить, но приходили до боли часто. Осенью 1961 года я снова жил вместе с отцом. И нес, естественно, все расходы, связанные с этим. Но в нем начал срабатывать какой-то странный психо-патологический механизм. Он знал мою бытовую безвыходность и уязвимость. И потихоньку начал это использовать. И каждый вечер, когда я, смертельно усталый, еле стоящий на ногах, приходил домой, отец начинал нагнетать скандал. И так до самой поздней ночи. Тема скандала была унижительной. Он вбил себе в голову, что я должен начать сожителство с той женщиной, которую он мне выберет. Видимо, он пытался возродить домостроевские порядки, когда сын выбирал себе подругу жизни не по велению сердца, а как "тятенька захочет". Я до сих пор не могу понять подоплеку этой странной, навязчивой идеи. Было ли это желание меня унижить в сравнительно беззащитном и зависимом положении, или какой-то болезненный комплекс. И все уроки, весь опыт наших прежних размолвок и недоразумений прошел даром. Он, родной отец, показал совершенное незнание моего характера и моих принципов. Настолько, оказывается, далеки, непонятны и чужды друг другу мы были всю жизнь. А ведь я никогда не поддавался наглому личному нажиму, даже в детские годы. Спротивлялся всемогущему давлению государства в поздние годы. А сейчас его деспотизм выглядел просто смешно и нелепо. Я тщетно старался его успокоить и деликатно указывал, что это сугубо личная сфера, куда другие, даже близкие люди, даже родители, не должны вмешиваться. Но моя кротость лишь еще больше

разъяряла его. И он продолжал скандалить до 2—5 часов ночи. А утром в 6 часов мне надо было вставать и ехать на работу. Я стал приходить позже, чтобы избежать изматывающих скандалов. Но он подстерегал меня и здесь. И однажды, после целой недели скандальных ночей, когда я уже шатался от бессонницы, он уже не ограничился одной лишь руганью и оскорблениями. Это бы я стерпел. Но — пьяный и озлобленный — он схватил бутылку, намереваясь дать мне ею по лицу. Тут мои нервы не выдержали. Я перехватил бутылку, сильно ударил его сам. Отец упал... Христианская мораль и цивилизованный мир осудят мой поступок. Я и сам частично жалею о сделанном. Но только частично. А в основном считаю, что поступил правильно. Настолько нелепой и вздорной была причина начатого им скандала, настолько преднамеренной и жестокой была недельная пытка бессонницей, что здесь было справедливым лишь одно правило, высказанное Солженицыным, — "волкодав — прав, а людоед — нет". И это правило остается в силе по отношению ко всем "людоедам", в каких бы родственных, единокровных, единоплеменных, единопольных или единовѣрных обликах они ни выступали. И пусть я буду искупать свой поступок — но никогда не буду каяться в нем...

Лунной ночью я уходил из отцовского дома, чтобы никогда больше в него не вернуться. Было три часа ночи. Я пешком, по занесенной снегом дороге, брел по направлению к городу. У меня не было теперь ни осмысленной деятельности, ни личной жизни, ни даже собственного угла. Да просто и ночевать-то было негде.

Было 6 часов утра, когда я мимо изумленного вахтера прошел в заводууправление. Несколько ночей я тайно ночевал на рабочем месте, примостившись на стульях. Рано утром приходила уборщица. Надо было вставать и делать вид, что работаешь. Потом я целый ряд ночей ночевал на полу крохотной каморки у приятеля, жившего вместе с матерью при Психоневрологической больнице. Но кто-то донес, что ночует лицо, здесь не прописанное. И ночью милиция пришла проверять. Мне удалось тогда спрятаться.

Но все последующие ночи я должен был ночевать в соседнем пустовавшем помещении, на длинном черном прозекторском столе, где вскрывали трупы.

Долго так продолжаться не могло. И в часе езды от города, близ станции Кийза, я разыскал, наконец, причудливо сооруженную и обмазанную глиной избушку. Владелец и строителем этого "пряничного домика" был 86-летний дед, бывший капитан дальнего плавания. Он сдал мне крохотную каморку в мансарде дома, где стояли железная койка и сколоченный из некрашенных досок стол. Там не было печки, и ветер вольно гулял по ней. "Номера "Люкс" я вам предложить не могу. Если будет холодно, спускайтесь ко мне на кухню", — пояснил отставной морской волк. Я платил ему 10 рублей в месяц и дарил бутылки сладкого вина, которое дед очень любил.

Я часто спускался на кухню, внимательно слушал бесконечные, но интересные и живые рассказы деда о морях, странах и былых временах. И, как мне кажется, он полюбил меня, как родного сына. Была с нами и дедова преданная и чуткая собака. Одна лишь была беда — по кухне лихо прыгали целые эскадроны блох. Они были весьма агрессивно настроены и яростно вгрызались во все живое. Поскольку живое — это были мы, то все время отчаянно чесались.

Место было очень красивое — сосновый лес, журчащая река, ароматно-смолистый воздух, патриархальная тишина. Перед 6 часами утра начинал ухать филин — мой природный будильник, и я вставал. До города надо было теперь добираться около двух часов — поездом, трамваем, троллейбусом и, наконец, пешком. В 7—8 часов вечера я возвращался домой. А в 10 часов надо было уже ложиться. Сутки теперь укоротились до предела.

Еще больше потеряв в свободном времени, я все же обрел некоторую свободу и покой. А свободное время мне требовалось тоже позарез.

И я снова лихорадочно начал искать выход. В газете "Вечерний Таллин" я наткнулся на необычное и загадочное в советских газетах объявление, что дешёво продается

часть дома. Я, как тигр, ринулся на объявленный адрес. К моему разочарованию, практически продавалась однокомнатная квартира, которая к тому же была занята хозяином. Но владелец торжественно клялся, что через полгода он получит квартиру в новом доме и квартиру мне освободит. Я поверил ему, пошел на большой риск и отдал ему в счет оплаты его части дома почти все сбережения, которые у меня были. После таковой продажи советский закон никого не обязывал освобождать помещения, хотя бы и для владельца этого помещения. И тем не менее, на этот, пока еще "воздушный терем", ушли практически все ресурсы, накопленные в ходе каторжного труда в ленинградской кочегарке и на казахстанской целине, в результате многолетней работы на таллинских заводах. Никаких ссуд и кредитов на покупку квартиры в "раю для трудящихся" не было и в помине. Владелец все же сдержал свое слово, и к Рождеству 1962 года свершилось великое событие — я приобрел хоть и скромный, но собственный домашний очаг. Дом № 44 на ул. Ристику в Таллине, где я имел свою часть, был построен еще в 1907 году и нуждался теперь в капитальном ремонте. Но на это средств у меня уже не было.

Настал тот заветный час, которого я ждал очень долго. Теперь, после 15 лет бешеных усилий и трудных испытаний, я, наконец, имею образование и очаг, диплом и дом. Казалось бы, именно теперь должно было начаться то Нечто, то таинственное, неведомое и очень важное, о чем я грезил столько долгих дней и ночей. "Теперь все силы на то, к чему ты призван", — думал я. Но не тут-то было. Встряски, лишения, испытания, постоянное напряжение породили во мне не столько физическую, сколько бесконечную душевную усталость. И я несколько ослабил свои духовные и физические усилия. Вместо целеустремленной деятельности получилась раздвоенность. С одной стороны, я начал широкие подготовительные работы для будущих социально-политических и исторических исследований. Месяцами конспектировал два тома "Всемирной истории" Линдеквиста. Изучал исторические карты. Накладывал на них масштабные сетки,

измеря политические изменения территории за последние 6 тысяч лет человеческой истории. Потом это ляжет в основу огромного исторического графика в координатах пространства и времени.

Но одновременно, не без внутреннего любопытства, я познакомился с целым рядом интересных и одаренных людей, ведущих, однако, божественный образ жизни. Я не начал пить — алкоголь всегда вызывал во мне отвращение. Я не курил и не стремился к другим необычным ощущениям. Но развлекательный образ жизни на известный период начал отнимать у меня целые вечера. Я начал похаживать в таллинские кафе, навещал добрых знакомых и друзей, разрешал собираться и у себя. Подчас шел на приключения, мне не присущие.

Конец второй половины 60-ых годов я назвал бы периодом хаоса в моей жизни. Но хаос не затянулся и не затянул меня самого в свой водоворот. Хаос был лишь началом пути к гармонии. И, как это бывало в моей жизни раньше и после, — "затишье" предшествовало некоторой новой "буре", еще трудно предсказуемой.

В это время в нашей семье произошло горестное событие. В 1965 году в Кохтла-Нымме, в 86-летнем возрасте умирала от водянки моя бабушка. Я навещал мать и бабушку каждые две недели и, конечно же, был подготовлен к самому худшему. Тревожная телеграмма дошла до меня с большим опозданием. Вечером того же дня я был в Кохтла-Нымме. Но было уже поздно. Всю ночь она металась, боролась со смертью так же мужественно, как всю жизнь боролась с невзгодами. Под утро она пришла в сознание: "Боря, Ляля, где вы?.. Не плачьте! Все уйдем к Богу!.. А Сережа пришел? Я слышу его шаги на лестнице..." — были ее слова. И скоро, тихо и спокойно, отошла на вечный покой.

Дальше произошло нечто невероятное. У нас жила бабушкина сестра — Вера Ивановна. Она ничем до сих пор не болела. Но во время завтрака, спустя несколько часов после бабушкиной кончины, внезапно уронила ложку, откинулась на стуле — и тоже умерла. Так потрясла ее смерть сестры...

Хороня бабушку и ее сестру, я плакал как ребенок. С ней ушел родной, всегда заботившийся обо мне человек, ушла целая эпоха жизни. И всегда перед решающими или опасными событиями она будет мне являться во сне...

Я еще серьезнее и глубже задумался о кратковременности жизни человеческой, о быстротечности времени, нам отведенного. Я стал спешить. У меня была работа, обеспечивавшая мне личное существование. У меня был очаг, обеспечивавший мне личное пространство. У меня не было лишь достаточно личного времени. Проблему времени я хотел решить, поступив на преподавательскую работу...

И вот в январе 1965 года я поступил преподавателем на кафедру технологии машиностроения Таллинского Политехнического института (ТПИ). Снова помогло знание двух языков. Но свою роль сыграли и известность оконченного мной ВУЗа, значительный инженерный опыт и готовность получать меньшую зарплату.

Я начал читать лекции по режущему инструменту, вести лабораторные работы по режущему инструменту и технологии машиностроения для всех групп технического профиля. В зарплате я проиграл, но во времени крупно выиграл. Отныне обязательные для нахождения в институте часы приходились лишь на три дня в неделю. Остальное время я использовал для своих личных целей. Считалось, что дома я готовлюсь к занятиям.

Начальником кафедры был некий Щеглов, член партии и хваткий карьерист. Преподавателями были, в основном, эстонцы — народ благовоспитанный и корректный, тайные патриоты своего народа. Подавляющее большинство в партии не состояло. Вербовальщикам в партию отвечали иронически и язвительно: "Я — беспартийный большевик". Это тоже было формулой для выживания и продвижения. И меня также никто силой в партию не загонял. Это было бы бесполезно. К тому же я высказывался о советской действительности открыто и резко. Доброжелатели меня несколько раз предупреждали о последствиях. Но некоторых коллег это и отпугивало.

Среди студентов встречались интересные люди. Неприятностей у нас никогда не возникало. А симпатии рождались. Но, конечно же, большинство было одержимо мечтой — приобрести диплом. Для молодых людей он был основой жизненного успеха, а для девушек, видимо, хорошим приданым.

Очень многие в беседах со мной обнаруживали серьезный интерес к религии и философии, особенно к индуистской. Еще больше студентов интересовались политикой и трезво оценивали роль Советского Союза в мире. И я не встречал студентов-эстонцев, которые не желали бы своей родине самоопределения. Как почти не встречал и русских студентов, желающих самоопределения Эстонии. Одни были резко против, другим это не приходило в голову. К сожалению, времени для развития плодотворных контактов у меня не было. Хотя главным подарком Института было именно золотое время, за которое я всю жизнь буду ему благодарен.

На кафедре мне очень настойчиво предложили заняться подготовкой кандидатской диссертации. После долгих раздумий я согласился. Научная карьера меня совершенно не интересовала. Я не был честолюбив и считал, что для спасения страны нужна не наука, а кое-что другое. Мишура научных званий мне была не нужна. Но были доводы и в пользу диссертации. Во-первых, работа над ней давала право на дополнительное свободное время за счет сокращения обязательных рабочих часов. Дело свое я знал, работу делал быстро, и выигрыш времени был бы налицо. Во-вторых, официальные научные занятия маскировали бы мои духовно-политические исследования. И в-третьих, мне казалось, что все, что я скажу, напишу или сделаю впоследствии, будет более весомо, если у меня будет научное звание. Это было, конечно, поверхностным соображением.

Основную массу своего времени я тратил на занятия историей, социологией и философией. Я составил конспекты древней, средневековой, новой и новейшей истории, выполнил очень трудоемкий график изменения политического

пространства в зависимости от исторического времени. Получился огромный чертеж размером 2 на 1 метр, выполненный цветной тушью. Этот чертеж удалось отправить за границу. Я законспектировал множество книг по социологии. Ради их изучения я ездил в Москву в публичную Библиотеку им. Ленина, в Ленинград в Публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина и постоянно занимался в публичной Библиотеке им. Крейцвальда в Таллине. Среди законспектированных книг были следующие: Т. Карлейль "Герои и героическое в истории", Г. Лебон "Психология народов и масс", Г. Тард "Социальные законы", О. Шпенглер "Закат Европы", Н. Макиавелли "Государь", О. Вайнингер "Пол и характер", П. Лакомб "Социологические основы истории", М. Ковалевский "История социологических учений", Н. Кареев "Общий ход всемирной истории", П. Новгородцев "Об общественном идеале", Н. Бердяев "Философия свободы", К. Леонтьев "Восток, Россия и славянство", И. Киреевский "О характере просвещения Европы", А. Хомяков "Записки о всемирной истории", Н. Данилевский "Россия и Европа", Л. Мечников "Великие исторические реки", сборник "Вехи" и многие другие.

Эти книги восхищали меня богатством и своеобразием мысли. Но ни одна до конца не удовлетворила меня. Я чувствовал, что должен идти своим путем. У меня накопился огромный исследовательский архив, который частью будет конфискован КГБ, частью погибнет при прятании, частью останется в Советском Союзе и частью окажется на Западе.

В самый разгар подготовки к какой-то более значимой и серьезной деятельности, при очень необычных обстоятельствах, состоялось мое знакомство с Людмилой Ильичиной, с моей душевной матерью и будущей женой. Встреча с ней была поистине самым щедрым подарком Божественного Промысла. Благодаря ее неусыпным материнским заботам и могучей человеческой поддержке я имел не только теплый, целебный и чудотворный домашний очаг, но и прекрасную духовно-творческую студию. Без этого

надежного и стойкого тыла я был бы неспособен и на половину того, что потом удалось сделать на духовном и политическом фронте. Для благодетельных дел Бог посылает и помощников!

Судьба Людмилы Ильиничны Грюнберг-Рославцевой была нелегка. Будучи живой, черненькой и жизнерадостной по природе девочкой, она в 1937 году в Ленинграде пережила арест дяди по матери, ссылку отца и матери в Мурманск как родственников "врага народа", голод и холод, бомбежки и обстрелы во время Ленинградской блокады. В конце Второй мировой войны ее отец, Илья Кириллович, боясь дальнейших преследований и не желая жертвовать своей военно-партийной карьерой (в 1945 году он был в чине полковника и работал советским военным атташе в Праге), оставляет семью. Затем, два года спустя, на руках Людмилы Ильиничны умирает мать, Ксения Петровна, сломленная горем и заболевшая раком печени. В трудных материальных и психологических условиях Людмила заканчивает сначала Библиотечный техникум, а затем и Библиотечный институт им. Крупской. И через несколько лет взвалит на свои слабые плечи и долю моего нелегкого бремени...

Вскоре после этого меня назначают руководителем студенческой практики ТПИ на Волгоградском тракторном заводе. Поездка в Волгоград выявила мое полное несоответствие взглядам, понятиям и обычаям местного населения.

В вагоне поезда близ Волгограда я пытался говорить о праве народов на самоопределение. Простые волгоградские труженики сначала со мной грубо, неграмотно, с перевираанием и подтасовкой фактов спорили. Затем, уже ничего не слушая, разразились злобными тирадами: "Да что этим чухнам и хохлам надо?.." — "Мы их поим, кормим, читать научили, культуру принесли, а они еще чирикают". — "Дядю моего ранили, мать их так...". — "Не чикаться, а стрелять их надо". Под конец один из этих "кормильцев"- "стреляльщико́в" проявил ко мне чисто доносительский интерес и под общее сочувствие предложил: "Надо бы у

него проверить документы. А то мы не знаем, с кем едем". Это уже никакая не "идеология", а "часть народа", с потерянными началами и выродившейся душой. И большевизм тут ни при чем. И не было у моих "собеседников" особого сочувствия к нему.

Покупатели в хлебном магазине грязными, давно не мытыми руками проверяли на полках мягкость хлебов и булок. Я вежливо предложил продавщице, по эстетическим причинам и во избежание распространения заразных болезней, нарезать полоски бумаги и положить их около полок для всеобщего пользования, как это делается в других городах. "Это гдей-то?" — насмешливо спросила она. — "Ну, например, в Ленинграде, в Таллине..." — отвечаю. — "Ну и поезжай обратно в свой Таалин", — язвительно отрезала она. И возмущенно, на притихшую публику: "Ишь, чистоплюй нашелся. Радовался бы, что хоть хлеб-то в продаже есть... Не-ет, еще в бумажке ему подавай!"...

Спрашиваю у партийной экскурсоводки Волгоградского Мемориала — символической могилы павших у Сталинграда: "А где похоронены десятки тысяч немецких солдат, погибших здесь в боях и в плену?" — "Что-о? — не поняла она. — Это кого же хоронить? Фашистов, вероломно напавших на нашу Родину?" И разразилась потоком ядовито-раздраженных нравоучений в мой адрес — в адрес человека, ничего не осознавшего и совершенно не понимавшего ее. "Шли на Россию", — кричала она. Попробовал бы ты, немецкий Иоганн, не идти на Россию, раз приказали, или ты, русский Иван, не пойти в Афганистан. Был бы одному Кригсгерихт, а другому — военный трибунал. И ждала бы вас обоих яма сырая. "Почему одобряли?" — спрашивала язвительно. Так ведь и у нас лесом поднятых рук и громовым "ура" одобряли расправу над "врагами народа", над невинными людьми. "Почему не боролись?" — недоумевала лицемерно. И у нас народные массы что-то не рвались к революционной борьбе со сталинским режимом. А совсем даже наоборот. Так что уж негоже делиться на "чистых" и "нечистых"... Дискуссию она заключила истерически-надрывно

следующими словами: "Но мы не мстим. Нет, не мстим. Мы народ добрый, отходчивый". Что верно, то верно — до проверки "дакаментов", до посылки в "Таалин" или куда-нибудь подальше дело не дошло. В общем, хоть и плохие мы — а все-таки хорошие. И все тут...

Но не рассказала экскурсоводка, что среди немецких пленных, оставленных без минимальной пищи, теплых помещений и медицинского обслуживания из каждых четырех умерло трое. Не рассказала, велеречивая, что останки десятков тысяч немецких солдат свозили в овраг, толком подрывали склон и "братская могила" была готова. Да-а, в той чернявой и бойкой экскурсоводке уже не "народ", а та самая "идеология", начисто выжегшая все человеческое.

Мои критические, антиправительственные и антикоммунистические высказывания на кафедре, среди студентов и случайным встречным, конечно, не остались незамеченными КГБ. А мои начавшиеся контакты с правозащитниками Москвы уже прямо привлекли ко мне неотрывное и пристальное внимание советских чекистов. Обучение и влияние на студентов "антисоветски настроенного" преподавателя было, с их точки зрения, явлением недопустимым. И решено было удалить меня из института под каким-либо благовидным предлогом и без лишнего шума. Начались таинственные переговоры людей в штатском с дирекцией, с деканом факультета и с начальником кафедры Н. Щегловым. Скоро необходимый сценарий был разработан.

На кафедре было проведено собрание, на котором Щеглов, не краснея от стыда, серьезно докладывал, что по всей системе "Министерства высшего и среднего специального образования СССР", по всем ВУЗам и техникумам городов и весей нашей необъятной родины, де, ныне проводится сокращение штатов. За последние годы кадры МВССО так разбухли, что государству становится все труднее содержать его. Да и промышленность нуждается в притоке высококвалифицированных технических кадров из преподавательского коллектива институтов и техникумов. Эта публичная ложь, этот нелепый и жалкий спектакль нужен был лишь для

одного: чтобы из трехтысячного коллектива ТПИ уволить одного-единственного, неугодного властям человека — автора этих строк...

Меня вскоре вызвал Щеглов и сообщил об увольнении. Хитро прищутив свои лисьи глазки, он сказал: "Знаете, я очень сожалею. Вы свое дело любите. Но я и сам дрожу за свое место. И все время ожидаю, как бы самому, так сказать, не сократиться по штатам, хе-хе". И тут же пытался выудить информацию: "А куда дальше собираетесь поступить на работу?" "Сторожем, — буркнул я. — Или дворником. Кстати, институту не требуется ли?" И мне, и ему было тогда совершенно ясно, что область науки и преподавания для меня закрыта навсегда. Да что греха таить — даже инженерная-то работа была под вопросом. Но, как ни странно, на душе было радостно.

Ликующее чувство облегчения и освобождения наполнило мою грудь... И я уходил из института в хорошем настроении и с поднятой головой. Ибо я уже два года твердо знал какой работой мне заниматься и в какую организацию поступать...

Глава 5

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

С переходом власти к Брежневу и его группировке в 1964 году в стране начинается "реставрационная" эпоха. Консервативно-охранительная политическая линия сочетается с сильными неосталинистскими элементами. После эры "репрессанса" и "реабилитанса" наступил "реставранс", как у нас любили говорить. Новое руководство считало, что Хрущев был слишком либерален и в своих реформах зашел непозволительно далеко. "Выпустил джинов из бутылки", — как выражались партийцы поначитаннее. Целый ряд его нововведений был отменен. Были распущены совнархозы и возобновлена старая централизованная система министерств. Восстановлена старая структура парторганизации. Министерство Охраны Общественного порядка и Президиум ЦК КПСС получают названия сталинских времен — "МВД" и "Политбюро". Карательная политика становится более жесткой, хотя она и не приобретает масштабов сталинских времен. Продовольственные беспорядки 1961—63 гг. заставляют срочно провести некоторые мероприятия, несколько облегчающие экономическое положение населения. До некоторой степени снижается налоговый пресс. Владелец приусадебных участков снова создаются более благоприят-

ные условия, дабы поощрять производство продовольственных культур.

Однако по-прежнему продолжается начатая Хрущевым кампания за механизацию и химизацию сельского хозяйства, за использование целинных и залежных земель, за мелиорацию малопригодных земель. В промышленности начинают проводить политику денежного стимулирования труда. За успешное выполнение производственных планов для рабочих и служащих вводится выплата 13-й зарплаты. С целью увеличить выпуск легковых машин, а отчасти для расширения их продажи населению, в г. Тольятти с помощью итальянской фирмы "ФИАТ" приступают к сооружению мощного автозавода. Экономические мероприятия не приводят к ощутимым результатам. Положение в сельском хозяйстве не улучшается, а темпы промышленного развития начинают существенно падать. Продовольственное положение продолжает ухудшаться. Лишь огромные закупки продовольствия за рубежом спасают страну от прямого голода...

Советский глобальный экспансионизм начинает сбавлять свой наступательный темп, ввиду резкого ухудшения отношений с Китаем. Обе страны объявляют друг друга врагами № 1. (Так некогда в XI веке взаимно отлучили друг друга от Христовой Церкви Константинополь и Рим.) В 1969 году происходит разрыв консульских отношений между Советским Союзом и Китаем. Тогда же происходит пограничный вооруженный конфликт у о. Даманский, о. Гольдинский и в других местах. Строительство нефтепровода "Дружба" ограничило возможности румынского нефтяного экспорта. Это ухудшило и без того натянутые отношения между СССР и Румынией. Полностью переходит в прокитайский лагерь Албания. Провал коммунистического переворота в Индонезии приводит к разрыву ее отношений с Советским Союзом и к ее ориентации на Запад.

Во внутренней политике хрущевская "оттепель" сменяется брежневскими заморозками. Преследование инакомыслящих становится все сильнее. Но и диссидентская дея-

тельность приобретает все больший размах. Вот некоторые, далеко не полные факты:

1964 год — 1-й арест ген. Григоренко.

1965 г. — Арест писателей Синявского и Даниэля, впрочем за довольно умеренную критику сов. системы.

1966 г. — Процессы над Синявским и Даниэлем, над 9 студентами ЛГУ за издание журнала "Колокол", над художниками-монументалистами в Киеве; 1-й арест В. Черновола.

1967 г. — Демонстрация В. Буковского и В. Хаустова, их арест и суд над ними, арест А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, В. Лашковой и А. Добровольского; арест членов ленинградской организации ВСХСОН во главе с И. Огурцовым и суд над ними.

1968 г. — Суд над остальными членами ВСХСОНа, над А. Гинзбургом, Ю. Галансковым и др.; демонстрация на Красной площади против вторжения в Чехословакию и арест Литвинова, Богораз-Даниэль, Горбаневской, Бабицкого, Дремлюги, Файнберга и Делоне; арест ленинградских диссидентов Гендлера, Квачевского, Данилова, Шашенкова; появление брошюры А. Сахарова "Размышления..."; обращение интеллигенции Эстонии к А. Сахарову; обращение Якира, Кима и Габая к советской интеллигенции в начале года, начало издания "Хроники текущих событий".

1969 г. — Выстрел Ильина по правительственному кортежу у Боровицких ворот Кремля; воззвание латышского диссидента И. Яхимовича к КПСС и его арест; арест московских диссидентов Григоренко, Габая, Новодворской, Красина, Горбаневской и Краснова-Левитина; исключение А. Солженицына из Союза Писателей СССР; опубликование в октябре "Программы ДДСС" и основание организации "Демократическое Движение Советского Союза" (ДДСС); суд над офицерами Балтфлота, пытавшимися организовать "Союз борцов за политическую свободу".

1970 г. — Обращение в ЦК Сахарова, Медведева и Турчина с 14 требованиями о демократизации; суды над диссидентами в Ленинграде, Киеве, Новосибирске, Рязани, Горьком, Куйбышеве, Москве и Калуге; опубликование

”Тактических основ ДДСС”; интервью Якира, Амальрика и Буковского западным корреспондентам; арест Пименова, Амальрика и многих, многих других... И да простят мне неупомянутые. Это лишь неполные и отрывочные факты по линии диссидентской деятельности и советской карательной политики против инакомыслия.

Заслуживает упоминания и факт, что только за неполный 1969 год по данным ”Хроники” № 17 арестовано 177 диссидентов. Это служит яркой иллюстрацией все более расширяющемуся диссидентскому движению в Советском Союзе, которое наблюдалось во второй половине 60-ых годов...

Что касается моей личной судьбы, то Провидение было ко мне в середине 60-ых годов исключительно благосклонно и щедро. Сначала, въехав в крохотную комнату с кухней, я приобрел личное пространство. Затем, поступив в ТПИ преподавателем, я получил личное время. И, наконец, познакомившись с Людмилой, я обрел необыкновенную личную силу, придавшую моим стремлениям новую мощь.

Но последнее произошло не легко и не сразу. Суждено было преодолеть еще множество внутренних трудностей.

Во-первых, я не мог открыть Людмиле плана своих будущих духовных и политических действий, главным образом в силу скрытности своего характера и опасных общественных обстоятельств. Я придерживался правила: чем ответственнее замысел, тем глубже его секретность. Сколько ценных замыслов и начинаний в этой стране погибло, по невоздержанности и болтливости человеческой, едва успев родиться. Кроме того, я не был уверен в ее понимании и сочувствии моим тайным целям. Ведь женская душа казалось мне, охотнее склоняется к заботам о семье и очаге, чем к заботам об обществе и государстве. Но я был неправ. Какой-то неведомой и тонкой интуицией она постигла мои тайные мечты и поверила в их ценность.

Во-вторых, я не мог взять на себя ответственность за страдания и за возможную изломанность судьбы человека, лично со мной связанного. Все замышляемое мной было

связано с огромным риском для моей свободы и, вполне вероятно, для самой жизни. А значит, разящий удар пришелся бы и по человеку, близко ко мне стоящему. И чем больше была бы ее помощь и неколебимее верность — тем больше невзгоды и мера страданий.

Но своим непостижимым женским чутьем она уловила и страшную опасность, таящуюся в соединении наших судеб. Она могла быть пугливой на мгновение и часы, но была храброй на года и десятилетия. В ее душе жило сорок веков истории ее отважного, мореходного племени. И она последовала внутреннему велению. Соединив такт с настойчивостью, чуткость с энергией она убедила меня, что в попытке взлета я могу и должен опереться и на ее шелковистые крылья. И всей своей яркой и выразительной жизнью доказала, что она может быть отважной подругой воюющего и неистойвой вдохновительницей думающего, верной женой для заключенного и заботливой матерью для страдающего. Так сплелись воедино наши нелегкие, неладно закрученные судьбы...

Но судьба сводит вместе не только лиц душевно близких, но и сходных по мировоззрению. Если, конечно, этого сильно хотят. Если к этому искренне стремятся. И к середине 60-ых годов в столице Эстонии сложилась группа демократически мыслящих, но еще не действующих людей. Действие в наших условиях еще больше отставало от мысли, чем сама мысль от инстинкта. Ухудшение политического климата и рост экономических трудностей, преследования инакомыслящих и безысходность существования, повсеместная несправедливость и произвол властей, работали как лучшие агитаторы против существующей системы.

Могучим толчком для консолидации сил был арест членов Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН) во главе с И. Огурцовым. В меньшей степени на нас подействовал арест А. Синявского и Ю. Даниэля в 1965 году. Разгром политической партии был для нас событием более впечатляющим и зловещим, чем расправа с двумя писателями. Против тоталитарной власти

следовало применить оружие более острое и действенное, чем ядовитая ирония и литературный памфлет. В политику мы верили больше, чем в культуру.

Наша демократическая группа — ДГ, как мы ее тогда называли, — проделала в течение нескольких лет довольно крутую эволюцию. От *культурно-дискуссионной* до *политико-оппозиционной* ступени в свой первоначальный период, и от *множительно-распространительной* стадии к *программно-идеологической* в последующий период. Старшее поколение демократов пополнилось с течением времени средним поколением. А затем приобрело и юных помощников. Большинство из старших, средних и юных единомышленников еще живо и проживает сейчас в Советском Союзе. Поэтому, дабы не навлечь на них неприятностей и преследований, я вынужден здесь и далее называть их условными "кличками" и называть лишь наиболее общие обстоятельства, касающиеся их. Придет свой исторический час, когда можно будет во всеуслышание назвать их имена. Чекистские шерлок-холмсы не должны найти в моей книге материала для преследования определенных лиц. Но да послужит она грозным уроком и предостережением.

Яркой личностью ДГ был, например, "Поэт", большой поклонник женщин и убежденный ненавистник коммунистов, последователь Иисуса Христа и Петра Великого, пишущий антисоветские поэмы и не желающий перепечатывать Самиздат, рвущийся на баррикады и презирующий черновую политическую работу. Большой знаток эмоциональной жизни, он, как Бальзак, раскрывал мне "блеск и нищету не-парижских куртизанок". Это сыграло большую роль в моем познании человеческой природы, его душевной жизни и мира чувств. В этой недюжинной натуре ловелас уживался с бойцом.

Наоборот, "Психолог" был холодным рационалистом и методичным философом, отвергающим советскую систему как неразумность и нецелесообразность. Это была натура созерцательная, вечно живущая в мире книг и отвлеченных идей, но в то же время утопично мечтающая о практическом

успехе. Он преклонялся перед Фридрихом Ницше и цитировал поэмы Омара Хайяма. Отнекивался от прямой политической борьбы, но не раз шел на прямой риск ареста. У него возникали блестящие идеи, но он не умел их проводить в жизнь. Он глубоко и верно анализировал человеческую душу и закономерности общества, но в жизни не ориентировался ни в том, ни в другом. Как эмоциональное и рациональное начало "Поэт" и "Психолог" противостояли друг другу. Но в то же время уравнивали и дополняли.

"Ветеран" происходил из аристократического рода, был умным, волевым и храбрым человеком. Он не особенно любил идеологию, но до беспамятства обожал искусство. Он любил удовольствия жизни, но находил время и на серьезную политическую борьбу. Его единственной слабостью было непостоянство занятий. Но говорят, что постоянное непостоянство есть постоянство. Он был человеком порыва, вдохновения и настроения. В этих состояниях он творил чудеса. Потом на многие дни приходили упадок сил, угасание воли и равнодушие ко всему на свете. Но им сделан громадный вклад в наше кровное дело. Он прикосновен и советом и делом ко всем нашим важнейшим начинаниям.

Совсем иного склада был "Офицер". Его редко посещала Муза. Но он был способен на неуклонную, последовательную и упорную политическую работу. Он обладал практическим умом, трудолюбием и настойчивостью. Его отец, по профессии военный, был расстрелян чекистами еще в 1941 году. К сожалению, "Офицер" вскоре попал в автомобильную катастрофу и стал инвалидом. Но порывистость "Ветерана" гармонично дополнялась методичностью "Офицера".

Ну и наконец, если собрать слабости и недостатки упомянутых лиц воедино, то получится портрет меня самого.

Вот с этих людей и с вращающегося вокруг них круга лиц и начинался первый этап нашей оппозиции против существующей системы.

С годами круг единомышленников медленно, но верно расширился. И можно было уже говорить о многонациональной оппозиционной группировке. Мы почти каждый день слушали западные радиопередачи — "Голос Америки", "Би-Би-Си", "Немецкую волну" и реже "Свободу" из-за усиленного ее глушения. В те годы западное радио говорило почти лишь о московском и околomosковском правозащитном движении, да и сейчас, в общем, тоже. По этой причине наше внимание поневоле было приковано только к московскому правозащитному движению (МПЗД). Среди нас разгорелась горячая дискуссия — как относиться к нему. Всех радовало, что как будто налачился информационный мост Москва — Запад. Гласность — это тоже вид оружия, хотя и не самый главный. Но и оно заставило советское руководство считаться с московским правозащитным движением. Но было обидно, что отражаются события лишь Москвы и ее окрестностей, говорится лишь о москвичах из одного и того же узкого, подчас однопационального круга. Не удовлетворяло и то, что основной упор как будто делался на бухгалтерский подсчет "убитых и раненых" в правозащитной деятельности. Но мы все-таки не теряли надежды, что "москвобокая" информация заменится общесоюзной. И мы верили, что после "санитарно-похоронных" мотивов зазвучат программно-боевые, после заунывной панихиды загремят походные трубы. Ведь никакая война морально или политически не может быть выиграна, если помышляют лишь об ударах врага, а не об ударах по врагу, если опасаются лишь потерь от врага, а не стремятся к победе над ним.

Но дальше шли уже расхождения более принципиального порядка. Раздавалась резкая критика, граничащая с прямыми обвинениями в адрес московского правозащитного движения. Они сводились к четырем следующим:

1. "Безыдейность. Не чувствуется никакой четкой идеологии или программы переустройства общества и государства". Я был согласен с этим мнением. Тоталитарной советской системе надо было противопоставить ясную демократическую

альтернативу политико-экономического и национально-культурного развития. И настроиться на борьбу. Многие из нас подозревали, что правозащитники втайне хотят сохранить марксистско-ленинскую идеологию, лишь слегка подремонтировав советскую систему. Этого мнения я не разделял.

2. "Советскость. Коммунистической власти не предъявляется никаких серьезных требований, кроме соблюдения сталинской конституции и вытекающих из нее советских законов". С этим обвинением я тоже был согласен. Требовать соблюдения террористической по форме и смыслу сталинской конституции и всей системы бесчеловечных законов было политически малодушно и нравственно непозволительно. Сама антигуманная конституция с ее "беззаконными" законами подлежала требованию об их немедленной отмене. Говорят, что "соблюдение" законов было бы лишь первым шагом. Но ведь дорога-то в 1000 миль! И начинать идти по ней надо было с первой сотни шагов. А поэтому, как минимум, надо было требовать от власти не правовых послаблений внутри нетронутой системы, а радикальных политических и экономических реформ, меняющих лик системы.

3. "Верноподданничество. С властью, карающей всякое инакомыслие, хотят играть в лояльность и открытость". Это тоже было верно. В условиях постоянной и плотной слежки, под угрозой ежеминутного ареста "засвеченных" лиц и обыска "деловых" квартир чрезвычайно трудно или почти невозможно вести открытую долговременную информационную работу, строить серьезные политические структуры.

Была и 4-я причина критики, в которой иногда звучали антисемитские нотки. Московское движение критиковали за "нерусскость". Обращали внимание, что больше половины участников движения либо евреи, либо лица еврейского происхождения. Из этого факта иные делали следующие выводы: а) Правозащитное движение непопулярно среди русского населения и русской интеллигенции, а значит бесплодно и малочисленно; б) Правозащитное движение в действительности добывается не народного или гражданско-

го блага, а привилегий для еврейской национальной группы: права выезда в Израиль, послаблений для их творческой интеллигенции — писателей, ученых, художников, возможностей для культурно-религиозной деятельности; в) евреи легко загораются, многое расшевеливают и организуют, но быстро ломаются в испытаниях и порой идут на сговор с политической полицией.

Поэтому некоторые люди советовали нам не только не сотрудничать, но даже избегать всяческих контактов с протезащитным движением.

Все эти построения по пункту 4 я с ходу отменил. Нравственный водораздел проходит не между нациями, а между людьми — живыми носителями Добра и Зла, к каким бы нациям, племенам и сословиям они ни принадлежали. А распознать хороших и плохих людей помогут интуиция, опыт и Божий Промысел.

Мнения резко разделились. Значительная часть была против контактов с Движением. Я с другой частью горячо стоял за сотрудничество между всеми оппозиционными силами, любых, даже очень бледных оттенков. Третьи заняли выжидательную позицию — "посмотрим, что из этого выйдет".

Я же был одним из первых, кто начал реализовывать междвиженческие контакты. Как всегда, многогранная действительность очень неохотно укладывается в умозрительные схемы людей. И события предстоящих времен дали доводы как в мою пользу, так и в пользу моих противников...

В январе 1968 года по западному радио прогремело обращение П. Якира, И. Габая и Ю. Кима к советской общественности. Я записал адрес Якира на ул. Автозаводская. И вскоре поехал в Москву знакомиться. До его квартиры на каком-то высоком этаже я добрался благополучно. Дверь открыла жена Якира — В. Савенкова. Снимая пальто, я увидел на вешалке... фуражку милиционера. "Вот так сувенир!" — изумился я. Потом мы сидели с Якиром на кухне. Что-то писали, а что-то говорили. Курчавый, с легкой се-

диной, он неподвижно смотрел на меня своими светлыми, немного пустоватыми глазами. Я говорил — нужна организованность. Он отвечал: "Дело ВСХСОНа показало, что раз нет железных людей — не надо и железных организаций". (Значит, раз в один день похолодало, то и круглый год быть лютым морозам. Вот так он вывел "железную" закономерность!). "Не все же надо делать открыто. Нужна и конспирация", — пытаюсь возразить я. — "Чем больше хитрят, тем больше попадают" — отрезал Якир. (Вот те на! значит, как страус, сунь голову в песок и делай вид, что КГБ не существует!) — "Необходимы идеологические основы движения", — говорю... "Главное — это соблюдение Конституции! Кроме того, у нас есть *соцгабизм** — в эмоциональном порыве делать добро", — внушительно пояснил мой собеседник. (Не густо! Что еще за хитромудрие такое? И куда оно их выведет?) — "Ну, хоть материалами-то обмениваться можно?" — спрашиваю. — "Приносите... посмотрим" — милостиво разрешил он. Потом он вынул из стола продолговатую и черную адресную книгу и предложил записать адрес, имя и фамилию. Книга была испещрена подобными адресами... "А вы не боитесь, что придет КГБ, заберет адреса и начнет преследовать этих людей?" — "Моя квартира для них недосягаема", — прозвучал гордый и уверенный ответ. (Ну и ну! Час от часу не легче. Большой Ленин, его жена Крупская, Троцкий, Бухарин и иже с ними были досягаемы, а ты нет! Чудеса в решете, да и только!) Но адрес записал.

Познакомился я и с его матерью Саррой Лазаревной. Это была несчастная и больная женщина, измученная своей судьбой и вздрагивавшая от каждого стука. Мне было очень жаль ее, и я сердечно попрощался с ней.

Позднее я убедился, что взгляды Якира отражали прин-

* П. Якир и его друзья называли *соцгабизмом* концепцию диссидента Ильи Габая, заключавшуюся в эмоциональном более, чем политическом, протесте против несправедливостей коммунистического порядка.

ципы всего правозащитного движения Москвы. Позднее была встреча с В. Красиным в районе Перово Поля. Этот на меня произвел лучшее впечатление. Его речь была быстрой и нервной, но толковой. "Почему не работаете над связью с другими городами страны? — спрашиваю. "Мы эту идею уже начинаем осваивать...", — обещающе заверил он и спросил: "Подготовлены ли вы к самому худшему?" — "Да!". — "Помните, что КГБ для нас никто и ничто. И ни при каких обстоятельствах показаний не давать!" — внушал Красин (Ого! Это уже речь не мальчика, но мужа. Такая постановка дела мне нравилась!) Затем я получил от него пачку документов Самиздата, в том числе брошюру А. Сахарова "Размышления...". Поразило убожество обстановки, в которой жила его жена Аня и многочисленное семейство... "Господи! Все без остатка уходит на нужды движения", — думал я. На прощание я горячо пожал Красину руку.

Отчитываясь дома о поездке, я полушутливо сказал: "Якир — это наш будущий Азеф, а из Красина может выйти что-то путное". Увы, наша интуиция постигает не все и не всегда...

Навещал я и квартиру генерала П. Г. Григоренко. Я знал, что его квартира прослушивается. И отрекомендовался ему "Игорь Васильевичем". На кухне стоял высокий бритоголовый, немного сутулый человек и ошпыливал курицу к обеду. На первый взгляд он показался мне "служаккой", "солдатской костью". Но его речь, мудрая и неторопливая, развеяла это впечатление. — "Что же вы, москвичи, так и будете придерживаться марксистско-ленинской философии?" — спросил я. — "Да что вы, Игорь Васильевич!" — удивился генерал. — "О Ленине и говорить нечего. Да и марксизм вовсе не философия. И лишь в малой степени социология". И дельно начал доказывать — почему это так. (Ого! Очень и очень неглупо, — думал я). Его милая и гостеприимная жена, Зинаида Михайловна, лежала в другой комнате с сердечным приступом. И обед готовил сам хозяин. Далее, он доказывал мне, что цифры о жертвах политических преследований в 15—17 миллионов человек, при-

водимые А. Сахаровым, сильно занижены и показал мне собственные расчеты. Его данные были равными, насколько я помню, 22 миллионам человек. Потом пришли гости, и мы сели за стол. Среди них был один бывший сослуживец (или дальний родственник) Петра Григорьевича — единственный не боявшийся навещать их семью — с зачесанными назад темными волосами. Я запомнил его по забавной сцене. На наши антисоветские высказывания он словами никак не реагировал. Но выразительной мимикой и резкими жестами выражал полное одобрение.

Заходил я и к Наташе Горбаневской. Она вышла ко мне на лестничную площадку и сказала: "Мама так испугалась вашего звонка. Она все боится, что за мной придут. И волнуется за судьбу моего ребенка". Я почувствовал себя неловко и, о чем-то договорившись, быстро распрощался. Потом, в год увольнения из Комитета профтехобразования, я звонил ей по телефону, назвавшись, как было условлено, "Северным". Она сказала: "Я рада что вы живы и на свободе, что я слышу ваш голос..." Это было симпатично, располагающе.

Виделся я и с П. Литвиновым на ул. Толстого. Запомнились его слова: "Теперь в Москве уже около сотни людей, думающих и действующих так, как мы". Поговорив с ним несколько часов, я пожелал ему успеха в их начинаниях.

Познакомился я и с Юрой Мальцевым — приятным и умным молодым человеком, жившим близ станции Бирюлево. Мы знали его по мужественному публичному отказу от советского гражданства и по требованию разрешения на выезд. Он жил в старом, расшатанном доме, превосходно владел итальянским, грезил Италией и мечтал туда выехать. Был он сторонником философии Бердяева, и у него на столе я впервые увидел портрет этого большого мыслителя. Его не раз бросали в местную психиатрическую больницу, но он упорно стоял на своем. А упорство иногда вознаграждается, как показала его судьба. Поскольку слежка за его домом проводилась очень редко, то мы часто привозили ему документы нашего движения с просьбой передать

их в Инициативную группу по защите гражданских прав. Что он добросовестно и делал. Он оказал нам значительные услуги по передаче документов... Было много и других встреч с москвичами, которых за недостатком места и давности времен не касаюсь...

Итак, летом 1968 года, я от Красина получил в числе других документов и отпечатанную на папиросной бумаге брошюру А. Сахарова "Размышления о прогрессе..." Еще в вагоне, дрожащими от волнения и нетерпения руками, я расправлял ее скомканные листы. "Господи! Неужели программа!? Наконец-то", — радостно думал я и лихорадочно пытался прочесть ее отдельные строки. Затем мы приехали в село Михайловское, в Пушкинский заповедник, находящийся в Псковской области, недалеко от Святогорского монастыря, где похоронен поэт. Мы снимали там комнату в русской избушке. В этой деревне некогда жили крепостные Пушкиных. С тех пор положение мало в чем изменилось. Нищета, бесправие, забитость, невежество, как и ранее. Лишь больше прохладности к вере и меньше доброты... Там, на опушке леса, около пылающего костра, я прочел близким мне людям брошюру Сахарова. Там же и обсудили ее.

Через несколько недель мы вдруг проснулись от дикого женского воя. Я, едва одетый, выскочил во двор и спрашиваю у деревенских женщин — в чем дело? Они ответили: "Война, сынок! Ой, что-то теперь будет?.. А-а-а". — "Да погоди, мать! Какая война, где война?" — "Да в Челавакии какой-то. И радио так страшно говорит..." Тут я сообразил, что произошло. Рванулись-таки родимые, красноезвездные, крепкобронные. Растоптали сапожками кирзовыми "пражскую весну"! Ну погодите же — будет вам гостинец!

Мы устроили брошюре Сахарова почетную "зеленую" улицу. Размножили ее в большом количестве экземпляров и давали всем, кому только можно было... Не все в Эстонии владели русским языком. Тогда мы организовали группу хороших переводчиков — сначала нашли одну способную девушку, а потом подыскали ей двух помощников. Текст был все же довольно трудным. И брошюра, впервые пере-

веденная на эстонский язык, пошла широко по всей республике... Брошюра содержала интересные факты, положительные идеи и дельные соображения. Нравилось и то, что автор брошюры — ученый, подаривший советской тоталитарной системе самое чудовищное средство массового разрушения — термоядерную бомбу. Теперь он честно искупал свое преступление и открыто противопоставлял себя правительству, его внутренней и внешней политике. Но вместе с тем мы испытывали и глубокую неудовлетворенность.

Неприемлемого в работе Сахарова для нас было много:

1. Ставка лишь на научно-технические средства.
2. Мышление в марксистских, экономических категориях.
3. Уравнение национальных диктатур с советской тоталитарной системой.
4. Наивная вера в здравый смысл и добрые намерения советского правительства.
5. Видение основного мирового зла чуть ли не за границами советского общества.
6. Не поднят национальный вопрос.
7. Не раскрыта роль советского империализма в мире.
8. Не показана главная виновность Советского Союза — создание напряженности во всем мире.

Вторжение в Чехословакию в 1968 году и расправа над демонстрацией протеста на Красной площади вплотную подвели к необходимости выпустить резкую и призывную политическую прокламацию. Составление текста прокламации поручили мне, поскольку я наиболее резко нападал на основные положения брошюры. Я сидел над прокламацией несколько бессонных ночей и озаглавил ее "Надеяться или действовать?" Этим заглавием я хотел показать, что если идеологи правозащитного движения хотят лишь надеяться, то мы, демократы, желаем действовать... В вводной части отмечались поверхностность и формальность решений и средств, предлагаемых академиком. Привлекался лишь экономический и научно-технический арсенал. Такой механистический подход заранее был обречен на неудачу. В 1-й

части выражалось недоумение, что автор как будто не заметил бездуховности и безнравственности нашего собственного общества, отмечая зло, существующее лишь вне нас. Ставился вопрос о безоговорочном отказе от марксистско-ленинского мировоззрения, о создании и обретении новых нравственных и политических, духовных и философских ценностей. В части 2 А критиковались отсутствие требований гражданских и политических свобод, принятых в свободном мире, и наличие лишь робкого пожелания расширения интеллектуальных и творческих свобод. Этим защищалась лишь узкая и сравнительно малочисленная прослойка интеллигенции, ее небольшой творческий актив, а не общество в целом. Проводилась мысль о бесплодности надежд на демократические реформы со стороны советского правительства. Делалась ставка и содержался призыв — развертывать самостоятельные силы общества, которые, действуя и борясь, силой завоевали бы политические свободы для общества. В части 2 Б требовалось признать вину советского экспансионизма и империализма перед всем миром, принципиально и открыто отказаться от него, а освободившиеся средства перебросить на культурно-экономическое строительство. В части 3-й предлагалось отбросить марксистский тезис о том, что экономический фактор решает все, и рассматривать его лишь как вспомогательный к общественно-политическому и нравственно-духовному фактору. Гибкие и целесообразные формы экономики следует искать и найти. Но материальные потребности — не самоцель человека. И порочно ориентировать человека только на материальные интересы. Прокламация заканчивалась призывами:

1. Не ограничиваться научно-технической фантастикой и пробуждением розовых надежд на доброту власти.
2. Создавать новые общественные, нравственные и политические ценности.
3. Предлагать обществу новые политические и экономические идеалы.
4. Разработать для общества ясную программу действий.

5. Начать и возглавить борьбу, вести за собой общественные силы, если в этом будет историческая необходимость.

Эти призывы свобододлюбивая интеллигенция восприняла чисто платонически. Четыре первых призыва нам потом пришлось реализовать самим, а по 5-му призыву — вести борьбу лишь собственными силами.

Документ был одобрен нашим кругом. Поскольку мы еще окончательно не оформились в идеологическом отношении и как организация, то подписали просто: "Представители интеллигенции Эстонии". Позже я встречал неточные подписи: "технической интеллигенции", "эстонской интеллигенции". Это — ошибки перепечатки.

Прокламация дошла до А. Д. Сахарова. Он впоследствии открыто откажется от марксизма-ленинизма и поднимет вопрос о национальном самоопределении. Однако более коренных перемен в его мировоззрении, как нам кажется, не произошло.

С этой акцией была связана роковая ошибка Якира. Прокламацию я принес ему вечером. И поздно ночью вышел от него. За мной сразу метнулись темные тени. Но я был спортивен, подвижен и неплохо бегал. И в вечерней темноте мне не без труда, но все же удалось ускользнуть. Позвонив по телефону и сообщив, что все благополучно, я вдруг получил категорическое указание — обязательно прибыть завтра к 13 часам, т. е. среди бела дня. Его голос звучал так драматически, что, казалось, стряслась беда и мое присутствие необходимо. Я помнил, что даже в темноте я еле оторвался от слежки. А днем это будет почти невозможно. Но чувства боевого товарищества взяли вверх и я был там в назначенный час. И что же? Оказывается, мне просто хотели показать "Строматы" А. Краснова-Левигина. Я рассердился, но промолчал. Эту весьма интересную книгу я вполне мог бы получить позднее, через другие каналы, которые у нас уже были. И необходимости в моем втором приходе не было никакой. Такое легкомыслие могло кончиться плохо.

И оно, действительно, кончилось плохо — не успел я выйти из подъезда, как был плотно окружен кольцом лиц

в штатском. И как я ни нырял в трогаящийся вагон метро, как ни перебежал улицы на красный свет, как ни пронесился вихрем через задние дворы домов, — все было напрасно. Оперативников КГБ было много, они были молодыми и натренированы не хуже меня. И, видимо, имели точный и строгий приказ — установить личность, привозящего документы. И когда я в районе Киевского вокзала, весь залитый потом, рванул к телефонной будке, чтобы дать сигнал тревоги, уже было ясно, что на этот раз мне не уйти. Едва я вышел из телефонной будки, как ко мне на бешеной скорости подъехал и, надрывно скрипнув тормозами, остановился милицкий джип. Оттуда высыпала группа милиционеров. На глазах у маячивших кругом оперативников они потребовали у меня паспорт. "Я что для вас, преступник?" — пытался я огрызнуться. — "Да нет, мы имеем право проверять каждого гражданина. Надолго ли к нам, в Москву?" — "Сколько потребуется". — "Пожалуйста. Это уже ваше право", — осклабились ретивые помощники КГБ и, переписав мои паспортные данные, сели в машину и скрылись за ближайшим углом.

Этот раунд выиграл КГБ. Силы были слишком неравные, обстоятельства — враждебные. Но сколько же раундов придется им еще проиграть. Так КГБ, по небрежности Якира, точно установил мое имя и адрес. Для них я был связной Эстония — Москва, которого они разыскивали. Они уже давно знали, что по этой линии происходит усиленный обмен документов — и от своей московской агентуры, и по оперданым из Эстонии. Срочно полетела шифрограмма из Москвы в штаб-квартиру КГБ в Таллине. Тотчас же наряд КГБ приехал к дому на ул. Ристикю 44, где находилась моя квартира и где я был прописан. Но фактически я там уже не жил, я перешел к Люде. Жильцов дома подвергли расспросам, где я нахожусь. Но никто толком ничего не знал. И лишь позднее они рассказали мне о происшедшем. Ринулись с теми же вопросами в ТПИ, где я уже с лета не работал. Стали выяснять, кто мои друзья и знакомые, у кого я могу проживать. Устроили негласную проверку через мили-

цию и у моих близких, у отца и матери. Все было напрасно. Установочные данные обо мне у КГБ были. В Москве КГБ меня потерял, на железной дороге не поймал и теперь не мог обнаружить по месту жительства. Представляю ту отборную ругань, которая раздавалась в определенных спецслужбах по поводу таинственно исчезнувшего "антисоветчика".

А я обо всем догадывался, находился у Люды и спокойно работал над политическими проблемами. Никто не знал, что я у нее и напротив здания ЦК КПСС Эстонии. На Людину квартиру по ул. Лембиту они вышли лишь 5 месяцев спустя.

Хорошо используя в политическом смысле второе полугодие 1968 года, я вдруг решил, что следует обновить денежные средства. Сидеть у Люды на шее я не хотел, источников дохода не было никаких, а перерасход средств был налицо.

Я решил на какое-то время устроиться на работу. У меня был и диплом ЛПИ и трудовая книжка, удостоверяющая мой инженерно-заводской и преподавательский стаж в ТПИ. Большой бдительности в отделе кадров Комитета профтехобразования не было, и я был сразу взят на работу учебным методистом в Методический кабинет учреждения. Меня оформили, а анкету послали, по инструкции, в соответствующий отдел КГБ Эстонии. Увидев в анкете фамилию давно разыскиваемого лица, оперативники всполошились. Они застолбили оба выхода из учреждения и вскоре засекли Людину квартиру. Утром и вечером, во время обеда и в служебных поездках, я везде и всегда видел теперь лиц в штатском, не спускавших с меня глаз и следовавших по моим пятам, куда бы я ни пошел. Это "сопровождение" еще больше заряжало меня воинственной энергией, ибо я не знал, сколько времени еще в моем распоряжении. Но пока меня не брали. И я регулярно ходил днем на работу, а вечером проводил свои тайные встречи.

Поединок с агентами КГБ стал теперь для меня вопросом чести. Именно теперь, в осаде чекистов, надо сделать главные дела, и как можно дольше не провалиться. Мы хотели показать своим примером всем диссидентам — мало-

верам и паникерам, что значит соблюдение конспирации и серьезная политическая деятельность.

Так прошла весна и наступило лето 1969 года. Я видел вещие сны и предзнаменования. Что-то назревало. Что-то еще предстояло. Я был готов лицом к лицу встретить это неведомое Нечто.

Во главе учреждения, где я работал, стоял член ЦК КП Эстонии А. Шишкин. Он еще в 1941 году вступил добровольцем в истребительный батальон и всю войну провоевал, потеряв руку. Его жена З. Шишкина была секретарем горкома КПЭ гор. Таллина. Теперь к нему начались звонки и визиты видных чиновников КГБ. Решено было до поры до времени меня не увольнять. Решили загрузить работой, нигде не упоминая и не посылая в загородные командировки. КГБ было удобно ежедневно подключать ко мне своих агентов в конце рабочего дня. Так они надеялись выследить мои связи в Эстонии. И началась у нас необъявленная тайная война. Я считаю, что мы ее выиграли, ибо продержаться удалось еще целых пять лет и, не покладая рук, заниматься политической деятельностью...

Июньское утро 1969 года. Город Таллин. Я нахожусь на своем рабочем месте, в Методическом отделе Комитета профессионально-технического образования. Уже говорилось, что я устроился сюда по недосмотру начальства после того, как был уволен с должности преподавателя по "технологии машиностроения" в Таллинском Политехническом институте. Вдруг открывается дверь, и к моему письменному столу быстро подходит человек средних лет, в штатском, почти интеллигентного вида, в очках, но с настороженно-ироническим выражением лица. Поразительное сходство с Гиммлером. Он здоровается и спрашивает: "Вы гражданин Солдатов, Сергей Иванович?" — "Да. Садитесь, пожалуйста". — "Да нет... Я из Комитета... Вот мое удостоверение". Внутренне подбираюсь. Подавляю возникающее чувство гнева. Мелькает мысль: "Неужели уже арест? Столько дел еще не окончено..." Отрывисто бросаю: "Давайте его сюда!" Из краснокожего удостоверения видно, что передо мной капи-

тан госбезопасности Исмикеев. "Вам придется проехать с нами". За его спиной вырастают еще две внушительные фигуры. "Это куда еще?" — "Для начала на вашу квартиру. Надеюсь ваша жена дома?" — "А санкция прокурора у вас есть?" — "Все по закону. Не сомневайтесь". — "Ваша законность уже стоила жизни миллионам". — "Я исполняю лишь приказ. Пройдемте!" Меня уводят, сажают рядом с шофером машины КГБ. Через несколько минут, на большой скорости, нарушая правила движения, мчимся в черном лимузине — четыре оперативника КГБ и я. Сзади на машине едет вторая оперативная группа. Оборачиваюсь с переднего сидения и смотрю им всем в лица. "Что, знакомых узнаете?" — ехидно спрашивает Исмикеев. — "Нет. Хочу вас всех запомнить". Молчание. Подъезжаем к нашей квартире. Предъявляется постановление прокурора. Начинается долгий и кропотливый обыск. Юридическое основание обыска очень таинственно и неопределенно — "гражданка О. Бодренко показала, что Солдатов встречался на ее квартире с неизвестным"... Невзирая на протесты, изымается вся моя переписка с писателем В. Померанцевым, стихи "Мечта о воле" и "На смерть Кеннеди", "Декларация Прав человека" и другие документы. И, что особенно обидно, — философская рукопись "Мир, человек и время", стоившая стольких усилий.

В тот раз меня еще не арестовали, но вскоре я был подвергнут концентрированным допросам в Следственном Управлении КГБ Эстонской ССР, в Таллине на ул. Пагари, 2. Допрашивал меня старший следователь КГБ А. Никитин по делу Гаврилова, Геннадия Владимировича и группы офицеров Балтийского флота, обвиняемых в антисоветской деятельности. Попытки что-либо узнать о моих контактах с правозащитным движением в Москве и других городах, а также с мятежными военно-морскими офицерами, я отмел сразу, невзирая на открытые угрозы. Тогда моей обработкой занялся сам Начальник Следственного Управления КГБ ЭССР полковник Л. Барков, "кандидат юридических наук, юрист 1-го класса ЭССР" — как он внушительно представил-

ся, впоследствии возглавивший УКГБ города Ленинграда. "Юрист первого класса" разыграл со мной роль либерала и гуманиста, осведомленного в различных областях. Он заявил, что читал "Доктора Живаго" Б. Пастернака и стоит за его опубликование. В ответ на мое возмущение отсутствием свободы слова в СССР, мои нападки на ст. 70 УК РСФСР против "антисоветской деятельности", являющейся орудием расправы с инакомыслящими, он пытался парировать тем, что и в Британии существует закон "об оскорблении его величества". Далее мне были предъявлены показания дочери капитана 1-го ранга Бодренко и офицера Балтийского флота А. Косырева о факте встречи со мной на квартире Бодренко и о содержании переговоров. "Своим злостным отрицанием вы уже не спасете Косырева, Гаврилова и других, но Олю Бодренко подводите под угрозу ареста", — сказал он. Я ответил: "Я не могу облегчать ничьей судьбы, идя против своей совести". Однако власти действительно могли в случае моего абсолютного отрицания привлечь О. Бодренко и в качестве организатора встречи, и за дачу ложных показаний. И тогда я решил все растворить в неопределенности. "Я — человек общительный, встречаюсь с очень многими людьми, очень возможно, что была и эта встреча, точно не помню, но во всяком случае на политические темы не говорили", — что и было зафиксировано. Опыт показал, что это было удачной формулировкой. На очередном допросе были повторены попытки узнать что-либо более определенное. После их провала была взята подписка о невыезде и высказана неясная угроза, что в чрезвычайной обстановке они примут меры против тех, кто шел против них, кто им "стрелял в спину".

Затем осенью допросы были продолжены в Особом отделе Балтфлота КГБ СССР (военная контрразведка) на ул. Тоомпеа, 8, капитаном Бодуновым. Он заявил, что мои показания в КГБ ЭССР — это замаскированный отказ от показаний и предъявил протокол допроса А. Косырева. Последний показал, что я выразил готовность участвовать в основании и деятельности "Союза борцов за политическую свободу",

а также в издании газеты "Демократ", причем я взялся даже организовать доставку типографского шрифта. Затем был введен он сам. Он подтвердил, что встречался именно со мной. Его показания я не подтвердил, обругав его трусом и подлецом. На это следователь заявил, что с моей честностью мне недолго гулять на свободе, и я сижу на бочке с порохом. Я потребовал своего участия на суде над офицерами. "От имени кого? Кто вас уполномочил? Комсомольская или профсоюзная организации?" — ехидно спросил Бодунов. "От имени демократической интеллигенции", — ответил я, после чего был выведен из кабинета.

Спустя несколько дней, в сопровождении майора КГБ Тихонова и его подчиненных, я был доставлен в Республиканскую Психоневрологическую больницу на Палдиски, 52. Там психиатрическая комиссия во главе с военврачом Петренко после многочасовой "беседы" признала меня невменяемым. В "диагнозе", с которым я познакомился лишь после ареста в 1975 году при изучении дела, было сказано — "его бредовые антисоветские и религиозные высказывания указывают на наличие вялотекущей шизофрении".

Тем не менее, тогда, в 1969 году, после признания меня душевно-больным, я был оставлен на некоторое время в покое, однако был уволен с работы. Ход моих допросов и психозэкспертизы подробно изложен в "Хронике"-11 за 31 декабря 1969 года. Было все так. В 1968 году группа либерально настроенных военно-морских офицеров и моряков Балтфлота, число которых не превышало и сотни, намеревалась создать организацию "Союз борцов за политическую свободу". Она была бы своеобразной партией нео-декабристов, которая, опираясь на оппозиционные круги вооруженных сил, совершила бы в удобное время государственный переворот и установила бы в стране демократический строй. Они намеревались также создать подпольную типографию, которая бы печатала и размножала информационный орган Союза — нелегальную газету "Демократ". Для печатного дела не хватало лишь шрифта в достаточном

количестве. Я обещал какую-то часть шрифта достать, используя свои связи в типографии газеты "Советская Эстония". Одним из идеологов группы был Гаврилов, Геннадий Владимирович, который родился в 1939 г. в гор. Ленинграде, в семье рабочего судостроительного завода. Окончил Высшее военно-морское училище им. Дзержинского по специальности "вооружения военно-морских судов". Жил на военно-морской базе в гор. Палдиски (недалеко от Таллина), служил на подводных лодках, был членом КПСС. У него были жена и дочь. Как установило следствие, он был автором "Письма к гражданам Советского Союза", под псевдонимом "Алексеев". Это было по сути дела программой группы, где говорилось, что "безмерная кровь и грязь покрыла знамя нашего общества" в эпоху большевиков. И что единственный выход — в "вооруженной борьбе масс". Указанное письмо, а также составленный ими публицистический сборник "Слово и дело" широко распространялись в местах прохождения службы офицеров — в Кронштадте, Таллине, Палдиски, Лиенае, Клайпеде, Калининграде. Материалы распространялись также в студенческих и правозащитных кругах Ленинграда, Москвы, Баку, Перми, Риги, Хабаровска и других городов. После длительного обсуждения мы направили офицерам-демократам меморандум "Пути демократизации", где критиковали их за склонность к социализму и избрание насильственных средств. Мы передали эти документы в московское правозащитное движение. Но по вине московских правозащитных кругов, документы эти на Запад переданы не были и пропали без вести.

Из-за предательства одного капитана 1-го ранга некоторые активисты группы вскоре попали под наблюдение Особого отдела КГБ СССР при Балтфлоте. В июне 1969 г. трое из них были арестованы и преданы Военному трибуналу Балтфлота. Осенью 1969 г. они были осуждены, соответственно Гаврилов, Геннадий Владимирович — к 6 годам лишения свободы, Косырев, Александр Васильевич — полностью раскаявшийся — к 2 годам, а Парамонов, Георгий

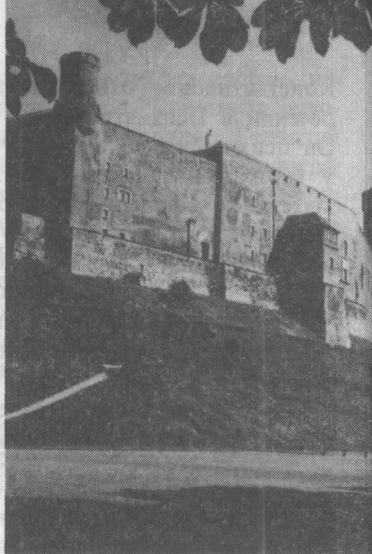
Константинович отбыл почти 10 лет на принудительном лечении в Психиатрической больнице в гор. Черняховске. Он психически искалечен и в настоящее время проживает у своих родителей в гор. Перми. Остальных выявленных мятежных офицеров исключили из партии, разжаловали, перевели в другие места службы и определили в штрафные подразделения, — всего около 40 человек.

Дело офицеров-демократов Балтфлота имело огромное значение для связанных с ними гражданских демократических кругов, дав новый импульс для их политического развития. В ответ на расправу с офицерами нами было принято решение форсировать развертывание оппозиционной деятельности, опираясь на собственные малые силы. И приблизительно в то самое время, когда происходил суд над офицерами, мы основали новую организацию — "Демократическое Движение Советского Союза", а 10 октября 1969 г. издали "Программу ДДСС". Немного позднее мы стали издавать также подпольные журналы "Демократ" и "Луч свободы".

Дело офицеров Балтфлота показало также, что, несмотря на формальную принадлежность к партии и на наличие присяги, в вооруженных силах есть прогрессивные демократические круги, которые из патриотических побуждений стремятся к коренным переменам в советской системе, и подчас радикальными средствами.

Таллин, 1974. Незадолго до ареста

Таллин. Вышгородский замо

Таллин, 1975. Сын Александр

Москва, 1973. Новодевичий монастырь
На могиле В. С. Соловьева

Глава 6

ВО ИМЯ СВОБОДЫ !

Памятный 1969-ый был для меня годом ареста морских офицеров — моих друзей, плотной слежки, обысков, допросов и психиатрической экспертизы. Всемирно и печально известные карательные силы начали свое концентрированное наступление. Я сам постоянно ждал не только ареста, но каждый день ожидал, что подстерегут и убьют. Или хотя бы попытаются. Арсенал средств для этого был богатым, а возможностей много.

Борьба с оперативной службой КГБ требовала исключительно напряженных усилий. Все свои передвижения я совершал в темное время, по причудливому маршруту, с бесконечными проверками и засадами, пока не убеждался, что оторвался от преследования. Тайные опернаряды КГБ были довольно мобильными и технически неплохо оснащены. В распоряжении каждого оперотряда было до 3-х легковых машин. Оперотряд был вооружен и радиофицирован. Радиосвязь была между машинами и оперативным центром, между машинами и агентами. И даже сами агенты скрыто переговаривались друг с другом через вмонтированную в их одежду мини-радиоаппаратуру. Это позволяло быстро, искусно и незаметно маневрировать. И лишь очень опытный глаз мог различить их среди сотен людей и десятков машин,

снующих по городу. Поэтому уход от слежки был делом трудным. Он требовал определенной сообразительности, подвижности, терпения и времени. Мне помогал нерастраченный в излишествах запас жизненных сил, помогали некоторая выносливость и закаленность организма. Я был спортивно натренирован, неплохо бегал и ползал по-пластунски, легко перелезал через заборы и перепрыгивал канавы. Говорю об этом не ради "красного словца", — но чтобы привлечь внимание к часто упускаемому обстоятельству — в борьбе важна и физическая природа человека, его натренированность и выносливость. Я всегда уходил в места, куда не могли проехать их машины и боялись углубляться оперативники. Городским транспортом пользовался редко или часто менял маршруты, бесконечно пересеживался. Я уходил от них задними дворами, шел через кладбищенские и лесные массивы. Там они обычно в нерешительности и страхе останавливались, явно опасаясь за свою жизнь. И безнадежно застревали. Я же, понаблюдав за ними из-за кустов и зарослей, вскоре бесшумно и быстро исчезал. Но зато расстояние в 5 км между центром Таллина и Нымме, его южным пригородом, я одолевал в вечернее или ночное время за 3—4 часа. А уходить от слежки и тратить время было надо... Надо было приходиться на конспиративные встречи и явочные квартиры, проводить тайные совещания, обсуждения, доклады, и собрания, работать над философскими и политическими материалами, организовывать перепечатку и самому до изнеможения, целыми сутками, печатать. Напечатать что-либо означало решить уравнение с вечными тремя неизвестными — исполнитель, место и средство.

Когда находилась подходящая квартира, то не было пишущей машинки и машинистки. Если находилась надежная машинистка, то не было квартиры и машинки. А после доставки "чистой" пишущей машинки, вдруг выяснялось, что машинистка заболела, а квартира взята под подозрение.

И все-таки, невзирая на все трудности, свершилось подлинное чудо. За 6 лет усиленной слежки, т. е. с конца 1968 по конец 1974 года, КГБ не смог выяснить ни одного имени

ни одной квартиры наших единомышленников. Вот вам, ма-
ловеры и паникеры, важнейший пример поражения КГБ
и победы подпольного движения! Настойчивость и серьез-
ность во имя истинного и справедливого дела всегда побе-
доносны. Особенно в единоборстве карательных сил и бор-
цов за свободу. Правда, в моем личном случае, я опасался,
что раздраженные моими активными передвижениями и
постоянным отрывом от слежки, они просто организуют
"несчастный случай" или "случайную смерть" — избыют,
прирежут, пристрелят или просто раздавят машиной. И
поэтому часто ходил вооруженный. Любая попытка меня
убить могла бы быть для КГБ успешной, но обошлась бы им
дорого.

Сидя в 1975 году под следствием, я с удивлением узнал,
что был для охотников из КГБ какой-то прямо даже леген-
дарной дичью, которую и пуля не берет, и нож не режет. И
погоняемые не столько служебными взысканиями, сколько
подогретые уязвленным сыскным самолюбием, стремясь
восстановить свой упавший престиж всезнайства и вездес-
ущности, они делали все, чтобы покончить с моей мифи-
ческой неуловимостью... Я же обладал лишь серьезностью
намерений да покровительством Бога.

Меня в первый раз должны были арестовать еще осенью
1969 года после "посадочных" показаний А. Косырева и
О. Бодренко против меня. Второй раз меня должны были
взять летом 1972 года после подробных сведений, данных
обо мне Якиром в Лефортовской тюрьме. Но им мешала
неустановленность моих связей, недостаточность обвини-
тельных материалов, и, главное — нераскрытость организа-
ции, куда я, по уверенному предположению КГБ, входил. А
мою полную закрытость на допросах они знали еще с лета
1969 года. И лишь в 1974 году им крупно повезло, особенно
после показаний Варато, Каллиса и других. Но это уже не
заслуга КГБ, а вина наших собственных активистов, их
недостатки, ошибки и слабости. Греховность следует искать
прежде всего внутри нас самих. А не вне нас, как мы это
часто любим делать!

... Я чувствовал, что этой неистовой чекистской атаке надо дать достойный ответ. Да такой, чтобы запомнился. Нужно было с малыми силами пойти в решительное наступление против советской системы. А малость сил и недостаточность техники возместить решительностью идеи и энергичностью действия. К этому времени к нашей ДГ примкнули новые люди, которых я назвал бы средним поколением.

Одним из них был "Кутила". Он был трудолюбивым человеком и неплохим организатором. Практичный, эрудированный он обладал бойким пером. Его недостатком были периодические запои, ведущие, как правило, к приостановлению работ и невыполнению заданий. А в испытаниях это привело к нестойкости и капитулянству. Его квартиру мы использовали как фотолабораторию и машинописное бюро. Несколько раз я проводил там редакционные совещания. Другим был "Учитель". Это был скромный, достойный, серьезный и честный человек, правда наивный и легко веривший самым вздорным утверждениям людей, но трудолюбивый и энергичный, хотя и мало практичный. Он обладал также и даром журналиста. Его вклад в движение значителен. И в испытаниях он проявил необходимую стойкость.

Третьим был "Партизан", человек непостоянной, периодической энергии, но в то же время неглупый и практичный. Был он человеком сложного, эмоционально несдержанного характера, мучился завистью и страдал комплексом "Сальери", имел сложную судьбу. Находясь в течение ряда лет в советских административных кругах, он хорошо знал, что творится на партийных верхах. Духовным и нравственным проблемам он значения не придавал, с подозрением относился к верующим, склонялся к принципу вседозволенности средств. Но он обладал неплохим социологическим и политическим кругозором, проявлял готовность учиться, владел логикой и немало знал. Он иногда принимал участие в составлении ряда документов движения. Но если в движении существовал бы дисциплинарный суд, то он уже давно имел бы кучу взысканий. Его недостатком и в то же время

силой было то, что он успешно внушал людям свои субъективные представления и соображения, пусть даже ложные или несовершенные. И этим часто вносил сумятицу в дела и ссорил людей. Тем не менее, будучи по характеру нетерпимым и грубоватым, он теоретически был искренне предан идее свободы. Им сделан значительный вклад в практическую работу движения и в его идеологию.

Четвертым был "Рисовальщик", натура одаренная, увлекающаяся и очень податливая. Он также был деятельно энергичен и успел немало сделать хорошего и полезного. Но, из-за отсутствия внутреннего, нравственного и психологического стержня, он становился глиной, как в руках друзей, так и врагов. И поэтому, как ни парадоксально, он оказал большие услуги друзьям и принес немалую пользу врагам. Так иногда бывает, особенно с людьми искусства.

Я тоже не был мед... Я не любил личного общения и упускал психологическую сторону движения. Будучи в вечном напряжении, я при встречах с людьми уделял им мало личного внимания. Я ограничивался сухой, идейной и деловой тематикой, не вникая в их личные настроения и чувства, заботы и сомнения. А преобладание духа в ущерб душе нарушает гармонию.

При подборе и вербовке кадров движения мы были ограничены в возможностях выбора. И практически каждый, кто верил в наши принципы, изъявлял согласие действовать и рисковать, выдерживал хотя бы поверхностную проверку и проявлял минимальные деловые качества, тот становился полноправным членом группы. Строительство партии даже в свободном обществе — дело нелегкое. А в тоталитарном обществе, где все — против и ничто — за, создание и сплочение хотя бы небольшой политической группы является делом очень трудным. Но вполне реальным, если этим серьезно, упорно и продуманно занимаются, если имеют ясную цель и не делают роковых ошибок...

Что же касается нашей группировки, то были налицо мысль, настроение, стремление и готовность делать, было содержание. Следовало придать ему форму и привести в

действие. Превратить смутные мечты в целенаправленное движение. Для этого нужно было прежде всего выработать, предложить и договориться об основополагающих принципах формы и действия нашего движения. Группа моих единомышленников и я — это сделали. Принципов формы было три:

1. **Программность.** Мы были против политической безыдейности. Чтобы движение ясно осознавало чего оно хочет и во имя чего действует, надо было приступить к составлению программных документов и к созданию политических работ. Наша задача заключалась в предложении нашим сторонникам и всему советскому обществу конструктивных политических, экономических, национальных, культурных, внешне- и внутривнутриполитических целей, как альтернативу катастрофе, куда ведет тоталитаризм. Для того, чтобы наши идеи довести до людей, мы решили издавать информационные органы, как на эстонском языке — для населения республики, так и на русском языке — для общесоюзного пользования и распространения.

2. **Радикальность.** Мы были против политического приспособленчества. Мы решили не идти ни на какие соглашательские идеи, допускающие конформизм и политическую преемственность с советской системой. Мы отказались от социализма во всех его формах и не желали никаких частичных улучшений полностью провалившегося общественного принципа. Все должно быть изменено, социалистическая система упразднена и преобразована в свободное общество.

3. **Солидарность.** Мы были против политического изоляционизма. Мы не хотели стать партией, замкнутой на самой себе и не стремящейся иметь политических союзников. Мы хотели сотрудничать и налаживать связь со всеми группами и движениями, направленными против определенных сторон советской системы. Мы считали необходимым иметь контакты, а по возможности и союз со всеми разновидностями национальных, религиозных, правозащитных и профсоюзных движений в стране. Противник наш был

силен, и мы стратегически стремились, для успешной борьбы с ним, создать в будущем единый освободительный фронт.

Принципов действия тоже было три.

1. **О р г а н и з о в а н н о с т ь**. Мы были против анархического индивидуализма. Усилиями одиноких, но сильных личностей можно нередко достичь большего, чем слабыми действиями плохих организаций. Но организованные усилия единомышленников часто добивались успеха именно там, где одиночки оказывались бессильными. Мы считали, что организованное сообщество единомышленников, вооруженное справедливой идеей и спаянное определенной дисциплиной, может и должно добиться положительных результатов, а в конечном счете и политической победы.

2. **К о н с п и р а т и в н о с т ь**. Мы были против политического легкомыслия. Смешно подставлять щеку тому, кто сносит и голову. Непозволительно вести себя в тоталитарном обществе так, как в свободном обществе, если конечно сознательно и провокационно не хотят быстрого истребления единомышленников. Мы знали природу советской власти, ее беспощадность, решительность и жестокость по отношению ко всем своим противникам. И "открытая" деятельность для нас была равносильной отказу от всякой политической деятельности, тождественной политическому самоубийству. При "открытости" наши борцы становились бы легкой и беззащитной мишенью для карательных органов и оказывались бы в любой момент в их полной власти. Кроме того, при "открытости" даже самые достойные инакомыслящие вынуждены маскироваться под "советскость", притворяться лояльными к коммунистическому режиму, подлаживаться под бутафорию ее власти, вуалировать неприятную для властей истину, недоговаривать и без конца лгать. Но ложь была бы не во спасение. И пришлось бы, в конце концов, верноподданным советским легалистам наравне с подпольщиками нести свою голову на плаху. Будущее это покажет. Советские конституционалисты будут страдать вместе с демократами. В схватке с разбойником мало кричать на помощь — надо ему наносить разящие уда-

ры. Вопли и крики "Ай!.. Ой!.. Больно!.. Не бейте!.. На помощь!" — здесь не помогут. В подполье же мы не приукрашивали, не лгали, а добывали бы истину во всей ее страшной полноте и несли бы народу. Мы наносили бы власти чувствительные удары, долго оставаясь вне ее досягаемости. А будучи схваченными могли бы страдать с сознанием исполненности подлинного долга и с сознанием того, что сделан большой вклад во имя блага общества.

История не раз доказывала и бесчетное число раз еще докажет, что в подполье водятся не только крысы, но также борцы и мыслители, мученики и герои. А крыс вы найдете и на чердаках, а около мусорных ящиков общества еще больше, чем в подполье. И какие солдаты больше нужны боевым генералам — те, кто безрассудно встают во весь рост рядом с окопом, чтобы быть скошенными огнем противника, или остающиеся в окопе и метко стреляющие по противнику?..

3. **Н е н а с и л ь с т в е н н о с т ь.** Мы были против применения силы. Многие решительные, оппозиционно настроенные люди инстинктивно тянулись к насилию, к оружию, с целью покарать зло и несправедливость. Мы не хотели морально отвечать за кровопролитие, когда обычно страдает много невинных людей. Хотя решимости для этого у нас было достаточно. Поэтому мы не призывали к вооруженному восстанию, признавая оружие лишь как средство защиты в исключительной обстановке. Мы хотели вести широкую разъяснительную работу среди населения и расширять число наших сторонников. При обретении достаточной социальной базы и при надлежащих условиях мы бы перешли к массовым бойкотам, демонстрациям и забастовкам...

Все эти принципы — не без трудностей, но более или менее удалось утвердить. Наибольшие, пожалуй, возражения вызвал принцип "солидарности". Неверующие не хотели иметь дела с религиозным движением, национал-патриоты были против связей с правозащитным движением и вообще с делами других народов. А религиозные борцы страшно

боялись политики. По этим причинам некоторые даже от нас отошли...

Тогда мы приступили к реализации провозглашенных нами принципов. Мы начали их форсированно воплощать именно в 1969 году, после ареста офицеров и в разгар атаки КГБ. Поскольку я обладал уже определенной духовной и политической подготовкой, то поневоле всей идеологической областью движения приходилось ведать мне. Мне приходилось первоначально организовывать почти всю работу по составлению, созданию, оформлению, размножению и распространению политических работ. Однако, кроме того, приходилось заниматься вербовкой кадров и связью с другими городами страны. И главная морально-политическая ответственность и безмерная нервно-физическая нагрузка по выпуску документов волей судьбы и обстоятельств легла на мои плечи.

Первым на очереди, конечно, было создание политической программы движения. В рабочее время, в учебно-методическом кабинете ПТО, я напряженно обдумывал содержание глав нашей Программы. Одна активистка движения наняла мне около Таллина на одиноком лесном хуторе комнату, якобы для своего мужа. Никто кроме нее этого места не знал. В пятницу, поздно вечером, я пробирался туда, отрываясь от слежки, и все 54 часа, до утра понедельника, не считая краткого перерыва на сон, напряженно работал. В течение нескольких уик-эндов я набросал основной рукописный текст программы. Из 12-ти глав "Программы ДДСС" я полностью написал 10 глав. Критический материал для "Экономического" и "Национального" раздела мне предоставили мои единомышленники. Этот материал я литературно оформил, разбил на пункты и добавил программно-целевую концовку. Окончательную литературную редакцию помогал делать "Ветеран". Потом потянулись бесконечные согласования документа.

Сейчас я критически оцениваю этот документ. Он очень длинен, в ряде случаев я слепо следовал канонам классической западной демократии, не затронул ряда вопросов,

в том числе проблемы морально-политического возрождения, слишком эмоционально и резко трактуется национальный вопрос и т. д. И если бы я писал ее вновь, то целый ряд формулировок заменил бы новыми и сделал бы существенные дополнения...

Началось утомительное и долгое согласование документа с другими членами группировки — в Эстонии и за ее пределами. И все же, главные поправки касались больше формы, нежели содержания.

Потом возникла проблема перепечатки документа... У одного из наших активистов был недостроенный каменный дом. За домом был густой кустарник, далее начинался лес. Этот дом, словно чудесно возник для создания одного из опорных пунктов подпольного движения. Бетонированное помещение подвальной части этого дома скоро превратилось в тайную типографию. А таковых в нашем распоряжении было не так уж много. Отныне "Программа ДДСС", "Тактические основы ДДСС" и некоторые другие документы будут напечатаны именно здесь. Мы называли это прямоугольное помещение с низким потолком и без окон — "бункер".

В "бункере" мы работали обычно вдвоем-втроем, и, как правило, ночью. Летом пот лил градом, и мы задыхались от недостатка воздуха. А зимой дрожали от зверского холода. Спасала крохотная печь, которую мы подтапливали. Дверь в подвал не закрывалась вообще. Но непрошенный гость, без труда войдя в нее, оказался бы в затруднении. Кромешная тьма. Дорогу преграждают кучи щебня и шлака, беспорядочно разбросанные дрова, старая мебель, металлолом, груды кирпича, битое стекло и многое другое. Пробраться мог лишь опытный человек, знающий маршрут. Если бы настырный пришелец все же решился преодолеть этот хаос, то начался бы адский грохот. То срабатывала наша самодельная сигнальная система — гирлянды пустых консервных банок, связанных воедино запутанной тонкой проволокой. Иногда в нее попадались бродячие коты. Тогда возникала ложная тревога. И случалось, что, под наши про-

клятия, в огонь летели свежееотпечатанные материалы. На случай визита КГБ у нас был такой план. Пока они взламывают наглухо запертую дверь "бункера", мы успеем сжечь все документы. Трофеем "победителей" была бы лишь груда тлеющей золы. Но КГБ "бункер" так и не обнаружил...

После отпечатания, документы сразу доставлялись для хранения на тайные склады-архивы.

В нашем движении и в составлении "Программы" принимали прямое или косвенное участие представители различных народов Советского Союза. И день окончания печатания "Программы", день ее выпуска, можно также считать датой основания политического межнационального союза — "Демократическое Движение Советского Союза" (ДДСС). Это было 15 октября 1969 года.

Несколько ранее, на квартире у "Ветерана" я начертил и предложил эмблему ДДСС — "лучистый треугольник". Это был равносторонний треугольник, от каждой стороны которого расходились три параллельных линии-луча. Треугольник напоминал греческую букву "дельта", с которой на греческом языке начинается и слово "демократия", и символизировал демократию. Лучи, стремительно расходящиеся в пространство, символизировали неограниченную свободу. Наша эмблема была символом свободной демократии. Ибо история мира знает и несвободную демократию, и недемократическую свободу...

Затем "Программа" была отвезена в Москву и передана в правозащитные круги. Оттуда она попала на Запад, на многих языках была передана по радио "Свобода" и по другим западным радиостанциям. Уже в следующем, 1970 году она была издана отдельной книгой Фондом им А. Герцена в Амстердаме, основанным в 1970 году проф. Ван Хет Реве, проф. Беземером и П. Реддаузем. Любопытно, что в виде книги я получил ее в подарок в Лондоне от П. Реддаузея зимой 1982 года, т. е. 12,5 лет спустя.

В передаче "Программы ДДСС" и других документов на Запад сыграл решающую роль известный инакомыслящий

и литературовед Юрий Мальцев, которого в 60-е годы неоднократно насильственно помещали в психиатрическую больницу. Осенью 1969 года он от меня и моего единомышленника в поселке Бирюлево под Москвой получил текст Программы и организовал ее доставку на Запад. В 1974 году он эмигрировал из СССР. В настоящее время преподает русский язык в Миланском университете. Считаю своим долгом выразить ему сердечную благодарность за мужество и находчивость в условиях большого риска.

Характерной была реакция редакторов "Хроники..." К их неудовольствию рецензент "Программы..." принял ее восторженно, назвав "позитивной" и содержащей "исчерпывающий анализ". В отместку неумолимые редакторы обрезали его рецензию до 5 строчек в "Хронике" № 10 от 31.10.69. Зато письму А. Сахарова, В. Турчина и Р. Медведева от 19.03.70 руководителям партии и правительства в "Хронике" № 13 уделено целых 2,5 страницы. И в "Хронике" № 11 от 31.12.69 уже в 10 строках обрушились на рецензию, называя ее "неудовлетворительной" и обвиняя ее автора в "догматизме". Значение же "Программы" поспешили снизить до уровня взглядов группы людей и таким образом отмежеваться.

Иного мнения был КГБ. Он оказался умнее сотрудников "Хроники" и сразу понял взрывчатую опасность документа*. Вместо обычного среди диссидентства немого вращения вокруг марксизма-социализма и советского легализма, вместо инстинктивного национализма и религиозного традиционализма, они увидели четкую и радикальную систему идей, ставящую вопрос о коренном преобразовании и устранении тоталитарной системы. И КГБ решил также дисквалифицировать документ, применив, однако, уже знакомый метод опорачивания. В отношении № 5/1 — 10571 от 24.07.72 начальник Пятого управления КГБ СССР генерал-

* Ранее "Украинский Вестник" № 3 заявил о непричастности украинских демократов к выработке Программы. Это отмежевание было охотно напечатано в "Хронике" № 18.

лейтенант Бобков сообщает начальнику Следственного Управления генерал-майору КГБ Волкову, что автором "Программы" является член НТС Гаранин, а "Меморандум..." и "Тактические основы..." демократов — это просто фальшивки ЦРУ, заброшенные в страну.

Значит, было в "Программе" нечто, что так больно задело всех вышеупомянутых деятелей, вызвало такую разумом необъяснимую враждебность...

После издания "Программы", но конечно не в связи с этим, КГБ предпринял новую атаку. Председатель Комитета профтехобразования А. Шишкин вызвал вдруг 17.02.70 меня в свой кабинет и предложил уйти по собственному желанию, так как я "разлагающе действую на людей". — "Есть и другие причины, которых не хочу касаться, но о которых с вами поговорят в другом месте..." — многозначительно сказал он. — "Расцениваю ваше предложение как репрессивный акт в связи с моими взглядами", — ответил я. — "Пеняйте тогда на себя!" — угрожающе пообещал он. — "И вы тоже пеняйте на себя!" — ответил я в тон. Тогда он вдруг покраснел, вскочил из-за стола и закричал: "Не угрожайте! Наша власть крепка. И не за это наши хлопцы умирали, чтобы такие как вы... вы..." — "Вот именно! Не за это они умирали, чтобы творились такие вот безобразия!" — тоже криком ответил я. И вышел из кабинета, хлопнув дверью.

Через два дня вышел приказ об увольнении "в связи с упразднением должности". 16 марта я подал на А. Шишкина в суд Центрального р-на Таллина с требованием о восстановлении меня на работе. 7 апреля состоялось судебное заседание. Шишкин "по болезни" не явился, прислав своего заместителя Аласа. Я привел на суд своих друзей. В своей речи я упрекнул А. Шишкина в трусости и уклонении от ответственности, потребовал его снятия с должности Председателя Комитета. Я потребовал также пояснить, за какие "разлагающие взгляды" я теперь оказываюсь на улице. Алас пояснил лишь, что якобы организационно совершенствуется их аппарат. Суд — "справедливый и гуманный", нашел,

что факт увольнения по идеологическим причинам не доказан, причина увольнения — необходимость совершенствовать управленческий аппарат, а восстановление — невозможно из-за отсутствия вакансии, факт нарушения трудового законодательства исправлен (при увольнении не было формального согласования с профсоюзом), а истцу выплатить 90 рублей компенсации. Так советское государство от щедрот своих отделалось 90-рублевой взяткой. Так прошла еще одна комедия-спектакль, инсценированный во имя скрытия преследования за убеждения. ("Хроника" № 14 от 30.06.70 об этом сообщила.)

Теперь у меня освободились руки. Свободного времени стало достаточно. И я решил, согласно своему правилу, "боднуть сатану его же рогом". Свои цели и принципы мы сформулировали в "Программе". Теперь следовало предложить средства и формы действия. Главное — редакторство и выработку идей — я сохранил за собой, но прибег к большому соавторству. И написал сам не более 2/3 текста.

Документ получил название *"Тактические основы ДСС"*.

В главе 1 — *"Идеологические основы"* — говорилось, что изложенная в "Программе" система идей не является догмой, навязываемой всем. Пусть несогласные остаются при своих взглядах. Но идейные разногласия не должны мешать единству действий во имя демократии. Объединяющим для всех принципом предлагался идеал свободы.

В главе 2 — *"Организационные основы"* — утверждалось, что легальные формы борьбы все больше исчерпывают себя. Предлагалось центр тяжести действий перенести на легально-подпольные и подпольные формы борьбы и повсеместно основывать конспиративные демократические группы.

В главе 3 — *"Вопросы конспирации"* — излагались практические правила и мероприятия по сохранению в тайне от властей всего, что связано с движением, и по борьбе со слежкой КГБ.

В главе 4 — *"Задачи информации"* — рассматривался

вопрос о создании, размножении и распространении подпольной литературы.

В главе 5 — *"Отношение к общественным силам"* — провозглашались принципы широкого сотрудничества со всеми оппозиционными силами страны, а также идея боевого союза демократического, правозащитного, национального и религиозного движения.

В главе 6 — *"Политические преследования"* — обосновывался принцип ненасильственной, но массовой политической борьбы. Однако в случае применения КГБ пыток и расстрелов демократы применяют все средства защиты, в том числе и вооруженные.

В главе 7 — *"Арест, допрос, суд"* — излагались общие правила достойного поведения демократов в условиях начала репрессий.

В главе 8 — *"Заключение, ссылка, психбольница"* — призывалось физически и морально сохранять свою личность, интеллектуально обогащаться, быть примером стойкости, при возможности участвовать в акциях протеста. Оставшиеся на свободе должны активно помогать заключенным.

В главе 9 — *"Разгром групп"*, предлагалось в случае ареста продолжать деятельность или действовать автономно.

В главе 10 — *"Историческое значение демократического движения"* — анализируется 10 идейно-психологических комплексов, мешающих развертыванию движения. Обосновываются общественная необходимость и историческая неизбежность демократии для нашей страны. Подпись: "Кординационный совет демократов".

Печатание "Тактики..." мы закончили июньским утром 1970 года. Сияло солнце, щебетали птицы, дул легкий ветерок. Ничто не предвещало рокового испытания и критических часов. Я засунул во внутренние карманы все 20 головных экземпляров свежееотпечатанной "Тактики" и направился на тайный базовый склад. Внутри меня подымалась жгучая волна боли. Еще ночью, при печатании, я почувствовал себя плохо, но усилием воли овладел собой.

Сейчас же я шел через лес, воля на мгновение расслабилась, и я потерял сознание. Я очнулся и почувствовал прикосновение влажного лесного моха на лице. Тогда я поднялся и, скрючившись от боли, побрел на квартиру ближайшего единомышленника. Только бы не грохнуться еще раз... Только бы не скорая помощь... Не замели бы тираж "Тактики"... Но все обошлось. Я добрел до друга. И в дверях почти упал на его руки. Тираж был спрятан. Все были уверены, что у меня перитонит. Когда я сходил по малому, пошла сплошная кровь. Вызвали доверенного врача. "Приступ почечно-каменной болезни", — определил он. Меня доставили домой. Плачущая Люда вызвала скорую помощь. Прибывшие врачи безапелляционно заявили: "Немедленно в Центральную больницу на Лийва, на операционный стол". "Нет! — решительно крикнула Люда, загораживая меня, как наседка цыплят. — Я сама его вылечу!" Так оно и получилось. У меня из почек в мочевой пузырь шли камни, разрезая своими острыми гранями весь мочеточник. Люда три недели отпаивала меня своими отварами из тайных трав и корней, сваренных в румынском вине. И надолго поставила на ноги.

"Тактика" была доставлена в Москву. "Хроника" в номере 14 от 30.7.70 выступила с "убийственной" характеристикой:

1. У автора нет "полномочий" (т. е. мы — узурпаторы. А полномочий, видимо, следовало просить у москвичей?).

2. Нет и не существует демократических сил и "Координационного совета" (т. е., с одной стороны, мы обманщики, а с другой стороны, нас как бы и не существует. Кстати, и КГБ хотел бы знать о "Коордсовете" побольше!).

3. Авторы не имеют права говорить о наращивании демократического движения в будущем десятилетии (т. е., мы фантазеры, и нет за нами, по мнению горе-правозащитников, права верить в усиление наших стремлений!).

4. Насмешки над принципом конспирации и осуждение подпольных методов борьбы (т. е., мы бесы а ля Достоев-

ский, осмеливающиеся бороться с большевизмом подпольно!).

Далее, мы выдаем "желаемое за действительное" и пагубно влияем на молодежь.

Это был уже вполне язык советских пропагандистских изданий. Все это вызвало недоверие и поставило под вопрос целесообразность дальнейших отношений с москвичами.

Поскольку московское правозащитное движение постоянно напирало на соблюдение Советской Конституции, принятой в 1936 году по инициативе Сталина, то мы решили подвергнуть ее критическому анализу и показать ее антиправовую, бесчеловечную и противоречивую сущность, а также принципиальные нарушения ее руководством КПСС. Свой документ мы назвали "Меморандум демократов Верховному Совету СССР. О незаконном захвате власти руководством КПСС и его антиконституционной деятельности". Над основным текстом "Меморандума" мы работали вместе с единомышленником, но основная заслуга в составлении документа принадлежит ему. Сопоставляя каждую главу Конституции с советской действительностью мы критически проанализировали все главные стороны советской системы... И заключили свой пространный документ требованиями:

1. устранения руководства КПСС от управления страной;
2. передачи власти Верховному Совету СССР;
3. установления Конституционного управления;
4. обеспечения нормального функционирования органов власти;
5. введения демократических свобод;
6. освобождения политзаключенных;
7. всеобщих демократических выборов;
8. разработки новой Конституции для демократизации общества.

Если наша "Программа" провозглашала максимальные цели и демократическое общество, а "Тактика" определяла конкретные средства, то "Меморандум" содержал минимальные цели и провозглашал демократизированное общество, как переходную ступень к полной демократии. Нашим недоброжелателям из "Хроники" мы ответили заключительными словами "Меморандума": "Борьба за свободу и

демократию будет в настоящем десятилетии продолжаться и расширяться. И эту священную борьбу мы доведем до победного конца. В этом мы видим свой гражданский долг”.

Хоть наше терпение и истощалось, мы все же доставили и этот документ в круги московского движения... Но скоро выяснилось, что наша ”Тактика” не только не передана на Запад, но изъята из обращения и вообще пропала без вести. ”Хроника” № 17 от 31.12.70 привела лишь малозначащие, второстепенные отрывки из ”Меморандума” и заклеила его декларативный характер.

”Меморандум” же через каналы НТС все-таки на Запад попал и был напечатан в 1972 году издательством ”Посев” в 1-ом выпуске серии ”Вольное слово”, за что мы очень благодарны.

В связи с изданием программно-политических документов возник также вопрос о более подробном освещении и разработке проблем, поднятых в них. Я занялся составлением ряда таких работ. По соображениям печатания и распространения я придал им вид предельно кратких очерков или мини-эссе. Поскольку у нас был принят принцип полной конспиративности, то я подписывался псевдонимами. Теперь, когда были созданы принципиальные документы, нужно было обратиться к вопросу о кадрах. Чувствовалась необходимость призвать демократически мыслящую интеллигенцию к борьбе за демократию.

Поэтому в 1970 году я составил мини-эссе ”Интеллигенция и демократическое движение” под псевдонимом ”Вольный”. В главе 1 — ”Определение интеллигенции” — в понятие ”интеллигенции” включались лишь люди, обладающие высокой культурной и политической зрелостью, что не обязательно предполагает образованность или занятие умственным трудом. Далее в главах 2—5 рассматриваются четыре волны освободительного движения в России, возглавляемых интеллигенцией, т. е. 1. декабристская, 2. народническая, 3. земская, 4. социал-революционная. В главе 6 ”Гибель интеллигенции” — описывается уничтожение интеллигенции большевизмом, в главе 7 ”Создание массовой полуинтел-

лигенции” — процесс замены российской интеллигенции — советской. В главе 8 — “Освободительное движение. Демократы”, — рассматривается история оппозиции, начиная с середины 60-ых годов, а также история и проблемы ДДСС. В главе 9 — “Задачи интеллигенции” — наше время определяется как предкатастрофическое, где борется начало Смертоносное с началом Возрождающим. Задача интеллигенции — содействовать моральному, политическому и культурному Возрождению Востока. В главе 10 — “Заключение” — призыв к самоотверженной исторической работе над народом и самим собой...

Поскольку сознание современного диссидентства упорно вращалось вокруг материальных и экономических вопросов и было, в подавляющей части, равнодушным к духовной и нравственной тематике, необходимо было предложить по первой проблеме наше собственное решение. Так как работа была напряженной и требовала многих материалов, то я уехал из города в западную Эстонию, где, среди леса, в собственном доме жила с мужем одна наша молодая активистка. Стояла холодная осень 1970 года. Меня поселили на чердаке, на сене, чтобы не привлекать внимания людей. Хозяин приделал к чердачному окну самодельный столик. Дули пронизывающие, холодные ветры. Я сидел на сене, в овчинном тулупе, обложенный книгами, таблицами и бесчисленными бумагами, и дыханием обогревал застывающие пальцы. Доходило и до комических ситуаций. Молодая хорошенькая хозяйка часто поднималась ко мне, и мы обсуждали различные аспекты книги. Однако муж стал без достаточных оснований ревновать и уже на период следующей работы к себе не взял. Но эссе все же было закончено. Очерк получил название “Экономическое положение Советского Союза” под псевдонимом “Северный”. В главе 1 — “Экономические предпосылки” — описывается история возникновения социалистических иллюзий как средства переустройства человечества. В главах 2 и 3 сопоставляется промышленность и сельское хозяйство до- и послереволюционной России и показывается банкротство социалисти-

ческой экономики. В главе 4 сопоставляется экономика США и СССР и показывается большое отставание последней. В главе 5 — *"Экономические перспективы СССР"* — показывается, что экономика страны не в состоянии обеспечить население необходимым продовольствием, и голод может наступить уже в 1983—86 гг. В главе 6 — *"Экономические задачи демократического движения"* — обосновывается необходимость установления демократии и введения смешанной, трехтипной экономической системы. Ключом к благосостоянию людей провозглашается свобода...

Настал 1971 год. Споры о будущем политическом устройстве страны не прекращались. В этом вопросе царил сумятица. Усиливался также пресс КГБ. С этого года я все больше концентрируюсь на деятельности по линии МПВ и на издании его информационных органов. Но все же по линии ДДСС я составил два мини-эссе.

Одно называлось *"Наш политический идеал"* под псевдонимом "Донской".

... Затем возникла необходимость духовно ударить по тому самому острию, которое советская система обратила против нас. Второе мини-эссе получило название *"Политический террор в Советском Союзе"* под псевдонимом "Печальник". Работа имела подзаголовок "Конспект обвинения". В главе 1 дается краткая история органов террора от ВЧК до КГБ. В главах 2 и 3 приводятся сведения об организации и кадрах, а также методах работы органов террора. Рассматриваются темы о тотальном внутреннем шпионаже, тайной слежке, аресте, предварительном заключении, допросах, пытках, осуждениях, тюрьмах, лагерях, расстрелах и тайных убийствах. Подсчитывается, что число жертв большевизма за 1917—53 в 440 раз превышает число жертв царизма примерно за тот же отрезок времени (1856—1917) (22 млн. против 50 тысяч). В главе 4 содержался призыв к борьбе с государственным террором и произволом, названным в книге чекизмом, чекистократией и чекистовщиной. Для лиц, попавших в руки КГБ, предлагается придерживаться принципов Законосообразности—Несотрудничества—Неин-

формационности, а остающимся вне его досягаемости — принципов Наблюдения—Расследования—Гласности. К работе приложены фотографии по темам: "Вдохновители", "Руководители", "Помощники", "Исполнители", "Средства производства", "И результаты труда" (по последней теме была фотография — "Трупы расстрелянных после эксгумации")...

Одновременно с выпуском "Программы" мы начали издавать политический журнал "Демократ" на русском языке для всесоюзного распространения. Этим мы осуществили несбывшуюся мечту арестованных морских офицеров-демократов. Наши художники оформили его титульный лист. Сверху во всю ширину листа шел наш лозунг: "Демократы! Объединяйтесь, боритесь, побеждайте!" Ниже и слева было изображение качающегося колокола, в своем движении разрывающего три пучка колючей проволоки. Справа шла стилизованной вязью крупная надпись "Демократ". Ниже, между двумя треугольниками — эмблемами нашего движения — шла надпись поменьше: "Орган демократических сил". Названия "Орган ДДСС" мы не хотели. Это значило бы выдавать организацию, сужать значение журнала как форума для разнородных демократических групп. Мы выбрали нейтральное понятие "силы", т. к. наша группа определенной политической силой была, и с нами могли сотрудничать другие группы, в том числе и в других республиках. Мы использовали титульный лист со сменным номером, периодичности издания не устанавливали. Тексты статей мы печатали на машинке, потом переснимали фотоаппаратом и делали фотоиздания. Но в обращении были и машинописные экземпляры.

Тираж был не очень большим, и мы изготовляли лишь главную серию экземпляров. В каждую группу или круг людей мы давали пленку, фотокнижку или машинописный экземпляр. А дальнейшее размножение и распространение были уже их заботой. Наборную или офсетную печать мы наладить были не в состоянии. Эксперименты по получению печатных матриц фотохимическим способом качественных

результатов не дали. Но, кроме машинописи и фотокопирования, мы использовали впоследствии также светокопировальную машину "Эра". Это было довольно затруднительно, ибо они принадлежали только учреждениям и находились под строгим контролем.

Редактором, организатором выпуска и автором некоторых статей "Демократа" приходилось, по необходимости, также быть мне. Но я опирался на целый ряд ценных помощников. Приведу краткий перечень и описание содержания журналов "Демократ", которые нам удалось выпустить и распространить.

Выпуск № 1 1969 года содержал "Программу ДДСС" и заявление об учреждении ДДСС.

Выпуск № 2 1970 года содержал "Тактические Основы ДДСС" и комментарий к ним.

В выпуске № 3 1971 года была (1) статья "Миф о новом советском человеке", написанная мной под псевдонимом "Скорбящий". В ней был критический анализ тлетворного влияния советской системы, не довольствующейся послушанием и покорностью, как тирании прошлого, но в отличие от них, принуждающей каждого человека совершить подлость или преступление. Советский человек — тяжело и опасно болен. Это может закончиться лишь смертью или выздоровлением. Далее шла (2) статья "Трудовая политика КПСС" под псевдонимом "Разумовская", в которой один из наших единомышленников разоблачает использование властями труда заключенных и детей, а также кампании против так наз. "тунеядцев" и ограничение прав трудящихся. Была еще также моя статья "Нравственное состояние народа" под псевдонимом "Вольномысл".

Через ленинградцев у нас возникла связь с группой московских подпольных демократов, куда входили впоследствии арестованные А. Болонкин, В. Балакирев, А. Юхновец, М. Заря, К. Макаревский и многие другие. Они также получали и распространяли наши документы, работы, выпуски "Демократа" и "Луча свободы". Мы получали от них тоже интересные материалы — Авторханова "Технологию

власти", Р. Медведева "К суду истории", Конквеста "Великий террор" (фрагмент) и многие другие.

Радостным событием для нас было получение выпуска № 1 "Свободной мысли", датированного 20 декабря 1971. Он содержал: 1. статью "От редакции", которая обращалась с призывом о более тесном сотрудничестве к авторам "Программы" и "Тактики", а также к Вольному, Донскому, Северному, Антипову и другим; 2. статью Тополева "От самиздата к колиздату", где давались практические указания и советы по размножению и распространению материалов Самиздата; 3. статью Бабушкина "К итогам 8. пятилетки", где показан фактический провал плановых заданий в период 1966—70; 4. статью Казакова "О сравнении жизненного уровня России, СССР, США и других стран". Из материалов статьи явствует, что рабочие, служащие и крестьяне России по целому ряду показателей жили лучше, чем в СССР. А от жизненного уровня трудящихся США трудящиеся СССР отстают в 8-10 раз. Если осуществляются меры по построению коммунизма, запланированные на 1975—1985 гг., то это эквивалентно подъему средней зарплаты до 138,6 рублей, т. е. отставание от Запада еще больше увеличится.

Выход внецензурных изданий "Свободная мысль", "Вечер", "Обозрение", "Общественные проблемы", "Демократ", "Луч свободы", "Хроника" и других вызвал волну ярости в руководстве КПСС и КГБ. Решено было нанести сокрушающий, "сталинский" удар по оппозиции, арестовать ее наиболее активных деятелей и разгромить подпольные журналы. Погром 1972 года начался с Украины. В январе были арестованы видные украинские политические деятели В. Стус, И. Светличный, Е. Сверстюк, Н. Плахотнюк, Д. Шумук, Л. Плющ, В. Черновол, И. Стасив, М. Осадчий и другие, всего по Киеву и Львову 19 человек. В Москве в январе был арестован К. Любарский, в апреле — П. Старчик, а 21 июня — П. Якир и 12 сентября — В. Красин. Уже 11 июля 1972 Якир дал майору КГБ Кислых обо мне пространное показание, что я доставлял в Москву антисоветские доку-

менты, был членом подпольной группы, имел псевдоним "Северный" и многое другое. 20 января 1973 года Красин подтвердил все показания Якира, добавив факт обмена антисоветскими материалами между им и мной.

Я был дважды и полностью предан, не подозревая об этом. Ну, Бог им обоим судья, а не я! Партия, выступающая против сотрудничества, получила мощные козыри, а слежка за мной удесятирилась. КГБ применил против меня даже ночную слежку, чего я раньше никогда не замечал. Было ясно, что произошло что-то потрясающее, и я ждал ареста со дня на день... Как всегда, на удар хотелось ответить ударом. И кое-какой план ответного наступления у нас созрел. Мы начали переговоры с демократическими группировками в Москве и в Ленинграде, а также с национально-демократическими группами в Литве, в Латвии и с другими силами по очень серьезному вопросу. Мы предлагали съехаться в Ленинграде, провести объединительный съезд и провозгласить создание Демократического Союза. Мы планировали провести его в середине октября, в Третью годовщину основания ДДСС и выпуска "Программы ДДСС". Мы провели бы его на окраине города под видом туристского похода. Но — увы! — этому не суждено было сбыться. Видимо, мы чересчур торопились и забежали вперед. Этого не хотело Провидение, к этому не созрели условия, да и КГБ не дремал.

Летом и осенью 1972 года они окружили нас такой плотной слежкой, какой не было никогда. Я натыкался на посты КГБ на каждом шагу — и днем, и ночью. Наш подъезд, окна кухни и большой комнаты выходили во двор дома, на ул. Лембиту 8, расположенного П-образно. И прямо против нас, на противоположной стороне дома жила семья, в довольно тесных условиях. Внезапно им вне всякой очереди предоставили просторную благоустроенную квартиру в новом жилищном районе города. Квартиру же тотчас передали КГБ, и оттуда, из-за кокетливых кружевных занавесок за нашими окнами и подъездом днем и ночью начал наблюдать пост КГБ. Но делали они это до того грубо, что заметила даже Люда, не искушенная в конспирации.

Видимо, мало было внешнего наблюдения, записи телефонных разговоров и подслушивающих аппаратов, находившихся в квартире над нами. Однако, даже несмотря на все эти исключительные меры, тогда, в 1972 году, КГБ так и не добрался до наших активистов.

Но московской и ленинградской группировке КГБ удалось нанести чувствительный удар. 22 сентября в московском аэропорту был арестован наш друг и активист ленинградской группы — Георгий Давыдов. Его выследили при выходе из квартиры Болонкина и при нем нашли целый рюкзак самиздатовской литературы. Позднее был арестован другой ведущий активист — Вячеслав Петров. По Ленинграду прошла волна обысков и начались многочисленные допросы. То же самое началось и в Москве, но в еще больших масштабах. Тогда же, 22 сентября, были арестованы А. Болонкин, В. Балакирев и другие. Аресты продолжались и в последующее время. Обысканы были десятки квартир, допрошены сотни людей. Карательные органы работали на полную мощь, почти выбиваясь из сил, выполняя важнейшее поручение Политбюро ЦК КПСС. Концентрированное наступление КГБ привело к определенному успеху, к "пирровой" победе. А для многих деятелей оппозиции наступили дни тяжелых испытаний, началась экзаменационная сессия... на моральную стойкость и силу духа.

И все же урон был большой. Были разгромлены редакции "Свободной мысли" и "Украинского Вестника", и вскоре капитулировала "Хроника", прекратив свое издание с осени 1972 года на 19 месяцев.

Чтобы не распылять силы и желая довести до конца свое главное дело, я целиком сосредоточился на выпуске "Луча свободы". Тем более, что я со дня на день ожидал ареста. После моего отхода от редактирования "Демократа" не нашлось, к сожалению, лица, берущего на себя ответственность по выпуску журнала в таких грозowych условиях. Журнал временно перестал выходить. Но я верю, что пусть пройдет хоть полтора-два десятка лет, а выпуск его возобновится.

... Одного замысла Господнего я до конца постичь не могу. Там около мутных струй Москвы-реки безостановочно издавал свое религиозно-культурное и авторитарно-руссконациональное "Вече" Владимир Осипов. Здесь, на берегу холодного Финского залива продолжал выпускать свой нравственно-политический и демократическо-всенациональный "Луч свободы" я. Владимир опирался на большие вспомогательные силы, я — на исчезающе малые. Он был открыт, известен, я — подполон и неизвестен. Оба мы доведем число выпусков до 8—9 и вплоть до весны-осени 1974 года. Оба мы будем арестованы примерно в одно и то же время. И встретимся в одном и том же лагере, вытаращив друг на друга изумленные глаза... Сверхалось какое-то таинство, смысл которого в грядущем...

Перейдем от дел общесоюзных к делам и заботам Эстонии. В 1970 году группа эстонских национал-патриотов, ранее очень близкая к нам, решила отделиться. Они были принципиально против сотрудничества с оппозиционными движениями всей страны и с национальными движениями в других республиках. "У нас своя судьба и свои проблемы. Почему мы должны связывать свою судьбу с судьбами других? Почему должны помогать решать их проблемы? У нас и своих достаточно".

Так обосновывали они свой отход. Невдомек было тем друзьям моим, что судьбы народов ныне связаны воедино. И если не спасутся все — не спасется никто. Свобода одного достижима при свободе всех. Ну что ж, идите своим путем. Пусть Бог поможет!

И в августе 1970 года раскол был оформлен. Их группа назвала себя Эстонский Национальный Фронт (ЭНФ), издала краткую, на двух страницах "Программу ЭНФ" в августе 1971 года. Они провозгласили своей целью, как и мы, свободу и независимость Эстонии. (Она дошла и до редакторов "Хроники" № 25 от 20.05.72) и одновременно начали выпускать свой журнал "Ээсти рахвуслик хяял" (Эстонский национальный голос). Чтобы поддержать их начинание, мы оказывали им техническую помощь и писали для них статьи.

Одновременно в 1972 году оформляется и дочерняя группа ДДСС, смешанного национального состава, под названием "Демократическое Движение Эстонии" (ДДЭ). Она объединила всех сторонников принципов "Программы" и "Тактики" ДДСС, проживающих на территории Эстонии. Поэтому, естественно, туда вошел и я, приняв совместно с другими активное участие в оформлении организации. По линии ДДЭ мы делали особый упор на делах, нуждах и проблемах собственно Эстонии, издавали на эстонском языке журнал "Ээсти демокраат" (Демократ Эстонии). Практически разница между ЭНФ и ДДЭ, между ее членами, была лишь в том, что первые не ездили в Россию и в соседние республики, а вторые ездили.

Осенью 1972 года была сделана попытка принятия проекта "Программы ДДЭ". Но она требовала стольких поправок и такой доработки, что так и не получила всеобщего одобрения. На собрании произошло давно назревающее столкновение между людьми, желающими кроме политического освобождения также и морально-политического возрождения, и людьми, стоящими на материалистических, формально-правовых позициях.

Идеологический конфликт достиг своего апогея. Становилось все труднее находить общий язык и предпринимать совместные действия. Идейная дискуссия, начавшаяся в начале 1971 года, была перенесена на почву психологического конфликта. Это тоже существенно ослабило возможность совместного издания "Демократа". Отношения были в существенной части свернуты...

Особо стоит рассказать об организации обращения в ООН по поводу неудовлетворительного политического, экономического, национального и культурного положения в республике, во имя независимости Эстонии и свободы эстонского народа. Стоит еще и потому, что это широко известное в мире событие будет каплей, переполнившей чашу, и заставит КГБ удесятить свои усилия в 1974 году. КГБ получил приказ найти нас во что бы то ни стало и уничтожить. Это приведет к аресту группы демократов, в том числе и меня,

на рубеже 1974—75 гг. Но забегая далеко вперед, начну свой рассказ с конца...

Осенью 1974 года столица Эстонии город Таллин был внезапно награжден орденом Ленина. По неясным причинам и за неведомые заслуги. Еще более потрясающими были непроверенные данные, что вручать орден приезжает главный советский чекист, Председатель КГБ СССР Ю. Андропов собственной персоной. Так и произошло. С мрачным и озабоченным лицом, окруженный плотной стеной телохранителей, он возложил венок к подножию монумента Ленина перед зданием ЦК КП Эстонии.

Многого не знал тогда шеф "всемогушей" и "всезнающей" тайной полиции. Например, того, что именно сейчас на него, задумчиво и со все возрастающим подозрением смотрит один из тех, за кем уже многие годы безуспешно охотятся его подчиненные. Смотрит с окна верхнего этажа, расположенного напротив здания Академии наук Эстонии. И кто его знает, если этот подпольщик был бы сторонником терроризма или поклонником Ли Харви Освальда, то это мгновение могло бы стать для обоих роковым. И последним. Но и подпольщик не знал многого.

Я был совершенно убежден, что визит начальника КГБ в Таллин не случаен и прямо связан с деятельностью ДДЭ и ДДСС на территории Эстонии. И все же, настоящей причины мы еще не знали. А пожаловал Андропов "со товарищи" в "град столичный", да под предлогом передачи "наград славных", с единственной целью — провести секретное совещание с руководящими кадрами КГБ Эстонии. Повестка дня совещания единственная — меры по разгрому "антисоветского" подполья и обезвреживанию "злых идеологических диверсантов", именующих себя "ДДЭ", "ЭНФ", и "ДДСС". Рассказывают, что на совещании он яростно матерился, бил кулаком по столу и кричал, что из-за плохой работы, мягкотелости и "гнилого либерализма" чекистов Эстонии "антисоветское отребье" уже через ООН начало подрывать основы советской власти в Эстонии, да и во всей стране... Местные чекисты в ответ жаловались, что не хва-

тает оперативных кадров. Вспомогательные оперативные подразделения были обещаны. А вскоре и переброшены в Таллин — из Москвы, из Ленинграда, из Орла и Риги.

Предыстория этих всеобщих тревог чекистских началась несколько лет тому назад, летом 1972 года. Беседую со своим единомышленником и другом, которого условно назову "Социологом". Опять вопрос самоопределения народов Африки и Латинской Америки в повестке дня Генеральной Ассамблеи ООН. А почему не обсуждается в ООН вопрос самоопределения Эстонии?.. Неужели у Эстонии, бывшего члена Лиги Наций, меньше прав на независимость, чем, например, у Пуэрто-Рико?.. Обсуждение затянулось до поздней ночи. Решили, что эстонский вопрос должен быть на повестке дня Генеральной Ассамблеи ООН и необходимо составить обращение в ООН.

Сначала мы работали над текстом только вдвоем, так как дело было сверхсекретным. Ибо в глазах советского правительства наше законное требование национальной независимости означало "измену родине", стремление "нарушить территориальную целостность СССР", "расколоть единство советских народов". А за такие "преступления" советский Уголовный кодекс карает уже смертной казнью...

Мы работали вдвоем. Но я должен отметить следующее. Мой единомышленник происходил из семьи, находящейся в тесной связи с эстонской церковью. И он далеко превосходил меня по разуму и по способности ясного выражения мыслей. В своих "Меморандумах" на имя Генерального секретаря ООН и Генеральной Ассамблеи ООН мы требовали: 1. Восстановления Эстонской республики и 2. Принятия Эстонии в члены ООН. Для этого необходимо, при содействии Объединенных Наций:

- 1) ликвидировать советский колониальный, административный аппарат в Эстонии,
- 2) вывести советские войска,
- 3) ввести войска ООН,
- 4) всем зарубежным эстонцам предоставить возможность возвращения на родину,

5) провести свободные выборы под наблюдением войск ООН,

6) созвать Учредительное Собрание,

7) провозгласить Эстонскую Республику, свободную и независимую,

8) сформировать Правительство Эстонской Республики...

После окончания работы над основным текстом мы привлекли третьего единомышленника, которого я назову "Физиком". После окончательного обсуждения я передал рукопись одной нашей единомышленнице, которая отпечала этот текст на машинке. По неосторожности одного из наших активистов, она попадает под слежку, и в 1975 году, когда группа моих товарищей и я сам уже сидели в тюрьме под следствием, следователь КГБ из Риги Берзиньш выжал из бедной, измученной женщины необходимые показания. Он играл на ее чувствах матери, угрожая, что ее единственная дочь останется сиротой. Она рассказала следствию о моем визите и задании, краснея и глотая слезы... Для КГБ эти показания оказались единственной информацией по выявлению авторов "Меморандумов" в ООН. Они станут одним из центральных пунктов государственного обвинения против меня. Но это будет позднее.

Тогда же, после отпечатания, мы приступили к долгому и мучительному согласованию документов на уровне активистов ДЦЭ и ЭНФ. Помню, как вечерами, судорожно прижимая к себе согласуемые тексты, "обрубая хвосты", т. е. отрываясь от слежки КГБ, я лихорадочно, обливаясь потом, сновал из одного конца города в другой — из Мустямяэ в центр, из центра в Нымме, оттуда в Пяяскула и так до изнеможения. Потом началось согласование с представителями интеллигенции, с молодежными группами и с местными единомышленниками и в других городах.

Не удалось избежать и драматических ситуаций. В Тарту, после обсуждения "Меморандумов" в одной группе интеллигенции, один из участников поделился о событии со своим знакомым — главным врачом Клинической Больницы Тартуского университета... В тех краях очень широко распро-

странен миф, что если знакомый открывает вам какую-либо антиправительственную, политическую тайну, то он обязательно подослан КГБ для проверки лояльности. Поэтому перепуганный насмерть главный лекарь со всех ног бросился к секретарю парткома Тартуского Университета Когеру сообщить "страшную" новость. Ну а тот... немедленно "поделиться" с КГБ. И покатила новая волна слезки за некоторыми нашими активистами, как в Тарту, так и в Таллине... Несмотря на все эти помехи, операция "Большая свинья", как мы ее шутя закодировали, благополучно завершалась. Но в условиях повышенной тревоги и из-за отсутствия подходящей okazji, я приостановил отправку "Меморандумов" за границу.

И лишь весной 1973 года, во время тайного свидания на Пяаскюласком болоте близ Таллина, я передал нашему самоотверженному и добросовестному другу оба "Меморандума" для отправки в ООН. Он обязался их доставить на Запад. По невыясненным причинам, правда, отправка задержалась. И лишь в 1974 году "Меморандумы" оказались на Западе, приведя в движение всю прибалтийскую, но прежде всего, конечно, эстонскую эмиграцию. Такой документ попадал за рубеж со дня захвата Эстонии в 1941 году впервые. Живущие в Швеции, Канаде и в США зарубежные эстонцы, а также БАТУН — организация представительства Эстонии, Латвии и Литвы при ООН сделали все, чтобы размножить "Меморандумы" и передать их в штаб-квартиру ООН. Ответа из штаб-квартиры ООН ни мы, ни кто-либо иной не получили до сих пор. Хотя и сегодня продолжаем ждать его. Ответ на "Меморандумы" нам дали. Но он пришел не из Нью-Йорка, не из стеклянно-бетонного здания ООН на Ист-Ривере, а из Москвы, из штаб-квартиры КГБ на Лубянке...

Но наши требования национальной независимости и свободы живы и поныне. И мы предъявляем их перед лицом Объединенных Наций, перед всей мировой общественностью.

ДЕМОКРАТЫ, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ, БОРИТЕСЬ, ПОВЕЖДАЙТЕ!

ДЕМОКРАТ

Орган демократических сил

За свет, любовь и свободу!

**ЛУЧ
СВОБОДЫ**

ЖУРНАЛ МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

№ 6

1973

Глава 7

ПРАВСТВЕННОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО

В конце 60-х годов и во второй половине 70-х годов советское руководство при звуках фанфар провозгласило во внешней политике неискреннюю и двусмысленную эпоху "разрядки напряженности". Понимая свое бессилие в решении экономических проблем внутри страны, Кремль ощутил острую необходимость в усилении внешнеторговых связей и технологического обмена с Западом. Зыбкая и непрочная политика "разрядки напряженности", продиктованная экономическими нуждами, увенчалась подписанием Хельсинкских соглашений 1 августа 1975 года.

Зато во внутренней политике советские руководители вполне искренне и недвусмысленно проводили политику нагнетания напряженности — жестоко преследовали инакомыслящих, демократов, верующих, правозащитников и национал-патриотов. Не прошло и нескольких месяцев после подписания Хельсинкских соглашений, как прошли судебные процессы против таллинских демократов, национал-патриота В. Осипова и правозащитника С. Ковалева. По сути дела эти расправы были попыткой разгрома подпольных изданий "Демократ", "Луч Свободы", "Вече", "Земля", "Хроника текущих событий" и "Хроника Литовской Католической

Церкви". А затем, бросая вызов мировой общественности, Кремль перейдет к расправам над членами Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, т. е. их собственного международного договора.

В предыдущих главах я в общих чертах коснулся своей политической деятельности совместно с другими и в тех масштабах, которые были мне доступны под чугунным прессом тоталитарной диктатуры. Но моя общественная или, вернее, общественно-направленная деятельность началась не с политики.

Она начиналась с просветительства. Просветитель жил во мне раньше, чем демократ. Мое видение говорило мне, что окружающее меня общество не только политически поработано, но и подвержено глубокой порче. И эта порча не могла не коснуться каждого. И в первую очередь, конечно, меня самого. Но отсюда следовал и определенный долг для исполнения, вытекал ясный принцип деятельности. Каждый человек, болеющий за людей, должен стремиться к просветлению своего духа и души, а через это просветление — к духовному и нравственному просвещению общества. По своему складу я — человек малообщительный или избранно-общительный. Я не очень любил случайного общения и общества в широком смысле. Поэтому я не верил в свои способности кого-либо в чем-то убеждать, персонально кого-то организовывать, что-то кому-то поручать и чего-то требовать от людей. Но стремление попытаться добыть что-то положительное и принести его каждому, как-то повлиять и улучшить всеобщее, было во мне очень сильно. Я знал, какую великую силу таят в себе идеи, пусть и в корне ложные, и как определяюще влияют они на жизнь людей, не признающих вообще никаких идей.

И я пришел к убеждению, что единственно в чем я ни от кого не завишу, кроме воли Всевышнего, и что смогу сделать один, не ища опоры в людях, но лишь в своем духе, — это провести духовное исследование. Свободное и независимое духовное исследование *всего*, что есть *везде*, людских *множеств*, окружающих меня на земле, и *событий*,

когда-либо свершившихся *во времени*. Я не получил ни философского, ни социологического, ни исторического образования. И благодарен за это судьбе. Я никогда не любил углубляться в заумные дебри книжной философии, вникать в хаос социальных явлений, копаться в горах исторических фактов. Мое сознание не было перегружено ворохом академических материалов. Я был свободен от влияний каких-либо школ или авторитетов. Мое видение оставалось незамутненным. Оно оставалось чистым, позволяло независимо и непредвзято, неопасливо и неоглядно, видеть общие образы вещей и сущности являемого собственным духовным зрением. А это иногда происходило. И откуда-то, таинственно и внезапно, приходило откровение. Результаты своих исследований я решил сосредоточить в книге.

Тайное ночное творчество длилось более двух лет. Мою рукопись Люда исправляла и перепечатывала. Она вложила огромный труд, перепечатывая в свободное время текст, трудно поддающийся чтению. В итоге усилий родилась 660-страничная книга: "Мир, Человек, Время". Псевдонимом я выбрал имя своего святого покровителя, преподобного Сергия Радонежского. Я полагал, что его дух благословит начинание и поможет ему служить Добру. Книга состояла из трех частей:

1. "Мир", где излагалась философия бытия, исследовалась сущность Вселенной.

2. "Человек", где излагалась философия общества, исследовались явления в человечестве.

3. "История", где излагалась философия истории, исследовалось развитие человека и общества во времени.

Написанную книгу я нигде не стремился напечатать, в том числе и за границей. Время для ее издания не созрело. Мы с Людой отпечатали сначала 2 экземпляра чернового текста. А потом 3 экз. чистового. Все это было распределено на хранение, в различных местах и на неопределенное время. Лишь изредка и анонимно я знакомил своих единомышленников с отдельными отрывками. Судьба хранимых образцов была различной. Что-то возьмут разбойные руки че-

кистов; что-то сожгут недобрые руки завистников; что-то пропадет без вести, ибо тайну хранения унесет в могилу мой друг; что-то сохранится в Советском Союзе. А что-то попадет и на Запад. Книги, как и люди, имеют собственную судьбу, подчас трагическую.

Почему я не стремился опубликовать эту книгу? Все, что я видел, слышал и ощущал, убеждало меня в том, что мое видение почти ни в чем не совпадает с представлениями моих современников. Мне оставалось лишь пребывать в одиночестве, ожидать других людей, других времен, другого строя жизни... и, быть может, нового зова... Припадал я и к тем духовным источникам, которые освятил и окружил ореолом почтения двухтысячелетний человеческий обычай. Еще в детстве я испытал глубокое влияние православной Церкви. Теперь, в зрелые годы, к нему добавилось воздействие протестантской церкви, а именно лютеранской и баптистской. А с наследием католических мыслителей мне еще придется познакомиться и ощутить всю мощь их духа.

Я верил и верю в Высшее Начало. И я мог общаться с Ним в любом месте и в любом Храме. Я одинаково светло чувствовал Его и под высокими, строгими сводами Олайской церкви, и под благолепным и пышным шатром Вышгородского собора, и под благочестивым и скромным кровом маленькой Казанской церкви. Как и мой духовный наставник Владимир Соловьев, я был сторонником Вселенской церкви, где в едином потоке слились бы, объединились бы все христианские ручьи. Я всей душой сочувствовал также начинаниям папы Иоанна XXIII, давшему импульс экуменическому движению в мире. Ибо истинная цель церквей и всего человечества — свободно воссоединиться в Любви, обрести Единство в Боге.

Но я видел задачу Церкви не только в единении с Всевышним, но и в возвышении человека, в облагораживании общества. Такое понимание предполагало духовно-просветительскую деятельность и обещало прямое столкновение с властью. Я начал, не торопясь, искать связей с церковными деятелями.

По моему желанию "Ветеран" познакомил меня с "Повесой". Это был молодой протестантский активист, сын уважаемого баптистского проповедника, потомок одного из основателей Республики. Нрава он был доброго, писал стихи и короткие рассказы для детей, интересовался литературой и немного философией. Мы сделали с ним кое-что хорошее. Он давал мне пользоваться своей пишущей машинкой и сам иногда печатал. Мы, например, сделали переводы и отпечатали в виде сокращенного варианта "Смысл и истоки русского коммунизма" и "Смысл истории" Н. Бердяева, "Новый класс" М. Джиласа и другие книги. Но делал он это не по внутреннему побуждению, а по доброте, не желая огорчить меня отказом. Настоящим же вдохновенным увлечением для него были стихи, девушки и вино. Он любил также много путешествовать по стране. Эти занятия все больше опьяняли и затягивали парня. И я по целым месяцам не видел его. К духовному просветительству, а тем более к политической борьбе, у него душа совершенно не лежала. Мы все более отдалялись друг от друга, оставаясь, однако, друзьями. Встречи свелись к двум-трем разам в год. Надо понять и меня — я вовсе не искал себе добрых друзей или товарищей по развлечениям, а помощников — либо по духовному просвещению, либо по политической борьбе, четко разделяя их между собой.

Он познакомил меня с "Лицемером" — со столпом Церкви, активным и холодно-рассудительным человеком. Он умудрился даже защитить кандидатскую диссертацию и получить звание кандидата технических наук. Он обладал огромным влиянием на своих прихожан и панически боялся всего, что могло привести к малейшему противоречию с советской властью. Он несколько раз встречался с курирующим майором КГБ в своей машине, а потом горячо, со слезами на глазах, молился в церкви, видимо, замаливая грехи. Он притворялся перед властями лояльным советским гражданином, хотя в душе им не был. Он уверял верующих, что служит лишь христианству, на деле же служил также его врагам. Вспоминаю такой эпизод. Одно вечернее собра-

ние активистов общины, куда я был приглашен как "почетный гость", было посвящено теме: "Как во мне пробудилась вера в Бога". Целый ряд предварительно подготовленных людей выступал и рассказывал — как это с ними происходило. Я попросил слова и хотел выступить с речью, в которой бы напомнил, что долг христианина — не только самопробуждаться, но и будить веру в ближнем. Зная мое намерение, "Лицемер" не дал мне произнести ни слова. Таким гражданским малодушием и полной неготовностью "бессмысленно" страдать за собственную веру, обладал не только "Лицемер", но и сотни направляемых им прихожан. Я понял, что во имя серьезных дел мне с ним не по пути.

Следующим в галерее неудачных встреч и знакомств был "Доношитель". Это было существо, постоянно рвущееся к небу, но устойчиво принадлежащее к аду. Отец и мать его были в 1941 г. сосланы в Сибирь, но после войны вернулись. Одно время он учился в университете. Оттуда его исключили, и он стал довольно велеречивым проповедником. 15 лет организовывал он баптистскую молодежь. Затем он увлекся женщиной, развелся с женой и был за это лишен сана. С одной стороны, он стоял за мощное религиозное движение и клялся, что будет помогать даже политической борьбе, вызвался наладить контакты и связи, горячо интересовался, просил, требовал, умолял дать ему материалы Самиздата, настаивал на издании подпольного журнала. С другой стороны, внушал, что общество, народ и Церковь полностью растлены и с ними нечего иметь дело, молодежь — насквозь прогнила, а взрослые — это трусливые и продажные мещане (портрет этот он, конечно, рисовал с себя самого!). О материалах, данных ему мной, через некоторое время он сообщил в КГБ. Познакомил (со словами — "Это наша лучшая активистка!") меня с девушкой, чьи глаза были широко и блаженно раскрыты на мир, но знала она лишь выдержки из "Нового Завета". Втайне широко распространял слух, что я и мои единомышленники — шпионы КГБ. А его периодически вызывали, да и сам он ходил в КГБ, где подробно рассказывал, что я ему говорил и чего

добивался. Это адское раздвоение раскрылось не сразу. Я уже сильно подозревал его, а когда я узнал достоверно, то немедленно прекратил с ним всякие отношения. Но было уже поздно. Во время моего следствия и процесса он дал прямые "посадочные" показания, что я знакомил его с "Программой..." и организовывал выпуск журнала "Демократ Эстонии". А во время перерыва между судебными заседаниями на нашем процессе горячо и со слезами на глазах выражал сочувствие Люде по поводу нашего осуждения. Вот так — одной рукой ударял меня ножом в спину, а другой обнимал мою жену, рыдая у нее на плече. Вероучитель добрый.

Четвертым церковным деятелем был "Судья". Он был сыном авторитетного московского священнослужителя Православной Церкви, принадлежавшего к ее либеральному крылу. Он всех подряд предавал анафеме и гневно осуждал: инакомыслящих, лезущих не в свое дело; А. И. Солженицына, написавшего великопостное письмо Патриарху Московскому и якобы подрывающего основы Церкви и веры; сионистов, якобы интригующих против православной Церкви; Ростроповича, якобы по заданию сионистов познакомившего Солженицына с Н. Д. Светловой; правозащитников, якобы оскорбляющих правительство; демократов, чуждых народу и неспособных организовать широкое движение... Но сам, обладая громадными связями и отличной библиотекой, палец о палец не ударял, чтобы улучшить существующее положение. Сам он занимался лишь тем, что активно утверждал свое имя в музыкальном советском мире, усердно ходил в церковь, а самиздатовские материалы и в руки боялся взять. Однажды он таинственно пригласил меня в отель для "серьезного разговора". Серьезный разговор состоял из серии антисоветских да антиеврейских анекдотов и закончился приглашением в Москву. Сделал он это с очень значительным видом. Когда же впоследствии я посетил его в Белокаменной, то репертуар был тот же. Но затем он свел меня в церковь "Николы на Вишенках", где служил его отец. Я мог бы зайти в эту, впрочем

очень почтенную церковь и без его благосклонного содействия. Ни духовными связями, ни философской литературой, ни тем более религиозным Самиздатом он даже и не думал мне помочь. А стремления мои он знал. И даже не от меня. Я понял, что имею дело с бесплодным брюзгливым болтуном, с религиозным эпикурейцем и с салонным либералом, ничего путного не способного и не осмеливающегося делать. По-настоящему его интересовали лишь музыкальная слава да успех у женщин, в чем он явно преуспевал. Такой печальный опыт и такие бескрылые встречи, конечно, сильно разочаровали меня и не внушили уважения или доверия к общепризнанным церковным деятелям. Я начинал склоняться к грустному выводу, что на круги "советизированной" церкви в просветительской деятельности опереться нельзя... Но и отрицательные контакты иной раз дают полезный творческий импульс.

Под впечатлением встречи с благообразным сатанизмом "Доносителя" я составил статью "Свобода, человек, личность" под псевдонимом "Искандер". В статье говорилось, что тоталитарное государство гасит совесть и убивает достойную волю человеческого существа, превращая его в страхо- и рабо-человека. Задача человека в тоталитарной системе — преодолеть свой страх и свое рабство, превратиться в смелую, свободолюбивую личность и утверждать свою чистую веру и свои светлые идеалы в обществе. Статья была пущена в Самиздат.

По причине всеобщего неудовлетворительного положения в "советской" церкви, с чем я постоянно сталкивался, из-за ее непонимания или боязни исполнить свою миссию в тоталитарном мире, я составил вторую статью "Три высшие ценности" под псевдонимом "Скорбящий". В ней лучшие люди общества призывались к ненасильственному утверждению в мире трех ценностей: идеала человеческой свободы, принципа гуманистического национализма и завета чистого христианства. Но утверждение их требует благородства, бескорыстия и жертвенности. Провозглашался лозунг — БОГ, СВОБОДА И ОТЕЧЕСТВО!

Эту статью я не только пустил в Самиздат, но опубликовал в подпольных журналах "Ээсти Рахвуслик Хяял" и "Демократ Эстонии". Церковь как место для молитвы и размышлений я посещать не перестал, но сделал основной упор на общении с внецерковными духовными кругами.

Духовная жизнь в Эстонии, ввиду ее формальной непреследуемости, была разнообразной и пестрой. Существовало общество эсперантистов. Но его председателем поставили бывшего офицера КГБ, вышедшего в отставку, знающего эсперанто и контролирующего всю переписку эсперантистов со своими заграничными коллегами. Были группы йогов, занимающиеся асанами и дыхательными упражнениями. Были буддистские группы, изучающие буддистские источники. Была группа, изучающая феномен "летающих тарелок" (НЛО). Встречался я также с антропософскими и теософскими кругами. При одном из таллинских клубов (Дом Учителя на Ратушной площади) разрешили создать даже "Общество по изучению парапсихологических явлений". Меня пригласили туда, однажды, для обзорной лекции про "учение йогов". Я законспектировал книгу Рамачарак "Хатха-йога", материалы об "Агни-йоге" Елены Рерих и что-то еще. Народу пришло много. Говорят, что лекция прошла с успехом. Она имела мало общего с парапсихологическими явлениями. Однако с историей и достижениями индийского духа она вкратце познакомила.

По линии "парапсихологического общества" приезжал к нам известный советский парапсихолог Э. К. Наумов. Первый раз он проводил лекцию в зале Политехникума, а второй — в зале Клуба кинематографистов. Он демонстрировал также фильм о филиппинских психхирургах, о бескровных операциях по удалению злокачественной опухоли мозга и внутренних органов. Такую духовную деятельность власти до поры до времени не преследовали, ибо она не имела отношения к политике, не критиковала власть. Но они этого и не поощряли, относились с подозрением и чинили всевозможные препятствия. Ибо такая духовная

деятельность все же означала в их глазах скрытый отход от прямой, железобетонной линии "марксистско-ленинской" идеологии. Власти тайно следили за происходящим, накапливали материал и в подходящий момент пускали его в дело. Так талантливый советский парапсихолог Э. К. Наумов был в марте 1974 года ложно обвинен в "частном предпринимательстве", т. к. перед его лекциями распространялись платные входные билеты (?!). Как будто гостиница, проезд и питание в "раю для трудящихся" уже бесплатны! На самом же деле с ним расправились за парапсихологические исследования и отказ прекратить свободные научные контакты с зарубежными парапсихологами. Невзирая на протесты диссидентов, он был осужден на два года лагерей. Там он чуть не погиб из-за произвола "блатных". Кроме искренне интересующихся, очень многие видели в этой неофициальной духовной деятельности место для безопасной фронды против господствующего идеологического засилья.

Между тем встречи и знакомства во внецерковных духовных и религиозных кругах начинали меня радовать. Светлым событием моей жизни было знакомство с "Наставницей". Она была немолодой, родом с острова Хийумаа и уже 20 лет боролась с чахоткой, пока, наконец, не сумела ее остановить. Своей семьи она не имела и жила вместе с сестрой, — тоже очень добрым и хорошим человеком. Она была бескорыстной идеалисткой и очень благородной женщиной. Еще в юные годы она вместе с подругой объездила по линии "ИМКА" на велосипеде всю Скандинавию. В 20-ых годах она кончила Таллинскую гимназию и смолоду увлеклась религиозными вопросами и восточной мистикой. У нее были прекрасная память и ясный ум, и она с большой верой относилась к моим духовным начинаниям. По сути дела она была моей учительницей. Она давала мне большое количество книг и дельно комментировала их. Среди них было "Тайноведение" Р. Штейнера, "Тайная доктрина" Е. Блаватской, "Загадки жизни" А. Безант, "Великие посвященные" Э. Шюре и др. Она откладывала для меня советские книги, вырезки из газет и журналов, где

шла речь о мистических вопросах, знакомила меня со специалистами по оккультизму, теософии и антропософии. Мне было очень интересно знакомиться с этими религиозно-мистическими и пара-философскими учениями. Тем более, что свои собственные взгляды я уже изложил в книге "Мир, Человек, Время". Я принимал также участие в собраниях мистических кружков, и сам делал обзорные доклады, например, о философских системах Н. Бердяева и Ауробиндо Гхош. Посещал я и спиритические сеансы.

Я обязан ей очень многим и наиболее ценным. И до конца жизни буду благодарен за то духовное образование, которое я получил под ее наставничеством.

Вторым хорошим человеком был "Ученый". Он был ученым-техником, тайным верующим, имел научное звание и преподавал. Но еще более тайным было его участие в духовно-мистической группе. Он был холостяком, имел отдельную, трехкомнатную квартиру, в которой одна комната всегда пустовала. Мы с ним очень дружили. Он приглашал меня на собрания своей группы, которая иногда собиралась на его квартире. "Священным писанием" этой группы была объемистая запись германского мистика Фиршбаума, который делал ее в состоянии транса, общаясь с духом Эммануилом. Книга так и называлась "Откровения духа Эммануила". Группу вел любопытный, не без мистических задатков, но и не без человеческих слабостей и недостатков, ревнивый и всех подозревающий человек, бывший пожарник. Я сказал "Ученому", что у меня есть свои философские рукописи, которые я хотел бы скрытно напечатать. И он часто, на долгое время, предоставлял мне свою квартиру, вернее ее полупустую комнату, для перепечатки философских работ. Но он совершенно не знал, что иногда, тайком, я печатаю и кое-что политическое. Получалось как бы двойное "подполье" — от властей и от своего друга. Но однажды он обнаружил в пишущей машинке и политический текст. Он, видимо, испугался и очень обиделся, считая, что я подвергаю его ненужной опасности. Произошел серьезный разговор и мне пришлось прекратить конспиративные дела. Его

недостатком была нелюбовь к политике, которую я стремился сочетать с духом и с религией. Тем не менее, это был человек порядочный, честный, простодушный, добросовестный и ищущий Истину. С ним мне было душевно хорошо.

Большой удачей было также знакомство со "Звездочетом". Это был человек отточенной логики, широких интересов, духовных исканий и упорной энергии. Он кончил Университет, где изучал гуманитарные науки, работал по издательской линии, знал многие языки и был носителем обширной информации, в том числе и политической. Он уже был далеко не чужд политике. Но мы решили держать дух и политику строго раздельно. Так и приходилось воевать на двух фронтах. В кругу политиков-энтузиастов я занимался политикой, в кругу духовно-деятельных — духовными вопросами.

Нашу работу мы решили построить на организации периодических духовных семинаров. 1—2 раза в месяц мы собирались у кого-либо на квартире. Квартиры на всякий случай чередовали. Сначала читался реферат или литературное произведение. Потом, до поздней ночи, проводились дискуссия и обсуждение прослушанного и записанного материала. Сложилось своего рода "Тайное духовное общество", нечто вроде духовного ордена.

Огромный вклад в организацию философских семинаров делала молодая, очаровательная и способная женщина, которую я условно назову "Певницей".

Какая-нибудь просторная квартира битком набивалась отборными и проверенными представителями интеллигенции Эстонии. На наши семинары приходили писатели, поэты, ученые, художники, преподаватели, деятели музыкального мира и театра, студенты и вообще ищущая молодежь.

По-моему, семинары проходили живо, интересно и с пользой. Мы поставили своей целью охватить все главные синтетические ценности, созданные ведущими культурами человечества в духовной и нравственной области.

Чтобы создалось представление о масштабах нашей рабо-

ты приведу основные темы докладов, которые пришлось читать одному лишь мне, хотя постоянный круг лекторов насчитывал 5—6 человек. Перечисляю в произвольном порядке:

1. "Русская философия в начале 20 века (Д. Мережковский, Н. Федоров, С. Трубецкой, Л. Лопатин, Н. Лосский, "богоискатели");

2. "Жизнь и учение Н. Бердяева";

3. "Философия и историческое значение "Вех";

4. "Историко-психологическое становление русского человека";

5. Жизнь и учение П. Тейяр де Шардена". Анализ его книги "Феномен человека";

6. "Попытки создания нового мировоззрения в современной России. Главные направления. Основы космофизии";

7. "Попытки создания новой этики на Западе";

8. "Жизнь и учение А. Швейцера. Анализ его книги "Культура и этика";

9. "Младшие славянофилы: Н. Данилевский, К. Леонтьев, М. Катков";

10. "Анализ книги Н. Данилевского "Россия и Европа";

11. "Старшие славянофилы: К. Аксаков, А. Хомяков, И. Киреевский";

12. "Жизнь и учение Вл. Соловьева. Анализ его основных работ";

13. "Тайная египетская мистика в "Книге мертвых".

14. "Жизнь и учение Ауробиндо Гхоша". ...

И это далеко не все. Для этого мне пришлось конспектировать тысячи страниц, сидеть днями и ночами, облекая сложный и длинный текст в понятную 2—3-часовую лекцию. Мы стремились брать все лучшее, чего человечество достигло в разные эпохи и в различных культурных областях.

Каждое из этих достижений мы подвергали анализу и выделяли самое ценное. Эти ценности мы хотели синтезировать, а полученный нравственный итог попытаться применить в нашей реальной жизни.

Из числа западных мыслителей мы избрали:

1. Учение П. Тейяр де Шардена, в котором произведен синтез спиритуализма и реальных наук, достигается гармония религии и науки.

2. Нравственную систему Швейцера, с ее синтезом главных этических систем, являющуюся конечным итогом западной этики.

3. Психологическую теорию Э. Фромма, давшую современную модель человеческой души и глубокий анализ социальной философии.

Из числа восточных мыслителей мы избрали:

1. Учение Шри Ауробиндо Гхоша, синтезирующее спиритуализм веданты и Запада, давшее "интегральную веданту".

2. Принципы Дзен-буддизма, соединившие индийский и китайский спиритуализм.

3. Нравственную систему М. Ганди, соединившую в себе все главные индийские этические учения и являющуюся конечным итогом восточной этики.

Из евразийских мыслителей мы избрали:

1. Учение Вл. Соловьева, в котором произведен синтез религии и спиритуализма, содержится доктрина Богочеловечества.

2. Учение Н. Бердяева, дающее современную модель человеческого бытия.

3. Принципы Космософии, в которых производится синтез спиритуализма и материализма.

Тотальный нравственный синтез из принципов этих систем каждый сделал себе сам. И по мере сил старался применить в действительности. Чудом и несомненной удачей нашего свободного и тайного Духовного университета было живое участие всех. Мы стремились все заумное и запутанное сделать понятным и ясным, все сложное выразить просто и образно, все отвлеченное отлить в реальные жизненные формы. Свои доклады я старался, например, строить так, чтобы непременно затронуть мир чувств и жизни, понятный женщинам. Это привело к нежданному успеху — слушательницы были самыми живыми и горячими участниками духовных семинаров.

Наши лекции мы читали и в других городах. Мы выезжали в Тарту и тайно проводили занятия среди отдельных групп молодежи. В этом нам очень много помог активный организатор молодежи, которого я условно назову "Во-жак". О нем еще речь впереди. Мы планировали прочитать серию лекций также в Москве и в Ленинграде. Связи с каждым годом расширялись. Но карательные органы успели к тому времени меня уже посадить в клетку... с крепкими запорами.

Наконец и Церковь оказала нам ценнейшую помощь. Очень важным было знакомство с "Воителем" и с его друзьями. Однажды единомышленник, которому я очень доверял, сообщил, что со мной хочет встретиться хороший человек. Встреча состоялась, и мы весь вечер бродили по заросшему кладбищу, обмениваясь мнениями по самым жгучим вопросам. Я не скрывал своего возмущения положением в современной Церкви. Он внимательно слушал, приводил свои возражения или соглашался. Расстались мы друзьями, обнаружив сходное понимание многих вещей. Он мне очень понравился своей одухотворенностью, деловитостью, готовностью практически помочь и пойти на жертвы. Эта встреча имела важнейшие последствия. Через "Воителя" и его друзей начала поступать денежная помощь — мы смогли закупить дополнительное фотооборудование, фотоматериалы, пишущие машинки. Была оказана и техническая помощь — предоставлены некоторые приборы и материалы, право пользоваться их фотолабораториями, часть наших текстов печатали их машинистки. Пошел потоком обоюдный обмен материалами Самиздата. Наконец, что особенно важно, через его друзей открылись новые информационные каналы, которых мы давно искали. Благодаря им удалось сделать значительные переборки информационных материалов.

Все эти просветительские действия нуждались, конечно, в многократном усилении. Принцип Целостности не признает Разделения. Гармония вещей требовала соединения духовно-нравственных начал с социально-политическими. Духовно-нравственное обретало бы в этом союзе плоть и

становилось жизненным. А социально-политическое получало бы духовность и приобщалось к вечности. Для этого нужно было задать направление. Духовное направление я думал задать через новый журнал. Через журнал мыслилось прийти к основанию нравственно-политического союза, а затем и тайного ордена.

Опыт общения с церковными и внецерковными духовно-религиозными деятелями позволил сделать мне следующие выводы. В каждом человеческом сообществе и объединении по отношению к любым существенным принципам мышления или действия существует приемлющее или отвергающее, деятельное или безразличное отношение. Но среди приемлющих принцип и деятельных во имя принципа есть, в свою очередь, хорошие или плохие, нравственные или безнравственные. И следует найти из миллиона людей хотя бы сотню приемлющих и деятельных. А из сотни отыскать десяток хороших и нравственных. С ними и сам отыскивающий станет лучше и чище. И как бы ни велика была безнадежность отбора среди миллионов враждебных или непригодных людей — по тайным законам Вселенной, для исторически справедливой и духовно истинной работы, ценные и нужные люди всегда найдутся.

Глава 8

ЗА ПОБЕДУ ЛЮБВИ!

После трех лет напряженной политической деятельности у меня накопился большой опыт общения с людьми. К сожалению, набрался я и отрицательного опыта.

Я с все большим огорчением укреплялся в убеждении, что не только власть порочна и власть имущие бесчеловечны, но и сами люди не вполне достойны. Не исключая меня самого. А приверженность к светлой идее и приобщенность к высокой деятельности не просветляли и не возвышали людей. Борьба за свободу, подчас, не делала людей свободными и терпимыми. Борьба за человечность не делала людей добрыми. Жертвенность не влекла за собой порядочности. Как среди моих единомышленников, так и внутри других движений были различные люди. Соотношение людей с преобладающим хорошим и людей с непреодолимым плохим было в зыбком равновесии. Обидно было встречать эту вторую породу людей и вынужденно иметь с ними дело. Они боролись во имя свободы, на деле отрицая свободу ближнего, во имя справедливости, не будучи справедливыми к своим товарищам, во имя правды, обманывая единомышленников, во имя права, не признавая прав за другими, во имя добра, проявляя злобность к несогласным.

Если таковые встречаются среди немногих избранных и призванных, каковы же должны быть десятки миллионов? — спрашивал я себя. И здесь действительность была еще страшнее. Бездуховность и аморальность, глумление и святотатство, подлость и непорядочность, ненависть и жестокость, трусость и подхалимство, преступность и пьянство, матерщина и хулиганство, доноительство и приспособленчество имели такую всеобщую распространенность и так губительно господствовали, что временами я отчаивался и все во мне цепенело. Хотя и я сам был далеко не таким уже светлым и добрым человеком.

Иногда казалось, что не столько большевистский режим растлил их, сколько сам большевизм порожден ими. И я спрашивал — куда, в какую же зияющую пропасть, к какой смертной катастрофе навстречу стремительно движется это бурлящее и несметное человеческое множество, эти оскверненные тела и души, низвергающиеся в ад задолго до своей физической смерти.

Естественным спутником победно шествующего по земле сатанизма было глубокое отвращение к нравственным вопросам и вражда к лицам, пытающимся воззвать к человеческой совести. И эта вражда к нравственному оказывалась часто более стойкой и принципиальной, чем неприятие большевизма, совершившего невиданные в мире зверства. Этот парадокс неудивителен. У многих людей, несмотря на идеологические различия и даже внешнее противостояние, сохранилось духовное родство, психологическое подобие и общность нравственных корней с большевизмом. От лиц, ставящих вопрос нравственного самоочищения и морального совершенствования, в лучшем случае отмахивались, как от назойливых мух, награждали их издевательскими кличками — "ханжа", "нравоучитель", "диктатор", "инквизитор", "боженька" и т. д. Совсем в ключе низкопробного словоблудия В. Ульянова — вождя большевиков.

Пришлось встретиться с этими явлениями и в рядах оппозиционного движения. Было немало случаев, когда люди, занимавшиеся правовой и политической деятельностью,

не считали зазорным пить, материться, врать напропалую, по вздорным причинам срывать задания, присваивать общественные деньги, произвольно нарушать договоренности, клеветать на несогласных, интриговать против мешающих по корыстным причинам, а при случае — оскорблять и хулиганить. Страдания тоже не всегда очищали и облагораживали. Уже на Западе, одна девушка из шведского города Мальме рассказывала про встречу с одним видным, пострадавшим и много лет отсидевшим советским диссидентом. Узнав, что она верующая, он вдруг ударил ее по лицу. А на следователей КГБ в СССР, определяющих его на многолетнее заключение, он и голос боялся повысить. Даже когда боролись с советской властью и хотели выгнать коммунистов, то не считали нужным изгнать бесов и советчину из самих себя. Дескать после, при демократии, разберемся, свобода все исцелит. Как будто при свободе изощренная преступность не обойдет закон. Все это сильно разочаровывало, вызывало печаль и тревогу, порой негодование. Воды рек будут такими, каковы их истоки. А мутным истокам надлежало очиститься. Бесполезно было лишь интеллектуально признавать справедливые программные принципы, не очищая свою волю, не облагораживая чувств, не просветляя ума. Мало было бороться с Сатаной лишь внешним, с государством дьявола, не изгоняя сатаны внутреннего, не борясь с дьяволом в душе своей.

Напряженность в нашей среде нарастала, пока не возникла трещина, а затем и раскол. Пока лишь на уровне духа, а не душ.

Возникло и соображение социального порядка. Будет ли классическая демократия западного образца жизнеспособной в условиях после-советского общества? Даже сейчас, в условиях жесткого тоталитарного пресса значительная часть советского населения деморализована, ожесточена и антисоциально себя ведет. Проявляет стойкую склонность к стихийному социальному хаосу и лишь едва сдерживается контр-хаосом, организованным советской властью. 2—3 миллиона людей, ежегодно осуждаемых за уголовные

преступления — один из показателей этого хаоса. Но не главный. Главное — ежедневное и повсеместное поведение и отношения, нравы и обычаи, порочные и негражданственные по своему существу. И неудивительно. Население СССР, точнее Советской России, да и бывшей России тоже, не успело в течение своей истории пройти общественную школу демократии и приобрести в ней начатки правосознания, внутренней дисциплины и чувство социальной ответственности. А ведь на этих лишь основах способна выжить та или иная форма демократии. Немедленное установление "мягкой" демократической власти на просторах после-советской России привело бы, во-первых, к новой волне анархических и незаконных действий больших масс населения, во-вторых, к параличу и недееспособности демократических институтов власти. И в любом случае обусловило бы господство бессовестных, изворотливых и хитрых демагогов над совестливыми, неискушенными или неопытными в общественных делах людьми. И не во благо была бы эта новая тирания плутов и ловкачей. Но если "мягкая" демократия в условиях России могла бы привести к социальному хаосу, содержанием которого стало бы новое рабство, то "твердая" автократия тяготела бы к новому тоталитаризму, сущностью которого является хаос. Представлялось, что искомая, жизнеспособная и положительная общественная форма для России в после-советский, переходный период лежит где-то между "твердой" демократией и "мягкой" автократией. Лишь при условии возникновения достаточно числа активных и сознательных, ответственных и дисциплинированных граждан, понимающих, что свобода — это не произвол, беззаконие и своеволие отдельных групп населения, а справедливость, порядок и законность для всех, демократия была бы жизнеспособна. При этом условии и классическая демократия могла бы существовать в России. А без этого — нет!

И я решил на очень трудное. Я "разорвал" "Программу...", которую сам же в основном и составлял. Разорвал духовно, считая ее недостаточной и неполной, полагая ее

лишь требованием формы жизни, а не содержания ее. Другого выхода и решения я не видел. "Не только Освобождение и Свобода. Но — Обновление и Любовь. Возрождение — личное и общественное. Моральное и политическое". Эти слова громко звучали в моей душе. Но для этих мыслей надо было создать минимальную идеологическую, организационную, а также информационную основу. Для этого я в начале 1971 года составил программную статью — "К нравственно-политическому возрождению". Псевдонимом я выбрал "Донской". Это был тот же псевдоним, который я использовал для политической работы "Наш политический идеал" в 1970 году. Здесь была некоторая символика. Дмитрий Донской, как известно был мечом Св. Сергия Радонежского, а для меня символом борьбы. Мысли, в общем виде выраженные в книге С. Радонежского "Мир, Человек, Время", я развил на политическом — "демократическом" и "возрожденческом" уровне в упомянутых двух работах. Я по-прежнему оставался в группе "ДДСС", редактором "Демократа" и ведал идеологической частью группы. Но с немногими единомышленниками я основал в рамках ДДСС внутреннюю группу, основанную на более авторитарных началах. Это была группа "Нравственно-политическое возрождение" (НПВ), стоявшая за гармонию Свободы и Любви. Эмблемой НПВ я выбрал тот же "лучистый треугольник", что и в ДДСС. Но там он опирался на свою сторону, потому что "демократов" было значительное число. В эмблеме же НПВ он опирался на свою вершину, так как "возрожденцев" было очень мало.

Для информационного самовыражения нашего духовного течения нужно было издавать отдельный журнал. Я решил назвать его "Луч Свободы". Это название, по моему мнению, должно было давать читателю определенный светосносный образ.

Лозунгом был выбран: "За Свет, Любовь и Свободу!" Он означал — за свет в разуме, за любовь в душе и за свободу в жизни!

Лозунг шел крупными буквами по верхней части титуль-

ного листа. Ниже и слева был изображен светлый треугольник, из которого исходили три расширяющиеся луча света, пронизывая окружающий мрак. Справа на расширяющемся лучеобразном фоне крупными буквами шла надпись: "ЛУЧ СВОБОДЫ". Ниже был номер и год издания, а также другая надпись: "Орган нравственно-политического Возрождения".

Статьи и работы для задуманной первой серии издания писал я сам, отражая мнения членов группы и нравственных просветителей, с которыми общался. Проводил и согласовывал также свои собственные представления и наития. Тема была настолько важной и ответственной, что требовала единого руководства и направления. Журнал был не форумом демократов, как журналы "Демократ" № 1—5, и не местом дискуссии инакомыслящих, как "Демократ" № 6, но обладал твердым и единым направлением, задаваемым из одного центра. Пришлось заново пережить и передумать многие принципы и темы.

Всего с начала 1971 года по конец 1973 года было издано и распространено 6 номеров "Луча Свободы", содержащих новые материалы, потребовавшие огромных духовных и физических усилий. (Краткое изложение содержания номеров см. в "Приложении" к гл. 8.)

И вот кончился труднейший и опаснейший 1973 год... Наступил последний год явно затянувшегося пребывания на воле. Это все больше начинало удивлять меня самого. Шел восьмой год бурной деятельности против советской системы. А ржавый, зазубренный, покрытый запекшейся кровью чекистский меч все еще не мог достать меня. Хотя он был уже занесен и со свистом рассекал воздух над моей головой. А я, как замороженный, стоял цел и невредим, пускал во врага огненные разящие стрелы. Меньше всего я относил это свершающееся чудо за счет своих конспиративных способностей или нерешительности карательных сил. Я считал, что мне дарится время, строго и точно отмеренное Провидением. И оно дастся мне до тех пор, пока я не выскажу всего, накопившегося у меня на душе. Ощущая это, я в 1974

году работал напряженнее, чем когда-либо, подводя итог всему пережитому и перечувствованному за 40 лет...

К лету последнего "вольного" 1974 года удалось выпустить и последний 7-й номер "Луча Свободы", касающийся насущных проблем освободительного движения в стране. На этом выпуск журнала "Луч Свободы" на неопределенное время по воле судьбы прекратился. Но в течение 1974 года были написаны еще три философские работы, которые должны были бы войти в журналы "Луч Свободы" в 1975 году и далее. Ими были:

1. *"Основы цельной жизни"* (под псевдонимом Сандер), где была сделана попытка разыскать идеалы жизненного человеческого поведения в мире.

2. *"Земля, 1975"* (под псевдонимом Фамарин), где обсуждаются современные трудности человечества и взвешиваются средства для их преодоления.

3. *"Принципы Мироведения"* (под псевдонимом Эллинов), где излагались основы авторского мировоззрения. (Краткое изложение работ см. в "Приложении" к гл. 8.)

Я закончил печатать "Принципы мироведения. Очерк космологии" 25 ноября 1974 года. Формально я не знал, что это моя последняя работа перед большими испытаниями, перед многолетней неволей, когда не только что думать или писать, но даже самую жизнь сохранить казалось невыполнимым чудом. Но внутренне я это постигал. И неведомый огненный знак был явлен. Меня вдруг озарило — все живое, сущее, что можно было воспринять — высказано или передано мертвой материи. Теперь надо было позаботиться закрепить и охранить добытое. И я ближайшие 10 дней занялся лихорадочной, изнуряющей работой по доставке и группировке материала, по составлению сборников работ и переброске их на новые места хранения, по поиску новых охранителей и распорядителей.

Но спустимся с горних светлых высот на грешную сумеречную землю. Все в том же роковом 1974 году судьба послала мне новых, молодых и энергичных, помощников. Это были представители младшего поколения демократов. Один

был "Моряк", миловидный, белокурый, стройный спортсмен и пловец. Он очень любил литературу и мечтал стать писателем. Когда-то он кончил Суворовское училище. Но, войдя в конфликт, отказался от военной службы, добыв, как говорится, липовую медицинскую справку. Человек неглупый, не трус, он нигде не уживался с советскими начальниками и менял одно учреждение на другое. В дни моего знакомства с ним он работал где-то кочегаром — сил было в избытке, а после суток работы было три выходных... Второй был "Историк", дельный, энергичный и сообразительный молодой человек, страстно любящий историю. Он ее хорошо знал и даже создал свою теорию: Народы мира делятся на "волков", "обезьян" и "овец". История сводится к взаимодействию этих культурно-психологических и этнических комплексов. У каждого из моих новых помощников, конечно, был свой собственный, обширный круг общения. С ними, втроем, мы проделали огромную работу. Так, например, в начале 1974 года мы получили свежую фотопленку "Архипелага ГУЛага" А. И. Солженицына. Это были первые тома произведения, изданные "ИМКА-Пресс". Мы получили пленку из Москвы. С пленки, на которой было увековечено 800 или 900 страниц "Архипелага", мы сделали около 8 фотокнижек. Это была умопомрачительная работа — получить изображение, проявить, закрепить и высушить надо было многие тысячи снимков. Дело шло массовым потоком. О денежных и временных затратах я уже не говорю. Помню, например, как в одной таллинской кочегарке вся печь, скамейки и пол были устланы, как хлопьями снега, тысячами скрутившихся от тепла фотоснимков. Дело, разумеется, происходило ночью... И надо же случиться драме. К "Исторiku" иногда приходила его невеста. Однажды он не мог прийти домой вовремя, дал "Моряку" ключ, поручил ему встретить ее и сообщить новый день встречи. Но "Моряк" свое задание явно перевыполнил, начал ухаживать и произвел впечатление. Затем "Моряк" вызвался проводить ее и — увы! — проводил до самой спальни... "Историк" ее очень любил и, узнав о случившемся, был близок к

самоубийству. Я всегда требовал строгого разделения любовных и личных дел от политических и духовных. Личные и общественные сферы не должны пересекаться в условиях подпольной деятельности... Я отстранил "Моряка" от всяких дел. Отношения прервались. Но и с "невестой" он больше не желал встречаться. Так из-за минуты легкомыслия возникло три личных конфликта. Хаос был посеян. И вот "Моряк" от восторгов перешел к мести. Он начал собирать в таллинских кафе компании, громко кричал, что Солдатов — диктатор, готовит вооруженное восстание и пострадают ни в чем не повинные люди. Люди с ужасом мне все это передавали. Люди возмущались этим. А я махнул рукой — пусть витийствует дальше. Чему быть, того не миновать. Не знаю, получил ли КГБ с этого какую-то пользу или нет. Но улов сулил быть крупным. Вот типичный пример опасности, возникающей тогда, когда политические убеждения не дополняются нравственными правилами...

Итак, в конце 1974 года, откуда-то сверху или изнутри пришел тайный сигнал, что приходит конец тому времени, когда я мог что-то делать. И наступает грозное время, когда мне не дано будет делать почти ничего. Я внял этому сигналу. Мое сердце предчувствовало многое. И я лихорадочно, под покровом большой секретности, начал вдвоем с "Историком", на его квартире, группировать доставленный материал. Начал сортировать, корректировать, восполнять все, что накопилось за многие годы, почти за 8 лет. В итоге краткого 10-тидневного труда родилось необходимое количество склеенных фотосборников. По окончании, мне пришлось срочно создать новую систему захоронений и назначить новых распорядителей на случай опасного положения. И подведомственное мне архивное хозяйство я привел в ударостойкое состояние.

Вообще же в этой области царили удивительные легкомыслие и беспечность. Приведу такой вот драматический пример. Я пришел к одному из наших старых активистов и предложил, чтобы в ближайшие же ночи хранящийся у него на дому архив был рассредоточен в природных усло-

виях. Я сообщил ему, что около его дома заметил признаки слежки, изъявил готовность оказать немедленную физическую помощь. Он отмахнулся и от исполнения отказался. "Я смогу это сделать лишь через две недели. Сейчас я конструирую и собираю металлоискатель". И горделиво указал на живописно разбросанные детали. Это было одним из проявлений разлада среди нас и отхода от принятых нами ранее принципов. Дело в том, что где-то на сеновале были с военных времен зарыты советские винтовки. Обнаружить их можно было лишь с помощью прибора типа "миноискатель". "Партизан" сумел внушить туго соображавшему "Конструктору", что архивы — документы — все это чушь. А главное сейчас — это оружие (!?). Для этого, де, нужен "металлоискатель". Судьба сурово накажет моего беспечного, близорукого и недисциплинированного единомышленника. При первом же обыске у него найдут и оружие, и архив... Но об этом всем я расскажу подробно в следующей главе...

Сейчас же хочется бросить взгляд в прошлое. За семь лет моим единомышленникам и мне удалось в доступных нам пределах и в страшнейших исторических условиях поставить опыт политической борьбы и нравственного просветительства. Этот опыт был более удачным и оказался более влиятельным и значимым, чем это можно было предполагать в самом начале. Мы не мечтали сделать даже одной десятой того, что сделали на самом деле. Мы не надеялись продержаться и половину того времени, что продержались в действительности. Но нами двигала вера. И мы не жалели сил.

Было ли наше дело преждевременным или запоздалым начинанием? К первому единодушно склонялись наши недруги. Ко второму склонялся я сам. Оба предположения оказались неверными. Первое ложно безоговорочно. Со времени рождения кровавой диктатуры прошло 52 года, со времени смерти наиболее жестокого в истории тирана — 16 лет, положение бедственное, а малодушным и бездумным все еще некуда спешить с политическими и нравственными начинаниями, все еще рано выходить из катастрофического потока. Запоздало? Иногда в сознании мелькало соблазни-

тельное — а ведь надо было начать тогда, в 1956 году, сразу после обращения в ЦК... Допустим. Я, конечно, начал бы создавать организацию. Но по моей неопытности и по характеру я бы скоро загремел. И на крупный срок. А к духовному творчеству я по возрасту еще не годился. Вышел бы из заключения к брежневским временам, а в условиях админнадзора и принудительного труда не много духовного или общественного успел бы сделать... Поэтому Господь мудро направил мою судьбу и точно отмерил моё время.

Когда я пришел в борьбу и в просветительство, я уже успел закончить все свои основные, духовные и общественные исследования. Я надеялся, что время отсеет ложное, неценное и бесполезное, сохранив истинное, ценное и полезное. Я сумел продержаться и действовать почти 7 лет. А когда был насильно вырван из потока духовной и общественной деятельности, то успел высказать словом и воплотить в дело все, на что был годен в свои 40 лет — и насколько позволяли условия.

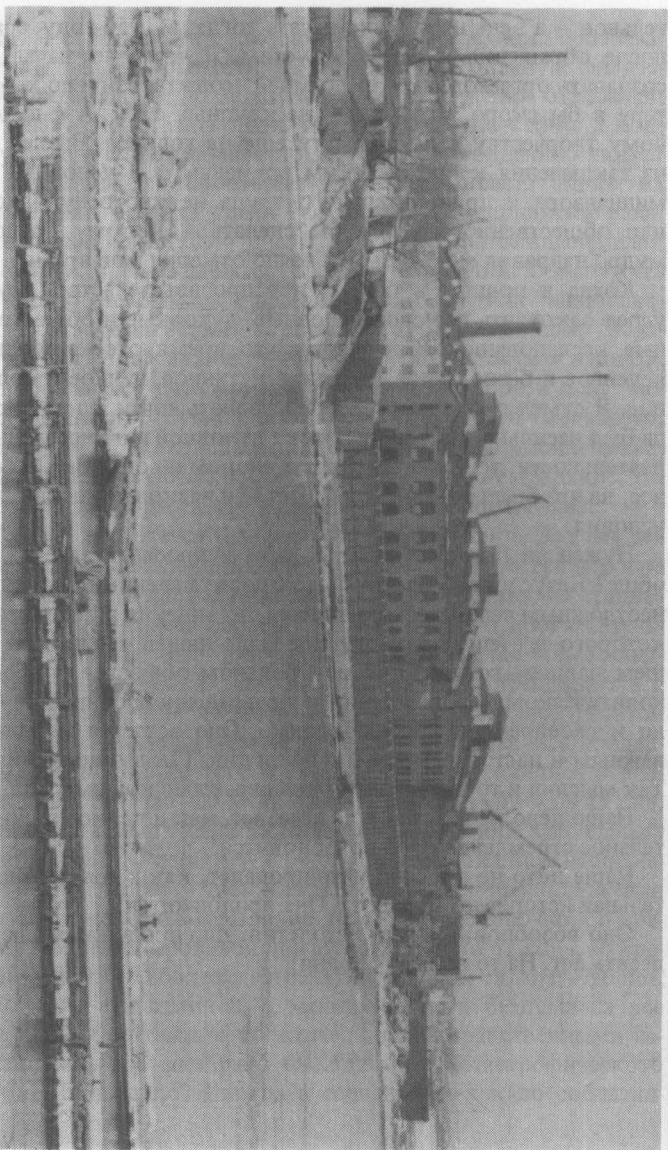
Нужен ли был наш опыт борьбы и просветительства вообще? Безусловно! Да это было просто велением времени и неотложным человеческим долгом, до видения и исполнения которого все еще приходит так мало людей. Поднять в нашем падшем государстве и в больном обществе вопрос о политическом освобождении и нравственном очищении было и своевременно, и необходимо. Оно остается жизненно важным и настоятельным и в наши дни. Так думаю я сейчас. Так мыслил и тогда, в канун своей гражданской смерти...

Наше дело не исчезло и не исчезнет, как и всякое положительное стремление! Оно возобновится!

Наше дело не пропало и не пропадет, как и всякая значительная историческая работа. Она продолжится!

Оно возобновится через столетия. Или продолжится через десять лет. На то воля Господня!

Центральная тюрьма ЭССР

Глава 9

ИСПЫТАНИЕ

Итак, в конце ноября 1974 года, я закончил все намеченные ранее работы, изготовил фотосборники, перегруппировал архивные материалы и разместил их по новым точкам хранения. Теперь можно было заняться внешними делами. Я решил совершить информационно-политическую поездку к нашим ленинградским друзьям и кое-что им отвезти. С Балтийского вокзала в Таллине садиться было опасно. Слежка была очень плотной.

И вот, в начале декабря, поздно вечером, верный человек повез меня по шоссе в сторону Ленинграда. Скорость была бешеной, и через три часа мы достигли одной промежуточной станции. Я вышел из автомобиля, купил на станции билет, вошел в вагон и к утру, часов в 7, приехал в Ленинград на Варшавский вокзал. По обычаю, я пытался затеряться в потоке выходящих пассажиров. Казалось, все было спокойно.

Но каким-то волчьим чутьем я почувствовал опасность. Решил проверить. Сделал проход, быструю петлю, засаду. Так и есть! За мной быстро, не отставая ни на шаг, ринулись двое, сразу обнаруживая себя. Тогда я неспешно направился к городу, и вдруг резко свернул в ближайший проходной

двор. В предутренней мгле началась напряженная гонка по подъездам, проходным дворам, переулкам и лестничным площадкам. Я потратил целый час, весь взмок и с огромным трудом сбил слежку. Дело становилось опасным.

На вокзале меня явно дожидался оперативный наряд КГБ, несмотря на все принятые предосторожности. Такого еще не было. "Что это? Предательство среди наших? Или какая-то повышенная готовность КГБ? А может быть — спецоперация?" В тот же день я встретился с некоторыми представителями ленинградцев, сообщил о замеченной слежке и быстро передал материалы. Отбомбился, что называется! Более важных квартир решили не навещать! Ибо ленинградцы тоже заметили повышенную активность чекистов. Готовится какая-то операция — это поняли все. Но в Таллине, Ленинграде или в Москве? Было принято решение, чтобы я в ближайшие дни ранним утренним поездом уехал обратно! В день отъезда, меняя несколько раз маршрут, я из Малой Охты к полседьмого утра, добрался до Варшавского вокзала и сел на поезд. На вокзале мне ничего не удалось заметить. Но спустя полчаса, уже в вагоне, я почувствовал себя под неусыпным вниманием давно знакомой породы лиц в штатском. Теперь было ясно — на вокзалах, — да и только ли там, — круглосуточное дежурство КГБ. Меня знают в лицо и охотятся за мной. И только ли за мной? Я притворился спящим и стал, закрыв глаза, лихорадочно думать: что же предпринять? Решение пришло само собой. Шли часы ожидания. Ждали они. Ждал я. Проехали Кингиссеп, Нарву, мою родную Вайвару... Все еще не берут?! Странно. Приближалась станция Кохтла.

В 8 км от станции, в соцгороде (так назывался новый жилищный район) г. Кохтла-Ярве жила моя мать. Она занимала однокомнатную квартиру и была уже на пенсии. Поезд останавливается на станции Кохтла. Минуты стоянки. Я притворяюсь дремлющим. Свисток отправления. Поезд трогается. И тут я, словно спохватываясь, вспрыгиваю, устремляюсь к выходу и чуть не сбиваю с ног изумленную проводницу: "Это Кохтла?" — "Спать не надо, парень. Те-

перь уж до Пюсси". — "Да?" И, рывком отворяя вагонную дверь, спрыгиваю с поезда. Слышу сзади лишь испуганный женский вопль... Приземлился я благополучно, отделался лишь ушибом. Оперативники КГБ вслед прыгать, конечно, не стали — пожалели себя. Наконец-то! Оторвался!.. Но надолго ли?.. Меняя транспорт, и окольными дорогами я пробрался к дому, где жила мать.

Уже начинало смеркаться. Подымаюсь на 3-й этаж. Звоню. Мать была дома и смотрела телевизор. Была очень рада моему приходу. А в последнее время, в круговороте "ратных дел", я все реже ее навещал. Мне было ее очень жаль, но и дело свое я считал важным. Я разделся, мать приготовила чай и бутерброды. "Ты откуда?" — "Да был вот в Ленинграде. По делам..." — "Не поймешь тебя. Другие учеными стали, а ты все где-то мотаешься". — "Значит, другие способнее меня". — "Безнадежное ты дело затеял" — "А это уж как Бог положит, мама!"... Вдруг громкий стук в дверь. Неужели КГБ? Иду в темную прихожую. Открываю. Передо мной юркий человек в очках: "Извините, пожалуйста, Сережа Солдатов дома?" — заюлил, затараторил гость неожиданный. "Какой Солдатов? Чего надо?" — спрашиваю басовито, искаженным и злым голосом. — "Да вот он мне назначил свидание. Именно сейчас. Мы договорились пойти с ним в ресторан", — не сморгнув глазом врал чекист. — "Ищи в другом месте", — буркнул я. Как ни странно, мистификация удалась, И чекист — им оказался оперуполномоченный Кохтла-Ярвского отдела КГБ Мильдер — исчез. — "Это был сыщик?" — встревоженно спросила мать, слышавшая весь этот странный разговор. — "Да, — ответил я. — Мне надо уходить! До свидания, мама, не тревожься!"

Пришлось срочно скрыться, благо тьма и метель этому способствовали. А матери 6 с лишним лет дожидаться "свидания". В половине одиннадцатого вечера я скорым поездом прибыл в Таллин. Минуя вокзал, через запасные пути, я вышел в город, добрался до квартиры. Не успел я переступить порог, как Людмила с плачем — "Живой... Слава Богу, живой!" — упала мне на шею. Оказывается, час с лишним назад

КГБ закончил обыск (т. е. 14 декабря 1974 г.), изъяв пишущую машинку и некоторые письма, но ничего другого не обнаружив. Люда сообщила, что ее взяли прямо с работы и доставили домой. А вчера был обыск и у других. И не только обыск.

Пришлось проститься и с Людой. В ту же ночь я исчез. Ночная проверка показала, что арестовано по крайней мере три наших активиста... Я ушел в подполье и ночевал у друзей... Десятки людей вызывались в штабквартиру КГБ на допрос... Друзья сообщали, что на допросе добиваются сведений о деятельности членов ДДСС—ДДЭ и усиленно допытываются, где скрывается Солдатов... На допросах офицеры КГБ несли обо мне всякую околесицу, будто я вооружен, готовил истребление коммунистов в городе и с детства дал клятву уничтожить советскую власть. Мне было ясно, что меня усиленно ищут, и я буду арестован. Но я не знал тогда, что еще 6 декабря 1974 года по оперативным и следственным данным, председателем КГБ А. Порком и Прокурором ЭССР Киммелем подписан приказ о моем аресте...

С помощью друзей я ночью был перевезен за город и начал жить в особняке близ ст. Кейла в 10 км от Таллина. Здесь я составил свое завещание и текст обращения к западной общественности, направил их за границу... Но вскоре друзья засекли слежку и на станции Кейла. Пришлось тайно переехать на юг Эстонии.

Я скрывался на одиноком лесном хуторе, в 40 км южнее от г. Вильянди, недалеко от городка Мустла и близ оз. Выртсарв. Это было огромное старое здание. Наследники умершего владельца пользовались им лишь летом. Наступили холода. И приходилось ежедневно протапливать огромную печь, благо дров было много... Ночью, после погашения света, комнаты заполнялись полчищами крыс. Не помогал и свет. Просто к крысиному концерту, к их постоянному писку, стрекоту, скрежету и возне добавлялась возможность бесплатно смотреть на их акробатические этюды. Это было довольно любопытно. Я относился к ним по-философски.

Но спать они мне все-таки не давали. А наиболее резвые даже прыгали на одеяло.

Я занимался йогой, ждал курьера и обдумывал план реорганизации уцелевших архивов и передачи дел. Но больше всего мои мысли были обращены к тем трем товарищам, которые сидели в Батарее.

Я много читал об обычаях и нравах ВЧК-НКВД. Конечно, эпоха Сталина прошла, но я вполне допускал, что, обнаружив при обысках радикально-политические материалы, призывающие к свержению советской диктатуры, неосталинисты прибегнут к пыткам. По ночам мои товарищи мерещились мне окровавленными на каменном полу застенков. (Это было ошибкой — прямых пыток КГБ все же применить не решился!) К тому же, я не был уверен в стойкости своих товарищей и опасался, что на следствии они капитулируют, а на процессе сдадутся (Увы! — здесь я был близок к истине. Именно в это время, В., еще даже не арестованный, расскажет все; арестованный К. расскажет тоже все и вдобавок укажет КГБ, где хранится второй, еще не обнаруженный архив; Ю. выразит сожаление, что занимался антисоветской деятельностью, но откажется от показаний и лишь избирательно подтвердит показания свидетелей. Лишь М. не дал ни единого показания.) После обысков, изъятия оборудования и архивов, после арестов и запугиваний, после невозможности появляться в городе под угрозой немедленного ареста — моя подпольная деятельность представилась мне практически невозможной. Оставалось выйти на арену гласной и открытой борьбы.

И во мне созрело решение — я вернусь в семью! Если арестуют — буду бойкотировать следствие, постараюсь выйти на политический процесс, буду содействовать моральной победе над нашими мучителями. Общественность все равно что-нибудь да узнает. А если убьют до суда — значит Божья воля, миссия моя кончилась. Убийство я считал очень вероятным. Скрываться же лишь ради самосохранения — казалось не мужским делом.

И вот, 30 декабря я приехал в Тарту и принял здесь

последние организационные меры. Вечером 31 декабря легковая машина доставила меня в лес, неподалеку от Таллина. Мы погрузили в нее архив. Затем машина направилась в южную Эстонию, а я пошел на квартиру, к Люде, к ее большой радости и к еще большей тревоге — она уже чувствовала, что меня вот-вот должны взять...

Ночью мы справили наш последний Новый год в Таллине... Тогда же я открыл том МСЭ, показал Люде на карте ст. Потьму в Мордовской АССР и отметил карандашом: "Вот сюда сможешь ко мне приезжать". Полушутка оказалась пророческой. Мы были очень ласковы друг к другу. О неминуемом не говорили ничего. Но каждую минуту ожидали громкого стука в дверь. Все-таки КГБ меня еще не взял, и новогодняя ночь прошла спокойно... Вечером следующего дня я пошел в Олайскую церковь, помолился, встретил там своего духовного друга, подарил свой снимок, написал ему что-то на память и попрощался. После церкви, в вечернем сумраке, я пошел к стенам "Батарей". Мрачный главный корпус, залитый мертвенным светом прожекторов, казался вымершим, таил в себе нечто зловещее. Я понимал, что он будет моим "домом" в Новом году. Я не знал лишь, что проведу там почти весь год, если не считать этапа в Москву. Я помолился, мысленно попрощался со своими товарищами, которые уже томились в застенках, и попросил их ждать меня. "До скорой встречи!" крикнул я во весь голос. На вышке кто-то забеспокоился, заговорил, коверкая слова, солдат. Но и на второй день нового года меня все еще не брали. Видимо, еще надеялись хоть что-то да проследить. Вечером 3 января я навестил салон пианистки Хелью Таук, у которой за неделю до этого был обыск... Побеседовали о текущих событиях, попели под ее аккомпанемент рождественские песни. Особенно запомнилась "Священная Ночь"... Хозяева, другие гости и я сам очень хорошо знали, что многие годы мне придется быть гостем одного лишь ГУЛага. Разошлись. По усиленному наряду оперативников за собой я понял, что это произойдет сегодня.

Вернувшись домой, я сказал Люде: "Если будут стучать — открывай!" Я устал ждать... Ее вещее сердце поняло все... Но КГБ все еще медлил. Видимо, запрашивали дополнительный наряд. И вот — за час до полночи! — громкий стук в дверь. Мы с Людой сидели на кухне и пили чай. "Открывай, Люда. Это — они..." Она молча открыла...

В коридор вошли восемь напряженно изготавившихся, дюжих оперативников, с перекошенными от испуга лицами. "Мы из Комитета. Можно поговорить с Сергеем Ивановичем". Выхожу: "Я — Солдатов. Пришли наконец? Восемь вятских на одного". — "Да что вы, Сергей Иванович, с вами хочет говорить наш начальник". — "Так пусть явится сам". — "Но у нас приказ, долг службы". Надеваю пальто. На шею с плачем бросается Люда. Главный чин КГБ сказал: "Не волнуйтесь, мы привезем вашего мужа через пару часов обратно. У нас только короткий разговор". — Говорю Люде: "Нет, любимая, это надолго, если не навсегда. Прощай, дорогая мамочка. Спасибо за все!" Выводят. На лестничной площадке, во дворе, вокруг дома — еще и еще наряды. Подводят к черной "Чайке", садимся. Со мной едут пять оперативников, не считая шофера. Сзади и спереди также едут машины, набитые чекистами.

Такие массовые предосторожности были не случайными. Среди чекистов ходила легенда, что я хорошо вооружен и при аресте могу открыть огонь. Но у меня и в помыслах не было превратить дом в стрелковый тир. Машины ехали медленно. И я последний раз видел ночной Таллин — так полюбившийся мне Линданиса, древний город эстов, немецкий Реваль, русский Ревель и, наконец, Таллин, — от "Таани линн" — датский город. Меня доставили в приемную Председателя КГБ Эстонии А. Порка. И слышно было, как из соседней комнаты, захлебываясь от волнения, докладывали ему об успешно проведенном аресте. Потом капитан КГБ Вайнберг в присутствии понятых произвел обыск, изъял вещи и, наконец, предъявил ордер на арест — цветистую гербовую бумагу со многими печатями и с каллиграфическими, размашистыми подписями высших чинов КГБ и

Прокуратуры Эстонии. Но происходило все, конечно, под общим дирижированием Москвы. Бумага была составлена основательно, аккуратно, любовно, видимо, почти что ритуально. Завершилась семилетняя трудная охота, "зверя" били наповал и торжественно зажаривали на медленном огне.

... Часа в 4 ночи меня доставили в Батарею — в Таллинскую Центральную тюрьму. Первая тюрьма, как первая любовь, никогда не забывается. После оформления документов и приема, меня ввели в "бокс" — голое крохотное помещение, без окон, с разбитой алюминиевой парашей в углу и с лоснящейся от грязи узкой деревянной скамейкой, врытой в цементный пол. Удушливо пахло хлором и аммиаком. Я постелил на пол пальто и лег. Но сон не шел... После шести утра подали кусок хлеба и алюминиевую кружку с кипятком. А в 9 утра ввели в тесную трехместную камеру "Ленинградского корпуса". Двухэтажные железные нары, сваренные воедино; напротив нары — такая же железная койка. В узком проходе между ними — грязный изрезанный столик. В углу полуразбитый "толчок" — уборная камеры, и крохотный жестяной умывальник. Небольшое окно с решетками и с "намордником", чтобы неба синего не видеть. Я бросил выданный мне рваный матрас на верхние нары и начал знакомиться со своими "однокашниками". Один шел по "хулиганке", так как в припадке гнева пробил своему товарищу голову, да еще транзистором. Второе злостное хулиганство уже на его счету. За первое отсидел пять лет — бывалый лагерник. Второй — 22-летний вор, укравший с товарищем 60 пальто из промтоварного склада г. Йыхви. Ну, что ж, тоже особая часть человечества. Послушаем. Познаем и это измерение мира, раз суждено...

Через полчаса всю камеру выводят на прогулку в тюремный двор. Огороженный досками закуток... Наверху по помосту ходит охранник и делает замечания, обильно уснащая их матерщиной. С соседних закутков раздается оживленный мат, выясняют кто с кем сидит, сговариваются,

клянчат сигареты. Не прошло и четверти часа, как уже ведут назад. Так начался мой первый тюремный день...

Теперь уместно поговорить о причинах нашего провала. Еще в июле 1969 г. А. Косырев, подельник Гаврилова, дал КГБ показания обо мне и о моих связях с политической группой. Сыск КГБ не вскрыл моих связей. Но 1972 год оказался урожайным. Показания П. Якира от 11 июля 1972 года. Материалы нашей группы, найденные при аресте Г. Давыдова и В. Петрова из Ленинграда, а также А. Болонкина и В. Балакирева в Москве в 20-ых числах сентября. А связи мои в Эстонии продолжали оставаться загадкой для КГБ... И все-таки КГБ повезло. За одной нашей активисткой ухаживал молодой человек по имени Э. Прий. Она не отвечала ему взаимностью. Дабы отвязаться от него и отвлечь политическими делами, она познакомила его с Ю. А Ю., в нарушение правил предосторожности с непроверенными людьми, тут же начал вербовать его в подпольную организацию. Дело кончилось неудачей. В 1972 году Прий, работая в Таксопарке, был арестован за спекуляцию автодетальями. Находясь в изоляторе, он, видимо, желая облегчить себе наказание, сделал заявление в КГБ. Он указал адрес Ю. и сообщил факт вербовки в антисоветскую организацию. Надо отметить, что КГБ, после этого доноса, занялось нами профессионально и с размахом. Увы — несчастному не помогло его предательство. Через 2 недели он скончался в тюрьме от инфекционного гриппа. Но КГБ были приняты довольно действенные меры. Дом Ю. располагался на окраине города. Напротив, через улицу, в небольшом деревянном доме жила одинокая старушка-пенсионерка. С нее взяли подписку о молчании, хорошо платили и установили в одной из комнат наблюдательно-информационный пункт. Оттуда днем и ночью фиксировался номер каждой машины, останавливающейся у дома Ю., а также каждый человек, входящий и выходящий оттуда. Рацией вызывалась оперативная машина для перехвата и слежки. И при помощи телеобъектива делались фотографии. Но наружное наблюдение КГБ не удовлетворяло. Решили

организовать и внутреннее. И получилось, как говорится, "на славу".

Ю. сначала постоянно, а потом по совместительству, работал в отделе технической информации кирпично-керамического завода. На завод был принят на работу некий упитанный и говорящий с латышским акцентом человек. Разнобразным. Он отличался тем, что во всю крыл советскую власть и скандалил с начальством. За это ему устроили разнос на профсоюзном собрании и, "по желанию трудящихся" нещадно ругающегося и на собрании "антисоветчика" с "позором" уволили. Ю. был членом партии, числился общественником и на собрании обязан был быть. Он клюнул на удочку и заинтересовался "Альбертом", желая его привлечь к делу. Познакомились. "Альберт" начал бывать у Ю. дома и даже оставался ночевать. Лыстил, оказывал услуги, со всем соглашался и стал настоящим "другом" дома. Ю. начал совершать одну ошибку за другой. Давал ему адреса и посылал через него письма нашим друзьям в городе. Направлял его "помощником" в наши фотолаборатории. (К счастью, сам Ю. тоже знал только часть нашей системы.) И, что самое непростительное, начал справлять свои и женины дни рождения, приглашая на них наших активистов. И, конечно, с непременным участием "Альберта".

Нужно ли говорить, что "Альберт" был офицером-оперативником Рижского КГБ.

Но и в ячейке, которую курировал Ю., был полный развал дисциплины. Ведь было строго запрещено справлять семейные торжества с участием активистов подпольного движения! Так нет — тщеславие, беспечность, своеволие и легкомыслие взяли вверх... В итоге, М., К., И. Орумаа, работающая нач. планового отдела Таллинской ТЭЦ и И. Тютрюмов, директор симфонического оркестра театра "Эстония", оказались выявленными КГБ... Не лучше было положение в ячейке, курируемой В. Он страдал периодическими запоями, на что ему неоднократно указывалось. Однажды, в Таллинском ресторане "Кянну-кукк", напившись допьяна, он начал буянить и кричать, что за ним стоит

организация, и в одну ночь они перебьют всех оккупантов. Вызвали милицию, которая сразу связалась с КГБ. Чекисты, конечно, были рады нежданному подарку. Его отпустили, даже извинились. Но в доме напротив его квартиры также установили свой наблюдательный пост. По счастливой случайности мы быстро узнали об этом посте и стали настаивать, чтобы он немедленно убрал бы из дома хранящийся у него архив. Судьба давала ему еще год времени. Но так и неубранный архив целиком достался в руки КГБ в декабре 1974 года.

Ю., в группу которого входили впоследствии арестованный К. и ряд других лиц, вообще игнорировал мои предложения о бдительности, когда я в 300 метрах от его дома обнаружил замаскированную оперативную машину с людьми. "Этому религиозному фанатику с замашками диктатора везде мерещатся чекисты", — иронизировал он до тех пор, пока не оказался в "Батарее", где его же окружение свидетельствовало против него.

Не лучше было и с М. Я заметил, что недалеко от его дома постоянно стоят машины, как правило, с двумя или с одним человеком, по виду дремлющим или читающим книгу. Все было ясно. И в октябре 1974 г. я в ближайшую же ночь предложил ему эвакуировать архив в лес, благо до него было рукой подать. Он беспечно отказался, мотивируя тем, что, по предложению Ю., собирает электрический металлоискатель для нахождения и изъятия винтовок, захороненных неподалеку от города. Судьба дала ему еще полтора месяца, чтобы образумиться. Он же использовал это время для того, чтобы к небрежно хранимому в сарае архиву добавить еще и три ржавые советские винтовки, к тому же, конспирируясь от меня — противника применения оружия как средства борьбы. Правда, свою халатность, глупость и беспечность в тот момент М. искупит мужественным поведением на следствии и суде, отказавшись от всяких показаний.

Словом, тщеславие, халатность, самоуверенность, своеволие, дезорганизация и полный развал дисциплины загубили

ячейки Ю. и В., потянув за собой нас с М. и многих других людей. А КГБ лишь использовал слабости, недостатки и бесконечные ошибки, чтобы наносить удары, хотя делал это с туповатой неповоротливостью...

Была и моя вина. Я все больше погружался в работу над выпуском "Демократа" и "Луча свободы", в составление статей и сборников, в нравственно-просветительскую деятельность, и запускать организационную работу, ослабил товарищеский контроль. Была и конспиративная ошибка. Перед поездкой в Ленинград я спешно изготовил ряд фотоматериалов, а кассету с фильмами запрятал в подвале-кочегарке у Ю. Я торопился, времени не хватало, а надо было бы доставить ее в лес, где она прежде и хранилась. И хоть находилась она в междустенье, глубоко засыпанная толстым слоем щебня и опилок, но в декабре 1974 г. чекисты разобрали стенку и обнаружили там кассету. Техническая потеря была невелика — а все же звено для следствия! Разгром двух ячеек, арест М. и меня, захват оборудования и некоторых архивов были ударами сильными, но не слишком тяжелыми. Но они были усугублены тем, что К. и В. рассказали на следствии все, что знали, а Ю. начал маневрировать. К счастью, они мало знали о всей системе в целом. А не раскрытого тогда, в 1975 году, хватило еще на многие дела, вплоть до участия в организации 5000-ной молодежной демонстрации осенью 1980 года в Таллине и в Тарту, политических процессов 1981 года и попытки организовать регулярный всеобщий получасовой бойкот, начиная с декабря 1981 года. И хватит еще на многое.

Так что главная причина провала — организационное и личное несовершенство некоторых участников нашего дела, в том числе и меня. И во вторую очередь — огромнейшие кадровые и технические возможности КГБ. Для себя же я считаю большим чудом и дарованной свыше победой то, что в течение 8 лет смог вести политическую борьбу и духовную деятельность, оставаясь неуязвимым и недостижимым для КГБ...

Начались концентрированные допросы КГБ. С утра меня

"выдергивали" из камеры и сажали в "стакан" — узкое, тесное и душное пространство в "воронке", в тюремном джипе, где нельзя было даже повернуться. Затем, под усиленным конвоем доставляли в главное здание КГБ Эстонии, на ул. Пагари, 1. А там — в следственный кабинет, где мною занимался следователь майор Пименов и начальник Следственного отдела полковник Леонид Никитин. Иногда следователь приезжал и в тюрьму, пытаясь допрашивать в следственных боксах, в подвальном этаже "Батарей".

Я выбрал простую тактику поведения — полный бойкот следствия. Но это не было немым бойкотом. Моими ответами были — "не знаю", "не помню", "не поясню", "не желаю отвечать". Иногда дополнял идейными декларациями — почему я за устранение советской тоталитарной системы и за установление демократии. Это — записывалось. Я не боялся пыток или бесконечно длинного страшного наказания. Но следователь все-таки умело выводил меня из внутреннего равновесия своей шокирующей осведомленностью. Он начинал выкладывать имена, места и времена встреч, называть обстоятельства и предметы, бывшие и существующие на самом деле. Я понимал, что определенными лицами совершено страшное предательство. И я чувствовал, как краска гнева и стыда заливала мое лицо. Но тем упорнее было мое молчание. "Даже если предадут все — буду стоять один за дело, которое основал", — решил я про себя. Потом следователь мне надоел, и я написал на него и на Следственный отдел КГБ огромную жалобу в Прокуратуру ЭССР с перечислением всех беззаконий следствия. Характерным было, что мне не давали даже Уголовного кодекса ЭССР. Требовал снятия начальника Следственного отдела и замены следователя, привлечения их к уголовной ответственности. Воцарилась грозная пауза. На допросы меня больше не вызывали.

Зато в камеру поселили нового человека. Он был переведен из Елгавского уголовного лагеря. Он заявил, что хорошо знает Дымшица, осужденного по делу "самолетчиков", что он сам летчик-подполковник и осужден за служебное преступление. На самом деле он был приставлен сна-

чала ко мне, а потом к Ю., "наседкой", камерным шпионом. Он громогласно внушал нам, что самое главное — опереться на вооруженные силы. "Армия, Сергей Иванович, армия — вот ключ!" — орал он на всю камеру, заведомо прослушиваемую. Кроме того, предлагал свои услуги по передаче сведений на волю, так как у него скоро кончался срок. И, конечно, просил адреса...

Я годами готовил себя к встрече с "Сатаной". Я ожидал пыток, пожизненного заключения и даже расстрела. Поэтому не утруждал себя размышлениями о защите и не заботился о будущем. Жизнь была кончена, дело сделано. Чего не успел сделать — доделают другие. Надо было лишь достойно прожить остаток отпущенных дней... Но "Сатана" на выдумки хитер.

Грозная пауза, внезапно воцарившаяся после моего заявления, кончилась. И меня вдруг снова "дернули" на допрос. В кабинете у следователя был сам зам. прокурора ЭССР Кесслер и нач. Следственного отдела КГБ ЭССР Никитин. Прокурор, опасливо косясь на чинов КГБ, заявил, что мое требование привлечь к ответственности работников КГБ, неосновательно, так как никаких незаконных действий с их стороны не замечено. А Кодекс ЭССР мне отныне будет выдаваться. Я заявил протест и прокурор, облегченно вздохнув, вышел. "Ну что, добились своего?" — иронически спросил нач. Следотдела Никитин. "Конечно! Убедился, например, что прокурор у вас в кармане. Как, впрочем, и сам закон". — "Все это клевета на органы. А вот о законе, действительно, поговорим подробнее". Логика беседы была проста.

"У ваших друзей нашли документы, призывающие к свержению советской власти, а также боевое оружие. За границу переправлялись материалы, порочащие власть, подстрекающие к расчленению СССР и содержащие государственную тайну. Мы знаем, что именно вы (т. е. я) — заводила этого дела. Да и друзья ваши это подтвердили. А посему статью 68-ю УК ЭССР (антигосударственная агитация и пропаганда) мы переквалифицируем в отношении вас на статью 62-ю (измена родине) "заговор с целью захвата власти" и "пере-

дача государственной тайны иностранному государству". А эта статья предусматривает и смертную казнь...". — "Густо замешано", — откровенно рассмеялся я. Потом перешел на более серьезный тон: "Я — верующий. И жизнь мне не дорога. А быть расстрелянным как глава демократического переворота — это почет, о котором я даже не мечтал. Так что валяйте!" Лица гебистов вытянулись. Затем они начали выкручиваться. Во-первых, расстрел — лишь крайняя мера, которую могут и не применить. Во-вторых, "какой вы верующий — если занялись политикой? В библии говорится — воздай кесарю — кесарево. А вы вот против пошли". В-третьих, "какой там у вас переворот? Пара дюжин свихнувшихся интеллигентов против могучей советской власти... Это все равно, что слону дробина". — "Так что же тогда вам от меня надо?" — "Если вы разумный человек, то перестаньте злостно запираться — материал против вас мы все равно имеем. Раскаетесь и вернетесь к своей Людмиле Ильиничне. Тем более, что ваши друзья уже избрали этот путь". (Имелось в виду поведение В. и К.) — "Да я раньше повешусь на тюремной решетке, чем приду каяться. Кстати, именно вам надо каяться передо мною, а не мне перед вами". — "Нет, за нас — народ. А вы, вот, против народа идете". — "То-то и видно. А кто 20 миллионов народа в могилу загнал?" — "Это буржуазная пропаганда". На этом аудиенцию спешно закончили...

Такого рода перспективы и приемы меня не трогали. И все же ЧК нащупало мое неподготовленное душевное звено. "Сатана" — изощренно изобретателен. А я уже думал, что моя непрерывная двухмесячная прессовка закончилась. Не тут-то было. Через неделю, в начале марта, меня снова доставили в штаб-квартиру КГБ. "Расписываться о переквалификации статьи!" — думал я. Но ошибся. Следовательно еще раз оформил мои нулевые ответы.

"В кибернетике это называется О единиц информации", — усмехнулся следователь". — "С вашим бы образованием, да не в ЧК работать". — "Да вот судьба такая. А у меня для вас новость есть". — "А-а, статейка номер 62?" — "Да нет,

отправляем вас в Москву". И начал звонить куда-то. Пришел все тот же Никитин. "Отправляем вас в институт им. Сербского... на психиатрическую экспертизу". — "Что я — сумасшедший?" — пытаюсь иронизировать. Но в груди у меня что-то оборвалось. "Полечитесь года два-три. Питание — больничное, не то что в лагере. А домой вернетесь — с больного какой же спрос?" "Устраивают "вечную" койку... Превратят в идиота", — мелькнуло в голове. "И вы там скажите, что с детства страдали головными болями... бессонницей. Ведь даже ваша мать это показывает..."

Такой оборот событий был неожиданным. Я чувствовал себя застигнутым врасплох... Но сказал: "Делайте, что хотите... Но помните о расплате..."

В камере "летчик" поведал мне о способах принудительной пункции спинного мозга, при которой люди довольно легко превращаются в идиотов и паралитиков. Это совпадало с моими представлениями о "политической психиатрии". "Покайтесь, Сергей Иванович, и они вас выпустят. Иначе вам хана". Я отмахнулся от непрошенного советчика. Но провел, пожалуй, самую страшную ночь за все годы испытания...

Голгофная ночь на 8 марта... Сон не шел... Значит, ни политического процесса, ни друзей-солагерников... Через годы приведут к Люде желтого, оплывшего, трясущего умалишенного с бредовой речью и скажут: "Вот ваш муж. С трудом, но вылечили".

... Рано утром вывели на прогулку вместе с "летчиком". Душевный кризис достиг предела... Из глаз моих вдруг ручьем хлынули слезы. Уже не таясь, я воздел руки к небу и возроптал: "Господи! Мало тебе моих трудов, мало испытаний! Зачем допускаешь еще отнятие разума?" И вдруг, словно поток света пронзил мое сознание... Мои мысли и чувства почти мгновенно приобрели положительный заряд... Отчаяние сменилось воодушевлением... 'Первых христиан заживо сжигали в смоляных бочках, и они не отчаивались... Мне ли Бог не поможет?... Во-первых, нужно будет поломать аппаратуру для пункции... покорного барана из меня не по-

лучится. Во-вторых, через заключенных дам знать на волю — пусть подымут общественность”. И в душу снова пришел покой.

Не давали покоя лишь физические недуги. На правой лопатке жгучей болью разболелась ”доброкачественная” опухоль. Начиналась температура. Но в понедельник вечером ”выдернули” на ”дальняк” (дальний этап). В таком состоянии меня не имели права отправлять на этап. Однако бывшая тюремная врачиха лишь рукой махнула — видела, дескать, и не таких.

Везли вместе с уголовниками. Сначала в ”воронке”, потом загрузили в тюремный вагон. Утром на Балтийском вокзале г. Ленинграда выгрузили. В предутренней холодной мгле, в сопровождении хмурых автоматчиков и лающих овчарок, повели к машинам. В ”воронках” повезли в ”Кресты” — в центральную тюрьму Ленинграда, на набережной Невы. Два крестообразных главных корпуса. Каждый луч ”креста” имел 999 камер. В царское время это были камеры-одиночки. Меня повели отдельно. К начальству. Зам. начальника тюрьмы лишь развел руками: ”Что? Привели госпреступника? А куда я его дену? Нет у меня ни отдельной, ни малонаселенной камеры. Вся тюрьма переполнена. Ищите сами подходящую”. Повели к начальнику смены. Тот долго рылся в картотеке в поисках ”подходящей”. Потом безнадежно махнул рукой: ”Все переполнены!” И меня привели в одну из бывших одиночек — девятым! Две сдвоенные железные койки, разбитый клозет, духота, страшный запах! На нижних койках и на полу сидят заключенные. Их восемь человек. Если так в каждой камере, то по нехитрому подсчету в тюрьме должно быть — 8000 на 8, то есть 64 тысячи заключенных! Да не может быть! А, впрочем, почему бы и нет? Из ”Крестов”, через сочувствующих заключенных, умудряюсь послать в Таллин письмо с призывом продолжать начатое... Я отдал почти все продукты, хотя нежданные помощники сначала и горячо отказывались. И письмо дошло, как я узнал позднее.

Через три дня меня снова погрузили в тюремный вагон и

привезли в Москву, в Краснопресненскую тюрьму. Здесь отдельная камера все же нашлась.

Еще через три дня за мной приехал конвой КГБ и меня доставили в знаменитую "Лефортовку". Там была сейчас главная тюрьма КГБ. А некогда, еще до Хрущева, она была второй по значению чекистской тюрьмой, после самой Лубянки. В ее подвалах расстреляли многих видных "врагов народа", в том числе, по имеющимся данным, Зиновьева, Ягоду и Ежова. Тюрьма распланирована К-образно. Американская система открытых галерей.

Меня вводят в камеру 13 на первом этаже. Одиночка. Койка, столик, два металлических сидения наглухо привинчены к полу. Кругом могильная тишина. Через каждые несколько минут в глазок камеры заглядывает надзиратель.

Все ясно. Камера для умалишенных.

Скоро меня увозят в "Психоневрологический институт имени Сербского", печально знаменитый филиал КГБ. Но на этот раз "филиал" взбунтовался против "головного" учреждения — меня категорически отказываются принимать. И не потому, что я здоров, а потому, что болен. Принимающие врачи, осмотрев мою гноящуюся, воспаленную спину, измерив температуру, изрекли: "Принять не можем. Необходимо немедленное хирургическое вмешательство!" И гебисты, не солоно хлебавши, приволокли меня обратно в Лефортово. Начальство всполошилось. Но решило вопрос по-соломоновски просто. Вечером молодой прапорщик КГБ ведет меня в санчасть тюрьмы. Недовольная, громко ругающаяся и непрерывно курящая тюремная врачиха предлагает снять рубашку и лечь лицом вниз на кушетку. Роняет на спину несколько морозящих капель, явно экономя препарат. Затем резко погружает скальпель в опухоль. Меня с ног до головы пронизывает нечеловеческая боль. Ведь почти что по живому мясу. Что-то брызнуло на белые халаты, а по спине стекает какой-то горячий ручеек. Прапорщик КГБ бледнеет и ему становится дурно. Операцию прекращают, ему дают успокоительные капли, резко запахло ва-

лерианкой. Я изо всех сил борюсь с обмороком и пытаюсь что-то шутить о слабости чекистских нервов.

Через десять дней, с незажившей раной, снова везут в "филиал". Так вот, принцип бездушного отношения к человеку, даже под видом "помощи", как-то непроизвольно превращается в настоящую пытку.

На этот раз я принят и помещен в 13-е отделение Психоневрологического института им. Сербского с убийцами, ворами, взяточниками, наркоманами и с настоящими сумасшедшими. "Лечащий" врач Табакова, с кучей язвительных вопросов... Рентген головного мозга. Закрепление на "спутнике" с внезапными световыми и звуковыми сигналами из темноты. Ночное наблюдение. Идиотские тесты. Провокационные вопросы. Рядом, в закрытое отделение, доставлен М., тоже за злостное заpiresательство на следствии.

Но и Люда не дремала. Узнав через тайные каналы, что я этапирован в "Сербского", она, сломя голову, понеслась в Москву. Вместе с теперь покойным Димой Леонтьевым она организовала мне передачу и подняла на ноги всю правозащитную общественность. Поднялся шум, посыпались протесты, пошло за границу. И гебистская затея засторопилась. Тем более, что как раз подготавливалось Хельсинкское совещание.

Словом, экспертная комиссия во главе с М. Тальце (говорили, что она дочь Ф. Дзержинского — первого председателя ВЧК) и с печально известным доктором Лунцем признала меня вполне дееспособным, допуская до процесса. Лунц не позволил себе в отношении меня грубостей, а Тальце сказала: "Почему вы так агрессивно к нам относитесь? Мы только врачи. Ведь Буковского мы признали же вменяемым".

Возвращался я по следующему тюремному маршруту: Лефортово-Смоленск-Минск-Вильнюс-Таллин. По дороге открылась и загноилась плохо оперированная опухоль. На мне рубашка была мокрой от гноя. Но напрасно я требовал медпомощи в Минской тюрьме. Нас поместили вчетвером в узкое подвальное помещение, не выдав даже постельных

принадлежностей. Врач так и не появился. Но сжалившийся надзиратель принес рваную, но относительно не грязную тюремную рубашку. Я порвал ее на "бинты" и обмотал, как мог, спину, затем лег животом на ржавые железные прутья койки. Постеленное пальто не уберегало от боли.

Вскоре тут же на этапе озверелая толпа уголовников забрала половину моих жалких продуктов. Но в Вильнюсской тюрьме их главарь, под кличкой "Немец", просидевший более 20 лет за вооруженные ограбления, почувствовал себя неловко перед "политиком", начал каяться "за наше озверение" и принес извинения. Я был тронут. Дабы поощрить столь редкое в уголовно-лагерном мире проявление совести, я отдал ему часть оставшихся продуктов. А он подарил мне крест...

Снова потянулась тоскливая, тюремная жизнь в "Батаре". Пища дрянная и скудная. Медпомощи практически нет. Чтение — две-три советские газеты и одна книга на десять дней из убогой тюремной библиотеки. Были очные ставки с К., В., И. Орумаа и А. Косыревым, на которых я хмуро молчал. Наконец, в августе 1975 года начали закрывать дело. Нам дали возможность ознакомиться с 59 томами нашего дела. 60-ым томом было само обвинительное заключение, развернутое почти на 300 страниц.

Перед закрытием дела со мной пожелал говорить полковник КГБ Леонид Никитин: "Вы остаетесь на прежней позиции?" — "А что ее может изменить? Конечно". — "Надо было сесть вам еще в 1969 г., когда я вас допрашивал. Сейчас бы уже выходили". — "Зато сколько полезных и добрых дел я успел сделать за эти семь лет!" — "Да, натворили много", — криво ухмыльнулся Никитин. Затем поворошил лежащие на столе тома нашего дела, показал приклеенные фотографии моих подельников и меня самого.

"Вот оформляю дело на вашу братию-демократию. Замучился. Ваша фотография пойдет первой. Мысль — начало всего. Мозг есть мозг. Как у вас там в священном писании, сначала было слово... а потом дело", — и, довольный остроотой, засмеялся. Я понял лишь одно — меня пускают "паро-

возом" (первым по делу). Годится. Вытянем. Но маленький должок вернуть надо: "А как знать, может быть и мне еще придется оформлять дело на вас? Ведь в Писании говорится и то, что неисповедимы пути Господни". Шутник сразу стал серьезным: "Не надейтесь. Советская власть крепка". — "Посмотрим. Время покажет". На том и расстались.

По окончании следствия я подробно ознакомился с делом. И, несмотря на бешеные угрозы чекистов принудительно сократить время ознакомления, я затратил на это три недели. Меня удивляло, что моим подельникам почему-то хватило и недели. Ведь это дело было тем сказочным, волшебным блюдцем, через которое были ясно видны сила и слабость сотен людей, знакомых и незнакомых, перед напором сатанинским. Ничто так полно не проявляет человека, как его поведение перед лицом всемогущих, почти превращенных в идола карательных сил... В этом "деле" раскрывались и темная бездна, и высокое небо человеческой души...

При закрытии дела, здесь же в КГБ, ко мне подвели человека с блудливо бегающими глазами. "Это — ваш защитник, лучший адвокат Эстонии Гликман", — насмешливо отрекомендовал Никитин. Я не прогнал Гликмана потому, что надеялся кое-что узнать и кое-что передать Люде. Но "защитник" оказался до того трусливым и мелко-подонистым человеком, что я тут же из тюрьмы сделал заявление с требованием убрать его от меня подальше. "Я сам буду защищаться и не нуждаюсь в помощниках" — был лейт-мотив моего заявления.

Сессия Верховного суда ЭССР по нашему делу началась 20 октября 1975 года и продолжалась почти 12 дней. Формально суд был открытым. Но в 100-местном зале приблизительно 85—90 мест занимали сотрудники аппарата КГБ и партийные чиновники. Судьей был некий Афанасьев. Хотя давно было принято решение судебной коллегии, но Гликман все же явился на суд. Он даже умудрился выудить "аванс" у Люды, пользуясь ее неосведомленностью. Видимо желание погреть руки на моем несчастье не давало ему покоя. Я немедленно потребовал удаления его из зала, что суд

и сделал. Затем и другие стали отказываться от своих адвокатов. Мы с М. сделали также отвод составу Судебной коллегии Верховного Суда из-за членства в КПСС. Это ходатайство, конечно, удовлетворено не было. Потянулась судебная комедия, развязка которой была предрешена за много месяцев до суда... Много свидетелей обвинения не явилось, представив липовые медицинские справки. Другие стали давать на суде более беззубые и нейтральные показания, чем на следствии. Все-таки стыдно было этим горе-свидетелям перед людьми...

Даже "Доноситель", доказывавший чекистам и судьям, как я распространял "Программу ДДСС" и выпускал "Демократ Эстонии", во время перерыва между судебными заседаниями расплакался на плече у моей жены... Прокурор Кесслер потребовал в своей насквозь клеветнической обвинительной речи мне и М. по 10 лет лишения свободы, К. — 4 года, Ю. — 3 года и В. — 3 года условно.

Такая раскладка отражала план расправы КГБ со всеми нами. У М. нашли архив и оружие, против него подобрали многих свидетелей. У меня не нашли ничего и свидетелей было кот наплакал. Но равные и высшие сроки наказания предполагались нам обоим. Это говорило о том, что меня судили не по юридически доказанному материалу, а по оперативным данным. К. сдал два архива, до закрытия дела сотрудничал со следствием и помогал раскрыть многие тайны движения. Но после закрытия дела проявил вдруг твердость, отказался письменно от всех своих прежних показаний. Поэтому и 4 года. В. шел рука об руку со следствием до конца и получал условно. Некоторое затруднение возникает с Ю. Он избирательно подтвердил ряд показаний свидетелей, встречался с председателем КГБ Эстонии Порком во время следствия. Но в то же время ни на кого не дал "посадочных" показаний... В своих выступлениях после речи прокурора В. раскаялся полностью, К. отказался от всех своих откровенных показаний, данных на следствии, и принес извинения лицам, которые из-за них пострадали. Ю. хоть и заявил, что "до дня ареста был коммунистом, а

в тюрьме сделался демократом” и ”что в дальнейшем отойдет от движения”, но в то же время провел ряд атак на условия содержания в тюрьме, на обращение конвоя и на несправедливый суд. М. твердо держался на своем, не давая никаких показаний и на суде. Я изложил свою идеологию, указал на ненасильственность применяемых средств во имя великих целей — демократизации и морализации общества, достижения двуединого идеала Свободы и Любви. Приговор Верховного суда объявили 1 ноября 1975 года. В. получил 3 года условно, как и требовал прокурор. К. за отказ от прежних показаний и публичное извинение перед пострадавшими вместо 4 дали 5 лет. А Ю. за рассказ об условиях содержания и плохом обращении вместо 3 лет дали тоже 5. Нам же с М., хотя за все время следствия и суда мы и пальцем не шевельнули для облегчения своего положения, а на суде изложили свою идейно-политическую платформу, неожиданно вместо 10 лет дали по 6. Причиной тому, видимо, были Хельсинкские соглашения, заключенные 3 месяца тому назад в финляндской столице, расположенной в 90 км от Таллина. Провозглашая и начиная эпоху разрядки напряженности, власти побаивались давать максимальные сроки людям первой судимости. Тем более, что канцелярия Верховного суда Эстонии была завалена многочисленными письмами и телеграммами протеста, в том числе и из-за границы...

И вот, на 11 месяце заключения, после суда, разрешили, наконец, получить и написать первое письмо домой, а потом и встретиться на несколько минут с Людмилой. Это было намного важнее всех их судов и приговоров.

Потом потянулись тоскливые дни ожидания этапа в лагерь. Мучил вопрос — куда? На родину пермяков или мордвинцев? Наконец, где-то в середине декабря, начался изнурительный этап в глубинные районы СССР. Первая пересыльная тюрьма — во Пскове, в древнем русском городе, бывшем оплоте ”вечевой” демократии. Продолговатая, душная и обшарпанная тюремная камера, в которой набилось более полусотни уголовников. Шум, гам, изощренная ругань, озве-

рельный мат. Но матерщиной не ограничивается. То тут, то там вспыхивают кровавые драки. На нарах давно уже нет места. Они стали недосыгаемым видом комфорта. И давно уже взяты с бою обладателями крепких кулаков и тайно пронесенных ножей. Мы, то есть все остальные, лежим вполвалку на выщербленном, холодном каменном полу, на лоснящихся от грязи и обовшивленных матрасиках. Лежим, не снимая верхней одежды, а вместо подушки — мешок с убогим арестантским скарбом под головой. Чувствую, что все мое тело чешется, как будто я лежу на муравейнике. Время от времени встаем, переступаем через тела друг друга и идем в угол, справлять естественные надобности...

Да-а, прекрасное Рождество устроили нам шумливые трубадуры и велеречивые проповедники "социальной правды", "социалистической гуманности" и "братства трудящихся"!...

В определенные часы приносят по куску кислого и сырого хлеба, миску пустых щей или порцию пресной пшенной каши. Но ни у кого нет аппетита.

Неискушенному человеку трудно представить, что значит целую неделю почти что неподвижно пролежать на полу — не раздеваясь, не умываясь, в невероятной грязи и в безнадёжной борьбе с кровожадными насекомыми...

Следующая — Ярославская тюрьма. Попадаем туда как раз в канун Нового года. Нас двух, как "политиков", бросают в крохотную угловую камеру. Соблюли все-таки статус "государственных".

Поздно вечером из тюремного двора доносится адский крик и пронзительный свист. По этим признакам догадываемся, что наступил Новый, 1976 год. В кармане моего пальто чудом завалялась слипшаяся карамель. Делюсь ею с товарищем по камере. Запиваем глотком кипятка из алюминиевых кружек — и новогодний пир закончен...

Далее, Горьковская пересылка — единственная относительно чистая тюрьма... Затем Рузаевская и Потьминская пересылки. Везде одно и то же — грязь, скудная пища, отсутствие медпомощи. Но уже с Горького начинаю чувство-

вать, что ко мне как к "государственному", надзиратели относятся даже с некоторым оттенком подобострастия. Извечная дорога политзаключенных с северо-запада страны. Видимо, не раз они отстаивали в этих адских лабиринтах свое человеческое достоинство... Скоро погружают в тюремный вагон поезда, ходящего по узкоколейке...

На станции Явас встречает очередной конвой, с автоматами наперевес и с грозно лающими овчарками. Привозят в пос. Озерный, доставляют на проходную лагеря № 17-а Zubovo-Полянского района Мордовской АССР. Обыск, изъятие вещей, переодевание в робу заключенного — и я на лагерном дворе. Меня уже ждут "свои", быстро знакомимся, короткое интервью — и я принят в лагерную братию. Через несколько часов, случайно открыв свою тумбочку, вижу, что она набита немудреными арестантскими продуктами. Горячо протестую. Ноль внимания. Но таинственно сообщают: "По случаю твоего приезда вечером будет банкет у Пятраса. Смотри, без опоздания!" Подчиняюсь и думаю: а кто же этот Пятрас? Вечером, милый в общении, хотя по-человечески часто очень непостижимый, Миша Хейфец подводит меня к высокому худощавому человеку с твердым, но и немного грустным взглядом больших серых глаз, и говорит: "Знакомься! Это Пятрас Казимирович, литовский патриот. Сидит почти с конца войны".

Что..о..о? Остолбенев на несколько мгновений, не веря своим ушам и глазам, изумленно смотрю на моего нового знакомого. Ведь с конца войны прошло более тридцати лет! Потом порывисто жму ему руку. Рассаживаемся все на его кровати. Перед нами табуретки вместо стола. На них бесценные сокровища зэка: маргарин, хлеб, чай, немного конфет. Начинается скромное застолье. Все больше приглядываюсь к Пятрасу Казимировичу. Передо мной человек, никого не подавляющий своим авторитетом и никому не навязывающий своего мнения, человек умный, скромный, деликатный, не лишенный мягкого юмора. Но, видимо, очень твердый и непреклонный в своих принципах. В дальнейшем узнаю, что Пятрас Казимирович был в лагере своего

рода негласным "Красным Крестом", организовывал помощь нуждающимся зэкам-больным, лишенным ларька, прибывшим с этапа, и так далее.

Позднее судьба разлучила нас с Пятрасом Казимировичем. Меня перевели в лагерь № 19, а его в пятую зону. При временном закрытии пятой зоны ее контингент был в августе 1976 года переведен в 19-ый лагерь, и тогда мы снова встретились с Пятрасом Казимировичем, чтобы уже не расставаться до самой осени 1980 года. За эти годы мы подружились еще больше.

Расскажу о некоторых чертах его характера и событиях его жизни: Несмотря на свой преклонный возраст, он систематически совершенствовал свои знания итальянского языка. Каждый вечер, после работы, его можно было видеть или за чтением литовских книг, или за чтением итальянских текстов. Он имел ряд книг на итальянском языке, а также несколько номеров "Унита", полученных от других. Своим умением читать нетрудные итальянские тексты я обязан именно ему.

Каждую среду, уединившись от других, мы устраивали долгое чаепитие. Он делился тогда всем, что у него накопилось на душе. Я, разумеется, отвечал ему тем же. Он рассказывал про свою жизнь, волновался за судьбу Литвы, за судьбу большой восточной страны, выражал горечь по поводу дел на Западе. Переживал за литовских патриотов Гаяускаса, Пяткуса, Яшкунаса, Симутиса, Лапиениса, Гимбутаса, Сташайтиса и многих, многих других. Но особенно тревожился он за находящуюся в ссылке Нийоле Садунайте, письма от которой приходили к нам обоим. Ему казалось, что местные сатрапы и их подручные способны причинить любую обиду, совершить любое насилие над бесстрашной, но одинокой там, литовской патриоткой. К счастью все обошлось... Было видно, что, несмотря на тяжелые условия, он всем сердцем живет интересами своей литовской родины. Ему были свойственны светлый исторический оптимизм и глубокая вера в Божий Промысел. Он очень любил живую природу, растения и особенно цветы. После долгих конфликтов и

скандалов с лагерной администрацией, он настоял на своем и за баракком засеял щавелем маленький участок, позволяя пользоваться и другим. Под окнами санчасти, где всегда лежали больные, он развел несколько грядок с яркими и красивыми цветами. Сказывалась унаследованная от предков любовь к земле и к крестьянскому труду. С моей легкой руки эти несколько гряд стали называть "президентским садом". И это — не случайно! Не хочу вмешиваться в литовские внутренние дела... но если бы литовские друзья спросили меня — кто достоин быть Президентом Свободной Литвы? — то я ответил бы: Пятрас Паулайтис. Аргументом в его пользу является вся его жизнь.

Февраль 1976 года. Жестокая, морозная зима. Первые недели в Мордовском политлагере № 17-а. Впереди было без малого три сотни недель неволи, предначертанных мне "обнаженным мечом пролетариата" — КГБ и "гуманным, пролетарским" Верховным судом Эстонской ССР. Серые, лагерные будни, хотя и насыщенные событиями...

Вдруг молниеносно разносится весть: "Паруйра привезли!.. Уже шмонают на вахте". Бросаем работу и гурьбой бежим в направлении вахты, насколько позволяет колючая проволока. Вахта, как обычно, отгорожена от рабочей зоны. Останавливаемся. Слышим грубые голоса надзирателей. Но их перекрывает чей-то гневный и сильный баритон. "Это — Паруйр. Дает им очередной урок права", — поясняет кто-то. Видимо, пытаются отнять обрывок газеты или снять нательный крест. Выкрикиваем угрозы в адрес мучителей. Но все же приходится разойтись — мороз лютый, да и держать его будут долго, назло, до самого вечера. "Какой железный характер! Едва привезли из тюрьмы, а он уже снова рвется в бой!" — думаю про себя. Дело в том, что его только что привезли из лагерной тюрьмы, из так называемого ПКТ, где он отбывал многомесячный — не первый и — увы! — далеко не последний срок наказания. Условия известные — глухая изоляция, сырая камера, полуголодный паек, зверский холод; да еще обрабатывай деревянные футляры для

часов. А то и горячего не дадут, будут морить в карцерах. А произошло все так: Паруйр был организатором и инициатором большого числа правозащитных акций в лагере. КГБ и администрация со своей стороны окружали его, так сказать, "повышенным вниманием". С этой целью, к нему был даже подселен соглядатай КГБ, по фамилии Ломакин. Тогда Паруйр перешел на новое спальное место. Но не тут-то было. Новоявленный "Рихард Зорге" тотчас же переселился туда же и буквально начал ходить за ним по пятам. Кончилось тем, что настырный персональный шпион получил взбучку, а Паруйр отправился в тюремную камеру...

Как бы то ни было, к исходу упомянутого дня меня подводят к красивому, хорошо сложенному армянину, с бледным и осунувшимся после ПКТ лицом. Его карие глаза смотрели смело и испытующе. "Привэт. Слышал. Сколько дали?" — кратко осведомился он. "Шестерик. Но надеюсь, они на этом не остановятся..." — говорю. — "Мы сильнее их сроков. Поздравляю со вступлением в лагерную семью". — "Спасибо, Паруйр", — отвечаю растроганно...

Уже через две-три недели начальник лагеря Зиненко зачитывает мне постановление, составленное в косных, бюрократических выражениях: ... "За организацию демонстрации в момент этапирования осужденного П. Айрикяна лишить права приобретения продуктов питания сроком на один месяц". Да, по правде сказать, и демонстрации то никакой не было... Просто Паруйра уводили в очередной карцер, приводившись к какой-то мелочи. А я, со ступенек крыльца рабочего барака, кричал ему вслед что-то одобрительное и поносил произвол администрации. Подоспевшие ребята, естественно, делали то же. "Начиная так, вы никогда не кончите вашего срока", — зловеще шипит Зиненко. — "Зато вы скоро кончитесь, а наше время начнется", — пророчу я ему в ответ. Грозный "владыка" меняется в лице...

Ну что ж, первое боевое крещение в лагере принято. И боевым "крестным отцом" судьба назначила мне Паруйра Айрикяна — борца и ветерана борьбы за свободу. Это радует. Чувствую прилив новых сил. Наши пути не скоро пересе-

секутся. Мне еще суждено будет получить свою долю карцеров, и я буду брошен в лагерь № 19. А Паруйр окажется в лагере № 3—5. Но он еще тогда успел оставить неизгладимый след в моей душе...

Паруйру Айриkyану был всего лишь 21 год, когда он первый раз предстал перед советским судом в Армении. Вместе с ним судили группу армянских патриотов. За участие в деятельности Армянской Национальной Объединенной Партии, за распространение ее Программы и Устава, а также органа АНОП "Парос", в переводе "Маяк", за подпольную радиопередачу в день армянского геноцида 24 апреля 1969 года, за требование возвращения армянских исторических земель, включенных в состав Азербайджана и отданных Турции по воле советских империалистов, за требование независимости Армении и многое другое, он был приговорен к 4 годам заключения. Сроки получили также и его товарищи. После отбытия срока — административный надзор, повторное осуждение, бесконечные преследования. И, наконец, в 1974 году его судил Верховный суд Армянской ССР и приговорил к 7 годам заключения и к 3 годам ссылки. На суде Паруйр держался исключительно мужественно и закончил свою яркую речь словами: "Да здравствует независимая Армения!"... Когда мы встретились в лагере, я был на 15 лет старше его, но он — уже бывалый лагерник, а я — лишь неопытный новичок, и общение с ним обогащало и мой опыт, и мои знания. Бросались в глаза его горячая любовь к своему народу, искренняя горечь по поводу постигших его несчастий, глубокое уважение к национальным святыням...

...Ярким событием в моей лагерной жизни было знакомство с неповторимым и незабываемым Василем Стусом, украинским политзаключенным. Это был замечательный поэт и пламенный борец за национальную свободу, очень обаятельный и искренне верующий человек. Вскоре мы стали близкими друзьями. Мое отношение к нему было восторженным. Я прозвал его "гетманом". Мысленно я всегда воображал его на горячем вороном коне, в золотом шлеме и в боевых доспехах, со сверкающей саблей в руке и

ведущим в смертный бой храбрые казацкие полки ... Наш общий друг и летописец, Миша Хейфец, посвятил ему подробный очерк: "В украинской поэзии теперь большего нет"... (см. журнал "Сучасність" № 247—248 за 1981 год). Я полностью присоединяюсь ко всему тому, что сказано о Василе... Хочу лишь добавить и подчеркнуть, что "стусовский феномен" имеет не только литературное и политическое значение, но также особую нравственную и духовную ценность. Ему были свойственны нравственная чистота и бескомпромиссность, которые всегда сопровождаются жертвенностью. А жертвенность есть обреченность на мученичество. Но помимо светлого нравственного примера для всех нас, украинский народ выдвинул в его лице глубокого религиозного мыслителя, выдающегося философа. Золотые искры его постижений разбросаны по многочисленным строчкам его поэтических произведений...

Вообще украинские политзаключенные представляли собой наиболее многочисленную этническую группу в лагере, приблизительно 40% от общего числа обитателей лагеря. Были они людьми темпераментными и многострадальными, горячо любящими свой народ. Но чувство справедливости воспринимало и некоторую догматическую трактовку истории и уж как-то мало оставалось места в их будущих политических моделях народам польскому, русскому и даже крымско-татарскому. История гражданской войны 1918—20 гг. рисовалась ими в строгих и бескомпромиссных, черно-белых цветах: Россия — жестокий завоеватель и палач, Украина — безвинная жертва и страдальца. А между тем, в самом 40-миллионном украинском народе того времени должны были крыться определенная слабость и недостаток стремлений к независимости, что она так легко стала жертвой советской оккупации. Отстоял же эстонский народ свою независимость в то же время и при более невыгодном соотношении сил, приблизительно 1 к 100!

Вскоре, в конце апреля 1976 года, за фактический отказ от работы и правозащитные акции, я был брошен на две недели в ШИЗО или попросту — в карцер. Вконец истощенного

пытками холодом и голодом, меня, в начале мая, снова доставили на 17-ый. На вахте лагеря принимающий наряд пытался снять с меня самодельный нательный крест. Я оказал физическое сопротивление. Вызвали по телефону начальника лагеря Зиненко... "Что, мало вам карцера?" — зловеще начал он. — "Если мало — добавьте. А креста не отдам". Пришлось, во избежание нового скандала, впустить меня в зону, и с крестом...

Через пару дней Василя вдруг "дернули" на больницу. У него была язва желудка, от приступов которой он по ночам протяжно стонал...

Перед этапом ему запретили брать с собой сборник фрагментов древнегреческих писателей-стоиков. Он отказался ехать в больницу. Тогда ему надели на руки "браслеты" (наручники) и повезли насильно. Мы остолбенело смотрели друг на друга... Больному украинскому поэту... за античную прозу... железные наручники. Боже мой! В Европе... в конце XX века. Да не сон ли это?..

Вскоре и меня отправили в больницу, уступая энергичным хлопотам Людмилы. Но всего лишь на неделю. Там состоялось мое интересное знакомство с А. Болонкиным. И мне очень жаль, что такой незаурядный и многострадальный человек, как Саня, в 1982 году не выдержал всех испытаний, выпавших ему на долю.

Едва я вернулся в лагерь, как был отправлен на новый этап. Меня перевели в лагерь № 19, в пос. Лесной. Первым, кого я увидел из его обитателей, были лукаво-обаятельный Боб Пэнсон и нервно порывистый Мишель Коренблит, активисты сионистского движения. Я прозвал первого — "деловой гений", а второго — "глава заговора". Они вошли в штабной барак, где только что закончился мой обыск. Первым ринулся ко мне Мишель: "Вы — Солдатов, да? Я — Коренблит. Сколько дали?" — "Всего лишь шесть". — "О-о, да вы — серьезный человек!" И, оглянувшись налево, оглянувшись направо, он вдруг нагнулся к моему уху и трагически прошептал: "Ради всемогущего Бога, не ссорьтесь с Машкой!" И стремглав бросился к выходу. Я от изумления и

рта не успел раскрыть. "Машкой", страшнее которой зверя нет, оказалась пожилая, грубоватая надзирательница, ведающая раздачей бандеролей и комнатами для свиданий.

В отличие от Миши Хейфеца, одобрявшего деятельность и цели демократов страны, Боб и Мишель стояли на узко и чисто сионистских позициях. К замыслам и усилиям демократов создать свободное российское государство они относились насмешливо и недоброжелательно, пророчили одни лишь неудачи и поражения. Чувствовалось, что советское тоталитарное государство их вполне устраивает, если оно будет свободно выпускать всех, кто желает эмигрировать в Израиль.

Попутно хочу заметить, что часто жалуются на устойчивость чувств национальной ненависти среди народов. Считаю, что против "антисемитизма", "антиславянизма", "антигерманизма", "руссофобии" и других видов народа-фобий есть единственно верное и спасительное средство — начать нравственное возрождение своих народов, до которого пока, к сожалению, еще далеко!

Помимо этих забавных и неплохих ребят, я в тот же день познакомился с Володей Осиповым, бывшим редактором независимых русских журналов "Вече" и "Земля". Эта встреча тоже была незабываемой. Идеологически нас разделяла целая пропасть. Он считал, что величие России в утверждении силы над пространством, в опеке над народами, в усилении православия в людях. Я же полагал его в утверждении правды на Земле, в освобождении подопечных народов и в усилении Любви в людях.

В его политических воззрениях, к сожалению, благо и законные интересы других народов, а значит и почти всего человечества, заслонялись благополучием и счастьем для одного лишь русского народа, который при всем том составляет не более 3% всего человечества. Такая теория исключительного, одноплеменного блага обедняла в моих глазах ценность его политического и морального мировоззрения ровно на 97%.

Вот почему ни одна, чисто националистическая точка зре-

ния меня никогда и ни у одного народа не удовлетворяла. Путь народа без народов, путь человека без человечества, представляется мне, обреченно ведет, если не обязательно в пропасть, то непременно в болото... Не узкая любовь, но всеобщая справедливость призвана править миром.

Но мы никогда не пытались переубедить друг друга. Каждый оставался при своем. Нас сближало другое. Оба мы были верующими и оба мы боролись с лагерной и с советской администрацией, отстаивая свои права и свое достоинство. И в лице Осипова я всегда имел надежного боевого товарища, на протяжении всего лагерного срока. И хочу скромно надеяться, что и он во мне. Мы вместе ни разу не сходили на политзанятия, открыто и полностью их бойкотируя, организовывали акции, участвовали в голодовках, сидели по карцерам, советовались по всем важнейшим вопросам. В общем, "стреляли в шерифов"... Но мне порой казалось, что получи он верховную власть в стране, я тотчас же оказался бы в парижской или мюнхенской эмиграции. Сажать своего старого товарища и солагерника он, конечно, никогда бы не согласился. И тем не менее...

Я сохранил большое уважение к нему и как к стойкому и мужественному борцу за свои идеалы, и как к надежному в борьбе и решительному в действиях человеку.

В конце 1976 года В. Лысенко, М. Хейфец, А. Аршакян и я были внезапно отправлены в тюрьму КГБ, находящуюся в Саранске — столице Мордовии. Нас распределили по два человека на камеру. Тюрьма использовалась КГБ для проведения следствия по "госпреступлениям" над заключенными и гражданами МАССР, а также для так называемой "профилактики" в отношении политзаключенных.

Тюрьма как тюрьма. Но здесь разрешалось получать тюремные передачи-посылки, можно было добиться некоторой медпомощи, да и библиотека была чуть лучше, чем в лагере. С моей склонностью читать и размышлять я всегда предпочитал тюрьму принудительному труду и унижительному, назойливому режиму в лагере... Это понимал и КГБ. И во Владимирскую тюрьму меня не отправлял...

Тогда многие мои сокамерники ломали голову о причинах моего скорого и чрезвычайного этапа. Загадкой он был и для меня. Но скоро она разрешилась. Этап был связан с несчастной судьбой моего единственного сына Александра. О нем я хочу рассказать подробнее.

Мой сын родился в г. Таллине, рос в Эстонии, учился в школе, по молодости лет участия в моей политической и правозащитной деятельности тех лет не принимал. Однако время от времени оказывал определенную помощь. После моего ареста в январе 1975 года Александр был хорошей опорой в семье. В связи с моим арестом, в силу материальных трудностей, он в 16 лет вынужден был пойти на работу грузчиком склада Текстильторга, т. к. на остальные работы из-за несовершеннолетия его не брали. Одновременно он начал учиться в 9-ом классе вечерней школы. И не ведала юная душа его, что уже определено ему сыграть свою роль в зловещих планах всемогущей власти.

26 августа 1976 года на 10-й день совершеннолетия и за четыре дня до начала учебного года, ему позвонил знакомый по вечерней школе, ранее судимый и досрочно освобожденный. Под предлогом, что с Александром хочет поговорить человек, знающий по заключению отца, он был вызван на улицу. Затем, покружившись по улицам вечернего Таллина, Александра подвели в назначенный час в определенное место города. И там эти двое внезапно с кулаками напали на прохожего. Изумленный Александр остался стоять на месте, а потом, видя, что дело может пойти далеко, бросился их разнимать. В тот же миг из-за угла дома рванулась уже стоявшая здесь оперативная машина с милиционерами и лицом в штатском.

Плохо шла следственная версия против ни в чем не повинного юноши. Сначала его обрабатывал следователь — не помогло! Александр держался дерзко или замкнуто. Тогда его бросили в особую пресс-камеру со специально нанятыми подонками-уголовниками. Избили его, сломали кость правой руки, сделав полукалекой. Как будто помогло! На суде Александр не решился разоблачить незаконные методы

следствия, хотя виновным себя и не признал. Пять лет усиленного режима — был приговор суда. Юноше, первый раз судимому, без доказанного состава преступления и за дело, в котором он не участвовал! Во всю трудится телевидение и радио ЭССР, обычно не любящие открывать дверь на кухню советского судопроизводства. Справедливости ради следует сказать, что в этой драме сыграли роковую роль и крупные личные недостатки Александра. КГБ лишь это использовал.

И не просохли еще чернила на его приговоре, когда в Саранской спецтюрьме мне сделали предложение: сделать заявление с осуждением своей прежней деятельности и с отказом от борьбы с советским государством, от участия в демократическом движении. За это я получил бы свободу практически немедленно, а мой сын — с половины отбытого срока наказания. Так вот — возьми и получай! — "полторы свободы" сразу, как шутили потом мои сокамерники. Стоит упомянуть, что моим практическим ответом было участие в организации и проведении 100-дневной забастовки, которая произошла после возвращения из Саранска в лагерь, то есть с 19 апреля 1977 года.

Ловкая судебная инсценировка на время заворожила даже самые скептические по отношению к власти умы. Но правда побеждает! И вскоре правозащитная общественность СССР и "Хроника текущих событий" взяли Александра под свою защиту. Распространение информации о деле Александра в стране и за рубежом было для власти фактом неприятным. И не знаю, по этой ли причине или нет, но в том же 1977 году в системе Эстонского ГУЛага произошло беспрецедентное событие: были сняты — начальник Таллинской тюрьмы полковник Лаксберг и зам. по режиму подполковник Волков, а на закрытом суде осуждены на 5 лет лишения свободы зам. по оперативной работе майор Горбачев и его помощник ст. лейт. Емельянов.

Еще позднее моя жена Людмила была вызвана в Прокуратуру ЭССР и допрошена в присутствии лица из КГБ. Ей был задан вопрос: "не она ли распространяет клевету на советские административные и правосудные органы?"

В ответ на ее отказ разговаривать было заявлено, что если установят ее причастие, то будет возбуждено уголовное дело о клевете.

Казалось бы, дело Александра должно было бы на этом заглохнуть. Но, видимо, больная совесть или уязвленный престиж все еще не давали покоя властям. И вот весной 1980 года в Вазалемском лагере Александр вдруг был "допрошен" по делу Т. М. Великановой. В августе того же года он был доставлен в Москву, в Лефортовскую тюрьму, а затем и на процесс Великановой.

На этот раз власти уже не пытались использовать Александра как средство давления против отца. Однако очевидной стала попытка властей с его косвенной помощью опорочить объективность "Хроники" и доказать ее клеветнический характер. Но кривые пути до добра не доводят! Спектакль провалился и на этот раз. Александр не произнес ни одного угодного для суда слова. Наоборот, он убедительно со всей ясностью показал, что т. н. "весенние показания", не скрепленные даже его подписью, являются плодом чистой фантазии следователя.

Весной 1981 года власти организовали нам с женой, через несколько месяцев после моего выхода из заключения, добровольно-видную высылку, хотя мы никогда не заявляли о желании выехать из страны.

Власти почему-то очень и очень спешили. Все наши протесты и требования дать нам возможность дожждаться хотя бы выхода сына, т. е. остаться в СССР до 26 августа, были оставлены без внимания. Тогда мы предложили прописать временно, на полгода, в нашей квартире человека, который дождался бы сына, или забронировать площадь до августа. Но и в этом нам было категорически отказано.

Власти дали, однако, "твердые" многословные заверения в том, что по закону о воссоединении семей нашему сыну будет разрешено немедленно выехать.

...Чтобы коснуться событий, начавшихся после моего возвращения из Саранской тюрьмы КГБ весной 1977 года, следует вернуться к концу предыдущего года...

Политлагерь № 19 в Мордовии. Холодное декабрьское утро 1976 г. Встречаем этап, прибывший из центральной больницы пос. Барашево. Среди других — наш товарищ, латышский политзаключенный 22-летний Майгонис Равиныш.

Чуть позднее он таинственно отводит меня в сторону, за барак и вручает мне "ксиву" — секретный пакет от Вячеслава Черновила.

Вскрываю пакет и с трудом пытаюсь разобрать неясный текст. Скоро становится понятным, что у меня в руках документ "Статус политзаключенного СССР", составленный Вячеславом и его соавторами, в числе которых был и Э. Кузнецов.

Документ содержит международно признанные нормы содержания политзаключенных: добровольность труда, содержание и этапирование отдельно от уголовных преступников (воров, убийц и т. д.), возможность встреч с представителями общественности, прессы и правозащиты, удовлетворительное медицинское обслуживание, нормальные условия для самообразования и религиозной жизни, недопустимость стрижки волос наголо, ежедневных унижительных обысков, процедур проверки, ношения нагрудных знаков, навязчивой идеологической обработки, полной изоляции от внешнего мира, цензурного террора и фактического запрета умственной и творческой деятельности.

Документ, несмотря на отдельные недочеты, замечательный. В дальнейшем, т. е. 17 января 1977 г., Вячеслав направит его в Президиум Верховного Совета СССР с предложением осуществить его. Но ответа, как и следовало ожидать, он так никогда и не получил.

Тогда я попросил группу доверенных ребят (Симутис, Хейфец, Овсиенко, Равиныш и др.) переписать и размножить документ.

Не успели еще закончить намеченное, как меня срочным этапом отправили до марта 1977 г. в спецтюрьму КГБ в г. Саранск.

И вот сама судьба сводит меня с Вячеславом Черновилем. В марте 1977 г. мы попадаем на 1,5 часа в один "воро-

нок", т. е. автомашину, оборудованную под маленькую тюрьму на колесах. Я возвращался в лагерь № 19 из Саранска, а Славко везли в лагерную тюрьму (ПКТ), примыкающую к нашей зоне.

Славко направляли в ПКТ формально за поломку станка, а в действительности же за то, что с января 1977 г. индивидуально, в явочном порядке, он стал на "Статус политзаключенного СССР". Он отказался подчиняться лагерным порядкам, унижающим достоинство политзаключенного, вплоть до окончания своего срока в январе 1978 г.

Мы быстро познакомились. Он мне очень понравился, как человек. Его заботила не личная судьба, а политическая и нравственная действенность проводимой им акции. Я горячо заверил его, что по прибытии в лагерь сделаю все от меня зависящее для солидарности с ним, для придания акции коллективного характера. На этом мы расстались...

Дело, однако, было нелегким. С одной стороны, каждому участнику такой редкой в истории ГУЛага акции грозил новый срок заключения. С другой стороны, ряда прекрасных боевиков-активистов, моих друзей, в лагере уже не было — Василь Стус и Саня Болонкин отбыли в ссылку, Паруйр Айримян был переведен в лагерь № 5, с подельниками у меня также связь отсутствовала — К. Мяттик и Кийренд были в Пермских лагерях, а Юскевича с начала апреля увезли в Саранск на "перевоспитание". Но в лагере оставались еще В. Осипов, М. Хейфец и другие надежные ребята.

И вот, весенним днем сидим мы с Осиповым в малолюдном "кубрике" (лагерном жилом помещении) на койке и шепотом совещаемся, листаем календарь, распределяем ребят (кому и кого привлекать). Решаем предложить начало акции на 19 апреля, продолжительность ее — 100 дней. Затем началась тихая подготовка. И ребята не подвели. Сначала отправили на волю "Открытое письмо" президенту Картеру, посвященное 12-ти положениям "Статуса политзаключенного СССР" и приуроченное к началу Белградского совещания. Под письмом стояли подписи: В. Черновил, Будулак-

Шарыгин, Равиных, Ушаков, Шакиров, Карпенко, Осипов, Солдатов.

19 апреля 1977 года заявление о переходе на Статус политзаключенного и о начале 100-дневной забастовки написали украинец Будулак-Шарыгин, армянин Маркосян, еврей Хейфец, узбек Шакиров, белорус Карпенко, русские Храмов, Ушаков, Осипов, Солдатов. Все сорвали нашивки, не вышли на проверку и на работу. Украинец Черновил и латыш Равиных написали эти заявления ранее. 5 мая к нам, в штрафной изолятор ИТК-19, доставили и Паруйра Айрияна. Он к нам присоединился и, как всегда, показал образец мужества и стойкости. Вспоминаю эпизод. Стража отказалась вызвать врача к больному, брошенному в соседнюю камеру. Тогда Паруйр собрал кучу бумаги, куртку и все, что могло гореть, сложил у двери и спичкой, утаенной во время обыска, поджег все это. Поджог камеры ошеломил надзирателей, и врач был срочно доставлен.

Всего на 100-дневную забастовку "Статус-77" встало 12 человек шести национальностей. Это нас удовлетворяло. Недаром высокопоставленный офицер КГБ потом в замешательстве воскликнул: "Вам удалось собрать целый антисоветский интернационал!"

К сожалению "Хроника" в своих №№ 45 и 46 сообщила о 100-дневной *голодовке*. На деле же это была 100-дневная *забастовка*, и серия голодовок проводилась лишь дополнительно в рамках 100-дневки!

Сначала лагерь подвергся нашествию высокопоставленных комиссий и чинов на уровне от майоров до полковников МВД и КГБ: Начались уговоры, а потом и угрозы, сулившие нам новые сроки и тюрьму. За этим посыпались наказания в виде лишения права закупки продуктов в ларьке, лишения свиданий с родственниками и очередных посылок. И, наконец, пошли карцера — сырые, темные, холодные, с обвалившейся штукатуркой, с "парашей", с деревянными нарами, пристегнутыми цепями к стене с 6 часов утра до 22 часов вечера. Днем лежали на полу, ночью пытались заснуть, дрожа от холода и положив под голову

тапочки. Один день кормили по пониженной лагерной норме, обезжиренным и безвкусным варевом, а на второй день — куском хлеба и кружкой воды. Утром давали полчаса на то, чтобы умыться из цинкового рукомойника и вынести "парашу".

Медицинской помощи нет, администрация начинает грубить, ужесточать режим. Принимаем контрмеры.

Концентрированной голодовкой добиваемся этапирования из карцера в больницу Будулака-Шарыгина (гипертония) и Маркосяна (язва желудка). В ответ на грубость администрации применяем "орудийный грохот" — оглушительно гремим железными дверями так, что даже в поселке Лесном слышно. Прибегает начальник лагеря майор Пикулин и грубости прекращаются.

В ответ на снятие теплого нижнего белья сначала я, а затем и другие ребята, объявляем "холодовку" — разделись в холодной камере до трусов в знак солидарности с раздеваемыми. Администрация начала сокращать паузу между двумя очередными карцерными сроками до нескольких часов. По закону полагался перерыв, как минимум, одни сутки. Протестуя против злоупотреблений, мы отказались выходить из камер по окончании срока. Меня первого же, за отказ выйти, торжественно выносит из камеры наряд надзирателей во главе с дежурным офицером по лагерю. Когда пришла очередь Паруйра Айрикяна, то он вырвался из их рук и убежал в коридор изолятора. За ним, тяжело грохоча сапогами, бросились надзиратели. Но не тут-то было. Ловкого и подвижного Паруйра было не так-то просто поймать. Охота сопровождалась невообразимым гвалтом и улюлюканьем в адрес надзирателей. Власти были в очередной раз посрамлены, и злоупотребления прекратились.

Но скоро начались новые угрозы администрации и КГБ. В ответ усиливаем поток жалоб, протестов и заявлений, грозим "красным Нюрнбергом", проводим серию предбелградских голодовок. Душа сопротивления — В. Черновил.

Для администрации создается невыносимая обстановка.

Она пребывает в растерянности. И, наконец, применяют метод "перетасовки" и "развоза". Осипов брошен в ПКТ, к Черновилу и Равиныну. Карпенка и Шакирова увозят в Саранск на "перевоспитание". Ушакова и Хейфеца оставляют досиживать в карцерах, а меня, после 46 суток карцера, в наручниках, на реактивном самолете привозят в Таллинскую центральную тюрьму "Батарей".

Здесь я делаю заявление, что как статусник отказываюсь разговаривать с представителями администрации, подчиняться бесчеловечным тюремным порядкам и брать руки назад при конвоировании.

После этого оказываюсь на 7 суток в подземном каменном мешке, лишенный права писать заявления и вызывать врача. По сравнению с этим застенком карцера Мордовии казались номерами отеля "Люкс".

Вскоре после окончания 100-дневной забастовки, пережив варварский этап, я снова оказался в лагере № 19 Мордовской АССР.

Приятно было узнать, что ни один участник акции не сошел со "Статуса" раньше положенного срока. Бой был выигран...

Предбелградская 100-дневная забастовка "Статус-77" как право-политическое событие не была должным образом использована на Белградском совещании. Не была правильно освещена "Хроникой текущих событий". Не заставила советское правительство содержать узников совести на основании норм "Статуса политзаключенного СССР". Но она займет достойное место в скорбной летописи советского ГУЛага. Ибо она была продолжением лучших традиций борьбы с беззаконием и произволом.

В конце 1977 состоялась еще одна политическая акция, которой я придаю особое значение. Важной задачей КГБ всегда было не только разгромить и искоренить политическую организацию, борющуюся с властью, но и добить, вынудить к молчанию, обречь на политическую и духовную смерть ее заключенных представителей. КГБ и власти, которую он защищает, надо было противопоставить политиче-

скую и духовную жизнь, какого бы риска или жертв она ни стоила. Правозащитную деятельность в лагере представлялось правильным и естественным дополнить политическими действиями.

И 1 ноября 1977 года, в 11-летие моей общественной деятельности, в присутствии группы политзаключенных 19-го лагеря, я послал в Президиум Верховного Совета СССР Декларацию об официальном принятии на себя обязанностей секретаря-идеолога ДДЭ и представителя ДДЭ перед властью и общественностью. Я декларировал также, что эти обязанности буду нести временно, вплоть до нормальных выборов руководства организации. Я свидетельствовал о своей верности идеалам и принципам демократии и ходатайствовал о легализации ДДЭ. Одновременно я потребовал всеобщей амнистии для всех политзаключенных, а до этого — перевода их на Статус политзаключенного.

3 января 1978 г. в годовщину моего ареста такой же документ был направлен в Президиум Верховного Совета ЭССР.

Обе Декларации были поддержаны политзаключенными в форме заявлений солидарности в соответствующие Президиумы Верховного Совета — СССР и ЭССР. Заявления сделали — Вл. Осипов, П. Айрикан. М. Хейфец, Н. Будулак-Шарыгин, Г. Ушаков, Б. Шакиров, М. Равинын. Автоматическую поддержку, согласно договоренности, оказали из ссылки В. Стус и А. Болонкин. Поддержал акцию и А. Юскевич, находившийся в Саранске.

КГБ не решился привлечь меня к судебной ответственности за "антисоветскую" деятельность в лагере. Он ограничился лишь мелкой мстостью. Запечатал и ликвидировал мою квартиру в Таллине, которая затем полностью оказалась разграбленной. В течение трех месяцев подряд я был лишен права покупки и тех скудных продуктов, которые были в лагерном ларьке. (Права посылки я был лишен все годы.) Но возникала реальная угроза лишения личного свидания с Людмилой, которое по закону предстояло в марте 1978 года. На это я ответил, предварительно договорившись с

ребятами, угрозой провести групповую правозащитную забастовку. КГБ понял, что угроза реальна, и отступил. Свидание в марте я получил. Но власти отомстили тем, что ограничили его до одних суток...

Особую проблему в лагере представляли свидания с близкими, общие и личные. Личное свидание по советским законам предоставлялось лишь один раз в год и сроком не более трех суток. Оно давало единственную возможность для политзаключенного и его близких хоть изредка в тесном помещении, отведенном на вахте, встретиться и поговорить. Это понимало также лагерное начальство и КГБ. Терроризируя политзаключенного и пытаясь воздействовать на его поведение, они лишали его этих свиданий или угрожали таким лишением. Что этим наносится глубокая психическая травма как заключенному, так и близким, начальству было не только не безразлично, но оно было прямо заинтересовано в этом. Даже общих-то свиданий — возможности час-другой, на расстоянии, поговорить при надзирателях — лишали довольно часто. Когда ко мне за полторы тысячи километров приехали Людмила и Александр, то после часовой беседы нам не разрешили даже пожать друг другу руки. Зато в одно из следующих общих свиданий с Людмилой мне удалось оттолкнуть надзирателя, который едва не вывернул мне руку и разорвал рукав куртки, прорваться к Людмиле и крепко ее поцеловать на прощание... Надзиратель потом оправдывался и жаловался, что эта "схватка", происходившая в прослушиваемой КГБ комнате, едва не стоило ему потери службы. А при Сталине, вероятно, стоила бы головы?

Еще хуже было с личными свиданиями. КГБ, в отместку за мое участие в правозащитных действиях в лагере и понимая, что часть лагерной информации я передаю Людмиле, постоянно шантажировал и порывался лишить меня личных свиданий. На это я отвечал гебистам обычно следующее: "Делайте ваше черное дело. Но даю слово, что после этого я и некоторые мои друзья не выйдут на работу и объявят бессрочную забастовку. Мне безразлично, где подыхать — в лагере, в тюрьме или в карцере. Все равно ведь живым не вы-

пустите!” (Ошибся — выпустили!) И сказанное действовало. Знали, что не блефуем, а сделаем, особенно после 100-дневной забастовки 1977 года. А потом получай нагоняи из Москвы — не справляетесь с антисоветчиками. И я знал, что этих людей, уважающих только реально угрожающую силу, не волнуют ни соображения человечности, ни правовые нормы, не трогают ни мольбы, ни слезы... Поэтому я договорился с некоторыми друзьями-политзаключенными, что в случае лишения кого-либо из нас личного свидания — немедленно отказываемся от работы и выполнения даже простейших требований внутрилагерного режима, несмотря ни на что. Мы были силой морально-информационной и реально угрожающей. А это вызывало страх и, видимо, некоторое уважение у представителей власти. Администрация и КГБ сдались... Но зато утонченно мстили в другом — конфисковывались письма от родных, не предоставлялась стационарная медицинская помощь, не говоря уже о лишении права на продуктовую посылку, полагающуюся один раз в год, или права покупок скудных арестантских продуктов в ларьке на 5 рублей в месяц (!). (Это примерно стоимость 1 кг мяса на черном рынке в СССР.) Мстили и самим свиданием. Помню, как в 1979 году мне вместо положенных трех суток свидания предоставили только одни сутки. (Трехсуточного свидания я за весь срок неволи так и не получил.) Практически же оно свелось к 22 часам. Это — за весь год с его длинными черными 365-ю днями и ночами! С его ночными днями и днеподобными ночами!

Люда привезла на свидание лучшие продукты, какие смогла достать и которые разрешили пронести через вахту. Были тут и мед, и творог, и соки, и виноград и многое другое. За считанные часы организм к этому привыкнуть не мог. От необычной пищи внезапно возникла реакция и меня начало неудержимо рвать. Я фонтанировал, как вновь открытая нефтяная скважина. Люда, плача и ползая на коленях, начала убирать пол... Больше уже ни я, ни она к пище не прикасались... Так умудрились испортить даже единственное свидание в течение года... Если бы все это творили лишь

со мной и с моими близкими! А то ведь с миллионами — да намного хуже. Подумаешь и спросишь гонителей: и ради чего вся эта тьма неоправданно исковерканных судеб, этот сонм загубленных душ? Да знаете ли вы сами-то ради чего? Где ж им ответ найти? Подумаешь снова и скажешь гонителям лишь одно — Бог, история и совесть — вам судьи!

Вообще же в лагере, наряду с борьбой, познанием и творчеством, наиболее ценным были встречи с людьми... За недостатком места я не могу коснуться и подробно описать всех хороших, интересных и отзывчивых людей, которых я встретил в заключении. И все же я хочу назвать некоторые имена, которых я ранее не упомянул. Подавляющее большинство из ниженазванных имен навсегда останутся в моем благодарном сердце за все хорошее и полезное, что они сделали в тяжелых условиях неволи. И несколько людей из них останутся надолго в моей признательной памяти, за ценный опыт, предоставленный мне...

Это — эстонцы: блаженной памяти Аугуст Мельдер, Рейнхольд, Айдла, Унт, Андерсон, Муст, Сихвер, Кырбо; латыши: Иголс, Зейзе, Игаунас, Бриедис, Майорс; литовцы: Лапиенис, Сташайтис, Гимбутас, Григас, Симутис; молдаванин Руссу; немец Миндт; еврей Лубман; армяне: Аршакян, Назарян и Капоян; русские: Гонтарь, Храмцов, Соловьев, Юрков; украинцы: покойный Микола Кончаковский, Саранчук, Диденко, Бадзьо, Скрипчук, Дасив, Турик, Бутченко, Лысенко, Овсиенко, Никитин, Руденко, Матвиюк, Кравцив, Долишний, Попадюк — и многие другие. И да простят мне люди, сделавшие добро, если я по незнанию, по забывчивости или незаслуженно их здесь не упомянул...

Я от всей души благодарю всех, кто в годы неволи сделал доброе или сотворил благое. И приношу свои глубокие извинения и искренне раскаиваюсь, если кого-то несправедливо обидел словом или не оказал ему нужной помощи. И пусть пожелают мне соответственного и заслуженного искупления. Все действительно виновные и совершавшие недоброе, к которым я был излишне суров, да поймут меня. Так же, как и я понимаю, что это в значительной мере было

вызвано невыносимыми условиями неволи. Я пожелаю им лишь легкого искупления и прощения Божьего...

Стремлению убить нас и духовно надо было противопоставить философское и политическое творчество. Все эти годы я старался создавать и вновь использовать уже существующие тайные каналы и связи, ведущие не только к общественности страны, но и за границу. Сначала я пересылал лишь судебно-следственную и тюремно-лагерную информацию, а также целый ряд стихов. Возникла, наконец, необходимость в написании определенных работ. Меня уже давно упрекали, что я ни разу не высказался по чисто русскому вопросу. Доходили также смутные слухи о распрях в эмиграции и на радио "Свобода" между великодержавными националистами, сионистами и национальными группами...

И я решил написать краткую статью, посвященную этой теме. Я озаглавил ее "12 принципов русского дела" и подписался своей фамилией. Я был не в подполье, а в неволе. И псевдонимы были мне не нужны. В 1977—78 гг. моя кровать стояла у окна. На окнах барака, конечно, не было занавесок. И мертвенный свет прожекторов с лагерных вышек заливал по ночам все помещение. При этом освещении, напрягая зрение, я набрасывал текст статьи. Писал я короткими тезисами и применял собственный шифр. В статье предлагалось отказаться от начал утопизма и негуманности в русской мечте и строить ее на реализме и человечности. Русское дело предлагалось основывать на следующих принципах:

1. Создание свободно-национального государства, с предоставлением права самоопределения нерусским народам. (Продолжение дела свв. Сергия Радонежского и Дмитрия Донского во имя национальной свободы.)

2. Собираение русского народа, с отзывом его из самоопределившихся республик. (Продолжение дела Ивана Калиты и Ивана III, но не на уровне земель, а на уровне народа.)

3. Обновление русской веры на основе свободной христианизации страны. (Продолжение дела Владимира Святого и Нила Сорского.)

4. Укрепление русской семьи на основе 1000-летней традиции христианского брака.

5. Освоение русской земли с разумным преобразованием его. (Исполнение мечты Л. Толстого — "уйти на землю".)

6. Благоустройство русских городов с реставрацией национально-исторических памятников. (Исполнение мечты русской земской и городской интеллигенции.)

7. Очеловечивание хозяйства с бережным расходом природных богатств. (Исполнение мечты Герцена, Бакунина и Лаврова о создании "экономики народного благоденствия".)

8. Сближение с природой с устранением средоопасного производства. (Исполнение мечты Докучаева и Вернадского о разумном использовании и охране русской природы.)

9. Оздоровление нации с борьбой против преступности, алкоголизма, наркомании и физического вырождения. (Исполнение мечты славянофилов об укреплении трех человекообразующих центров русского народа — Церкви, Семьи и Школы.)

10. Возрождение национальной культуры на основе общечеловечности и творческой свободы. (Исполнение мечты Н. Бердяева о союзе культур Востока и Запада.)

11. Знакомство с народами на основе массового туризма за границу и паломничества к святым местам. (Мечта Вл. Соловьева о религиозном единении христиан дополнится их культурным взаимодействием.)

12. Союз с Европой, предполагающий политическую и экономическую интеграцию со всеми народами материка. (Исполнится мечта конституционных демократов во главе с П. Милюковым).

Статья заканчивалась словами: "И пусть окрыленная русская мечта воплотится в прекрасную русскую действительность! Благослови, Боже, реальное и человеческое русское дело!"

Статья была опубликована в издаваемой в Париже газете "Русская мысль" от 22 и 29 июня 1978 года...

По-разному к ней отнеслись.

Но до меня дошли лишь голоса недоброжелателей. Некий русский шовинист-патриот П. Журавлев из Западной Германии прислал мне в лагерь разгневанное письмо, обрушиваясь на требование самоопределения народов, содержащееся в принципе № 1. Это было единственным письмом из-за границы, которое мне со злорадной торжественностью вручили офицеры КГБ. Они даже "любезно" предлагали написать ответ и послать его по почте. Это письмо пригодились бы им для возможной фабрикации нового дела. Я отказался от всяких комментариев и предложений. Но дал ответ по своим каналам и в виде открытого письма.

Оно было напечатано тоже в "Русской мысли" (от 12 июля 1979 года) за моей подписью и под заглавием "6 тезисов в защиту свободно-национального государства". В нем подробно раскрывалась идея свободно-национального государства, обосновывался принцип самоопределения и давался ответ на выпады Журавлева...

Близилась 10-ая годовщина основания ДДСС, т. е. 15 октября 1979 года. Я решил посвятить этой годовщине юбилейный сборник под заглавием "10 лет Демократического Движения (1969—1979)". Разумеется, под своей фамилией. Я напряженно, многие месяцы, работал над этим сборником. И не только ночами, когда все спали, но используя также и ночные смены, в которые я сам просился. Приходилось всегда быть наготове, опасаясь внезапного вторжения надзирателей и оперативников КГБ. Часто бывало так, что пока они ломились в наглухо запертые двери производственного помещения, я уже успевал надежно спрятать исписанные листки. Меня сильно подозревали, но поймать так и не смогли. Через верных людей мне удалось и этот материал отправить на волю. Московские демократы снабдили этот сборник очень лестным "Предисловием", чего я никак не заслужил.

В 1980 году я отправил в Самиздат страны и за границу еще один сборник, подписанный мной. Он назывался "Мысль в огне". (Краткое изложение содержания сборника см. в "Приложении" к гл. 9).

В период подготовки и отправки сборника, т. е. в конце 1979 и в первой половине 1980 года я уже находился в другом лагере.

Весной 1980 года я был внезапно снова переведен в тюрьму КГБ в столице Мордовии, в городе Саранске. Там передо мной, в очень серьезной форме, был поставлен вопрос о выезде за границу после окончания срока. Я ответил резким отказом, ибо считал себя скромным работником на "винограднике Господнем" и мое поле деятельности здесь, на родине, а не в западных странах. Да и не вправе я пользоваться благами цивилизации, созданными другими народами. Меня вернули в лагерь, зафиксировав мое принципиальное несогласие.

КРАЙ АРЕСТАНТСКИЙ...

Лето 1980 года. Последние месяцы заключения. Нахожусь в политлагере ЖХ—385/3—5. В поселке Барашево, Теньгушевского района Мордовской АССР. Пос. Барашево — один из важнейших центров Мордовского Архипелага ГУЛага. Он находится в самом конце 60-километровой узкоколейной железной дороги, которая тянется от станции Потьма в северном направлении. Эта железная дорога была проложена через топкие болота и бесконечные леса еще в 30-е годы. Она стоила жизни тысячам заключенных и поистине сооружена на их костях. По обеим сторонам ветки — десятки (теперь меньше) концлагерей, входящих в систему "Дубровлаг" МВД СССР. Здесь находятся лагеря общего, усиленного, строгого и особого режимов, в том числе для женщин, расконвоированных, иностранцев и для так называемых "госпреступников". К таковым советское правительство изволило причислить и меня грешного.

Сам поселок Барашево — явление примечательное, заслуживающее самого пристального внимания юристов и психиатров, социологов и историков всего мира. Здесь находятся лагеря строгого режима для уголовников и политзаключенных, для женщин-бытовичек и женщин-политза-

ключенных, а также больничные зоны для уголовников и политзаключенных. В состав последних входят хирургический, психиатрический и терапевтический больничный барак под громким названием "корпус". Есть и туберкулезная подзона. И это не удивительно. Психологические и бытовые условия содержания в лагерях настолько бесчеловечны, что огромное число заключенных либо получают тяжелые травмы в драках, в авариях, вследствие предумышленного членовредительства или при попытках покончить с собой. Либо необратимо заболевают тяжелыми внутренними болезнями, особенно туберкулезом. Либо, наконец, просто сходят с ума. Обычному больному попасть в больницу очень трудно. Приходится добиваться и ждать месяцами, а то и годами. И этого добиваются не ради лечения, которого в больнице фактически нет, но ради избавления от непосильного принудительного труда и некоторого облегчения режима содержания, ради большего разнообразия в пище. Помню, каких огромных усилий в 1976 г. стоило моей энергичной жене и правозащитным кругам, чтобы меня, гипертоника и сердечника, отправили на неделю в больницу. Меня поместили тогда в так называемую палату, в маленькую комнату в обветшалом бараке, где лежало восемь больных. По утрам на одеяло клали несколько загадочных таблеток белого цвета. Это была норма лекарства, которую мы должны были проглотить в течение дня. Из благоразумия этого практически никто не делал. Но "психотерапевтического" зрелища особого свойства мы избежать не могли. Недалеко от больничного корпуса находился общелагерный морг. И мы почти ежедневно должны были смотреть, как мимо наших окон старая лошадь везет телегу, на которой лежит труп, покрытый рогожей или без оной. В обратном направлении везли грубо оструганные гробы. В полукилометре от больницы, рядом с железнодорожной насыпью, находилось "официальное", так сказать, кладбище заключенных. Оно охранялось спецотрядом внутренних войск, как "объект государственной важности". Советский заключенный не только при жизни, но и после смерти остается под стражей.

Все тот же принцип — "охранять вечно!" Здесь находятся тысячи могил, в том числе могилы Галанскова, Кангура, Харченко, Лаурайтиса, Игаунаса и многих других моих товарищей по заключению. На могилах не кресты, а деревянные колья с фанерными табличками. Видимо, по народной поговорке — "осиновый кол тебе в могилу". На табличках не имя и фамилия, а таинственный знак — буквы и четырехзначный номер. "Антихристова печать" — как говорили старики. Останки родным не выдаются. И труп остается собственностью ГУЛага. Посещать кладбище можно лишь по особому разрешению администрации Дубровлага и в "сопровождении". Непосредственно за изгородью "моего" лагеря № 3—5 начинается молодой сосновый лес, простирающийся на многие километры. Весь лесной массив обнесен ржавой колючей проволокой. В некоторых местах виднеются размытые дождем надписи: "Стоять! Запретная зона! Проход строго воспрещается". Это — "неофициальное" кладбище заключенных. Здесь погребены десятки тысяч заключенных, расстрелянных или погибших еще в сталинские времена. Это крестьяне и интеллигенция, монахи и священники, дворяне и офицеры, эсеры и коммунисты, националисты и верующие различных наций, замученные еще в 30-е годы. Это также патриоты Прибалтики и Украины, военнослужащие немецкой и власовской армий, граждане Восточной Германии и других восточноевропейских стран, умерщвленные в 40-е годы. Старожилы вспоминают, что в 1947—48 гг. сюда привезли эшелон с добротнo одетыми немцами из Восточной Германии. Их прямо из вагонов отвели в лес и расстреляли. А расстреливавшая команда передралась из-за немецких вещей. На этих безымянных братских могилах нет даже кольев с фанерными табличками. Лишь вечнозеленые сосны скорбно и тихо покачивают своими ветвями. Вернемся, однако, к еще не умершим, к еще живущим на пороге 80-х годов.

Хочу описать один характерный день лагерных будней неосталинской эпохи.

УТРО ...

Раннее, летнее утро. Лагерный барак. Еще не объявили подъема, но просыпаюсь задолго до него. Просыпаюсь от прямо бьющего в глаза через незанавешенные окна яркого солнечного света, от нестерпимой духоты и пронзительного скрипа двухэтажных железных коек, от сонного бормотания и болезненно громкого храпа 46 несчастных человек, загнанных в маленькое непроветриваемое помещение. Просыпаюсь с тяжелой головной болью и чувством полного изнеможения. Виной тому не только моя гипертония, но и проклятая сирена на соседней ракетной базе, воющая с самого вечера и не дающая мне уснуть. Расчет у советских стратегов, создающих такое странное соседство, видимо, простой — в случае войны баллистическая ракета противника, нацеленная на базу, уничтожит заодно и всех заключенных. Еще одно "преступление" "буржуазии" и "классовых врагов" против человечества! А заодно избавятся и от "антисоветчиков".

Но вот раздается топот тяжелых надзирательских сапог, с треском открывается дверь и слышится до одури знакомый крик: "По...одъем! Подье...м, кому говорят! ... А вам, что, Солдатов, особое приглашение?" — "Проваливай! Надоел!" — отвечаю раздраженно. "Что-то не в духе сегодня?" — замечает надзиратель своему напарнику, однако, отходит. Действует указание — не озлоблять антисоветчиков! Все вскакивают, натягивают на себя арестантское барахло и идут умываться. Шесть часов утра по-московскому времени.

Через некоторое время спрыгиваю со своего "наседа" на втором "этаже" и я. Наспех одеваюсь, беру полотенце, кусок дурно пахнущего хозяйственного мыла и зубную щетку, а затем, через весь двор, бегу в умывалку, она же туалет. Вдоль стены умывалки длинный и ржавый чан, над которым проходит водопроводная труба. В нижней части трубы расположены ржавые железные соски. Нажмешь на сосок снизу вверх, и оттуда под напором бьет струя ледя-

ной воды. Она нередко обливает и твоих соседей, раздражающихся проклятиями. Но перед этим, в толкотне и давке, приходится отстоять две очереди — в туалет и к умывальному чану. Я обычно успеваю еще уединиться за баней, сделать гимнастику и произнести молитву. После умывания, засунув алюминиевую ложку в карман или за голенище, всей гурьбой привычно плетемся на завтрак в столовую. Столовая — это продолговатое помещение в самом конце длинного барака. Там, вдоль грубо сколоченных столов, длинные некрашенные скамейки. Рассаживаемся. Наливаем в наши алюминиевые чашки какую-то серую, неопределенную бурду. Ага, ясно. Опять так называемая уха — варево из испорченной сухой трески многолетней давности, списанной за непригодностью с военных складов. К ухе выдается пара кусков черного, сырого и кислого хлеба. От хлеба отказываюсь решительно — раздует живот на весь день. Спешно глотаю несколько ложек горячей, но неприятной жижи и бегу к выходу. "Ну что, комиссар, отстрелялся?" — звучат вдогонку дружеские голоса. Это было мое лагерное прозвище, данное стариками, вероятно, за очки и склонность истолковывать международные события. "Куда уж там... Как бы самого не расстреляли?" — мрачно шучу в ответ. Рядом с выходом — огромная алюминиевая кастрюля с темно-коричневой жидкостью. Это так называемый "чай". Рецепт изготовления простой. Берется немного грузинского чая, его перемешивают со вторяками, затем дочерна жарят на сковороде, а полученную смесь опускают в кипяток. Обуглившиеся листья дают густой и внушительный цвет. Но — увы! — придают далеко не чайный и очень тошнотворный вкус. Нет уж, спасибо, мойте в нем посуду или полощите портянки, мастера тюремной кулинарии! Лучше полью сырой холодной воды, благо она еще не нормирована.

Прохожу к своей тумбочке, сажусь на табуретку, просматриваю свои, еще не конфискованные записи по иностранным языкам и по всемирной истории, сделанные по советским источникам. Решаю быстро написать письмо своей жене Людмиле, пока еще не посадили в карцер. Но не

тут-то было! Стремительно вбегает Володя Капоян, армянский летчик, обвиненный в шпионаже. Он — в ярости, возмущенно кричит, что кто-то ночью безжалостно вырвал ростки лука, моркови и съедобной грузинской травы, посаженных втихомолку за баракom между цветами. Цветы сажать разрешалось, а сажать овощи строго запрещено. Находятся свидетели, страдающие бессонницей и видевшие, что этим вредительством занимался ночью сам начальник режима учр. ЖХ-386/3 в сопровождении многочисленной свиты. Да в смелости господам офицерам МВД не откажешь! Ночью, тайком, да еще с охраной. Эх, вы! Пока обсуждаем положение, снова раздаются звуки кованых каблуков и скрипучий голос: "На-а поверку!" — "Да провались ты, ирод, со своей поверкой!" — отвечаем мы. — "Ну, порядок есть порядок, — примирительно отвечает стража. — "Вы же поверку не бойкотируете?" — "Смотри-ка, грамотный. Знает условия нашего ультиматума", — иронически хвалим мы. Строимся на лагерном плацу, и начинается нудный подсчет голов. Полуграмотные стражи часто сбиваются в счете и нервно бросаются на поиски недостающих голов, под громкий ропот "стариков" и насмешливые реплики "молодых". Наконец, число голов сошлось согласно реестру.

7 часов 45 минут. Начинается принудительный труд — "работа за бесплатно", как говорят эки. Основная масса людей понуро тащится с лагерного плаца в пошивочный цех, расположенный в центральной части 300-метрового барака. Хотя есть и чудачки-энтузиасты, которые по договоренности с администрацией, принимаются за работу сразу после завтрака, а заканчивают ее на 3—4 часа позже других. Отчасти их "рвение" можно было понять: боясь, что им после выхода из лагеря откажут в пенсии, они своим каторжным трудом пытаются накопить хоть какие-то грошовые сбережения на старость лет. Однако часто случалось, что они умирали от непосильного труда, так и не успев получить от государства заработанные рубли.

Мы, группа "молодых", как называют в лагере людей, осужденных за так называемую "антисоветскую агитацию

и пропаганду”, отделяемся от других и в цех не идем. Нами объявлена ”правозащитная забастовка” — отказ от всех видов работы. С точки зрения властей — это, после террора против администрации, самое тяжелое преступление политзаключенного.

История забастовки такова. На зону привезли некоего Э. Млова, бывшего тренера по тяжелой атлетике в одной Алма-Атинской средней школе, там же якобы и осужденного. Но привезли его почему-то из Москвы. И он предварительно уже откуда-то знал всех ”боевиков”, отбывающих сроки на зоне. По традиции, мы приняли его радушно, хотя его дело было путаным — намерение угнать тренировочный самолет, спекуляция валютой, хулиганство, ”клеветнические письма” в советские органы, ”паразитический” образ жизни и т. д. Дело явно не тянуло на политическое. Тем не менее, он почему-то оказался с нами. И начал играть грубо провокационную роль. Опираясь на 2-3-х уголовников и отщепенцев, он начал вдруг публично кричать, что ”антисоветчики” (т. е. мы) пытались его вовлечь в секретную политическую организацию, якобы существующую в лагере. А он-де, советский человек, этого не хочет, что с нами надо расправиться, ибо мы идем против народа, и т. д. Этот грязный поток брани, угроз и оскорблений представлял собой крайне огрубленный вариант обычной риторики офицеров КГБ. Во всей этой кампании чувствовалась прямая режиссура администрации и прежде всего КГБ. Шесть лет мы морально контролировали положение в лагере. Бывало всякое, но с такой провокацией мы встречались первый раз.

В лагере создалась накаленная атмосфера. В любой момент грозила вспыхнуть драка с тяжелыми последствиями. И было ясно, что КГБ использует ими же спровоцированные события для присуждения новых, но уже уголовных, сроков для всех неугодных, раздув и сфабриковав дело ”об организации массовых беспорядков в ИТК”. О начале применения методов фабрикации уголовных дел против политических мы уже знали на примерах Черновила, Айрикяна, Болонкина, Овсиенко, Горбаля и других. Поэтому, разняв Капоя-

на и М-ва, уже готовых сцепиться, мы предприняли эффективный контрприем — объявили бессрочную забастовку против террористической акции КГБ в отношении политических. В забастовке приняли участие Осипов, Бадзьо, Капоян, Назарян и автор этих строк. Руденко поддержал нас голодовкой. Замысел КГБ оказался сорванным. Вот мы и бойкотируем лагерные работы...

ДЕНЬ ...

Сажусь и начинаю писать письмо домой. Вдруг кто-то трогает меня за плечо. Это Володя Осипов: "Сергей Иванович, приходите пожалуйста с кружкой на обычное место". — "Спасибо, Володя, обязательно приду". В лагере мы соблюдали все великосветские условности, полностью исключив из нашего лексикона обычную в этих местах ругань и сквернословие. Нельзя сказать, чтобы в лагере я пристрастился к чаю. Но в лагере чай — не только единственный тонизирующий напиток, спасающий заключенного от постоянного стресса. Чаепитие — это еще и ритуал товарищества и единства. И отказываться от него нежелательно — кровно обидишь друзей. Поэтому бросаю на полдороге начатое письмо, беру кулек со слипшейся карамелью, кружку с горячей водой, ибо я не любил крепкого чая, и спешу за "наш" столик на лагерьном плацу. Товарищи и друзья уже ждут. Это собралась "молодежная" чайная компания. Все собравшиеся — участники забастовки. Начинается беседа. Темы разговора: Афганистан, Польша, Олимпиада, меры президента Картера, расколотость Запада... Ввиду сложившихся добрых человеческих отношений мне приходилось постоянно участвовать и в других чайных компаниях: в "эстонской" (Мельдер, Рейнгольд, Муст, Унт), в "рабочей" (Диденко, Иголс, Гонтарь) и в "литовской" (Паулайтис, Сташайтис). Да, чаепитие — это особая форма сближения людей за колючей проволокой. Однако мое чаепитие в кругу "молодых" скоро прерывается.

Мой друг Мельдер, бывший эстонский партизан, пригла-

шает меня в цех для разговора. Иду немедленно, — я очень любил его. Пошивочный цех. Просторное, хотя и низкое помещение с цементным полом, тесно заставленное швейными машинами. От десятков работающих, изношенных и устаревших машин в цехе стоит грохот, оглушающий каждого входящего. Из-за плохой вентиляции хлопково-бумажная пыль стоит столбом. Мертвенного света люминесцентных ламп явно недостаточно. За швейными машинами, сторбившись, заключенные шьют брезентовые рукавицы. Норма выработки тяжелая — 98 пар за смену, 75 пар — для более сложной модели. Выполнение нормы в течение месяца, включая все субботы, а иногда и воскресенья, дает право на дополнительное отоваривание на два рубля в месяц (госцена 1 кг мяса) или лишнюю посылку. Есть и другой вид работы. Это выворотка рукавиц. Рукавицы сшиваются внутренней стороной наружу. Их надо вывернуть на правую сторону при помощи кола, вертикально прибитого к деревянной скамейке. Мы называли это сооружение "кобылой". Норма — 398 пар за смену.

Все попытки заставить меня работать на швейной машинке не увенчались успехом, и меня поставили на выворотку. Но и здесь я редко давал более 100 пар за смену, мотивируя состоянием здоровья и тем, что политзаключенный не должен работать. До поры, до времени администрация закрывала на это глаза, не желая неприятностей. Меня только постоянно лишали тех самых 2 рублей, а часто и права отоваривания на весь месяц. Сейчас я бойкотировал с моими товарищами даже эту видимость работы.

Подхожу к Мельдеру, трогаю его за спину: "Доброе утро, дорогой Август!" — "Здравствуй, Сергей! Тебе скоро освободиться... Может быть, зря ты все это затеял". — "Да их "свобода", Август, не лучше заключения". — "Расправятся они с тобой, эти бандиты". — "Да уж лучше подохнуть, а глумиться не дам". — "Ну, делай, как знаешь!" — и грустно, грустно вздыхает...

Не знал он тогда, что сам лишь два дня проживет на "свободе". И умрет от сердечного припадка на руках у жены,

узнав, что в родной Эстонии ему жить запрещено... Ну, а пока, не зная будущего, живем лагерным настоящим.

12 часов дня. Обед. Дают картофельный суп и просяную кашу. Вылавливаю картошку, а оставшуюся жидкость выливаю в бачок. Картошка, хоть и плохо очищенная и червивая, но самая ценная часть похлебки. От каши отказываюсь. Почти у всех, не живших на юге, она вызывает тяжелое несварение желудка. Молниеносно разносится весть — пришла "ларешница" и открыла "киоск", т. е. некое подобие лагерного магазина. Может попытаться отовариться? Может администрация не успела еще передать в киоск постановление о лишении права закупок? Классический набор продуктов в этой сокровищнице — серый парафинистый маргарин, бродящий, пахнувший вином яблочный джем, слипшаяся карамель, бобовые или рыбные консервы, грузинский чай, махорка. Редко бывает сыр. Молока, масла, колбасы, фруктов, овощей — нет никогда. В месяц разрешено отовариваться на 5 рублей, если нет особых льгот. Возьмешь 1 кг маргарина, 1 кг джема, кулек карамели, 2 пачки чая — вот и исчерпан месячный лимит продуктов. Выясняется, что нас лишили и этого. Список лишенцев передали в "киоск" с молниеносной быстротой — за несколько часов. А вот отправки в больницу тяжелобольные ждут иногда годами. Система "нипель", как говорят зэки. Не успел оглянуться, как ко мне бежит дневальный штаба: "Начальник вызывает". — "А что еще такое? Пожар, что ли?" — "Не знаю. Там скажут". Начальник лагеря Гайниченко, обычно дипломатичный, встречает меня на этот раз даже с оттенком подобострастия: "Ну, Сергей Иванович, прекратили бы бузу, вышли бы хотя бы для видимости на работу. Выработки мы все равно с вас не спрашиваем". — "Дай сатане палец, он и всего проглотит". — "Да что мы людоеды?" — "Вы, конечно, ангелы, но куда делись 60 миллионов невинных людей?" — "Ну, когда это было. А если мы воспользуемся правом ходатайства перед Президиумом Верховного Совета СССР о выдворении вас за пределы страны?" — "Не осмелитесь. Я немедленно разоблачу вас". — "Ну пеняйте на себя. Во вся-

ком случае я вынужден принять строгие меры против вас. Это мой служебный долг. Надеюсь, вы это понимаете?" — многозначительно добавляет он. — "Это ваше дело. Вы служите своим хозяевам, я — своей совести..."

"Аудиенция" окончена. Иду заодно в "санчасть" (это — две крохотные комнатки на одном коридоре со штабом) получать предписанное "лечение". Неплохая сама по себе, но неразговорчивая и запуганная медсестра дает мне таблетку "резерпина" и глоток какой-то горькой настойки. Вот и вся "медпомощь". Спасибо и на этом. Выхожу, и делюсь впечатлениями с ребятами.

Но день готовит новые сюрпризы. Уже пятый час. Вдруг, в неурочное время, на зону пожаловала группа чинов политической полиции. Первого вызывают меня. "Беседу" ведет майор КГБ Тюрин. Начинает агрессивно: "Что вы опять воду мутите? Что происходит?" — "Да ничего особенного. Происходит тайная террористическая операция КГБ против политзаключенных". — "Зачем бы это нам? Мы могли бы и не тайно". — "Маскируетесь. Жестокость часто еще и труслива". — "Я вижу, шесть лет заключения вас ничему не научили". — "А вы за 60 лет людьми быть не научились. Ничего, научим..." — "Учить не придется, не дадим. А вот добавочный срок дать можем". — "Сажайте по новой хоть сейчас. Я вам это уже шесть лет твержу". — "А зачем? Мы вам откроем зеленый путь на Карфаген". — "Причем тут Карфаген? Если насильно вышлете, я с вами рассчитаюсь по-своему. Подыму на ноги весь мир". — "А мы вас не боимся. Там сейчас Максимов, Буковский, Гинзбург и другие. И у них языки лучше вашего подвешены. Лучше Солженицына все равно не скажете". — "Ну, это мы еще посмотрим — у кого что и как подвешено!"

Разговор становится беспредметным. Чувствую, как во мне закипает. Порывисто встаю и выхожу, хлопнув дверью. "Но почему Запад у них Карфаген?" — спрашиваю у ребят. — "А, все ясно, — догадывается Назарян. — Это город, обреченный на уничтожение".

5 часов 30 минут. Ужин. Дают овсяную кашу. Ну, это куда бы ни шло! В далеком детстве, в милой Эстонии, я ел сырые овсяные хлопья с молоком, в молодости бабушка кормила меня "овсянкой", т. е. кашей, сваренной на молоке и с сахаром. Эта — на воде и с солью. Ничего, пойдет. А то и ног не потащишь, "дубаря" дашь, как выражаются ээки. Затем в 7 часов нудная вечерняя поверка. После проверки снова пытаюсь написать письмо Людмиле. Но вот распаивается дверь, и в помещение входит, громко стуча каблуками, бравая команда надзирателей: "Солдатов, с вещами!" "Этап или карцер?" — мелькает в голове. — "Это с какими же вещами?" — спрашиваю. — "Сам знаешь с какими. Небось, готовился". Значит, карцер. "Что верно, то верно, служивый", — отвечаю с нарочитой бодростью. Беру заранее подготовленный мешок с полотенцем, носовым платком, зубной щеткой, куском мыла и сменой белья. Далее зачитывается постановление — 14 суток карцера за злостный отказ от работы. Расписываться отказался. На что мне ваши филькины грамоты? Под конвоем ведут в так называемый "штрафной изолятор" (ШИЗО), изолированный от зоны. Его старые ээки называют еще "кандей". "Грей нам место, Сергей", — напутствуют "молодые". "Постараюсь, ребята". "Держись, комиссар!" — кричат старики. — "Да где там держаться — ветром качает!" — весело бросаю в ответ. — "Помни, наши не сдаются!" — кричит по-эстонски незабываемый Август Мельдер из группы эстонцев. — "Помню. Не беспокойтесь. До скорого, друзья".

Приводят к кирпичному зданию, отгороженному от лагеря. Личный обыск. Снятие теплого белья. Попытка силой снять нательный крест. Уж в который безнадежный раз за эти лихие годы! Яростно сопротивляюсь. Оставляют в покое. Переодевание в карцерное, дырявое барахло. Вводят в карцер — в сумрачное узкое помещение, полтора на два метра, выкрашенное в грязно-зеленый цвет. Водопроводный кран. "Толчок". Три крашенных в темно-коричневый

цвет, будто покрытых запекшейся кровью, обрубка, врытых в землю, служат столом и стульями. К стене пристегнуты нары и заперты на замок. Холодно, сыро, темно, хотя на дворе стоит лето.

Здравствуй, 71-ый день карцера за этот срок. А кто знает, сколько их еще будет?! Я еще не знаю пока, что число их далеко перевалит за сотню. Быстрой ходьбой пытаюсь согреться, требую кружку кипятка — все-таки будет теплее. Утром, на "завтрак", дадут ту же кружку кипятка, но с небольшим куском хлеба и с щепоткой соли. Немного согревшись, ложусь на пол и начинаю думать.

Письмо Людочке так и не успел закончить. Теперь будет напрасно ждать месяцами и мучиться неизвестностью...

Надо заново мысленно повторить всемирную историю и спряжения глаголов по иностранным языкам (английский, немецкий, французский). Нужно еще раз продумать план действий на все возможные случаи: 1) новый срок, 2) выход из заключения, 3) высылка за границу. Последнее практически исключаю.

В 10 часов вечера стража с лязгом отмыкает нары. Можно ложиться. Снимаю до предела изношенные тапочки, покрываю их носовым платком — и подушка готова. Остального не полагается. Ложусь. Сон не идет. В тело вбиваются торчащие головки гвоздей и винтов. Начинает болеть бок и страшно ломит затылок. Да, гипертония шутить не любит! Дрожу от адского холода. Молюсь. Начинаю обдумывать содержание очередного самиздатского сборника. Решаю его назвать "Зарницы Возрождения". (Он будет написан и попадет на Запад.) Лишь под утро забываюсь в тревожном сне...

Таким запомнился мне лишь один день из 2190 дней неволи в советском ГУЛаге.

6 июля 1980 г. политзаключенные В. Осипов, В. Капоян, Г. Назарян и я начали длительную правозащитную забастовку (отказ от принудительной работы в лагере) против провокации, организованной, по нашим предположениям, КГБ

в борьбе с наиболее непримиримой группой политзаключенных. После недели уговоров и уверений со стороны властей нас всех бросили в карцер, в голод и холод. 19 июля, в день начала Олимпийских игр в Москве, В. Осипов и я, находясь в карцере, написали заявление на имя Брежнева, в котором объявили, что начинаем длительную политическую забастовку ("ПЗ-80") в поддержку требований:

1. отменить Олимпийские игры в Москве,
2. прекратить агрессию против Афганистана и вмешательство в польские дела,
3. освободить политзаключенных,
4. амнистировать лиц, осужденных по делам военного времени,

5. провести в стране коренные политические и экономические реформы. Я же заявил, что политическую забастовку буду проводить до конца срока, до января 1981 года. Впоследствии к нам присоединился также Ю. Бадзьо, украинский политзаключенный, бастовавший две недели...

Заканчивая главу о своих злоключениях в десятки раз изображенном и зарисованном, воспетом и проклятом писателями и поэтами самых различных направлений советском ГУЛаге, не могу не написать и о польском народе. В июле 1980 года, в последний год своего заключения, находясь в карцере, я тайно узнал от сочувствовавшего мне охранника, что в Польше происходят серьезные события. Он излагал мне их с подробностями, явно узnanными не только из советских газет, но, видимо, также из передач западного радио. Я не мог скрыть своей радости. Наконец-то!.. Массовое рабочее движение... ненасильственное в средствах... негибимое по духу... понятное народу... поддержанное церковью... Словом, сбывались как будто все наши политические мечты! Эта весть была подлинным лучом света в душной карцерной тьме! Я всегда восхищался готовностью к борьбе и к жертве за национальный идеал, историческим свободолобием и напряженностью религиозной жизни польского народа. Это убедительно доказывалось поляками в героических восстаниях 1794, 1830—31 и 1863 го-

дов против царской империи, активным участием в революционном движении на рубеже 19/20 веков, победоносной войной против Советской России в 1920 году, самоотверженной борьбой против советских и германских захватчиков в сентябре 1939 года и легендарным Варшавским восстанием в августе 1944 года под руководством ген. Бур-Комаровского... Меня смущало, правда, что Польша как будто без особого сопротивления поддалась советизации в послевоенные годы... Но это было и понятно. Польская нация оказалась обескровленной, ее цвет погиб вследствие ударов, нанесенных сильнейшими державами мира в 1939—46 гг. ... Но события 1956 и 1970 годов показали, что в Польше подросло новое поколение, достойное своих вольнолюбивых отцов и набожных матерей... Развивая наше политическое движение, мы постоянно изучали вдохновляющую польскую историю и делали переводы из интересных статей газеты "Политыка", встречались с приезжающими в Прибалтику польскими туристами и внимательно следили за событиями в Польше... Надо ли говорить, что пламенный пример независимого профсоюзного движения и деятельность профсоюзного объединения "Солидарность" во главе с Лехом Валенсой в огромной степени оживил политическую жизнь и оппозиционную деятельность в Эстонии. Апогеем этого подъема была небывалая молодежная демонстрация в октябре 1980 года в Таллине с участием около 5000 тыс. человек. Для ее разгона пришлось, кроме подразделений КГБ и милиции, вызывать еще и регулярные части армии. Судьба была щедрой ко мне, и в октябре 1981 года мне вместе с другими представителями печати удалось встретиться в Париже в доме Клебера с Лехом Валенсой и его соратниками. Он совершал в то время визиты в Рим и в Париж. Свои чувства и впечатления я описал в статье "Мы не сгинем! Встреча с Лехом Валенсой", опубликованной в "Русской мысли" в октябре 1981 года... Со страниц этой книги и от имени своих друзей хочу пожелать польскому народу социального благополучия и политической победы в его борьбе за свободу!

4 сентября, после 40 суток карцера, я внезапно, прямо из камеры, был взят на этап и снова переведен в тюрьму КГБ города Саранска. Там мне снова очень настойчиво дали понять, что в советское, социалистическое общество я не вписываюсь. Я пригрозил, что в случае выдворения меня за пределы Советского Союза, употреблю все свои силы на разоблачение бесчеловечных действий советского руководства. На это мне дали шаблонный, уже много раз слышанный ответ, что советская власть этого не боится, тем более, что за границей сейчас находятся люди более влиятельные и красноречивые, чем я. Я твердо еще раз заявил о своем отказе ехать куда бы то ни было. Меня снова вернули в лагерь. Не успел я там пробыть и неделю, как вдруг 20 октября 1980 года срочным этапом, под охраной спецконвоя в составе капитана, двух сержантов и четырех солдат, на реактивном лайнере, в наручниках, как Бог знает какой "супер-преступник", под наблюдением наряда госбезопасности и группы людей в штатском, я был доставлен в Центральную тюрьму Эстонии. Снова памятная и знаменитая "Батарей". Я так отвык от семьи и очага, что семьей стали солагерники, а родным домом — тюрьма. Отсюда я начал свой путь узника совести шесть лет тому назад. Сюда же возвращался в 1977 году. Сначала меня поместили и держали одного в изолированной трехместной камере, не давая возможности написать жене, купить тюремные продукты или получить медицинскую помощь. После моей голодовки, через три с лишним недели, такая возможность была мне предоставлена. Но одновременно камера была набита уголовниками — пять человек на три места.

Я сделал официальный запрос на имя Министра внутренних дел Эстонии М. Тибара и начальника тюрьмы А. Майборды с просьбой пояснить, при каких обстоятельствах была раздроблена кость правой руки моего сына Александра, когда он в 1976 году пребывал в этой тюрьме. Мне ответили, что выяснить этого никак невозможно, ибо все прежнее руководство сменилось: Министр внутренних дел Ани был уволен в отставку, начальник Таллинской Центральной

тюрьмы подполковник Лаксберг снят с должности, а его заместитель по оперативной работе майор Горбачев осужден на пять лет.

Вызвавший меня вскоре работник КГБ майор Догадько в очередной раз поставил передо мной вопрос выезда за границу. Спокойно выслушав мои возражения, он остался непоколебимым. "Выезд за границу — в ваших же интересах. Вам лучше, и нам спокойнее", — непреклонно заключил он. За неделю до окончания срока я официально объявил голодовку до момента выхода из тюрьмы, протестуя против многолетнего наказания за деятельность во имя идеи свободы, прав и достоинства человека.

Раннее, январское утро 1981 года... Со скрежетом распахиваются ржавые железные ворота Таллинской "Батарей". Мрак. Трескучий мороз. Истощенный проводимой голодовкой и шатаясь от слабости, нетвердыми шагами иду на каменную мостовую. Первые шаги на "воле". Что же она мне сулит? Сквозь застилающую глаза зеленую пелену вижу бесконечно родное, заплаканное лицо... Почти падаю на руки плачущей Людмилы. Затем оказываюсь в медвежьих объятиях Димы Леонтьева. Совсем близко вижу заочевшее, милое и улыбающееся лицо Гули Романовой. Крепко обнимаюсь со своими эстонскими друзьями. Они простояли здесь всю ночь напролет. И вконец замерзли... Едем домой...

Многолетнее испытание осталось позади. Выдержал ли я его и как выдержал — пусть судят другие. Но для меня лично эти лихие годы были не мертвым, но очень живым временем. Неволья для меня была не пропажей, а приобретением новых ценностей. И не только через себя, но и через тех многих прекрасных людей, которых я там встретил, и которых, возможно, не встретил бы на воле...

Основная цель советской неволи — это медленное умерщвление личности политзаключенного, подавление и уничтожение самого ценного в нем. Задача заключения — превратить политзаключенного в бездуховное, безнравственное, безропотное, безыдейное, больное и бесчеловеч-

ное существо. И в этом случае миссия ГУЛага была бы выполнена.

Но целью политзаключенного может и должно быть — постоянное возрождение своей личности путем борьбы и усиления самого ценного в ней. Оно заключается:

1. В духовной борьбе за знание.
2. В нравственной борьбе за чистоту.
3. В правозащитной борьбе за справедливость.
4. В политической борьбе за идею.
5. В физической борьбе за здоровье.
6. В психологической борьбе за равновесие.

Иначе говоря, адская обитель может и должна явочным порядком стать университетом, храмом, судом, форумом, стадионом и кельей.

Не бояться! Решительно готовиться и достойно проходить заключение во имя высокой, благородной цели! Радоваться заключению как щедрому дару судьбы, дару самоискупления, самопознания, самопреобразования! Борьба за знание, чистоту, справедливость, идейность, здоровье и равновесие в заключении есть борьба за Возрождение личности политзаключенного! И да победит он в этой борьбе!

Вот основные мысли, вынесенные мной из заключения.

ГЛАВА 10

ИЗГНАНИЕ

Встреча с волей потрясала меня до самых оснований. Мне все не верилось, что снова вижу свою чернявую, живую, душевную "маму" с ее восточным, иконописным ликом, слышу ее звонкий голос и быстрые шаги, ощущаю струящееся от нее тепло... Что могу читать свои любимые книги... Пойти куда мне вздумается. Встать когда выспишься... Слушать музыку... Пить молоко... Встречаться с друзьями... Да не сон ли это, дивный и радостный? И не прервется ли он в каждое мгновение? Не раздастся ли знакомый до одури хриплый крик "Па-адем! На-а поверку!"

Все эти годы Людмила самоотверженно и храбро исполняла свой человеческий и материнский долг по отношению к двум заключенным — Александру и мне. В 1978 году она была уволена из Таллинского торгового порта, где работала диспетчером. За эти годы у нее появилось огромное количество знакомых и друзей в правозащитных и сочувствующих кругах по всей стране. Она была активисткой Солженицынского Фонда помощи семьям политзаключенных, энергично участвовала в его работе. Она состояла в переписке со многими политзаключенными и снаряжала им посылки, вязала для них теплые вещи и организовывала помощь их семьям.

Власти, конечно, не оставались в долгу, окружали ее плотной слежкой и не раз производили гласные и негласные обыски. Ее неоднократно вызывали на допросы в КГБ и Прокуратуру. Что-то вроде политического бойкота устроили ей родной отец и другие родственники. Но пресечь ее "преступную" деятельность КГБ так и не удалось.

Тем большим были сочувствие и поддержка друзей женщине, имевшей на своем попечении двух родных и десятков "не родных" заключенных. Приходили также посылки от зарубежных эстонских и немецких, английских и шведских, американских и канадских друзей... Люда готовилась к выходу первого эка своей семьи серьезно и основательно... Она запаслась лекарственными травами и кореньями, в которых прекрасно разбирается, собственноручными заготовками ягод, фруктов и грибов, а также другими продуктами, которые с трудом удавалось достать. Одних только фруктовых соков было закуплено 18 литров (!). Запаслась одеждой. Оборудовала квартиру. Приобрела лучшие музыкальные пластинки. Достала редкие и нужные книги. Словом, готовилась к тому, что работать я буду не в состоянии — дай Бог подлечить приобретенные в лагере недуги... и чтобы дома мне было хорошо. Чувство глубокой благодарности переполняло мое сердце за ее материнскую и совершенно незаслуженную мной заботу... Но психика моя была надломлена в долговременных ударных испытаниях. И Люда с горечью отмечала, что я стал раздражительным, ворчливым, волновался из-за пустяков, что раньше было несвойственно мне... Нелегко было возвращаться из неволи в семейную жизнь. Резкая перемена потрясала не только психику, но и организм. И приблизительно через месяц, в одну из февральских ночей, в 3 часа ночи наступил кризис. Я проснулся от страшных болей в области сердца и затылка, начались спазмы. Я осторожно встал, стараясь не разбудить Люду, и, борясь с обмороком, ушел в другую комнату, сел в кресло и стал ожидать неизбежного... Но на этот раз Господь пронес. И к утру я отошел, боль утихла.

Людмилой был заложен прочный душевный и житей-

ский фундамент для моей послелагерной жизни. Но внутренний голос говорил мне о зыбкости и непрочности моего нового положения. Я твердо знал, что продолжу свою деятельность. Еще в карцерах 1980 года я разработал ясный план действий. Необходимость щадить Людины чувства и хотя бы наспех залечить недуги удерживали меня на первых порах от активных выступлений. Но лишь до поры, до времени. Я намеревался кое-что основать и предпринять. Условия к этому были. И рано или поздно все замышляемое и делаемое закончилось бы новым заключением. И прекрасно — я вернусь в привычное состояние, к своим многолетне испытанным друзьям.

Терзала лишь бесконечная жалость к Люде. Но на избранном мною пути приходилось жертвовать всем, даже самым дорогим и любимым. Такая перспектива казалась самой реальной.

Но было и другое. Настораживало упорное и настойчивое стремление властей вытолкнуть нас за пределы страны. И причиной этому было не только мое поведение на следствии, суде и в лагере, не только активная гуманная деятельность Людмилы, не только поддержка отечественной и зарубежной общественности, но и сложившаяся политическая обстановка в Эстонии.

Политическая обстановка в республике была очень напряженной для властей. В течение 1980 года особенно активизировалась деятельность групп Демократического движения, принимающих новые формы и избирающих новую тактику. Распространялся Самиздат. Выпускались документы. Появлялись все новые протесты, декларации и обращения. Продолжалось сотрудничество с оппозиционным движением в Литве, Латвии и РСФСР. Работала связь с зарубежьем. Бесперебойно выпускалась эстонская "Хроника" — "Добавления к информации..." Наконец, в начале октября произошли невиданная в советское время пятитысячная демонстрация в Таллине, для разгона которой вызвали регулярные войска, молодежные беспорядки в Тарту и Вильянди, забастовка на Тартуском механическом заводе и в совхозе

Кульдре, выступление интеллигенции в виде письма "40" и т. д.

Подъему оппозиционного движения в Эстонии способствовали, конечно, и события в Польше, и отправка эстонских парней в Афганистан, и резкое ухудшение экономического положения, и очередные попытки русификации.

Но не последнюю роль в волне антиправительственной деятельности сыграли идеологические основы, организационные структуры и традиции борьбы, заложенные нами, демократами Эстонии, еще в начале 70-ых годов...

И в этих условиях властям было совершенно нежелательно появление нового оппозиционного центра в самом сердце столицы на ул. Лембиту, возникновение негласной демократической штаб-квартиры прямо напротив здания ЦК компартии Эстонии.

Чтобы сбить нарастающую волну движения, КГБ нанес в 1980 году ряд предупредительных ударов, организовал серию обысков и внесудебных преследований, арестовал некоторых активистов — М. Никлуса, В. Кукка, В. Нийтсоо, В. Калепу, Т. Мадиссона и других, и провел над ними устрашающие политические процессы...

Перед властями стояла проблема — избавиться и от нас с Людой. И способом, не вызывающим общественного негодования...

Между тем, я восстанавливал свои старые связи и устанавливал новые. К нам почти ежедневно приходили люди, ставшие на путь открытого противодействия бесчинствующей власти... Столичная общественность подарила нам статую героя национального эпоса — Калевипоэга. Этот подарок очень растрогал меня, ибо он символически выражал признание вклада, сделанного всеми без исключения демократами Эстонии. Не пришло еще время рассказать о славных делах и самоотверженной помощи многих людей. Сделать это — означало бы поставить многих из них под реальный удар.

Приходили к нам не только друзья и единомышленники из Эстонии, но и друзья из соседних республик, из Москвы, Киева, Ленинграда...

Но наряду с этим добрым и вдохновляющим опытом общения с людьми было и омрачающее обстоятельство. Еще в 1979 году из заключения вышел человек, имени которого я не назову. Вместо общественной или правозащитной деятельности, он всю свою энергию вложил в раздувание обвинительной кампании против меня, благо из-за колючей проволоки я не мог ни услышать, ни ответить ему. Пользуясь тем, что доверчивые люди верят каждому слову человека, вышедшему о т т у д а, он обвинил меня в "жестокости" и в том, что якобы я "приказал" сокамерникам бойкотировать его... Человек с заслугами, он в лагере совершил ошибку и вел переговоры с офицерами КГБ, зондируя почву о подаче прошения о помиловании, мотивируя это состоянием здоровья. С нами, как это было принято, он ничего не согласовывал, нашего мнения не спрашивал, то ли стыдись, то ли пренебрегая. Что касается меня, то я, конечно, этих действий не одобрял, и отношения стали натянутыми. Кто был в лагере, тот знает, что "приказать" кому бы то ни было — бойкотировать уважаемого в лагере человека просто невозможно. К чести моего обвинителя следует сказать, что он так и не подал заявления на помилование. Но, видимо, боясь, что я разглашу этот эпизод — чего у меня и в помыслах не было! — он решил предупредить и поднял шум, вынудив к неприятным объяснениям. Но я должен со всей определенностью сказать, что был и являюсь решительным противником соглашения с советской администрацией, особенно в лагерных условиях! Тем более, если его намереваются заключить незаурядные люди, сделавшие достойный вклад в добрые дела.

Тронула меня также исключительная забота эстонских врачей о моем здоровье. В частном и негласном порядке они провели столь основательное исследование моего здоровья, с применением последних достижений медицинской техники, какого, вероятно, удостоиваются лишь члены правительства. Только мой внезапный отъезд прервал их благородные усилия. От всего сердца благодарю вас, эстонские врачи!

Об одном нашем близком друге, безвременно погибшем прекрасном человеке я хочу рассказать подробнее. 14 февраля 1982 года, в одной из московских больниц, задохся от недостатка воздуха 28-летний Дима Леонтьев. Он был доставлен туда во время очередного приступа бронхиальной астмы, которой страдал много лет. Ему требовалась лишь кислородная подушка. Вместо этого его подвергли медленной процедуре освидетельствования. Обследование затянули до тех пор, пока не наступил роковой исход. Создается впечатление, что кто-то был заинтересован в его смерти. Много ли мы знаем случаев, чтобы в современной столичной больнице от астмы умер бы молодой человек в самом расцвете сил и дарования?..

Дмитрий Анатольевич Леонтьев родился 6 февраля 1954 года. Его мать Оксана Тимофеевна была музыковедом, отец — геологом. Будучи музыкально одаренным, он в 1974 году закончил Музыкальное училище им. Гнесиных при Московской консерватории, по классу рояля. После окончания училища он работал пианистом-аккомпаниатором в певческом и балетном кружке при Доме культуры "Красные текстильщики".

Дима был очень добрым и отзывчивым человеком, вращался в правозащитных кругах. После моего ареста в начале 1975 года он познакомился с моей женой и сыном. Весной этого же года он вместе с Людмилой организовал мне продуктовую передачу в Лефортовскую тюрьму в Москве, через которую я следовал в печально знаменитый Психоневрологический институт им. Сербского. Несмотря на болезнь, он два раза, в очень тяжелых дорожных условиях, сопровождал Людмилу, которая ездила ко мне на свидания в мордовские лагеря. Во время одной из поездок с ним в вагоне случился приступ астмы. Но, к счастью, все обошлось... Нашей семье он оказывал всю возможную моральную, духовную и житейскую поддержку, какая только была в его силах. Был даже крестный отцом Людмилы, которая крестилась лишь в 1976 году. Активно участвовал он и в общественных делах. Хоть по своей скромности никогда не

говорил об этом. Так, 18 мая 1978 года, он, вместе с А. Сахаровым, Е. Боннэр, И. Ковалевым, Т. Осиповой, М. Ланда, Л. Терновским и другими, подошел к зданию суда, где зачитывали приговор основателю Хельсинкской группы в Москве Ю. Орлову, и потребовал впуска в зал суда. Вместе с другими он был арестован органами милиции за неповиновение властям и отбыл 15 суток в заключении (см. "Хронику текущих событий" № 50). После отбытия наказания по месту работы было устроено собрание, на котором разбирали его поведение. Он держался мужественно и достойно, отказавшись признать себя виновным (см. "Хронику ... № 51).

Он принимал также деятельное участие в работе Фонда помощи семьям политзаключенных, основанного замечательным писателем Александром Исаевичем Солженицыным. Он отправлял посылки, доставал продукты, писал письма, пересылал деньги, ездил на свидания, укрывал правозащитников, в том числе впоследствии арестованного А. Подрабиника... Да разве сочтешь всех добрых и полезных дел, сделанных им из любви к людям за такую короткую жизнь.

Но он был не только хорошим музыкантом и общественно деятельным человеком. Он был и выдающимся мыслителем, о чем мало кто знает. Им написана философская повесть "Год Федора Степановича", которая находится сейчас на Западе. Надеюсь, что она еще будет напечатана.

Образцом его яркого и глубокого мышления служат письма, написанные им в 1979—1980 годах и направленные в Мордовские лагеря № 19 и 5, в тюрьму КГБ в городе Саранске, где я отбывал наказание.

Наша переписка была исповедной. Оба мы были верующими. И оба ощущали дыхание смерти. Он предчувствовал свою раннюю гибель. А я предполагал, что из заключения живым не выйду. Провидение решило все по-иному. Но как бы то ни было, его письма ко мне и мои ответы были, по сути дела, взаимной предсмертной исповедью. И, быть мо-

жет, в этой переписке отражены нелегкие раздумья и смятенные поиски многих наших современников.

Лагерная цензура и стоящий за ней КГБ не понимали смысла поднятых вопросов и допускали переписку из "воспитательных" соображений. Им было важно, чтобы мы оба отошли от общественных дел: Дима от правозащитной, я — от политической деятельности. И чтобы погрузились мы в мир внутренних религиозных исканий...

Шло время. Приближался конец заключения. И суждено мне будет еще встретить Диму.

Об одной встрече с ним я уже рассказывал. Другая встреча произошла несколько месяцев спустя. Нас с Людой изгоняют из страны. Москва. Шереметьевский аэродром. И снова около нас друзья. На этот раз провожают. И конечно — Дима. "Дорогой Дима... как же так... не успели даже поговорить... а столько надо бы еще вместе сделать..." — "Даст Бог встретимся, Сережа!" — успокаивающе говорит он...

Но не сбылось. На каждого есть свой Божий замысел. Он умер, навечно оставшись жить в наших благодарных сердцах, в сердцах тех, кто знал его. Безвременно умер добрый, прекрасный, общественно деятельный человек, одаренный музыкант и глубокий мыслитель, завещав нам свои духовные поиски и открытия, свой светлый нравственный пример.

Он задохся и погиб от недостатка воздуха. Но от недостатка таких людей, как он, задыхается и гибнет Россия. И все же — не погибнет! И верю, что исцелится!

А ты, Дима... Да был ли ты вообще, человек мира не нашего?

Или только приснился — в дивном и вещем сне?

В это время я тайно начал составлять новый сборник работ. В сборник вошли статьи, содержащие разработку последнего периода заключения. В сборнике были следующие работы:

1. "Возрождение в Свободе и Любви", где исследуются предпосылки и ставится задача о политическом освобожде-

нии и моральном обновлении народов России и Восточной Европы.

2. "История — наставница Возрождения" где исследуются развитие начал Свободы и Любви, их усиление и ослабление, подъем и упадок в течение всей 1000-летней России.

3. "Лагерные уроки", где автор говорит о возможностях и делится опытом борьбы за Возрождение личности политзаключенного, борьбы за знание, чистоту, справедливость, идейность, здоровье и равновесие.

4. "Заявление общественности", где выражается благодарность за поддержку семей политзаключенных, в частности, и самого автора за годы заключения.

В сборник включены также стихи-словоритмы: "Откровение", "Эллинской деве", "6 адских кругов", "Возрождение". Сборник удалось тотчас же отправить за границу. Сборник я назвал "Зарницы Возрождения". Это был образ, явившийся в темнице. Это было слово, которое хотелось принести людям из неволи. Это стало заглавием книги, которая писалась уже на Западе.

Вернемся, однако, к внешней стороне событий. Итак, мне разрешили жить на квартире у моей жены, где я был арестован 3 января 1975 года. Но вскоре надо мной был установлен административный надзор, согласно которому я не имел права: 1. покидать пределы города Таллина, 2. покидать свою квартиру вечером, ночью и рано утром, 3. появляться в общественных местах — в кино, в театре, в кафе, в столовой и т. д. Я должен был также отмечаться каждую неделю в милиции. И в ночное время меня приходили проверять непрошенные гости в виде людей в штатском, военного патруля и офицеров милиции.

Продолжались и вызовы. Мне дали понять, что материал для нового дела уже накопился (публикации на Западе в "Русской мысли", Сборник "10 лет Демократического Движения" и т. д.), что меня могут и принудительно посадить на самолет (А. Солженицын, В. Борисов), что наша судьба предрешена. И не в Таллине, а в Москве.

Дело принимало нешуточный оборот. Вставал вопрос:

Что делать? Идти с демонстрацией против высылки на Ратушную площадь или не сопротивляться предрешенному, предоставить все навязанному ходу вещей. Друзья и родственники, после долгих споров, решили в пользу последнего... "Чему быть, тому не миновать. Пусть высылают, раз решили. Вернусь в свободную страну", — подумал я, хоть и стоило мне это нескольких сердечных припадков...

Пасмурное майское утро 1981 года. В нашей квартире раздается резкий и настойчивый телефонный звонок. Моей супруге и мне предлагается срочно явиться в ОВИР Министерства внутренних дел Эстонии. Приходим без опоздания. Начальник ОВИРа, стоя и со зловещей торжественностью, объявляет, что Указом Президиума Верховного Совета Эстонской ССР мы лишены советского гражданства и в шестидневный срок обязаны покинуть пределы СССР. Назначенный контрольно-пропускной пункт — Москва, Шереметьевский аэропорт. Тут же у нас отбирают советские паспорта и взамен выдают зеленые листочки выездных виз. "Отныне мы граждане всего мира", — иронически говорит жене. Она лишь скорбно вздыхает...

Раздаем все наше имущество, проходим формальности, сдаем квартиру, долго и горестно прощаемся с друзьями и единомышленниками в Таллине, а затем и в Москве. Молодой пограничник с широким русским лицом, медлительно проверяющий наши документы — почти что священнодействуя! — был последним официальным представителем советской власти. И вот почти пустой реактивный лайнер "ТУ-134" мчит нас в Вену. С самого начала полета вокруг нас плотно рассаживаются четыре человека и теперь сидят со скучающими лицами. Это "неофициальные" представители.

Силы безопасности, в лице четырех натренированных молодцов в штатском "мирно" конвоируют нас до Вены. Может быть, советские власти боялись, что в страхе перед "капиталистическим адом" мы захватим самолет, повернем его на Москву и заставим приземлиться на Шереметьевском аэродроме? Ничего. Все обошлось мирно и без происшествий. Приземляемся на венском аэродроме. И чекисты

молча и с непроницаемыми лицами наблюдают, как нас принимает австрийская пограничная стража, вооруженная до зубов. "Ответственное" задание выполнено! Спите спокойно, граждане Андропов и Брежнев. Еще одним "госпреступником" меньше! И держава ваша теперь, конечно же, спасена! Еще немного — и мы в транзитном лагере. Он окружен бетонными стенами, обнесенными сверху колючей проволокой. Что-то давно знакомое...

Приветствую тебя, светлоликая Свобода!

Политические высылки неугодных лиц из СССР не новы. Примеров этому немало: в 1922 — 75 русских культурных и политических деятелей, в том числе философы Н. Бердяев и С. Франк, в 1929 — Л. Троцкий, в 1974 — А. Солженицын, в 1976 — В. Буковский, в 1979 — А. Гинзбург, Г. Винс, В. Мороз и двое из группы "самолетчиков". В 1981 г. в более мягкой форме это повторилось с нашей семьей. Оказывается, советскому руководству мало было лишить жену места работы, мало было лишить свободы двух членов семьи в общей сложности в течение 11 лет. Ему понадобилось подвергнуть нас еще и новому, более жестокому наказанию.

Ибо высылка нанесла нашей семье ущерб нравственный, лишив родины и испытанных друзей, ущерб душевный, лишив родителей единственного сына, ущерб политический, лишив верных единомышленников, и, наконец, ущерб экономический, лишив нас дома и почти всего имущества...

Но мы обязательно вернемся на возрожденную родину — полноправными гражданами свободной страны.

... Из транзитного лагеря в Вене нас спас телефонный звонок от эстонских друзей в Стокгольме. У ворот транзитного лагеря нас встретила добрая, гостеприимная чета — эстонский композитор Арво Пярт и его жена Нора. В их уютном доме мы с женой жили целую неделю. Затем при помощи Эмнести Интернэшнл мы выехали к австро-германской границе около Зальцбурга и в районе города Бад Рейхенхаль, земля Берхтесгаден, явились в баварскую пограничную полицию. В порядке исключения Министерство внутренних дел ФРГ разрешило нам ожидать решения нашей

судьбы в гор. Мюнхене. Мы оказались в очень больших нравственных, психологических и бытовых трудностях, но эстонские, немецкие, русские и иные друзья сделали очень много доброго, чтобы облегчить наше положение. И за это наша семья всегда будет благодарна...

Мюнхен, древняя столица Баварии. Это — прекрасный, чистый, благоустроенный город с крупными парковыми массивами. Пышные деревья, живописные дорожки, журчащие ручьи, зеркальные пруды и серебристые озера — лучшие их украшения. С юго-запада на северо-восток город пересекают зеленоватые, медлительные струи Изара, полные рыбы и населенные стаями уток, лебедей, гусей и чаек. Город расположен на баварском плоскогорье, подымающемся около полукилометра над уровнем моря. Нам с Людой, выросшим на приморской равнине, конечно, нелегко переносить разреженный горный воздух и дующий с Альпийских гор фён. Но приходится привыкать. Большую помощь в общении с немецкой администрацией и социальными службами оказала нам группа Эмнести Интернэшнл города Штарнберга. Их любезного приглашения поселиться в г. Штарнберге мы, к сожалению, принять не могли и поселились в одном из пансионатов Мюнхена, оплачиваемом городским Социаламтом. После 2-комнатной квартиры в Таллине оказаться вдвоем, в комнате в 12 кв. метров, без основных удобств, было не слишком приятно. Но наша доля изгнанников была все же неизмеримо легче, чем у первой и второй волн эмиграции. Большую роль в первоначальном устройстве нам оказали эстонские и немецкие друзья. Позднее кое в чем помогли и русские эмигранты. И все-таки было нелегко — разьединенность семьи, незнание языка, отсутствие самого необходимого, собственного очага, постоянной работы, знакомых, друзей и привычной среды общения — все это очень осложняло нашу жизнь на Западе. Потом, медленно и не без труда, все начало выравниваться.

Первой удачей было получение политического убежища. Оно было предоставлено нам через два месяца. Это — рекордный срок, учитывая, что многим приходится ждать

почти целый год. Сказалась помощь немецких друзей из Эмнести Интернэшнл. Уже в августе нам выдали документы и разрешение на работу, которую, однако, пришлось очень долго ждать. В связи с нашим изгнанием с родины мы потеряли очень многое, испытываем значительные трудности, страдаем определенным неустройством. Но дал ли Запад нам нечто ценное, чего мы не имели у себя на Родине? Да, безусловно! И я назову лишь два бесценных дара, полученных от Запада.

Во-первых, Запад предоставил нам слово, чего мы не имели на родине. Эстонская и русская, немецкая и британская, французская и бельгийская, а затем американская и канадская печать дала нам возможность публично высказаться на ее страницах. "Вендепункт" и "Зюддейче цейтунг", "Рахвуслик контакт" и "Посев", "Русская мысль" и "Континент", "Совет аналит" и "Кайе дю самиздат", "Вашингтон пост" и "Торонто сан" — вот лишь некоторые газеты и журналы, не пренебрегшие голосом изгнанника...

Во-вторых, Запад открыл нам мир, который был закрыт нам на родине. За год с небольшим, при стесненных средствах и возможностях, мы побывали в 13 западных странах. Мы ознакомились с Австрией и изъездили Германию, затем посетили Францию и Бельгию, с возвышенности недалеко от Гёттингена видели территорию ГДР, посмотрели Данию и путешествовали по Швеции. Потом мне довелось прожить три месяца в Англии, а летом 1982 года посетить 15 городов США и Канады. После возвращения мы с группой друзей поехали в Италию, в Монако и в Испанию.

В ноябре 1982 года мы посетили исток веры, родину демократии, древнюю колыбель философии, искусства и науки, загадочную Грецию, посетили Дельфи, Афины и Пирей... И уже сейчас можно подвести первые итоги:

И Греция, недоверчивая и бедная, но все еще в дивном очаровании своей древней культуры, и Италия, живая и противоречивая, но околдовывающая своим непревзойденным искусством; гордая, учтивая, достойная Испания и спокой-

ная, красивая, чистая Швеция; исторически прославленная и внешне яркая, но удручающая своим социальным хаосом Франция; океанически направленная и строгая, но поражающая своими экономическими трудностями Англия; глобально ориентированная Америка, оплот мировой свободы, и пространственно раздольная Канада, резерв мирового процветания, — все оказали на нас сильное впечатление и убедили в достоинстве, в своеобразии и в значимости вклада, делаемого ими в мировую жизнь... Но особое впечатление произвела на нас Германия. Какие бы исторические превратности ее ни постигали, какие бы взлеты и падения, победы или поражения она ни переживала, какие бы чудеса или ошибки ни совершала, Германия — неповторимое и сильное явление человечества.

Немцы являются стержневым народом Европы, центром порядка и организованности, самой судьбой призванным уравновешивать перезрелость крайнего Запада и недозрелость могучего Востока материка.

Так спасибо Западу за два бесценных дара — за СЛОВО и за МИР! Было множество интересных встреч с людьми, накопилось огромное количество разнородных впечатлений, заметок и наблюдений. Описанию Запада я надеюсь посвятить в будущем отдельную книгу. Встречи, знакомства и новые впечатления на Западе навевают не только радостные, но и грустные размышления. Прежде всего о судьбах и положении российской эмиграции. Конечно, я — новичок на Западе. И ветераны эмиграции могут снисходительно заметить, что многое мне лишь показалось. Но жизнь научила меня немножко доверять и своему видению.

В Европе существует незримая, великая стена, разъединяющая народы Востока и Запада, частицей которой является печально известная Берлинская стена. В Европе существует и вторая Берлинская стена, разъединяющая восточно-европейскую и прежде всего российскую эмиграцию от западно-европейских народов. Налицо противостояние духовно-психологическое, раскалывающее силы. Незримой, но постоянно чувствуемой стены между отдельными груп-

пами эмиграции касаться не будем. Если последнее явление до известной степени неизбежно, то предыдущее — вполне устранимо.

Эмиграция, как последних 15-ти лет, так и более ранняя, видимо, страдает двумя крайностями — это:

1. слияние с Западом, т. е. полное саморастворение в западной жизни, с использованием ее широких, главным образом эпикурейских возможностей, с полным или частичным забыванием интересов родной страны;

2. разрыв с Западом, т. е. полное обособление, нередко отчужденность и враждебность к западной жизни, при одновременном отстаивании лично понимаемых интересов своей страны.

Если первое кажется досадным, то второе просто опасно. Справедливую и своевременную критику Запада великим российским писателем А. Солженицыным в первом случае отвергают полностью, а во втором — используют как довод. Между тем основной смысл его критики Запада — не в отрицании, а в призыве обрести мужество и лучше исполнить свой долг. Так же, как смысл его еще более беспощадной и пламенной критики Востока — не во враждебности, а в призыве преодолеть зло и обновить землю.

Оказавшись на германской земле, не слушая советов слева и справа, я сходу решил прорвать "инородческий" и "иноверческий" барьер. И, невзирая на свой ломаный язык, широко начал общаться с немецкими гражданами, с семижды обвиненными представителями "гнилого" Запада. И был рад обнаружить в личном человеческом общении черты порядочности, терпимости, сдержанности, благожелательности, отзывчивости, доверия, деловитости, бережливости, служения личностному, да и просто корректность в обращении. Утвердили мой оптимизм и контакты с англосаксонцами. Эти черты не так уж часто обнаружишь в Советской России. И — увы! — не каждый, сопричисленный к диссидентству, щедро украшен данными добродетелями. Этому ли не поучиться у Запада? А нам, русским, разве не присущи неприхотливость, выносливость, терпение, радушие, участливость,

стойкость, простота, жертвенность, служение надличностному? Этому ли не поучить Запад?

Видимо, правильное сказать: не вражда, но взаимодействие ценных начал Востока и Запада. Не отчуждение, но взаимообогащение положительными свойствами души и основами жизни. Не возведение стен вражды, но наведение мостов сотрудничества!

Глава 11

ВОЗРОЖДЕНИЕ ВОСТОКА

Пространство от Уральского хребта до Атлантического океана, от Ледовитого океана до Средиземного моря населяет в настоящее время без малого 700 миллионов человек различной этнической принадлежности.

Европа является наиболее перенаселенным континентом земного шара, занимая 2-е место в мире по населению (после Азии) и лишь 4-е место по площади (5,57 млн. кв. км), после Азии, Америки и Африки. Плотность населения в Западной Европе достигает 90 чел. на кв. км, что превышает показатели других субконтинентов мира. К началу 80-ых годов континент населяло около 250 млн. лиц славянского, около 180 млн. лиц германского — и около 170 млн. лиц романского происхождения. Европа является мощным источником политического и экономического, морального и культурного влияния на всю планету, второй духовной родиной и главной мастерской мира. Она же могучий центр идеологических импульсов и социальных потрясений, очаг невиданной научно-технической революции и кровопролитных мировых войн, место выдающихся культурных и экономических достижений, а также массового преследования людей и их организованного уничтожения... Европа — это судьбоносный континент для всего человечества.

Но в ней же, как в зеркале, отражаются беды, опасности, слабости и противоречия всего человечества в целом. Как видимый символ расколотости человечества, в самом сердце Европы сооружена стена разделения центрального народа континента. Но в Европе существует также незримая, великая стена, разделяющая народы Востока и Запада. Она пришла на смену "железному занавесу" сталинских времен. И Берлинская стена — лишь малая часть, видимое воплощение этой зловещей стены страха, недоверия и вражды. Налицо — противостояние идеологическое и военно-политическое, трагически раскалывающее континент.

Восточный блок, во главе с Советским Союзом противостоит свободному сообществу западных стран. Основным ядром и сердцевинкой восточного блока волей судьбы является Россия, возглавляемая коммунистическими руководителями.

Судьбой России дано очень многое. Дано больше, чем другим народам. Это — обширные земли и природные богатства, многочисленное население и самобытная культура, жизненная сила и христианская вера, небесталанность и трудоспособность ее людей.

Но в этом злополучном веке над ней нависло какое-то зловещее, черное облако. И не рассеивается до сих пор... Какая-то часть России, народа России, ее заблудшие правители околдованы Молохом великодержавности и мировладычества. Ему приносятся жертвы самым дорогим и маловосполнимым, ради него рушится ствол полноценной национальной жизни. Этот Молох толкал на захват Маньчжурии и Северной Кореи, приведший к русско-японской войне и к падению неограниченного самодержавия (Дума 1905 года), к захвату проливов Черноморья, что было одной из причин Первой мировой войны, приведшей в свою очередь к гибели монархии и думской демократии (1917), толкал на неуступчивость в национальном вопросе, что обусловило поражение "белых" и агрессию "красных" в Гражданской войне (1918—20 гг.), на новые захваты в Восточной Европе и на Дальнем Востоке (1939—45), стоившие жизни почти трем десят-

кам миллионов жителей страны и создавшие угрозу будущих войн и расплат. Он же толкает и в наше время на империалистические авантюры во всех уголках мира...

Правителям России, видимо, безразлично, что народ в то же время пребывал и пребывает в состоянии необеспеченности, беспорядка и бездуховности, почти растерял свои нравственные устои и национальные обычаи.

Но, страдая сама, Россия явилась источником страданий и для других народов; самосжигаясь, причиняла тяжелые ожоги и другим. А этот грех уже не прощается... если он без искупления. И не будет на этом пути ни мира, ни благосостояния, ни свободы, ни любви, никому и никогда!

Неблагополучно сейчас в Советском Союзе и России. Налицо резкий рост недовольства и социальной напряженности в стране. Все это вызывается фактором: а) *экономическим* (неуклонное снижение жизненного уровня, острый недостаток продовольствия и товаров массового потребления, наличие тайного снабжения и т. д.); б) *социальным* (жилищный кризис, плохое медобслуживание, неудовлетворительный транспорт, недостаток мест в яслях и детсадах, неблагоустроенность городов и поселков, плохое пенсионное обеспечение и т. д.); в) *внешнеполитическим* (непопулярная и кровопролитная война в Афганистане, соблазнительный пример свободного профсоюзного движения в Польше, растущая угроза войны с Китаем и т. д.); г) *внутриполитическим* (преследование участников религиозного, профсоюзного, политического и правозащитного движения, обострение национальных противоречий и попытки русификации национальных окраин). Все это в ряде случаев вызывает массовые формы протеста, как, например, забастовки в 1980—81 гг. в Горьком, Тольятти, Минске, Киеве, Куйбышеве, Тарту и Кульдре.

Правительство лихорадочно ищет выхода из создавшегося положения, запугивая, например, внешней опасностью. И, в то же время, тайно закупает у своих "врагов" рекордное количество зерна в 1981—82 гг. (план — 46 млн. тонн!). Но оно никогда не найдет выхода в границах существующей

системы. Выход — в поиске и основании другой, новой, более совершенной политической системы и экономического строя. Советская же система в ее современном виде неостановимо катится в пропасть, движется к кровавому хаосу. И в этот страшный час ее не спасут уже никакие здоровые силы, ибо будет слишком поздно.

Но сейчас еще не поздно...

Все, что будет происходить на Востоке, в России, окажет глубокое, отрицательное или положительное, влияние на всю Европу и на весь мир в целом. Если там будет существовать тоталитарное и агрессивное государство, то над всеми народами Европы будут нависать постоянная опасность войны и угроза захвата. Если там образуется демократическое и миролюбивое государство, то между странами Запада и Востока Европы возникнут отношения дружбы, сотрудничества и взаимной выгоды. А положение во всем мире будет более стабильным и благоприятным.

Если существующее, неблагополучное для народов, но выгодное для империалистического, советского государства, положение продлится, то возможны лишь два, одинаково отрицательных пути. В лучшем случае это — медленное загнивание и постепенный распад. Распад духовный, нравственный, политический и экономический. В худшем случае это — внезапная, лавинообразная катастрофа, хотя и десятилетиями подготавливаемая. Это — совершенно неизбежно, если умственный и физический труд сотен миллионов людей, все помыслы и усилия власти будут направлены на господство и могущество, на подавление и уничтожение как в своей стране, так и вне ее, во всем мире.

Но возможен и положительный путь развития. Он возможен лишь в том случае, если народы Советского Союза и прежде всего русский народ направят основную или значительную часть своих творческих сил на *политическое* освобождение и *нравственное* обновление своих обществ.

Главная историческая задача стран Восточной Европы и России в *морально-политическом возрождении* их народов и обществ, при котором воцарится свобода, расцветет лю-

бовь и будет достигнуто общеевропейское единство. Эта великая цель может и должна быть достигнута.

Морально-политическое возрождение заключается: а) для нерусских народов Советского Союза — в *самоопределении* и в *самоочищении*; б) для русского народа — в *самоосвобождении* и в *самоочищении*; в) для несоветских народов Восточного блока в достижении *независимости* и в *самоочищении*.

В самоочищении нуждаются все. Оно может осуществиться главным образом и прежде всего *внутренними силами* на основе массового и мощного, но безнасильственного и невооруженного, как правило, действия. И содействовать этому может более сплоченная и активная политэмиграция. А также наиболее сочувствующие и влиятельные круги Запада. Дело свободы Восточной Европы и России, дело их нравственного самообновления и духовного очищения является частью всемирного дела свободы и любви. Европейский континент — неделим! Будущее Европы — в воссоединении Запада и Востока на основе свободы, сотрудничества, солидарности и взаимопонимания.

Какие силы могли бы питать и осуществить, начать и завершить дело *возрождения Востока*? Или быть хотя бы резервом и базой для него? Это прежде всего —

А. СИЛЫ ВНУТРЕННИЕ.

Из них в настоящее время наиболее существенны следующие:

1. ПРАВОЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ (ПЗД). Под этим движением понимаются силы, стремящиеся улучшить правопорядок советской тоталитарной системы, но не желающих устранить ее политические основы. Движение и особенно ее московское ядро сделало многое для мобилизации общественного мнения Запада по поводу правонарушений в стране. Советское руководство, заинтересованное в экономических отношениях и в технологическом обмене с Западом, вынуждено было сдерживать в определенных пределах свою репрессивную политику и соблюдать некоторые правовые формальности. Но Движению присущи крупные недостатки, делающие его все более нежизнеспособным.

Во-первых, отсутствие народной поддержки. Народ — справедливо или нет! — считает борьбу за право эмигрировать делом еврейского нацменьшинства, к которому равнодушен; борьбу за духовную свободу — делом узкого слоя творческой интеллигенции, к которой безучастен; борьбу за соблюдение Хельсинкских соглашений — делом иностранцев и их друзей, ибо оно не кажется ему связанным с повседневными нуждами. Естественно, что народ, считая движение делом "евреев", "интеллигентов" и "иностранцев", его не поддержит.

Во-вторых, правозащитное движение не имеет ни продуманной, четкой идеологии, ни конкретной социальной программы, если не считать отвлеченных принципов и деклараций, непонятных народу. Жертвенность и активность многих участников ПЗД, к сожалению, не могли улучшить общего неблагоприятного впечатления, создавшегося у народа о деятельности движения. Еще уцелевшим участникам правозащитного движения хочется посоветовать пополнить собой ряды подпольного политического движения или независимого религиозного движения.

2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ (ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ) ДВИЖЕНИЕ (ДД). Под ДД понимаются силы, стремящиеся к созданию демократического (или более демократического) государственного строя и действующие в начальный период подпольно. Сюда относятся политические группировки типа "Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа" (ВСХСОН), "Демократического Движения Советского Союза" (ДДСС), "Морально-политического Возрождения" (МПВ), а также недавно возникшие "Народно-демократический союз" (НДС), "Инициативный комитет за народную демократию" (ИКНД), "Национал-демократический фронт" (НДФ), и многие другие. Будущее политических движений на Востоке — в создании и расширении идеологических, программных, организационных и конспиративных форм борьбы за демократию или за ее переходные формы.

3. ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ (ПД). Под ПД понимаются силы, борющиеся за социальные и экономические интере-

сы трудящихся, а при необходимости выдвигающие и политические требования. Создание независимых от власти профсоюзов трудящихся по типу польской "Солидарности" является делом перспективным, может со временем рассчитывать на успех и получить поддержку самих широких слоев населения. Деятельность "Свободного межпрофессионального объединения трудящихся" (СМОТ) является хотя и скромным, но многообещающим начинанием этого направления.

4. НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ (НД). Под НД понимаются силы, борющиеся за осуществление своих национальных прав, вплоть до самоопределения и отделения в самостоятельное государство. Будущее национальных движений еще впереди. Сейчас же целесообразно создавать все в большем масштабе независимые, национальные культурно-просветительские и политические организации. Их примером могут служить такие группы как "Демократическое Движение Эстонии" (ДДЭ), и "Эстонский Национальный Фронт" (ЭНФ), "Национальная Объединенная Партия Армении" (НОП) и т. д.

5. РЕЛИГИОЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ (РД). Под РД понимаются силы, стремящиеся к независимому распространению и усилению веры в обществе, вплоть до деятельности во имя свободного религиозного возрождения своих обществ и народов. Это та основная база, на которую могло бы опереться дело морально-политического Возрождения. В настоящем же положении представляется правильным, чтобы РД развивалось не столько на основе церковно-приходских общин, контролируемых властью, а путем создания многочисленных религиозных общин, независимых и неконтролируемых властью.

Все эти силы лишь тогда добьются успеха и смогут содействовать возрождению Востока, если они будут активными и влиятельными, смелыми и жертвенными, авторитетными и терпимыми. Если смогут установить междвиженческую связь и наладить сотрудничество.

Б. СИЛЫ ПОЛИТЭМИГРАЦИИ.

Идейный, политический и национальный спектр этих сил широк и разнообразен. Возможностей для их деятельности достаточно много. Это русские, эстонские, литовские, латышские, украинские и другие национальные организации. Это — "Народно-трудовой союз", "Парижская группа", "Демократическое объединение", "Свободная Россия и многие другие. Но есть причины, ослабляющие ее силы и действенность. Это, главным образом, проблемы отношений национальных эмиграций к западным народам и друг к другу, о которых уже велась речь.

Я отношусь с большой симпатией к многолетней деятельности Народно-трудового Союза, к его упорной и жертвенной борьбе. Из всех существующих и существовавших организаций 1-й, 2-й и 3-й волн эмиграции, деятельность НТС принесла, пожалуй, наибольшую пользу делу освобождения России. Свою деятельность НТС построил на самых здоровых элементах освободительного движения: 1. Организованность. 2. Подпольность. 3. Программность. 4. Издательское дело. 5. Распространительная сеть. 6. Политическая пресса. 7. Материальная независимость.

Журнал НТС "Посев", несомненно, самое боевое и деловое политическое издание из всех журналов русской и русскоязычной эмиграции. Недаром советская пропаганда постоянно объявляет НТС "врагом № 1" из всех политических сил зарубежной эмиграции.

Однако росту кадров и расширению масштабов деятельности НТС, среди ряда других причин, сильно мешает отсутствие положительной универсальной идеи, способной длительно и тесно сплотить политические силы многих наций, насильно удерживаемых в составе СССР. Отрицательная универсальная идея в виде одного лишь "устранения коммунизма" не всегда может сплотить нации для совместной организованной борьбы. Ибо даже в условиях победы над советским коммунизмом нерусские народы России нередко опасаются активного противодействия НТС их законным чаяниям, их бесспорному праву на национальное самоопре-

ление. Тем не менее исторические итоги деятельности НТС, в целом, кажутся очень положительными и конструктивными. Во имя успешной деятельности хочется от души пожелать, чтобы политическое сознание руководителей НТС все больше включало в себя, а его будущая программа все полнее отражала бы простой, но важный принцип: Благо народное без блага н а р о д о в — недостижимо!

Самоутверждение только себя — смертоносно! Лишь самоотречение ради всех — благотворно!

В. СИЛЫ ЗАПАДНЫЕ.

Часто говорят о слабости и опасных ошибках западных стран, нередко даже об их уступчивости Восточному блоку и безучастности к освободительным силам Востока. Некоторые факты питают такие односторонние представления. Но истины и справедливости ради следует видеть также и значительную мощь Запада и ряд единственно верных решений западных руководителей. Следует выразить признательность за твердое противостояние Восточному блоку и, наконец, поблагодарить Запад за существенную и многогранную помощь освободительным силам Востока. В 1981 г. мне удалось встретиться с рядом руководящих политиков и общественных деятелей Германии, Англии и Швеции, а в 1982 г. — США и Канады. На меня произвели глубокое впечатление их живой интерес к положению народов Восточного блока, их сочувствие к страдающим, угнетенным и преследуемым, их многие реальные дела во имя облегчения участи людей, лишенных прав, достоинства и обеспеченности.

Оказать содействие и помощь политическому освобождению и нравственному обновлению народов Восточной Европы и России, всему делу будущего Возрождения Востока — в прямых, духовно-нравственных и политико-экономических интересах лучшей части западных обществ. И со стороны Запада было бы и мудро, и благородно, и полезно заботиться не только о своих баллистических ракетах и авианосцах, но поддержать и помочь тем лицам и группам, которые искренне, честно и энергично стремятся к победе дела возрождения Востока. Эта помощь могла бы быть, например,

нравственной — на уровне западных общественных сил, политической — на уровне западных правительственных кругов, материально-экономической, обеспечивающей организационно-бытовую сторону, и информационно-технической, предоставляющей возможность использовать радио и печать, издавать ценные материалы. Эта великодушная помощь была бы с благодарностью принята и действительно использована во имя целей Свободы и идеала Любви. И она сто-кратно бы окупилась, содействуя общему благу всего человечества.

Было бы целесообразно в свободном мире основать программно-исследовательскую и информационно-просветительскую организацию, содействующую и помогающую Возрождению Востока. Эта организация создавалась бы на широкой межнациональной основе из граждан Востока и Запада, и проводила бы в жизнь в доступных и посильных формах мысль и волю людей, желающих Возрождения Востока, искренне и горячо заинтересованных в этом. Если существуют международная помощь и международные организации, помогающие народам при наводнениях и землетрясениях, при нашествии саранчи и массовых эпидемиях, то почему не могла бы существовать международная организация для помощи народам, переживающим духовные, социальные, нравственные и политические бедствия?

*

Дело Возрождения Востока и Обновления Европы требует не только внешнего согласия с определенным комплексом политических идей и нравственных принципов. Оно требует также значительной нравственной перестройки человека в сторону интересов общечеловеческих. Эта нравственность требует заботы не только о благе личности, семьи и нации, но также о семье наций и о континенте в целом.

Но это требует также внутреннего принятия и проведения в жизнь прежде всего двух "мостообразующих" принципов:

1) единства Востока и Запада, 2) общности народов Востока и Европы.

В пользу первого принципа говорит следующее обстоятельство: Если на Востоке будут господствовать и бесконечно усилятся силы смертоносные, то Запад, вся разъединенная Европа окажется на краю гибели, в состоянии разделения, рабства и ненависти. Если на Востоке окрепнут и победят силы возрождающие, то в воссоединении Запада с Востоком Европа обретет новую жизнь — жизнь в *единстве, свободе и любви*.

Второй принцип требует некоторых пояснений. Правильно и необходимо бороться за благо своей нации и своей страны. Но следует помнить о всеобщей ответственности и взаимосвязанности исторических судеб всех народов Востока. Неблагополучное положение дел на Востоке создано вследствие ошибок, слабостей и определенного соучастия почти всех народов Восточной Европы. Большую или меньшую вину за это разделяют практически все народы Европы. Поэтому и достойно выходить из беды, и изменяться к лучшему следует совокупными усилиями всех народов. Спасение каждого возможно лишь через спасение всех. Поэтому, борясь за благо своей нации, следует одновременно делать вклад и в общее дело Освобождения Восточной Европы. Именно с дела освобождения начинается дело Возрождения Востока!

Дело обновления Востока как исторического целого включает в себя триединство следующих наиболее общих целей:

1. независимость народов несоветской Восточной Европы, начиная от поляков и немцев, кончая чехами и венграми;

2. самоопределение народов Советского Союза, начиная с малого, но мужественного эстонского народа, кончая доблестным украинским народом;

3. самоосвобождение могучего русского народа.

Если хотят достойной исторической судьбы, то к этим трем целям освобождения следует стремиться всем. Ни одна

борьба, какими бы благородными идеями она ни вдохновлялась, не может быть успешной без союзников. Без союзников на Западе. Без союзников среди восточно-европейской эмиграции. Но союзников нельзя приобрести, не расширив своего политического сознания, не научившись мыслить целостными понятиями и бороться за интересы Восточно-европейского и Все-европейского целого.

Без этого не падут стены недоверия и вражды, не наведутся мосты доверия и дружбы. Без этого нет и не будет победы!

После освобождения Востока гармоничной составной частью возрождения и обновления следовало бы осуществить воссоединение Запада и Востока. История Европы знает немало попыток воссоединения континента под эгидой различных державных сил. Но это были, как правило, попытки насильственного воссоединения. И они могли и могут привести лишь к обреченному на распад псевдоединству Европы. Наш судьбоносный континент знает в этом веке две печальной памяти попытки такого рода "воссоединения". Их "авторами" и "воплотителями" были коммунистическая Россия и нацистская Германия. Чем это кончилось, знает всякий...

Н. Я. Данилевский, автор книги "Россия и Европа", призывал к священной войне против Запада и мечтал о панроссийской Европе. Автор "Майн кампфа" мечтал о пангерманской Европе. Мечты обоих были близки к воплощению. Танки немецких национал-социалистов не дошли 1200 км до Уральских гор — восточного рубежа Европы. Танки советских коммунистов остановились в полустах км от Гамбурга, не дотянув до Атлантического побережья около 1000 км. К счастью для Европы, химерические мечты как западных, так и восточных гегемонистов не сбылись. К несчастью для Европы, угроза столкновения Востока и Запада остается в силе.

Говорят, что Запад прогнил. Но еще вернее сказать, что Восток — обморожен. Поэтому не в навязывании своих болезней, не в добавлении своих язв к чужим — путь исцеле-

ния. Исцеление — в свободном и взаимном приобщении к здоровым началам друг друга. Не в навязанном взаимовредительстве, а в свободном взаимоисцелении — спасение! Нездорово жить человеку только на балконе. Ослепительность света, удушливость зноя, открытость ветру не всегда полезны. Губительно жить только в погребке. Холод, мрак и сырость способны свести в могилу. Но пусть в общеевропейском доме будут и балкон, и погреб. Умеренность и сочетаемость обоих начал — благотворны.

Восток нужен Западу так же, как Запад Востоку. Запад и Восток — взаимодополнительны. Духовно и материально, психологически и физически, нравственно и политически, культурно и социально. Взаимодополнительность станет прекрасной действительностью в ходе тесного взаимодействия народов Востока и Запада. Во взаимодействии родится целостное, разумное и благое бытие материка. Вознесется Град Всеевропейский!

Народы Востока и Запада не враги друг другу. Эстонцы, украинцы, русские и другие народы Востока, с одной стороны, англичане, немцы, французы и другие народы Запада, с другой стороны, — партнеры по строительству Новой Европы.

Строительство Новой Европы в настоящем предполагает: *политически* — освобождение Востока при созидательном и мирном содействии Запада; *духовно* — осознание западно-восточной солидарности.

В будущем оно требует: *политически* — плодотворного взаимодействия Запада и Востока; *духовно* — осознания общеевропейской целостности.

Завершающей частью дела Возрождения Востока и обновления Европы, итогом дела Освобождения и Воссоединения является ЕДИНЕНИЕ европейских стран, единство европейского континента, важнейшего очага интеграции всего человечества.

Будущая Новая Европа — это объединенный, мирный, сотрудничающий континент, реализующий в своем становлении идеал Единства, Свободы и Любви.

Но можно и не стремиться к Возрождению и Обновлению народов континента. Можно и не предотвращать катастрофы. Можно беспечно ждать РАСПЛАТЫ или созерцать, как она обрушивается на головы других народов. Но тогда рано или поздно она настигнет всех. И тогда никто не уйдет от заслуженного возмездия. И тогда, люди и народы континента, в годину великого возмездия, в свой последний день и час, вы вспомните, что вас предупреждали, что вас звали на путь добра, звали к жизни. Вы же способствовали и помогали злу. И этим избрали зло — на собственную заслуженную гибель!

Глава 12

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЗЕМЛИ

Касаясь тревог и бед Восточной Европы, России, всей Европы в целом, следует обратить наш взор и на всю нашу "голубую" планету. Мы живем в интересное и впечатляющее время. Это время — невиданное и незамеченное ранее в обозримой человеческой истории время. Первое, что бросается в глаза, это — стремительное сокращение земного пространства и времени. Достижения в области транспорта, связи и космической техники привели к все большему разрушению пространственного барьера между различными точками земного шара и между людьми любой страны. Расстояния существенно сократились, все больше сокращаются с каждым днем и со временем сведутся к исчезающе малой величине. Это в свою очередь привело и приведет к еще большей степени массового и интенсивного общения различных частей человечества между собой. Научно-техническое развитие как бы тесно прижало всех людей земли друг к другу и внешне обусловило глобальную жизнь людей. Отныне каждое важное событие, крупное явление и значительное развитие, положительное или отрицательное, будет, используя создавшиеся коммуникации и чудесно преодолеывая пространство, определяюще влиять на события, явления

и развитие во всех других местах земного шара. С другой стороны стремительно сокращается и время. Иное десятилетие нашего века несет с собой больше новизны, перемен и изменений, опасных или благоприятных, чем некоторые тысячелетние исторические эпохи прошлого. Грани времен, отделяющие между собой поколения и части человечества, все больше размываются. Различные части человечества все больше придвигаются и приравняются друг к другу по условиям и по уровню развития. Одинаковость проблем рождает все большую необходимость однозначных и совместных решений.

Одновременно со сжатием пространства и со сгущением времени происходит взрывообразное увеличение основных показателей человеческого бытия и деятельности. Стремительно растут в мире народонаселение и производство, информация и просвещение, число войн и переворотов, количество жертв преследований и столкновений, загрязненность природной среды и запасы термоядерного оружия.

Современный поток развития человечества, пронизанный коллапсирующим пространством и временем, насыщенный эксплодирующими бытием и миром, содержит верное обещание катастрофы и напряженное ожидание спасения.

Разрушительное и творческое, смертоносное и возрождающее, взрыв и обрушивание причудливо сплелись воедино, подводя итог всей драматической истории человечества. Выход — в преображении духа.

Если бы древнегреческому поэту Гомеру, создающему свою яркообразную "Илиаду", или древнеиндийскому певцу, слагающему пламенные строфы "Бхагават-Гиты", была явлена картина сегодняшнего мира, то они были бы потрясены до глубины души, ибо настолько все современное выходит за пределы самой пылкой фантазии, самого гениального воображения наших древних предков. Создавшаяся на Земле необычная обстановка настоятельно требует глобального восприятия и мышления, общечеловеческой деятельности и нравственности.

Иначе говоря, — глобального духа и глобальной морали,

без которых не может быть спасения от катастрофы и благостного преображения земли.

К сожалению, до всемирной катастрофы уже довольно близко, а от глобального сознания все еще очень далеко. Провидение требует от человечества новой духовной основы, новых общественных отношений и нового отношения к миру. Требуется духа и отношений, основанных прежде всего на свободе и, главным образом, на любви. В этом случае человечество возобновит свое во многом утерянное право на дальнейшую жизнь во вселенском сообществе. Но великий зов судьбы не находит достойного отзвука на Земле!

В настоящее время человечество дает лишь неполный и неудовлетворительный ответ на ожидание Божественного Промысла...

Что же происходит на нашей планете?

Над человечеством нависла тень страшной опасности. В человечестве идут три параллельных процесса распада, смысл которых — преступление, а результат — смерть:

1. **ПРИРОДНО-БИОЛОГИЧЕСКОЕ САМОУНИЧТОЖЕНИЕ.** Его суть составляют — а) отравление водоемов, б) загрязнение воздуха, в) уничтожение зеленого покрова земли, г) истребление многочисленных видов животных, д) хищническое разбазаривание богатств земных недр, е) засорение человеческого организма алкоголем, никотином, кофеином и сильнодействующими наркотическими веществами, ж) большая плотность населения на минимальных пространствах, з) генетическая ущербность, повышенный темп рождаемости, и) размягченность и изнеженность в условиях комфорта цивилизации, к) нарушение созвучности с природой, — и многое другое.

При дальнейшем углублении этого процесс неизбежно подведет человечество к тройному физическому преступлению:

1. К уничтожению планеты, как космической арены воплощения, жизни и развития людей.

2. К форсированному физическому и духовному вырож-

дению и к гибели человечества как особой, вселенской формы жизни.

3. К уничтожению минерального, растительного и животного мира, существенной части мирового бытия.

2. **СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОРАБОЩЕНИЕ.** Его суть: а) формы тоталитаризма и империализма, колониализма и экспансионизма, б) шовинизм и изоляционизм, в) угроза всеобщего термоядерного истребления по инициативе тоталитарных государств, г) преследование и истребление людей внутри несвободных обществ, д) подавление прав и свобод человека властью, е) бездействие и безучастность остального мира, и так далее.

При наибольшей завершенности этого процесса он будет означать для человечества совершение тройного социального преступления:

1. Уничтожение социальной арены строительства высших совместных форм человеческой жизни.

2. Форсированное социальное вырождение и гибель человечества как разумного сообщества.

3. Уничтожение лиц, групп и народов как членов мировой семьи.

3. **ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ПАДЕНИЕ.** Его суть: а) разрушение человеческой психики искусственной средой, б) обеднение духовных начал из-за узкой специализации занятий, в) прагматичность и поверхностность образования, г) подавленность и покорность человека перед деспотической властью, д) загромождение сознания бессмысленной информацией, е) отрыв от ценных духовных источников, ж) отсутствие творческого поиска истины, з) пренебрежение к мировоззрению и к морали, и) скепсис, цинизм, безверие, нигилизм, пассивность, фатализм, приспособленчество, эгоизм, узость, отрешенность от мира и бегство от действительности.

Этот губительный процесс властно толкает человечество на совершение тройного духовного преступления:

1. Уничтожение космической арены духовно-нравствен-

ного развития человеческой души в ее воплощенном состоянии.

2. Форсированное духовное вырождение и гибель человечества как вида духовных существ.

3. Уничтожение высоких чувств, светлого ума и благотворящей воли, а также сотворенной Красоты, познанной Истины и совершенного Добра как основных ценностей мировой сокровищницы.

*

Итак, через разрушающуюся природу, через разлагающееся общество и затемненный дух, на человечество грозно надвигается возмездная всемирная катастрофа, содержание которой — природно-биологическое самоуничтожение с его принципом распада, социально-политическое порабощение с его принципом насилия и духовно-нравственное падение с его принципом вражды и отчужденности.

Противопоставить ей можно лишь благостное преображение земли через восстановление природы, через исцеление общества и через просветление духа.

Содержание преображения земли — в природно-биологическом оздоровлении на основе принципа Единства, в социально-политическом освобождении, стремящемся к идеалу Свободы, и в духовно-нравственном восхождении, осуществляющем завет Любви.

1. Суть ПРИРОДНО-БИОЛОГИЧЕСКОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ — а) в разумной консервации производства и в стабилизации экономики, б) в санации и реставрации природы, в) в частичной деурбанизации общества, г) в мелиорации сельского хозяйства, д) в принципе здорового опрощения, е) в сокращении искусственных потребностей, ж) в частичной "демашинизации" человека, з) в разумной и гуманной евгенизации человечества и т. д.

2. Суть СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ заключается: а) в создании всемирного собрания, обладающего широкими полномочиями в деле мирного едине-

ния и преобразования земли, б) в основании Организации Свободных Наций, если существующая ООН окажется неспособной продвигать в мире дело свободы и права, в) в реорганизации существующей ООН, способной действительно обеспечить международный и внутриобщественный правопорядок, а также способствовать сотрудничеству и развитию всех стран мира, г) в концентрации мировых сил, содействующих преобразованию тоталитарных систем в свободные общества, в демократизации колониальных и многонациональных государств с созданием антиимпериалистического фронта, е) в деимпериализации, демократизации и интеграции человечества, ж) в демографической стабилизации через законодательные, просветительские, гуманные и медицинские меры и т. д.

3. ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ включает в себя: а) напряженные духовно-нравственные поиски и обретения на уровне религии, философии, искусства и науки, б) преобразования основных религий в сторону большей открытости сознания, благотворного воздействия на мир и усиления миропреобразовательной энергии, в) экуменическое сближение церквей, г) воспитание духа терпимости и любви, д) стремления к общей религии человечества, е) творческую переработку и синтез философского наследия человечества, ж) стремление к единому планетарному познанию, сущность которого — всеединая, философская веро-наука, з) доведение духовно-нравственной информации до основных масс человечества, и) приобщение молодежи к религии и культуре всех основных стран через льготный массовый туризм, к) выработку принципов современной, общечеловеческой этики, дорабатывая и дополняя прежнюю, л) упор на этические и эстетические принципы при воспитании людей, развитие благотворительности, и многое, многое другое.

Дело ПРЕОБРАЖЕНИЯ ЗЕМЛИ могут и должны вести вперед лучшие творческие преобразующие силы человечества.

Совершенствующие силы Свободного мира.

Свободолюбивые силы Социалистического мира.

Строительные силы Развивающегося мира.

Мы верим, что выдающуюся роль в преобразении земли и в Возрождении континента сыграют германские, романские, славянские, греческие, угрофинские и балтийские народы Европы. Мы твердо надеемся, что Соединенные Штаты достойно выполнят миссию свободы в Северной Америке и во всем мире. Мы желаем также, чтобы сыграли свою ведущую благотворную роль Бразилия в Южной Америке, Нигерия в Африке, Индия и Япония в Азии, Австралия в бассейне Индийского, Тихого и Южного Ледовитого океанов.

Человек имеет немало!

Человек наделен волей, разумом, чувством и интуицией. В человеческой среде живут высокие понятия о Добре, Истине, Красоте и Высшем начале. В человеческом знании существует вероятная картина мира, близкие к истине представления об Исходе и Конце мирового развития, о сущности человека и смысле его жизни. Они добыты выдающимися представителями человечества и каждой истинно живой душой.

Поэтому человек имеет все предпосылки для успешного и достойного развития. Только испорченность и порочность не дают нам гармонично развить и верно применить наши творческие силы. И зря мы будем винить только Бога, космические, природные и социальные силы. Мы прежде всего должны винить самих себя. Каковы мы, таков мир, нас окружающий. Наша воля и разум вполне свободны, если мы сами не порабощемся, не порабощем других, не позволяем другим поработать других.

Человеческая жизнь, тело и дух, а также мир и человечество — в большой степени таковы, какими мы их сами делаем.

За все хорошее и плохое в мире мы, люди и народы, несем определенную долю всеобщей ответственности. В этом или какая-то наша вина, или какая-то наша заслуга. И за них мы, люди и народы, подлежим или возмездью, или вознаграждению. Таково таинство воздаяния в мире.

Перед человечеством невидимо развернута великая цепь эволюции. И каждое поколение людей имеет свою призванность, свой вселенский призыв, обязано выковать свое звено эволюции мира. Если поколение следует призыву, эволюция приобретет прочность и убыстрится, а поколение возвысится. Если не последует, эволюция нарушится и задержится, а поколению — воздастся.

И миссия современного и ближайших поколений — работать на важнейшем отрезке развития — содействовать переходу мира Силы — через мир Свободы — к миру Любви!

В настоящее время планета окутана мглой. Где-то светлее. Где-то крошечная тьма. Но свет — да преодолет тьму! Свет — да победит!

Воспрянь сердцем, пробудись умом, укрепишь волей, — наш современник! Судьбы мира — и в твоих руках!

Пусть заполыхают Зарницы Возрождения!

И пусть вспыхнет Свет Преображения!

Мюнхен, 1982

ПРИЛОЖЕНИЯ

В общеполитической части "Программы Демократического Движения Советского Союза" под названием "ОЦЕНКА МИРОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ" было 6 глав.

В гл. 1, "Современное общественно-историческое состояние", говорилось о термоядерной, продовольственной, демографической, экологической и информационной опасности, нависшей над миром и усугубляемой расколом между Востоком и Западом. Необходима борьба всех, и прежде всего советских освободительных сил, против мирового раскола и указанных пяти опасностей.

В гл. 2, "Капиталистическая система государств", капитализм определялся как молодое, жизнеспособное общество, борющееся с безработицей, бедностью, расовой дискриминацией и преступностью, преодолевающее кризисы перепроизводства, ограничивающее монополии и норму эксплуатации, вовлекающее весь мир в экономическое сотрудничество. Оно обеспечивает в мире самое высокое благосостояние и наибольшие свободы. Борьба с ним преступна и бесцельна.

В гл. 3, "Социалистическая система государств", описывался социализм, видоизменивший и усиливший формы злов капитализма до чудовищных размеров и несущий с собой принудительный труд, нищету, массовую преступность, политическую дискриминацию, кризисы недопроизводства, государственную монополию и эксплуатацию, военно-политическую экспансию во всем мире. Он отстает от капиталистического общества по народному благосостоянию на поколение, и по человеческим свободам — на целую эпоху. Советское общество должно бороться за свободу и благосостояние в собственной системе.

В главе 4, "О мировом революционном движении", отвергается путь насильственных революций, из-за их разрушительного эффекта на общества, и принимается путь свободной, мирной эволюции обществ. Путь от несвободных к свободным обществам лежит не через революцию, но

через мощное, массовое и ненасильственное воздействие граждан на правительство.

В гл. 5, "О национально-освободительном движении", отмечается положительная роль деколонизации во всем мире, совершающейся при содействии самих, в прошлом колониальных, держав. Главной и почти единственной колониальной державой является Советский Союз, препятствующий самоопределению поработанных им наций. Задача этих народов вести, при содействии свободного мира, неуклонную борьбу с советским колониализмом и осуществить свое самоопределение под контролем ООН. Самоопределяющиеся народы должны стать полноправными членами общечеловеческой семьи народов и признавать верховный авторитет ООН по спорным вопросам.

В главе 6, "Идеологическое состояние мира", рассматриваются три основные общественно-политические идеологические силы мира — *демократическая, социалистическая и коммунистическая*. В естественном состоянии наибольшей поддержкой в мире пользуется демократическая. В коммунистическом мире неустойчивое равновесие выдается за поддержку власти народом. Религия остается наиболее универсальной идеологической формой, а в философии господствует идеализм и ее нейтральные течения. Человеческие свободы и права первичнее, чем экономические блага. Религия и философия — союзники, призванные еще сыграть огромную роль в судьбах мира.

Во второй части Программы, "Положение общества и цели демократического движения", производится критический анализ каждой стороны советского общества и устанавливаются цели демократического движения.

В главе 1, "Политический строй", провозглашается идеал демократического государства и 10 политических целей:

1. Создание свободного государства — Союза Демократических Республик.
2. Обеспечение гражданам государства 10 основных прав и свобод.
3. Проведение в сеобщих демократических выборов.
4. Разделение законодательной, исполнительной и судебной власти.

5. Создание законодательного органа — Высшего Совета Республик.

6. Создание общественных судов присяжных.

7. Создание Высшего Конституционного суда, следящего за соблюдением конституции.

8. Создание исполнительного органа — Совета Министров СДР.

9. Упразднение политического карательного аппарата.

10. Всеобщее освобождение политзаключенных.

В главе 2, "Экономический строй", провозглашается идеал плюралистской экономики и 9 экономических целей:

1. Создание тройственной экономики с государственной, групповой и частной собственностью на средства производства.

2. Создание в промышленности трех секторов — государственных предприятий, частных предприятий и предприятий рабочих советов.

3. Создание в сельском хозяйстве также трех секторов — государственных, групповых и частных хозяйств.

4. Перевод сферы обслуживания на базу групповой и частной собственности на средства производства.

5. Равноправие коллективно-групповых и частных хозяйственных единиц с государственными.

6. Условия свободного соревнования для всех трех секторов экономики.

7. Твердое золотое обеспечение и конвертируемость валюты.

8. Отказ от расходов на цели великодержавного экспансионизма.

9. Увеличение народного благосостояния.

В главе 3, "Национальный вопрос", провозглашаются идеал самоопределения народов и 7 национальных целей:

1. Политическое самоопределение наций через общенациональный референдум при участии наблюдательной комиссии ООН.

2. Культурная и экономическая автономия нациям, не желающим выделиться из СДР.

3. Решение территориальных вопросов арбитражной комиссией ООН.

4. Посильное возмещение нациям ущерба от великодержавной гегемонии.

5. Ограничение числа иностранцев на землях малых наций до приемлемой нормы.

6. Невмешательство СДР во внутренние дела выделившихся наций.

7. Уважение, дружба и сотрудничество с выделившимися нациями.

В главе 4, "Культурная жизнь", провозглашается идеал свободной культуры и 6 культурных целей:

1. Отказ от принципа партийности.

2. Невмешательство государства в духовную жизнь.

3. Полноценное среднее образование с разделением его на два потока — гуманитарный и технический.

4. Свобода научного творчества с развитием гуманитарных наук.

5. Свобода творчества во всех видах искусства.

6. Передача средств массовой информации в распоряжение общественных группировок.

В главе 5, "Внешняя политика", провозглашаются идеал мирной внешней политики и конвергенции систем, а также 12 внешнеполитических целей:

А. по капиталистическим странам:

1. Отказ от воинствующего коммунизма.

2. Примирение, сближение и сотрудничество с ними.

3. Полное разоружение и свободная инспекция ООН на территории держав.

4. Объединение Германии в единое, демократическое государство.

5. Пересмотр послевоенных границ арбитражной комиссией ООН.

6. Свобода выезда и въезда граждан и свободный обмен информацией.

Б. По социалистическим странам:

1. Вывод войск и невмешательство в их дела.

2. Уважение права политического самоопределения соцстран.

3. Мирные, демократические отношения с соцстранами.

4. Свободная торговля, открытие границ и каналов информации.

5. Решение территориальных вопросов арбитражной комиссией ООН.

6. Ревизия неравноправных договоров.

В главе 6, "Внутренняя политика", провозглашаются идеал гуманной внутренней политики и гармонии классов, а также 12 внутривнутриполитических целей:

А. по классовой политике:

1. Отказ от классового эгоизма.
2. Руководство общественным развитием со стороны лучших представителей всех групп и сословий.
3. Отказ от классовой борьбы.
4. Классовый мир и сотрудничество.
5. Примирение и ограничение классовых интересов государством.

6. Отказ от теорий, проповедующих насилие, террор или ликвидацию одних классов и слоев другими.

Б. по партийной политике:

1. Добровольный выход всех желающих из КПСС.
2. Гарантия гражданских прав за членами КПСС.
3. Многопартийная система.
4. Право демократической предвыборной борьбы за каждой партией.

5. Комплектование служащих госаппарата по принципу беспартийности.

6. Гарантия безопасности для конституционно действующих оппозиционных партий.

В конце Программы содержится призыв ко всем честным, мыслящим и смелым гражданам страны принять участие в ненасильственной борьбе за высокие демократические идеалы. И в случае временного поражения демократы завещают свою священную борьбу боевой молодежи и будущим поколениям. Программа заканчивается лозунгом "Демократы Советского Союза! Объединяйтесь, боритесь, побеждайте!" Подпись: "Демократы России, Украины, Прибалтики".

В статье "Нравственное состояние народа" под псевдонимом "Волномысл", опубликованной в выпуске № 3 1971 года "Луча Свободы", различается три нравственных типа:

А. натуралистический, стремящийся к обладанию и образующий несвободное общество;

Б. активистический, стремящийся к действенности и образующий свободное общество.

В. идеалистический, стремящийся к познанию сущности и к преобразованию мира, образующий духовное общество.

Рассматривается нравственная эволюция русского народа. Под разрушительным влиянием большевизма значительно распространен асоциальный и антикультурный натуралистический тип народной души. Задача — самоочищение и борьба за высокие, надличностные цели чистыми средствами — за право, свободу, достоинство, братство. Главы из книги Н. Бердяева "Смысл и истоки русского коммунизма" — а. "Русский коммунизм и революция". б. "Коммунизм и христианство". Памфлет "Плагииат его генерального величества" под псевдонимом "Непомнящий", высмеивающий Брежнева, обещавшего решить на 23 съезде ряд проблем, которые демократы подняли в своем "Меморандуме". Стихи "Сказ о демократии по-советски" и "Сон". Разная информация. Новости Самиздата.

Выпуск № 4 1971 года содержал: 1. Статью-очерк "Политический террор в Советском Союзе" Печальника, о котором уже говорилось. 2. Отрывки из глав книги А. Солженицына "В круге первом" и его портрет. 3. Стихи "Молчание", "Романс", "Партия — наш рулевой". "Свобода", "Когда Чехословакия". 4. Немного информации. 5. Новости Самиздата.

Выпуск № 5 1971 года содержал: 1. "Заявление о советско-китайских отношениях", где говорилось, что в случае военного конфликта с Китаем ДДСС не поддержит правительство. 2. Статья "О нелегальных методах борьбы", где дается ответ, но в достаточно мягкой форме, на выпад Хр.—14 против подпольных форм борьбы, 3. Статья "Основные понятия общества" (отрывок из моей книги "Мир, человек, время") под псевдонимом "Радонежский". 4. Статья "О внезапности войны с Германией", разоблачающая советские исторические мифы. 5. Очерк "Налетчики" о нападении КГБ на дачу А. Солженицына. 6. "О нравственном кодексе Возрождения" (перепечатка из журнала "Луч Свободы"). 7. Памфлет "О чем не пишут советские газеты" — о провале советских экономических планов. 8. "Политический комментарий" о внешнеполитических просчетах Кремля. 9. Стихи "Ты покончил с тираном (Некролог на смерть Н. Хрущева)", "Уйдите!", "Пепел Клааса", романс "На свалку",

"Гиены", "А правда ли...". "Интернационал". 10. Объявление конкурса на "Гимн демократов".

В ходе нашей деятельности у нас возникли также теплые и тесные отношения с группировкой ленинградских демократов, некоторые из которых питали симпатии к социал-демократии. Мы ездили тайно друг к другу в гости, обменивались политическими идеями и самиздатовскими материалами. В ходе обмена мнениями пришла идея о "скользящем издании" журнала "Демократ". Мы хотели его издавать в дальнейшем в шахматном порядке — один раз в Таллине, второй — в Ленинграде, а потом и в Москве.

Издание "Демократа" № 6 было реализацией этой идеи, ибо ленинградцы сделали основной вклад в его выпуск, предоставив интересные дискуссионные материалы. В вып. № 6 были помещены следующие материалы: 1. Статья "О беспринципности" за подписью "Мазепа-Бакаивский, ветеран УПА с 1943 года", в которой автор справедливо обрушивается на "Украинский Вестник" № 3, отмежевавшийся от "Программы ДДСС". 2. Статья "Письмо из внутренней эмиграции" под псевдонимом "Иван Бердылев", которая критически уточняет некоторые положения "Программы..." и "Тактики..." и квалифицирует их как младо-кадетские. 3. Статья "К нравственно-политическому Возрождению!" под псевдонимом "Донской" (перепечатка из журнала "Луч Свободы"). 4. Статья "Кто вы, друзья-демократы?" под псевдонимом "Явас". "Программа" критикуется за принцип "ненасильственности" и большой упор на моральную проблему. Предлагается усилить экономический вопрос, который ближе к массам, и не исключать насильственную борьбу. 5. Статья "В поисках реальности", под псевдонимом "Домовой", содержащая ценные критические замечания в адрес "Программы" и "Тактики". Предлагается делать ставку на слой научно-технических работников (НТР), заинтересованный в многопартийности и демократии. Предлагается эволюция от советской элитарно-тоталитарной системы, через "демократический социализм" и "трехчленную экономику" по модели ДДСС, к "демократическому капитализму". "Программа ДДСС" оценивается "как хороший полигон для составления будущих программных документов".

В начале 1972 года был издан также выпуск № 7, содержащий материалы о 1. статусе эмблем ДДСС и 2. необходимости в конкретных программах отдельных республик объявлять принцип самоотделения, а не самоопределения...

На этом выпуск "Демократа" временно прекратился.

”ЛУЧ СВОБОДЫ”, журнал морально-политического возрождения, № 4, 1972 г.

”За свет, любовь и свободу!”

ПРОГРАММА

НРАВСТВЕННО—ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

”Ищите исцеления! Пока вы не исцелитесь, для вас нет дела. А пока вы выдаете себя за здоровых, для вас нет исцеления”.

В. Соловьев. ”Три речи в память Достоевского”. Третья речь.

ПРЕАМБУЛА

На облике нашего общества лежит черная печать ненависти, насилия и рабства.

55 лет ненависть, насилие и рабство, видоизменяясь, принимали различные формы, но сущность их оставалась неизменной. Это — убийство, самоубийство, смерть! Самоубийство нашего общества, убийство других стран и народов, смерть будущего — вот зловеющий смысл нашего полувекового развития, вот бездна, в которую мы все катимся!

Этот кошмар порожден взаимодействием порочных человеческих начал и смертоносных политических сил. Этот ужас будет длиться до тех пор, пока возрождающие человеческие силы не положат ему конец!

За полувековой исторический путь во внутренних и внешних войнах было убито более 60 миллионов людей нашего общества. Более одного миллиона человеческих жертв в год! Добавим к этому — десятки миллионов поломанных судеб, духовно и физически искалеченных жизней, неисчислимы страдания и лишения... и преступления, преступления... Такова кровавая дань, уплаченная нашим народом злу и ненависти.

Что же мы имеем сейчас, после стольких человеческих жертвоприношений, после 25 лет мирного развития, после покаянных речей и сладкоречивых обещаний? Политическое рабство, культурную нищету и экономическое несовершенство в общественных отношениях, потрясающий нравственный упадок в межчеловеческих и международных отношениях. Порабощен человек и поработены подвластные Народы, отняты основные человеческие права и ценности, преследуются империалистические цели, утончен террор, задушена культура...

А что случилось с человеком? Показная цель существующего тоталитарного режима — материальное благосостояние людей, истинная цель — тоталитарная власть политбюрократии над обществом. Человек, должный сам по себе быть целью, является здесь всего лишь средством, т. е. живым орудием, ходячей вещью... И произошло умерщвление, омертвление, овеществление человека, человеческой личности...

Налицо страшное измельчание чувств и интересов, сужение ума и сознания, истертость, бесхарактерность и ничтожество личности, потрясающее невежество и глубокий аморализм. Человек — раб, смертельно боящийся политического режима и отчужденный от ближнего, одержим только одним — жадным стяжательством житейских благ, даже ценой любой подлости, активной или пассивной. Основная масса "интеллигенции" сейчас — это нечто низкопоклонствующее, забитое, трусливое, мещанствующее, недоверчивое и ко лжи и к истине, безразличное и к добру и к злу. Она способна лишь к лживой софистике во имя оправдания своего ничтожного существования...

Наше общество — это пустыня, усеянная человеческими обломками, с редкими оазисами подлинной жизни. Все это захлестывает мутная стихия мелкого подонства, хулиган-

ства, похоти, обжорства и пьянства... Даже в зарождающихся преобразующих силах мы замечаем скверну — нравственное несовершенство среди политиков, трусливый аполитизм у верующих, ограниченность и эгоизм у националистов... Мы надеемся, что последнее — явление временное, отражающее трудности нашего роста...

Все это значит, что исторически мы, как общество, имея преступное прошлое и порочное настоящее, будем иметь и гибельное будущее. Мы погибнем как общество, как нация, как политическая и культурная общность. Обязательно погибнем, если не примем своевременных оздоравливающих мер. Системе политического рабства, культурной нищеты и морального упадка мы должны противопоставить дело морального, культурного и политического Возрождения нашей Родины.

Поэтому мы, поборники нравственно-политического Возрождения, обращаемся с призывом ко всем живым силам страны, в ком чиста совесть и бьется пламенное сердце, кто тверд волей и преисполнен мужества, — засучить рукава и строить Великое Возрождение.

Поэтому мы решили открыто изложить те главные цели и принципы, на которых, по нашему мнению, надо основывать дело великого строительства. В последнем мы видим общечеловеческую, историческую миссию.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*"Окончательное условие истинного
всечеловечества есть свобода.*

*... Полнота человеческого существа
требует безусловной свободы...*

*Человечество получает точку опоры
выше мира, в области истинно без-
условной, и тем освобождается от
мира...*

*Является свободный человек и воз-
можность свободного общества...*

*Личность, внутренне освобожден-
ная... должна прилагать эту свободу
к делу созидания... общества.*

*В. Соловьев. "Духовные основы жизни"
Часть 2, глава 3*

§ 1. Философские начала

1. В мире есть два порядка бытия: а) абсолютный порядок, существующий в формах бесконечности, вечности и абсолютной свободы, т. е. основывающийся на принципе Согласия и Всеединства, б) природный порядок, существующий в формах пространства, времени и механической причинности, т. е. основывающийся на принципе Разъединенности и Разрозненности.

2. Начало и конец, исход и завершение обоих порядков — в Высшем надмировом начале, соединяющем в себе бесконечную степень Совершенства и безграничную мощь Творчества.

3. Последовательность развития всего природного бытия в Отдалении — Изменении — Воссоединении с Высшим началом.

4. Смысл развития — в свободном достижении Высшего Совершенства через Творчество над бытием, и Высшего Творчества через Совершенствование бытия — с целью свободного воссоединения с Верховным Началом.

5. Человек высокотворческое и малосовершенное существо, принадлежащее одновременно обоим порядкам — абсолютному и природному.

6. Элементы абсолютного бытия, заложенные в человеке, не гибнут с его смертью, а являются в нем бессмертным началом, переходят в планы иного бытия и могут возвращаться в поток всемирного развития.

7. Человек внутренне самостоятелен и свободен в своей деятельности, ибо возможно лишь свободное, а не принудительное воссоединение человека с абсолютным.

*

Интеллектуальный долг каждого — глубоко ознакомиться с вершинами всемирной философии, в том числе с русским философским наследием от В. Соловьева до Н. Бердяева, а также с доступными философскими работами, распространяемыми Самиздатом, — с целью глубокого выяснения и познания основ миропорядка и роли человека в этом порядке.

§ 2. Нравственные основы

1. Цель нравственной деятельности не может полагаться ни вне человека, носителя абсолютного бытия, ни во внутренних субъективных состояниях его сознания. В то же время она должна иметь всеобщее, объективное значение, и должна быть заложена в самых глубинных недрах действительности.

2. Смысл положительной нравственной деятельности — свободно отождествить свою волю с волей Высшего начала, содействовать восходящему развитию к высшим ступеням Совершенства и Творчества триединого целого: человеческой личности, человеческого общества и всего мира, бороться за его воссоединение с тем, что есть Единство и Высшее начало.

3. Сущность мирового зла — в хаосе, отчужденности, разладе, эгоизме всех существ и элементов природного мира. Принцип Единства и Согласия требует Гармонии, сплоченности, солидарности и любви между ними.

4. Свобода есть путь к любви... Любовь и свобода в людских отношениях возможны тогда, когда в людях осуществляется безусловное, выше их стоящее начало. В чистой природе же, без абсолютного начала, вследствие естественного неравенства сил, люди оказываются в насильственном подчинении друг у друга, т. е. в несвободном и нелюбовном состоянии.

5. Существует два крайних нравственных заблуждения: самоотрицание или самоутверждение человека перед историческими формами жизни. В обоих случаях условное, связанное с действиями и отношениями, добро принимается за безусловное, совершается ошибка подмены, отрекаются от принципа Всеединства.

6. Человек — часть абсолютного бытия, и в глобальном плане может быть единственной целью нравственной деятельности и никогда средством — каждый должен быть целью остальных.

7. Высшая нравственная цель — не только единение всех людей и дел человеческих, но и единение в условиях свободного согласия на единство.

Нравственный долг каждого — отвергнуть с порога звериную смертоносную мораль (при которой звери убивают людей!), навязываемую тоталитарным режимом, и рабскую животную мораль (при которой люди поработены животными!), навязываемую обывательской массой; продумать, понять и всем своим сердцем усвоить нравственные основы человеческого бытия — как из работ великих мыслителей — моралистов, так и от людей нравственного подвига; остро осознать все зло нашей дурной действительности и страдать чужой или всеобщей болью как своей собственной.

§ 3. Смысл жизни

1. Каждый человек есть возможность для осуществления неограниченной действительности и может быть формой для бесконечного содержания.

2. Человеку свойственна способность переступать за всякое конечное, условное, ограниченное содержание и требовать совершенной действительности, безусловной полноты содержания.

3. Человек по назначению своему есть безусловная внутренняя форма для добра, все остальное — условно и относительно.

4. Из-за отсутствия абсолютных ценностей, безусловного сосредоточения жизни создается много относительных временных центров жизни и сознания, замыкающихся в области конечных частных интересов, ложно обожествляются идолы — народ, государство, богатство, власть, дом, род и т. д.

5. Жизнь человеческая получает нравственный смысл и достоинство, когда она служит добру чистому и всестороннему, когда между добром и жизнью создается совершенствующая связь.

6. Личное совершенствование должно идти в трех направлениях: а) слепое, неосознанное подчинение высшей силе должно превратиться в сознательное и свободное служение совершенному добру, б) природная, механическая солидарность с другими людьми должна перейти в любовное и согласное взаимодействие с ними, в) наше преимущество над

материальной природой должно превратиться в разумное и бережливое владычество над ней.

7. Наше отношение к жизни должно быть трояким: а) мы должны поддерживать и сохранять свою собственную жизнь (если свободно не решим пожертвовать ею во имя Безусловного Добра), б) затем мы должны познавать и анализировать нашу и чужую жизнь, в) наконец, мы должны исправлять нашу и чужую жизнь, чтобы они были бы достойными бытия.

8. Прожитая жизнь предполагает частичное воздаяние при жизни и полное воздаяние после смерти, с переходом в план иного бытия.

9. В зависимости от отрицательной или положительной связи прожитой жизни с безусловным добром — Воздаяние есть либо таинство Искупления и Возмездия, либо таинство Благодарения и Вознаграждения.

*

Жизненный долг каждого — различить среди хаоса жалких бессмысленных и ничтожных мотивов жизни ее подлинный, самый великий смысл, выработать в себе могучую нравственную волю и начать практическую деятельность по совершенствованию — сначала себя, затем близких и наконец, общества, воплощая в жизнь личную и всеобщую — безусловное Добро.

§ 4. Нравственные цели

1. Основной природный корень личного зла и неправды — эгоизм, как усилие обособиться и завладеть жизнью исключительно для себя, строить светлое будущее только в границах своей квартиры, семьи или приусадебного участка. При этом — любое другое, постороннее сообщество является вещью, живое — мертвым, одушевленное — бездушным, родственное — чужим, подобное — различным. Практический принцип эгоизма — безжалостность.

2. Для осуществления добра и правды следует положить предел своему исключительному самоутверждению, встать

на точку зрения самоотрицания по отношению к людям, в ком осуществляется высшее начало.

3. Борьба с эгоизмом не есть только расширение своего "Я" на семью, народ и государство. Это расширение сохраняет бездну между собой и другими, между своим и чужим, т. е. в человечестве не упраздняется принцип эгоизма. Требуется бесконечное расширение эгоизма, т. е. осуществление чувства единства и любви ко всему миру, к его Верховному началу.

4. Естественными отрицательными следствиями эгоизма являются: а) гордость и самомнение, как переоценка своих качеств, б) жадность, как чрезмерная привязанность к материальным благам в) разврат, как злоупотребление чувственностью, г) зависть, как радость по поводу горя, и горе по поводу радости ближнего, д) чревоугодие, как чрезмерная склонность к еде и пьянству, е) злобность, как несдержанность мстительных порывов души, ж) лень, как бездействие и отвращение к усилиям ума и воли, з) властолюбие, как желание утвердиться над другими людьми, подчинить их себе.

5. Не любовь природная, а любовь духовная есть противовес эгоизму. Если любовь духовная — внутренняя неразделимость и единосущность двух жизней, то любовь природная имеет своим следствием нечто внешнее, могущее быть враждебным и чуждым.

6. Для России в целом характерна слабость человеческого начала, что губит истину и убивает добро, давая простор лжи и злу.

7. В современном советском обществе — три зла: а) малочисленность подлинных личностей, с глубоким умом и сильным характером, б) разъединенность личностей между собой, в) неорганизованность личностей для совместных действий.

8. Обнадеживающим является то, что у русского народа, несмотря на внешний звериный образ жизни, сохранилось сознание своей греховности и несовершенства, признание дурной действительности. А это значит, что, несмотря на глубокое падение, он сохранил волю, чтобы выйти из бездны, в которой он очутился, и подняться на уровень лучших перодовых народов.

9. Человек нашего общества должен приобрести следую-

щие нравственные качества: а) благоразумие, как познание истинного добра, б) справедливость, как воздаяние каждому должного, в) терпение, как спокойное перенесение людских противоречий и жизненных невзгод, г) милосердие, как сочувствие и помощь горю и трудностям ближнего, д) воздержание от чувственных наслаждений, е) умеренность в потребностях, ж) отрешение от земных благ и излишеств, з) целомудрие, как отрицание преувеличенной похоти, и) мужество, как навык воли бесстрашно преодолевать препятствия к добру, к) трудолюбие, как неустанная деятельность по осуществлению добра.

10. Идеалом личности является синтез западного джентльменского идеала, основанного на мужестве — верности — чести, с восточным вероборческим идеалом, основанном на аскетизме — самоотречении — сверхличном служении, обладающим следующими чертами:

1. свободолюбие,
2. борьба за свободу личности,
3. терпимость и мужество,
4. высокая культура духа,
5. помощь ближнему,
6. дисциплина,
7. рыцарское отношение к жинщинам,
8. вежливость,
9. честная борьба с противником,
10. спортивное воспитание.

11. Нашей интеллигенции следует преодолеть непонимание, страх, занятость, разобщенность и бездейственность, чтобы стать понимающей, бесстрашной, жертвенной, сплоченной и борющейся, выделить из себя отряд активных борцов за нравственное политическое Возрождение (НПВ).

12. Борцы за НПВ должны в первую очередь обладать:

1. нравственной чистотой,
2. духовной глубиной,
3. непоколебимым мужеством,
4. железной энергией.

Каждому следует не только воспринять необходимость достижения личных целей и идеалов, бороться за их воплощение, но и проанализировать все наше историческое прошлое, наше несовершенное настоящее и самому установить к каким роковым и преступным последствиям для миллионов людей, для всяких движений во имя светлого и доброго приводила постановака других целей и задач, чем указанные (даже противоположных им), и к чему может привести в нашем смутно-зловещем будущем.

§ 5. Нравственные средства

1. Кто способен к самоопределению действий во имя чистой идеи добра, тот свободен от преодолевающей силы душевных аффектов, влечений и темных страстей, тот способен бороться и с самой могущественной из них.

2. Идея добра получает значение побуждающей силы поведения, если соединяются два фактора: ясность и полнота идей добра с нравственной восприимчивостью личности.

3. Пока в нашей душе господствует темная, эгоистическая и злая природа, до тех пор для нас невозможно никакое нравственное дело. Важно не только что, делается, но и кто делает.

4. Средства и цель образуют неразрывное основополагающее единство. Высокой цели должны соответствовать и чистые средства. Средствами оскверняется или освящается цель. Ибо каждое средство в другом причинном ряду является и целью. И если мы, например, для блага (цель) 10 людей убиваем одного (средство), то убийство человека, кроме средства, является здесь и одновременно достигаемой второй целью.

5. Насилие в качестве средства бывает тех основных родов: а) зверское, физическое насилие, которое совершают убийцы, разбойники, садисты и нанятые государством бандиты, б) человеческое насилие, допускаемое для ограждения внешних благ жизни, например, действия полиции в демократическом, правовом государстве, в) духовное наси-

лие, всецело определяемое злом и заключающееся во вторжении общества в духовную сферу человека, с лживой целью ограждения внутренних благ.

6. Если в человеческой душе убить сознание абсолютного бытия остается зверская природа, действие которой есть насилие.

7. Допустимо лишь защитное, останавливающее, оборонительное насилие против активно нападающего зла, стремящегося уничтожить добро и его носителей, погубить невинные жизни. Так, например, следует убить или отбросить нападающую кобру, силой остановить злодея, занесшего нож над жертвой, следует беспощадно судить тайным судом и наказывать, после попытки образумления, госбандита, с особой садистской жестокостью терзающего или расстреливающего борцов за добро!

8. Крайнее зло должно встречать сдерживающее противодействие тоже решительными и действенными средствами. Здесь основная цель — не уничтожение носителей зла, а их исправление, улучшение, сдерживание и смягчение.

9. В зависимости от поставленных целей и применяемых средств, человеческое общество состоит из трех основных нравственных типов.

10. Натуралистический, природный нравственный тип, стремящийся к обладанию природными ценностями и применяющий насилие разных видов.

11. Активистический нравственный тип, стремящийся к действенности во имя различных ценностей и применяющий сочетание насилия с ненасилием.

12. Идеалистический нравственный тип, стремящийся к постижению сущностей и к их воплощению в жизнь, применяющий ненасильственные, духовные и моральные средства. Он — наиболее свободен, ибо в наибольшей степени сбросил с себя бремя природных потребностей. Наиболее поработан натуралистический тип, ибо над ним больше всего довлеют природные потребности.

13. Для принятия положения Возрождения полезны в возрастающей степени от низшей до высшей — все три нравственных типа.

14. В нашем обществе господствует натуралистический нравственный тип, есть среднее количество активистических

типов, идеалистический нравственный тип составляет абсолютное меньшинство. Сейчас это меньшинство преследуемое, но в будущем — меньшинство направляющее и руководящее.

*

Каждый человек на пути от безликого природного существа до борющейся нравственной личности должен пройти 5 ступеней внутреннего и внешнего самоочищения и самоосвобождения:

1. Освободиться от непонимания и невежества, т. е. *сбросить* давящий груз узких и безнравственных догм, забитых в сознание механо-психологическим воздействием лжепропаганды; *понять*, что не материальное благосостояние, военное могущество или расширение империи, а свободная общественная жизнь и любовное состояние человечества — основная цель, что высший долг человека — в постоянном улучшении личности и общества, в совершении положительной исторической работы, в служении безусловному добру и Высшему началу; *прийти* к пониманию необходимости энергичной деятельности.

2. Освободиться от страха и отчаяния, т. е. *преодолеть* боязнь: а) потери семьи, общества, близких людей, б) мнения ограниченных людей, в) потери ряда привычных наслаждений и развлечений, любимой работы, карьеры, г) неподдержки масс, д) всемогущей над телом тоталитарной власти, физических и нравственных мучений, е) потери физической свободы, а может быть и жизни; *помнить*, что часто видимое поражение есть в действительности победа, внешняя потеря влечет за собой внутреннее приобретение, тяжелые испытания полезны для укрепления духа, факт самоотречения и мученический подвиг вызывает благодарную память и подражание во многих поколениях, призовет в строй десятки и сотни новых борцов, а сама их смерть — начало новой жизни и воздаяния за прежнюю жизнь; *обрести* смелость и мужество для нравственной деятельности, а если нужно, то и для нравственного подвига.

3. Освободиться от занятости и суеты, т. е. отказаться от бессмысленной суеты, никчемной обывательщины, поглощенности семейным омутом, универсальной погони за копеечкой, пустых и убогих развлечений, бешеной и тщеславной охоты за должностями, степенями и званиями, от стремления стать административным, политическим или обученным кретином; *понять* что эти отличия в тоталитарной системе лишены своего объективного, духовного и нравственного значения, что семья не идол, и ценна лишь постольку, поскольку содействует положительному, духовному и нравственному развитию личности, что деньги — это предел стремления мещанских и рабских душ, а не нравственно богатых и свободных духом людей, что большинство советских "благ" надо оплачивать лицемерием, ложью, подлостью, трусостью и безликостью, что все это — мираж и призрак; *выделить* большую часть своей жизни, свободного времени (не менее 1/7) на высокие, достойные дела, пожертвовав суетой.

4. Освободиться от разьединенности и отчужденности, т. е. *отделаться* от чувства бессильного и жалкого одиночества; даже в одиночестве *чувствовать* себя солидарным с тысячами незнакомых — лучших людей общества; неустанно и упорно искать и распознавать единомышленников, братьев по духу и сердцу; а за ненахождением создавать их из незрелых и колеблющихся; *образовывать* явочным порядком кружки, группы, союзы, объединения во имя дела нравственно-политического Возрождения; *наводить* мосты между ними, чтобы выступать как сплоченная нравственная сила.

5. Освободиться от бездействия и лени, т. е. *избавиться* от апатии, уныния, чувства бессилия, усталости, упадочных настроений, бесплодного скептицизма и житейского цинизма из-за временных неудач и трудностей; *помнить*, что каждая умелая и непрерывная положительная и созидательная историческая работа даст в конечном счете ценный и положительный результат; *приступить* с негибимой волей и железной энергией к действиям, к деятельности, к борьбе, диктуемой нравственной совестью и интересами добра!

Дело нравственно-политического Возрождения может держаться только на Понимающих, Бесстрашных, Жертвенных, Сплоченных и Действующих личностях — крепостях, способных выдерживать и жестокую осаду, и переходить в сокрушительное, победоносное наступление, выступить совместно и при необходимости храбро биться в одиночку.

Каждый деятель Возрождения должен с радостью устремиться навстречу самым тяжелым испытаниям —

— чтобы сдать экзамен на **НРАВСТВЕННУЮ ЛИЧНОСТЬ**, на **РЫЦАРЯ ДОБРА**, на **БОРЦА ВОЗРОЖДЕНИЯ!**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ОБЩЕСТВА

"30... никакое общество не властно над твоим духом и совестью!

Если же оно железной пятой топчет тебя, то совершает преступление против тебя. Тогда... отнесись к обществу, как к тысячерукому преступнику!!! 21. Откажись от общества, если оно мешает тебе творить добро или толкает на зло! Ты сам — Вселенная, и заключаешь в себе все. 26. Твори сам свое общество, свою родину, или своих братьев по духу!"

С. Радонежский "Мир, человек, время".

Часть 3, глава 10, § 3, 1968.

§ 1. Политическая жизнь

1. Основные общественные отношения не зависят от произвола лиц, в то время как жизнь лица обусловлена этими отношениями.

2. Улучшать человечество только посредством прямого, частного и личного действия на отдельные лица равносильно лечению больного, воздействуя на каждую его клетку в от-

дельности. Больное человечество умрет раньше, чем каждый человек достигнет нравственного совершенства.

3. Отдельный человек поглощен жизнью и только коллективный, соборный, собирательный человек способен действительно изменить личные и общественные отношения, обеспечить нравственное возрождение.

4. Без добрых чувств и мыслей не может быть ни личной, ни общественной нравственности. Но под влиянием единичных усилий нравственно-деятельных лиц другие люди, нравственно безразличные не будут делать нравственных усилий. Так за 3000 лет, со времени Гомера до гражданской войны 1863 в США и отмены крепостного права в 1861 году в России (общественные акции) большинство общества не видело ничего зазорного в рабовладении. Нравственный прогресс происходит на основе широкого общественного процесса, действующего лично и собирательно.

5. То, что идеал добра, ограниченный субъективной сферой личной нравственности, не способен сделать за века и тысячелетия, он совершает за несколько лет, воплощаясь в общественной силе и становясь общественным делом. Но для этого необходим перенос идеала добра из тесных и шатких пределов личного чувства на широкую и твердую почву общественной действительности, превращение его в общий и обязательный закон жизни. Общество становится свободно организованной нравственностью.

6. Каждый человек есть нравственное существо, имеющее независимое от своей общественной полезности, безусловное достоинство и безусловное право на существование, на свободное развитие своих положительных сил.

7. Никакой человек, ни при каких условиях и ни по какой причине не может быть только средством и орудием, ни для блага другого лица, ни для блага класса, ни для общественного блага, т. е. большинства людей.

8. Основная нравственная норма — принцип человеческого достоинства и безусловное значение каждого человека, в силу чего общество — свободное согласие всех.

9. Принцип безусловного права человеческой личности ни от кого и ни от чего не зависит, но лишь в зависимости от него общество и его учреждения получают нравственный характер.

10. Расширение прав от привилегии одного (деспотия,

абсолютизм), привилегия некоторых (аристократия) до привилегии всех (демократия) делает возможным все более широкое и самостоятельное нравственное взаимодействие нравственных индивидуальностей и содействует нравственному прогрессу.

11. Общество не есть завершенное и застывшее в своих формах бытие. Оно — нечто изменчивое, осуществляемое, становящееся. Настоящая ближайшая цель нашей воли и деятельности — это осуществление свободного и нравственного общества как собирательного человека, где все есть цель каждого, а каждый — цель всех.

12. Господство личного начала в обществе (индивидуализм) ведет к всеобщей борьбе и вражде, к хаосу личных стремлений. Это не удовлетворяет нравственные нормы, ибо здесь все — не цель каждого, каждый для себя все и ничто для других. Но индивидуализм — благо, если утверждая себя, утверждает всеобщую идею, предполагающую общение и солидарность личности со всеми.

13. Господство общественного начала (коллективизм), государственность подавляет общим уровнем все особенности личных сил и характеров, отнимает у людей свободу деятельности и развития, лишая тем самым и общество полноты содержания, богатства и многообразия жизни. Общество становится скудным по содержанию и несвободным по форме. Коллективизм — безнравствен, ибо каждый — не цель всех, а поглощается и подавляется всеми. Но коллективизм — благо, если он способен обеспечить богатство и полноту личной жизни путем его свободного развития.

14. Когда государство есть все, то общество — ничто. Но если цель жизни и деятельности поставлена выше государства, то живые силы общества освобождаются, перестают быть рабами государства. Начинается стремление к идеалу свободной, внутренней, нравственной взаимности, для которой государство с его внешними формами и рамками — несовершенная, переходная и посредствующая ступень.

15. Никакая общественная группа, учреждение или институт не имеют права насильно удерживать кого-либо в числе своих членов.

16. Человек не может быть средством чужой деятельности (тоталитарная диктатура), ни границей для другого (демо-

кратия, правовое общество), а должен быть целью и восполнением для ближнего.

17. Восточный человек вообще, а русский человек в частности, по своей натуре и убеждению мало способен настаивать на своих правах и бороться за свои интересы, ибо пассивен и покорен судьбе. Отсюда особая живучесть абсолютизма и деспотии в России.

18. Свободное и нравственное общество возникает тогда, когда налицо внутреннее совпадение сильнейшего развития личности с полнейшим общественным единством.

19. Свобода — *возможность* беспрепятственного развития и осуществления внутреннего содержания и внешней формы, *возможность* наращивания в них наибольшего Совершенства и Творчества. Право есть свобода, обусловленная равенством всех людей. Без свободы право превращается в свою противоположность — в насилие, а свобода без равенства — в неправду в человеческих отношениях.

20. Степень подчинения человека обществу должна соответствовать степени подчинения самого общества нравственному добру, без чего общественная среда никаких прав на единичного человека не имеет. Права общества вытекают из нравственного удовлетворения, которое оно дает человеку.

21. В основе идеального свободного и нравственного общества лежит принцип иерархической власти, определяемый степенью усвоения идеального начала и нравственного совершенства. Степень идеальности и нравственности определяет степень гражданского значения и власти лица в обществе.

22. Развитие нравственного восполнения или осуществление личности проходит три ступени:

1. в прошлом — семейно-родовая, где круг восполнения ограничен родом,

2. в настоящем — национально-государственная, где он ограничен отечеством,

3. в будущем и в зародыше в настоящем — всемирно-вселенская, где круг восполнения распространяется на все земное и космическое человечество.

23. Процесс совершенствования как нравственный смысл жизни мыслим только как процесс собирательный, происходящий в коллективном человеке, — в семье, народе, чело-

вечестве, каждый из которых, исполняя и поддерживая друг друга, имеет собственный путь совершенствования.

24. Семья совершенствуется, одухотворяя и углубляя смысл личного прошедшего — в нравственной связи с предками, смысл личного настоящего — в истинном браке, смысл личного будущего — в воспитании нового поколения.

25. Народ совершенствуется, углубляя и расширяя свою естественную солидарность с другими народами в духе нравственного общения.

26. Человечество совершенствуется, организуя добро в общих формах политики, экономики и культуры, подготавливаясь к безусловному нравственному порядку.

27. Совершенствование добра есть нераздельная организация триединой любви:

а) л. восходящей — свободного подчинения и благоговения перед Высшим надмировым началом,

б) л. уравнительной — единения и нравственной, политической жалости к людям,

в) л. нисходящей — нравственного и разумного отношения к материальной природе.

*

А. Наше общество, угнетенное тоталитарной диктатурой политбюрократии, есть воплощение бесправия, насилия, беззакония и мещанства.

Б. Политическая задача каждого поборника нравственно-политического Возрождения: 1) бескомпромиссно порвать все узы, соединяющие его с деспотическим режимом; 2) не принимать навязываемые им политические формы, мероприятия и порядки; 3) не сотрудничать ни в какой форме ни с каким органом этого режима; 4) противодействовать совместно с единомышленниками любому античеловеческому акту режима; 5) создавать явочным порядком собственный политический строй, собственное общество.

В. Политическое развитие должно идти от тоталитарной деспотии, через свободное, правовое Элевтерийское общество (от греческого "элеветерон" — свобода), к высоко-нравственному, любовному, братскому Адельфийскому обществу (от греческого "адельфос" — брат).

§ 2. Экономическая жизнь

1. Материально-физические наслаждения, будучи связанными с функциями животного организма, входящими в материальную основу жизни, являются лишь отрицательным условием счастья, то есть без них счастье, как и сама жизнь, — невозможны.

2. Если сделать людей сытыми и обеспеченными, удовлетворить все их низшие страсти, то они, оставаясь на почве естественного эгоизма, истребили бы друг друга в соперничестве за умственное и нравственное преобладание.

3. Близкую картину к этому являет восточный социализм, который есть всеобщая законченная форма мещанства, духовного и материального, основанного на отчужденности, эгоизме и насилии, на игре и взаимодействии темных и низких страстей.

4. Принцип социализма: "высшая цель человека — материальное благосостояние, но ты прежде всего должен заботиться о благосостоянии других, всех" — безнравствен и несправедлив дважды.

1. Придавая исключительное значение экономическому элементу, отрицается безусловное значение и достоинство человеческой личности.

2. Каждый заботится здесь о других постольку (а в качестве "других" к тому же выступает государство — вотчина политбюрократии), поскольку они пригодны для его материальных целей. Поэтому он будет относиться к другим не как к лицам, а как к вещам — полезным, безразличным или вредным, т. е. подлежащим эксплуатации. А поскольку истинные права и привилегии власти у политбюрократии, то она и выступает как господствующий экономический класс — неизмеримо более алчный и жестокий, чем класс капиталистов.

5. Примирение экономических интересов отдельного лица (каждого, меньшинства), с экономическими интересами общества (всех, большинства) невозможно ни в крайнем капитализме, где упраздняется человечество, ни в крайнем социализме, где упраздняется человек, ни вообще в материально-экономической сфере.

6. Примирение экономических противоречий возможно

лишь на основе чисто-человеческого начала, позволяющего человеку освободиться от влечения материально-физической природы, добровольно, сознательно и свободно самоограничить свой личный материальный интерес в пользу всех, т. е. на нравственной основе Добра, на основе стремления человека к безусловному Добру, к единству со всеми, к всеединству.

7. Экономические отношения должны быть органически связаны с началом добра и организованы нравственно.

8. Обладание вещественным богатством — безнравственно, если является последней целью жизни и деятельности, и — нравственно, если служит средством духовного и нравственного совершенствования.

9. Труд и богатство должны быть распределены в обществе соответственно нравственному достоинству и гражданскому значению его членов, ибо последние качества определяют меру преобладания идей всеединства над личной исключительностью или эгоизмом, т. е. права обладания обширнейшими материальными средствами и употребления его на служение любви.

10. Человек и человечество есть существо, содержащее в себе элемент абсолютной полноты бытия или идею всеединства, и осуществляет эту идею в естественном порядке посредством разумной свободы.

Как источник реальной силы для идей наше материальное существо не должно быть абсолютно подавляемо, а должно быть развито как необходимое орудие высшей цели.

11. Господство над материальной чувственностью, солидарность со всеми живыми существами и добровольное подчинение сверхчеловеческому, надмировому началу — вечные незыблемые основы нравственного общества и личной жизни человека.

*

А. Наш экономический строй — система самой беззастенчивой экономической эксплуатации людей со стороны господствующей политбюрократии.

Б. Экономическая задача каждого поборника нравственно-политического Возрождения: 1) отказ от эффективного и добросовестного труда, усиливающего деспотический ре-

жим, экономическое орудие его насилия — промышленный комплекс, развиваемый в целях велико-империалистических или мировладыческих; 2) создавать формы экономической взаимопомощи среди единомышленников; 3) намечать будущий экономический строй страны.

В. Экономическое развитие должно идти от централизованной огосударствленной экономики, через свободную, трехукладную (наличие личной, коллективной и государственной собственности на средства производства) экономику — Единой нравственной экономике, представляющей собой гармонию всех видов хозяйственной деятельности.

§ 3. Национальная жизнь

1. Национальный вопрос, независимый от эгоистических интересов внешней и внутренней политики, имеет самостоятельное, особое значение для нравственного сознания.

2. Патриотизм, как форма любви к своему народу часто встречается в трех отрицательных видах:

- а) неразумный, вместо желаемой пользы, приносящий народу вред и ведущий его к гибели,
- б) пустой, выражающий голословную претензию,
- в) лживый, служащий только личиной для низких, своекорыстных побуждений. Советский патриотизм есть сочетание всех трех видов лжепатриотизма.

3. Чаще всего служение народу — лишь служение народному Эгоизму.

4. Все народы в эпоху своего расцвета и величия утверждали свою нацию не в ней самой, а во всеобщем, в сечеловеческом и сверхнародном, национально — по источнику и способам выражения, универсально, общечеловечно — по смыслу и содержанию.

5. Если народ своим истинным творчеством и самосознанием утверждает себя во всемирном, то никакой патриотизм не может ради предполагаемой, узкопонятой "пользы народа" разрывать солидарность с другими народами, ненавидеть, презирать или поработать их. Ибо смысл и значение частного — только в связи и согласии со всеобщим.

6. Истинный патриотизм, освобождаясь от зоологических свойств народного эгоизма, становится основой для положи-

тельного отношения к другим народам, и, согласно абсолютному нравственному началу, провозглашает и воплощает заповедь: Люби все народы как свой собственный.

7. В нашей стране царит великодержавный шовинизм, действующий под личиной "коммунистического интернационализма". Агрессивная великодержавная доктрина определяет внешнюю политику страны.

8. Народами Европы, отдавшими скорбную и значительную дань этим смертоносным стремлениям в 20 веке, являются русский и немецкий народ. Первый уничтожил или позволил уничтожить свою интеллигенцию, лучшую часть крестьянства, подневольно или по невежеству содействовал установлению и укреплению террористического режима, участвовал в порабощении и подавлении свободлюбивых устремлений многих народов, в том числе венгерского, польского и чехословацкого. Второй поддержал теорию своей расовой исключительности и превосходства, участвовал в геноциде против еврейского народа. Оба народа в равной степени несут ответственность за развязывание 2-ой мировой войны.

9. Зоологический, ненавидящий национализм, одна из причин розни, вражды и кровопролитных войн, должен смениться национальным гуманизмом и консолидацией народов вокруг ООН, если она верна своим идеалам.

10. Каждый народ должен быть свободным в своем политическом, экономическом и культурном самоопределении без давления на него со стороны больших народов.

11. Каждая нация должна войти в единую, всемирную братскую семью народов, чья деятельность координировалась бы единым центром.

*

А. Наше общество — совокупность народов, насильно удерживаемых вокруг русского народа и колониально эксплуатируемых в интересах тоталитарного режима.

Б. Национальная задача каждого поборника нравственно-политического Возрождения: 1) сблизиться с представителями других наций; 2) изучить их историю и культуру; 3) узнать и понять их национальные стремления и чаяния; 4) содействовать их достижению; 5) отказаться от вели-

кодержавного шовинизма, подрывающего дело всемирной консолидации и единения.

В. Национальное развитие должно идти от великодержавного конгломерата поработанных наций к системе свободных, солидарных, сотрудничающих, полноценно развивающихся, наций, консолидирующихся вокруг ООН, а затем — к Всемирому единению народов.

§ 4. Культурная жизнь

1. Чтобы лучшими силами вырабатывать высшие блага, ради которых стоит жить и действовать, общество должно жить не только естественно-физической и искусственно-цивилизованной жизнью, но и богатой, всесторонней культурно-духовной жизнью.

2. Условие полноценного развития культуры — неограниченная свобода творчества и неподцензурность всех ее видов.

3. Никакое государство не имеет права регламентировать культурную жизнь общества, а может и обязано материально поддерживать ее.

4. Никакая культура не может всесторонне развиваться, не общаясь свободно со всем культурным миром и не обогащаясь достижениями всемирной культуры.

5. Дальнейшей общей тенденцией культуры будет единение всех ее проявлений и прежде всего синтетическое слияние философии, науки, религии и искусства в Единое познание.

6. В нашей стране в условиях диктатуры мировоззрения, государственного диктата в области культуры и свирепой цензуры, истинная культура задушена, царит страшное духовное удушье, сдавлена церковь, насильственно прервана свободная связь с всемирной культурой.

7. Интеллигенции предоставлена подчиненная, обслуживающая роль по отношению к тоталитарному режиму.

8. В духовном отношении культурная интеллигенция должна полностью отмежеваться и отложиться от существующей системы "партийного руководства", основывать и строить собственное духовное сообщество, свою независимую культуру

Вопрос стоит так, что, либо невежественная политбюрократия, либо культуросозидающая интеллигенция.

А. Наша официальная культурная жизнь — царство невежества, культурной нищеты и духовного убожества, в котором господствует антиразумная, противонравственная и антигуманистическая направленность.

Б. Культурная задача каждого поборника НПВ: 1) отмежеваться от существующих духовных основ тоталитарной диктатуры; 2) создавать неофициальную, внесударственную культуру; 3) разоблачать ложь и несправедливость тоталитарного режима; 4) срывать его пропагандистские мероприятия, не жалея сил и средств; 5) творчески, технически, информативно и организационно поддерживать и расширять поток Самиздата; 6) постоянно увеличивать число духовных, политических и художественных произведений для Самиздата; 7) объединять подлинные культурные силы — в единый духовный фронт.

В. Культурное развитие должно идти — от подчиненной тоталитарному государству культуры, через свободное, неограниченное и независимое культурное творчество — к единой Всечеловеческой культуре!

§ 5. Общечеловеческая жизнь

1. Задача каждого человека и всех народов — прийти к всемирному, общечеловеческому и нравственному общению: от ненависти и отчужденности, через терпимость и солидарность, — к Добру и Любви!

2. Необходимо твердо помнить, что основным препятствием к свободному, всемирному объединению является наше государство с подчиненными или зависимыми от него народами, утверждающий в мире невиданный в истории тоталитарный политический строй с его великодержавным империализмом, с тайной мечтой и притязанием на мировое господство. И не его вина, что созданный им агрессивный Евро-Азиатский блок распался на враждующие, взаимно уравнивающие государства — СССР и Китай.

3. В интересах всемирного объединения — Восточная Европа как наиболее несвободная, агрессивная и амораль-

ная часть человечества должна пережить моральное, культурное и политическое Возрождение!

А. Наше общество — мировая, политическая сила, враждебная всемирной консолидации народов, угрожающая их свободе, посягающая на независимость их культурного и политического развития.

Б. Общечеловеческая задача каждого поборника НПВ: 1) быть глубоко преданным идее свободного мирового объединения народов; 2) содействовать его осуществлению и 3) всеми силами укреплять дело Нравственно-Политического Возрождения нашей страны, которое есть дело общечеловеческой важности.

В. Общечеловеческое развитие должно идти — от разрозненного и враждующего человечества, через всемирный союз народов, основанный на Свободе — к единому человечеству, основанному на Любви, став тем самым достойным членом в рядах космического человечества, в семье Вселенской.

*

Мы, поборники НПВ, отдаем себе полный отчет в том, что все наше общество пребывает в историческом мраке, в котором безраздельно царствуют насилие и произвол процветают рабство и невежество, отчужденность и ненависть. Чудовищно усилилось государство, раздавлен человек!

Мы решительно и навсегда отрекаемся от всего, что связано с существующей тоталитарной системой! Мы торжественно клянемся всегда непримиримо бороться с ней и никогда впредь не допустить ее возникновения на нашей земле!

Память о миллионах замученных, могилы лучших людей и невинных жертв обязывают нас к этому! Мы решили открыто изложить наши взгляды и принципы, наметить те пути, быть может трудные и многострадальные, на которых, по нашему мнению, единственно возможно спасение от катастрофы народов нашей Родины и безопасность всего человечества!

Мы провозглашаем жизненно важной и исторически необходимой задачей, нравственно-политическое Возрождение нашей Родины и преисполнены решимости до последнего

вздоха бороться за его победу! И пусть трепещут враги свободы во всех мастей перед грядущим переворотом!

Мы призываем все живые нравственные силы страны — начать положительную историческую работу, неустанную, длительную, кропотливую, — возведение и строительство Великого Возрождения!

Мы завещаем нашу священную борьбу всем последующим поколениям!

Пусть наши временные жертвы и поражения вымостят дорогу к будущим победам!

Пробудись, — ум, честь и совесть России, всего Востока!
За единство человечества и безусловное добро!
За свет, любовь и свободу!

СССР, 1971

Поборники
нравственно-политического ВОЗРОЖДЕНИЯ

О "ЛУЧЕ СВОБОДЫ И ДР. МАТЕРИАЛАХ

1. "Луч Свободы" № 1 был издан в начале 1971 года и открывался статьей "К нравственно-политическому Возрождению!" В статье отмечается неполнота и неудовлетворительность "Программы". "Центр тяжести ее — в форме, а не в существе дела. Предлагается социально-механическая перестройка без учета проблемы преобразования самого человека. Программа была бы годна, если существовал бы смелый и свобододолюбивый народ, мыслящая и активная интеллигенция. На деле существуют три препятствия: 1. разлагающийся режим, 2. трусливо-невежественная интеллигенция, 3. несовершенный народ. Преобразование надо начинать с самого народа и интеллигенции. В стране три вида преобразующих сил: А. Политические силы, имеющие недостаточный уровень — 1. активности, 2. духовности, 3. нравственности. Б. Религиозные силы, которым свойственны. —

1. пресмыкательство перед государством, 2. непротивление злу, 3. эгоизм и необщественность. В. Национальные силы, страдающие: 1. узостью, 2. ограниченностью, 3. необщечеловечностью. Таким образом, в слабых еще преобразующих силах уже видна а) аморальность политики, б) асоциальность религии и в) изоляционизм национализма. Этим нарушена гармония личного, общественного и общечеловеческого, гармония мира внутреннего, внешнего и высшего. Преобразующим силам предлагается два принципа: 1. Дополнение политического начала нравственным, 2. Подготовка нравственно-политического Возрождения. И каждый борец должен прежде всего воспитывать и развивать как в себе, так и в окружающих следующие 4 качества: 1. Нравственная чистота. 2. Духовная глубина. 3. Несгибаемое мужество. 4. Несокрушимая энергия. Задача страны — не только освобождение, но нравственное величие и спасение мира от катастрофы. Необходимо разработать Программу и Устав НПВ, основанных на великих идеалах Свободы и Любви. Предлагалось нести бремя искупления, сплотиться и бороться за грядущее морально-политическое Возрождение, опираясь на поддержку передового человечества. Время расставит всех на свои места и каждому воздаст по делам его.

2. Далее напечатана глава 6. "Основные понятия общества" из книги "Мир, человек, время", где исследуются вопросы личности и семьи, сословий и слоев...

3. Главы 9 и 10. "Задачи интеллигенции" и "Заклучение" из книги Вольный "Интеллигенция и демократическое движение". В главах говорится, что уже сейчас виден слабый, предутренный свет Возрождения, во имя которого интеллигенция следует действовать, если она хочет избежать Катастрофы. Но для этого она должна себя воспитать на трех началах: 1. Вселенский дух. 2. Высшая свобода. 3. Всемирное братство. И стать — а) понимающей, б) бесстрашной, в) несуетной, г) сплоченной и верной, д) действующей и жертвенной. Лишь тогда произойдет чудо Возрождения Востока, касающееся трех начал земного бытия: морального, культурного и политического. Интеллигенция должна стать просветляющим и облагораживающим началом, разумом и совестью народа. На рубеже 2. и 3. тысячелетия России, Востоку, всему человечеству предложен выбор — Гибель или Возрождение. Или морально возродиться для

нового, высокого бытия в светлом, облагороженном мире...

Во 2-й половине 1971 года был издан ЛС № 2, посвященный нравственной проблеме.

Он содержал в себе:

1. статью Вольнослава "О нравственном кодексе Возрождения". В статье говорится о наличии в стране трех моралей, трех нравственных миров: 1. официальной, содержащей в себе требования политбюрократии к населению; 2. реальной, господствующей в основной массе населения; 3. повышенной, катакомбной, наблюдаемой у порядочного или верующего меньшинства страны. Оно преследуемо властью и непонято населением. Далее рассматриваются 12 пунктов так называемого "нравственного кодекса строителя коммунизма". По каждому пункту цитируется текст оригинала, раскрывается ее истинный смысл и делается сопоставление с господствующей, массовой моралью. Раскрывается подлинное значение, которое придается таким высоким словам, как "мир", "труд", "свобода", "равенство", "братство" и "счастье". Показывается сатанинский, разрушительный смысл как официальной, так и массовой морали.

2. Приводится "Нравственный кодекс Возрождения", проект которого был составлен мной. Провозглашаются следующие нравственные принципы: 1. Любовь к добру, правде и свободе, борьба против любого гнета, 2. Добровольный труд во имя высоких целей, 3. Моральная, духовная и материальная забота о людях, 4. Ответственность перед Высшим Началом, долг перед человечеством, 5. Братство свободных людей, 6. Свобода, любовь, правда в отношениях, 7. Чистота, глубина, мужество и энергия, 8. Любовь и мир в семье, нравственное воспитание, 9. Терпимость, милосердие, примирение, правообеспеченность, 10. Самоопределение, сплочение и сотрудничество, 11. Гуманная строгость к нарушителям прав и свобод, 12. Единение человечества и всемирное братство. Кодекс заканчивается лозунгом — "Истина, Любовь, Свобода — победят!!!"

3. Следуют главы: 1. "Личность и общество" и 3. "История свободы" из книги "Наш политический идеал" Донского.

4. Обращение "Слово к интеллигенции", полученное из Ленинграда за подписью "Представители Ленинградской

интеллигенции", где содержится призыв создавать контркультуру по отношению к официальной.

В первой половине 1972 г. был издан ЛС № 5, посвященный проблемам человека.

1. Он открывается моей статьей "Нравственное состояние народа, который аннотирован в гл. 6.

2. Была статья "Миф о новом "советском" человеке" под псевдонимом "Скорбящий". Показано разрушительное влияние тоталитарного общества на человеческое существо, которое калечится ложью, ненавистью и страхом, а также отрывается от человечества. Ложь тоталитарного социализма, механо-психологическая обработка сознания и политический террор совершили страшное "чудо" — привели к нравственному падению и духовному вырождению человека. Многие даже идеализируют свое рабство. Но коммунистический идеал — превратить человека не только в раба, но в производственный робот.

3. Давалась гл. 9 "Развитие будущего" из книги Радонежского "Мир, человек, время". Показывается, что в своем естественном развитии человек проходит 4 ступени: 1. Природочеловечество, 2. Волечеловечество, 3. Духочеловечество, 4. Мирочеловечество. Но естественную эволюцию может нарушить внезапная катастрофа. И это будет справедливой карой за неспособность к достойному развитию, определяемому Вселенскими законами. Термоядерная или иная нелепая гибель явится доказательством преимущественной преступности человечества.

Во 2-й половине 1972 г. был издан ЛС № 4, посвященный идеологии НПВ.

1. В издании была помещена "Программа нравственно-политического Возрождения", которую также пришлось составить. "Вводная часть" Программы содержит уничтожающую критику тоталитарного общества и государства, смысл воздействия которых — убийство, самоубийство, смерть — духовная и физическая. Чтобы противостоять этому и утвердить Жизнетворящее начало — следует засучить рукава и строить Великое Возрождение. 1-я часть носит название "Возрождение Человека".

В п. 1 первой части под названием "Философские начала" говорится, что в мире есть два порядка бытия — абсолютный и природный. Первый основан на Согласии и Всеединстве,

второй — на Разъединенности и Разрозненности. Исход и завершение обоих порядков — в Высшем Начале. Смысл развития природного порядка — в Отдалении, Изменении и Воссоединении с Высшим Началом. Человек — высокотворческое и малосовершенное существо, принадлежащее обоим порядкам. Но он внутренне изначально свободен и самостоятелен, ибо возможно лишь свободное Воссоединение с Абсолютным.

П. 2 — "Нравственные основы" — определяет смысл нравственной деятельности. Она состоит — в свободном отождествлении личной воли с волей Высшего Начала, и в содействии Восхождению человека, общества и мира к высшим ступеням Совершенства и Творчества. Во имя того, чтобы затем произошло Воссоединение с Высшим Началом. Сущность мирового зла в Хаосе, разладе и отчужденности. Противостоящий ему принцип Гармонии требует Единства и Согласия, Сплоченности и Любви. Свобода есть путь и условие подлинной Любви. Высшая нравственная цель — Единение в условиях свободного Согласия на это Единство.

В п. 3 — "Смысл жизни" — нравственная жизнь определяется как совершенствующая связь с безусловным Добром. Личное самосовершенствование состоит в а) свободном и сознательном служении добру, б) свободном и согласном взаимодействии с людьми, в) в разумном и бережливом отношении к природе. Отношение к жизни должно заключаться в а) поддержке, б) познании, в) исправлении.

В п. 4 — "Нравственные цели" — в качестве природного корня личного зла определяется себялюбие как усилие обособиться и овладеть жизнью исключительно для себя. Противовесом исключительного самоутверждения является любовь духовная, а не природная. Русский народ, несмотря на падение, сохранил волю, чтобы выйти из пропасти. Человек нашего общества должен: а) познать добро, б) быть справедливым, в) быть милосердным, г) воздержанным, д) умеренным, е) отрешенным от излишеств, ж) сдержанным в вожделениях, з) мужественным, и) трудолюбивым. В личности следует соединить джентльменский идеал Запада с Вероборческим идеалом Востока, чтобы человек приобрел 10 перечисленных социальных черт.

Борцы же за НПВ должны обладать: 1. нравственной чистотой, 2. духовной глубиной, 3. неколебимым мужеством, 4. железной энергией.

В п. 5 — "Нравственные средства" — обосновывается идея нерасторжимого единства целей и средств.

Высокой цели должны соответствовать и высокие средства, как правило, ненасильственные. Допустимо лишь защитное, оборонительное, останавливающее насилие против активного, нападающего зла. Крайнее зло должно встречать тоже решительное и действенное противодействие. Для дела Возрождения полезны все три нравственных типа в их возрастающей степени: а) натуралистический, б) активистический и в) идеалистический. Для дела Возрождения личности нужно освободиться от а) непонимания и невежества, б) страха и отчаяния, в) занятости и суеты, г) разъединенности и отчужденности, д) бездействия и лени. Ибо оно может держаться лишь на Понимающих, Бесстрашных, Жертвенных, Сплоченных и Действующих личностях, то есть на Борцах за Возрождение.

2-я часть Программы называется "Возрождение общества".

В п. 1 второй части под названием "Политическая жизнь" говорится о бессмысленности воздействовать лишь на отдельные лица и о необходимости улучшить наиболее общие общественные отношения. Единичные нравственные усилия не воздействуют на нравственно безразличных людей. Общественные отношения воздействуют на всех. Общество есть изменчивое, осуществляемое, становящееся соборное бытие. Должно быть достигнуто свободное и нравственное общество. Индивидуализм создает хаос личных стремлений, коллективизм подавляет личность. Свободное и нравственное общество возникает тогда, когда налицо внутреннее совпадение сильнейшего развития личности с полнейшим общественным единством. Подобное нравственное восполнение и развитие личности должно проходить, нарастая, от семейно-родового через национально-государственное до всемирно-вселенского восполнения.

Семья совершенствуется — в нравственной связи с предками, в истинном браке, в воспитании нового поколения, народ — в естественной солидарности с другими народами, человечество — в подготовке всеобщего нравственного

порядка. Политическое развитие должно идти от тоталитарной деспотии через свободно-правовое государство к *любовному и братскому* обществу.

В п. 2 — "Экономическая жизнь". Материальные блага — не цель, но условие для развития жизни. Крайний капитализм упраздняет человечество, а крайний социализм — человека. Экономические отношения должны быть связаны с принципом добра и организованы нравственно. Экономическое развитие должно идти от централизованной, огосударствленной — через свободную, многоукладную — к единой и нравственной экономике.

В п. 3 — "Национальная жизнь" — говорится, что национальный эгоизм отрицательно равноценен личному эгоизму со всеми его разрушительными последствиями. Национальное величие достигается утверждением в наднациональном и общечеловеческом. Ценно лишь то, что национально — по источнику и способу выражения и общечеловечно — по смыслу и содержанию. Каждая нация должна войти в семью народов, чья деятельность координировалась бы из всемирного центра. Национальное развитие должно идти от совокупности поработанных народов — через свободные и сотрудничающие народы — к Всемирому единению народов.

В п. 4 — "Культурная жизнь" — утверждается неограниченная свобода творчества, общение со всем культурным миром и приобщение к духовным богатствам всего человечества. Культурное развитие должно идти от тоталитарно-подчиненной и подавленной культуры — через свободное и независимое культурное творчество — к единой Всечеловеческой культуре.

В пункте 5 — "Общечеловеческая жизнь" — постулируется задача для каждого человека и всех народов — придти к всемирному и нравственному общению: от ненависти и отчужденности — через терпимость и солидарность — к Добру и Любви. В интересах всемирного объединения Восточная Европа, как наиболее аморальная, агрессивная и несвободная часть мира, должна пережить моральное, культурное и политическое Возрождение. Общечеловеческое развитие должно идти — от разрозненного и враждующего человечества — через всемирный союз народов, основанный на Свободе, — к единому человечеству, основанному

на Любви. И этим стать достойным членом в семье Вселенской.

В заключительной части Программы содержится призыв ко всем живым нравственным силам страны начать длительную и неустанную историческую работу — возведение и строительство Великого Возрождения. Эта борьба завещается будущим поколениям. А временные поражения вымостят путь к грядущим победам. Программа заканчивается лозунгом: "Пробудись, ум, честь и совесть страны! За единство человечества и безусловное добро! За свет, любовь и свободу!" Подпись: Поборники Нравственно-политического Возрождения".

И эту Программу я в настоящее время хотел бы критически пересмотреть, многое уточнить и еще большее дополнить. Но время для этого еще не пришло, и я сам для этого *внутренне не созрел...*

2. Далее в издании приводятся: Гл. 2. "Духовное начало общества" и гл. 4. "Взаимодействие общественных начал" из работы "Мир, человек, время".

В гл. 2 приводится определение общественного сознания, описываются их виды и показывается их роль в жизни общества.

В гл. 4 показывается соотношение духовных и вещественных начал общества, их взаимодействие и роль в становлении общественной нравственности.

3. Наконец, последним материалом издания являются гл. 6 — "Гибель интеллигенции. Большевизм" и гл. 7 — "Создание массовой полуинтеллигенции. Первые молодые интеллигенты". В них описывается трагедия интеллигенции и ее трудное восстановление после революции 1917 года до наших дней.

В 1972 г. возникла также необходимость в строгом моральном ключе разработать проблемы внешней политики, культуры и мировоззрения, на что и ушло основное время этого года. Первой проблеме посвящен мини-очерк "Развитие внешней политики" под псевдонимом "Морозов" в честь очень симпатичного мне по духу и характеру народовольца.

В гл. 1 — "Исторический обзор внешней политики Европы" — рассматриваются взаимоотношения европейских стран и народов от падения Западной Римской империи в

476 году до конца 2-й мировой войны. Дается статистика по колониальным владениям в 1945 г.

В гл. 2 — "Внешняя политика России до первого крушения империи" рассматривается экспансионизм Российской империи вплоть до революции 1917 года.

В гл. 3 — "Революционная эпоха. Антиимпериалистические лозунги и реальность" — описывается неудовлетворительная внешняя политика и половинчатая национальная политика Временного правительства.

В гл. 4 — "Гражданская война. Борьба за большевистскую колониальную империю" — показывается процесс восстановления российской колониальной империи под коммунистическими лозунгами.

В гл. 5 — "Создание военно-экономического потенциала. Коминтерновская экспансия" — дается картина большевистской экспансии в начале 20-ых годов и строительства советской военной машины.

В гл. 6 — "Зрелый милитаризм. Переход к военной экспансии" — описываются советские захваты в Европе и Азии до начала войны с Германией.

В гл. 7 — "Борьба большевистского и нацистского империализма. Расширение большевистской колониальной империи" — содержится история советско-германской войны и установления советского господства в Восточной Европе и Азии.

В гл. 8 — "Распад большевистской империи. Переход к глобальной экспансии и ее провал" — рассматриваются действия советского империализма во всем мире с 1948 до 1972 года.

В гл. 9 — "Внешнеполитические задачи" — обосновывается необходимость деколонизации советской империи и принцип самоопределения, сплочение народов и сотрудничество в рамках полностью реорганизованной ООН.

В гл. 10 — "Грядущие международные отношения" — высказываются идеи о новой системе международного правопорядка и принципы реорганизации ООН...

... Вторым мини-эссе был "Путь Возрождения культуры" под псевдонимом "Пришелец". Он был выбран в знак того, что идеи работы, очевидно, несозвучны представлениям и настроениям современников.

В гл. 1 — "Основные положения" — дается определение

культуры и цивилизации, а также необходимые пояснения.

В гл. 2 "Культурное развитие России" — рассматривается духовное развитие России со времен Киевской Руси до 1917 года, дается этическая, политическая, духовная и материальная характеристика народа, интеллигенции и правящей бюрократии к началу XX века.

В гл. 3 — "Советская псевдокультура" — описывается культурное развитие советского периода, дается этико-политическая и духовно-материальная характеристика народа, сов. интеллигенции и политбюрократии. 2-я половина книги посвящается основам строительства новой культуры Возрождения.

В гл. 4 — "Нравственная культура" — высказываются принципы отношения к ближнему, к семье, к друзьям и знакомым, к имуществу и наслаждению, к пользе и знанию, к средствам и целям, которые соответствовали бы морали Возрождения.

В гл. 5 — "Политическая культура" — высказываются принципы отношения к общественным вопросам, к общественной пользе, к правам и обязанностям, к общественным преобразованиям, к группам и классам, к собственной нации, к другим нациям, к другим обществам и странам, к человечеству, которые соответствовали бы политическому мышлению Возрождения.

В гл. 6 — "Духовная культура" — советская интеллигенция критикуется за отрицательные формы скептицизма, софистики и фатализма, отравившие ее сознание. Для расширения философского кругозора следует ознакомиться хотя бы поверхностно со следующими мировоззрениями: А. Атеистические, пантеистические и политеистические системы религии и философии: 1. Буддизм. 2. Йогизм. 3. Гностицизм. 4. Теософия. Б. Монистические системы философии и религии. — 1. Христианство (по Вл. Соловьеву). 2. Неоплатонизм. 3. Антропософия.

В. Дуалистические системы философии и религии — 1. Зороастризм. 2. Санкхья. 3. Картезианство. 4. Космо-софия. Наука должна быть — 1. освобождена от принудительной опеки государства, 2. гуманитаризована, 3. демилитаризована, 4. морализована. Искусство должно быть основано на 1. неограниченной свободе творчества, 2. все-

мерно материально поддержана обществом. Идеал культуры Возрождения — это глубина в философии, богатство в искусстве, высоконравственность в науке, духовное творчество в жизни.

В гл. 7 — "Материальная культура" — высказываются идеи преобразования экономики — 1. Демилитаризация, 2. Деэтизация, 3. Конвергенция с миром, 4. Структурная реорганизация, 5. Система охраны и восстановления природных богатств.

В гл. 8 — "Создание интеллигенции" — выдвигается задача формирования духовно ведущего слоя общества. Советская "интеллигенция" критикуется за 1. отвлеченный морализм, 2. бесплодие умствования, 3. узколобое политиканство, 4. культ тела или его разрушение. Интеллигенция должна стать культуросозидающим классом, характеризующимся 1. моральным совершенством, 2. духовным богатством, 3. политической активностью, 4. физической закаленностью.

В гл. 9 — "Необходимость культурного Возрождения" — говорится, что человечеству предстоит пройти три великие культурные эпохи: 1. Начальная, очаговая культура, творимая сепаратным человечеством, в основном в несвободных обществах. 2. Переходная, глобальная культура, творимая всем человечеством совместно, в условиях свободных обществ. 3. Высшая, вселенская культура, творимая Мирочеловечеством, в условиях братских обществ. В России Раннее Возрождение началось со 2-й половины 19-го века и сорвалось в бездну в 1917 г. В недрах тоталитарной системы должно начаться Первоначальное Позднее Возрождение, нравственное, политическое и духовное, затем в условиях свободного общества — Завершающее Позднее Возрождение.

В гл. 10 — "Взгляд в будущее" — высказывается мнение, что страна находится на перепутье трех исторических дорог: 1. Одна ведет к гибели и к выжженной пустыне. 2. Вторая — к застою и к гниющему болоту. 3. Третья — к Возрождению и к цветущей земле "Делайте же ваш выбор!" — таким призывом заканчивается работа.

Наконец, завершающий мини-очерк касался общих основ философского мировоззрения. Он назывался "Краткие основы космософии" Радонежского и представлял

собой сокращенный и усовершенствованный вариант книги "Мир, человек, время", приспособленный также для распространения в Самиздате.

В "Предисловии" предпосылаются три вводных идеи: 1. приведение жизни в соответствие с по-новому познанной действительностью; 2. неотрывность мысли от действия, убеждения от борьбы; 3. примирительное и непредубежденное отношение ко всем видам познания, если они не сеют ненависть и отчужденность.

1. часть книги носит название "Мир".

В гл. 1 первой части — "Необходимость мироведения" — говорится, что людям нужна не совокупность мертвых догм, а философия обновления и Возрождения — Общечеловеческое Мироведение. Данная работа — лишь посильный вклад в него.

В гл. 2 — "Основные начала мира" — описывается духовное и вещественное начало мира, а также их взаимодействие.

В гл. 3 — "Законы развития мира" — показывается таинство мирового движения к Высшему Творческому Совершенству и предлагаются качественные показатели основных видов развития.

Вторая часть работы под заглавием "Человек" начинается с гл. 1 "Человек и основные начала". Подробно анализируются понятия душа и жизнь, сознание и мышление, дается модель человеческого существа.

В гл. 2 — "Человек и познание мира" — говорится об основных способах и средствах познания действительности, о связи познания с жизнью, о видах и признаках истины, о соотношении необходимости и свободы. Обосновывается также необходимость построения в грядущем Общечеловеческого Мироведения путем синтеза обобщенного "спиритуализма", "материализма" и "нейтрализма". Оно должно быть: 1. Единым, 2. Высшим, 3. Переменным, 4. Терпимым, 5. Наилучшим.

В гл. 3 — "Человек и космос" — показывается, что вся Вселенная стремится к наращиванию 1. Совершенства, 2. Творчества и 3. Согласия. Цель этих стремлений — увеличить Устойчивость, Изменчивость и Соразмерность бытия. В Метагалактике существуют "совозрастные" нам виды человечества, либо отстающие, либо опережающие нас. Вне

Метагалактики существует сопредельная ей Вселенная высшего порядка с неизмеримо более развитыми творческими и совершенствующими силами. Помощь Вселенцев заслуживают лишь высоконравственные и способные к восходящему развитию Человечества. Наше Человечество еще этого не достойно.

Третья часть книги — "Общество" — начинается главой 1. "Общество и обществоведение". Задача социологии — содействовать устранению двух несоответствий. 1. бурного развития разума — застою нравственному, 2. общественных видов жизни — эгоистическим формам нравственности.

В гл. 2 — "Духовное начало общества" — подчеркивается огромная роль общественного сознания и показывается их роль в преобразовании жизни всего общества.

В гл. 3 — "Вещественное начало общества" — обосновывается вывод, что лишь совокупность духовных и нравственных сил общества в сочетании с его вещественной основой определяет развитие производительных сил и характер производственных отношений в нем. В соответствии с "инертным", "нейтральным" и "энергическим" трудо-психологическим типом производителей должно существовать и три вида собственности на средства производства — государственная, групповая и личная. Многоукладная, смешанная, тройственная экономика — наиболее целесообразна.

В гл. 4 — "Взаимодействие общественных начал" — кратко описывается взаимовлияние и взаимоопределение духомира и вещемира общества, плодом которого является вся общественная жизнь. Общественно-историческое состояние любого общества определяется распределением власти, собственности и права в обществе.

В гл. 5 — "Законы общественно-исторического развития" — говорится о том, что природа и общество, духовный и вещественный мир человека связаны между собой потоками влияния и взаимодействия, образуя 4-членный контур влияния. Каждый источник влияния излучает определенный поток влияния, испытывает на себе влияние других, оказывает им сопротивление или усиливает. Спектр взаимодействия в каждом обществе и в каждый момент развития различный.

В гл. 6 — "Основные понятия общества" — рассматри-

ваются проблемы и даются определения личности и общества, сословий и слоев, власти и государства, нации и расы.

Заключительная, 4-я часть работы называется "Человечество".

В 1-ой главе в части "Свободный и естественный путь развития" рассматриваются проблемы эволюции. "Первая задача" — изживание вражды между несвободным и свободным миром. Первые шаги к примирению и к дружбе должен сделать первый, как наиболее виновный. Переход несвободных государств на демократический путь должен совершиться мирно. А для этого нужна целеустремленная деятельность демократических сил во главе со свободолюбивой интеллигенцией. Последняя должна стать — 1. видящей, 2. страдающей и 3. борющейся. Человечество, преодолевая кризисы и даже катастрофы, пройдет 4 последовательные ступени: 1. Природочеловечество, 2. Вещечеловечество, 3. Духочеловечество, 4. Мирочеловечество. То есть от ненависти и рабства через сотрудничество и свободу — к Любви и Единству.

В гл. 2 — "Катастрофический путь развития" — отмечается все увеличивающийся разрыв между научно-техническим и нравственным развитием. Если человечество этого не устранил и самоистребит себя в термоядерной катастрофе, то это будет лишь высшей справедливостью и высшим судом. Недостойное к воплощенному развитию — обязано погибнуть, уступив арену развития на земле другим, возможно более достойным видам жизни.

В гл. 3 — "О личном пути" — содержится 30 заповедей для человеческой жизни, если она хочет жить в соответствии с провозглашенными принципами открывшегося мира. Это заповеди для Человека Возрождения, стремящегося к Свободе, Любви, Единству и Согласию как в своем существе, так и во всем окружающем мире!

Настал трудный 1973 год. Настойчиво заявляли о себе политические и национальные проблемы. Возникла необходимость кратко указать взаимосвязь некоторых важнейших социологических понятий, а также вновь вернуться к наиболее острой и эмоциональной, национальной проблеме. И злободневным стал еврейский вопрос. Я встречался с представителями обоих лагерей и с откровенными антисемитами и с горячими сионистами. Я предложил встретиться,

честно и откровенно обсудить этот вопрос. Но все от этого уклонились. Антисемиты заявляли, что нечего, мол, обсуждать и так давно все ясно, история все показала. Еще решительнее отказались сионисты. Хотя многие очень гневно переживали нелестное к себе отношение со стороны экстремистов. Но почему-то открытого обсуждения не хотели. Видимо, опасались, что всплывут неприятные темы. Пришлось забросить все дела и пытаться беспристрастно разобраться в этом вопросе.

И вот в первой половине 1973 года вышел ЛС № 5, посвященный политическим, национальным и текущим вопросам.

1-ым было "Обращение к "Хронике", "Свободной мысли", "Демократу" и "Вече". В спокойном тоне давался ответ "Хронике" № 26, отстаивался принцип нелегальной работы и обосновывалось право говорить от имени всех, кто поддерживает принципы "Программы" и других документов, и тех кто мыслит демократически. Педантично поднимать вопрос формализованного представительства в условиях тоталитарного режима — нелепо. Выражалась горячая поддержка "Свободной мысли" и выражалось согласие с ее предложениями. "Демократу" № 6, где были помещены дискуссионные материалы, желали вместе с успехом меньшей эмоциональности и большей умеренности. Это было и намеком на то, что я отходил от ее редактирования в виду перегруженности "возрожденческой" работой. Были вопросы и к "Вече", заявившем о желании сочетать национализм, православие и ленинизм. Это оставляло неясность. И возникал вопрос — что, все-таки, выбирают "вечевцы": гуманно-демократический национализм или великодержавный шовинизм? Пресмыкающуюся перед коммунизмом церковь или христианский универсализм? Возрождение в Любви и в Свободе или ленинизм с его ненавистью и рабством? Всем изданиям желалось успеха, процветания и долгой жизни.

В этом же номере было напечатано "Письмо русских демократов еврейскому народу". Письмо начиналось словами: "Дорогие братья-евреи!" Отмечается нездоровое состояние русско-еврейских отношений. Предлагается честный диалог русских демократов с еврейской патриотической интеллигенцией. Надо подумать, как жить дальше, и дать справедливую оценку исторически обусловленных взаимо-

отношений. Русские шовинисты часто обвиняют евреев в злобредности и жестокости, еврейские шовинисты обвиняют другие народы, в том числе и русских, в гонениях и преследованиях. История дает отдельные примеры в пользу обвинений обеих сторон. А дает и примеры положительные — тоже в пользу обеих сторон. В очень приблизительной и неточной оценке представляется, что: 1. В массе явлений налицо умственное и волевое превосходство евреев над русскими при равной недостаточности этических начал. 2. Еврейский и русский характеры подобны между собой по своей неуравновешенности и склонности к крайностям эмоционального, интеллектуального и морального порядка. У обоих народов налицо примеры как отрицательной, так и положительной деятельности. И нет оснований ни для исключительного обвинения, ни для безудержного восхваления обоих народов. Грешили все. Особенно, участвуя в преступлениях большевизма. Большевистские представители русского и еврейского народов являются братьями по преступлениям. Большевизм — совместно осуществленное всеми нациями, но преимущественно русско-еврейское преступление. И от этого факта никуда не уйти. В будущем мы, русские, и вы, евреи, должны быть братьями по искуплению. И кажущиеся неистребимыми морально-политические пороки наших народов будут искоренены. Мы не желаем ни зоологического антисемитизма, ни оголтелой русофобии. Мы призываем еврейскую интеллигенцию, остающуюся в России, выделить из своей среды достойный отряд для демократического движения, людей такого калибра как Мартов, Гершуни, Натансон, Гоц и Дан. Мы протягиваем руку всему лучшему, что есть в еврейском народе.

Опубликована также статья К. Вольного, "Свобода, нравственность, равенство и право". В ней говорится, что мораль — это направленность человеческой свободы. Свобода, направленная на Истину, Добро и Красоту есть свобода положительная и образует высокую нравственность. Политически ограниченная свобода есть право. Равенство есть возможность осуществить свою свободу. Рассматривается изменение свободы, нравственности, равенства и права в условиях анархии, монархии, аристократии, демократии и теократии.

Далее шла статья "Н. Печальника" — "Размышления о

наших жертвах и достижениях". Я составлял ее по данным швейцарской газеты "Дер кларе Блик" № 22 за 1967 год, согласно которым за период 1917—1953 по политическим причинам погибло 34,7 миллионов человек. Это прямые жертвы. 23,5 миллионов жертв во время 2-й мировой войны можно считать косвенными жертвами большевизма. Итого 58,2 млн. человек! А итог — отсталость во всех отраслях общественной жизни, кроме средств массового уничтожения. Выход — преодолеть Зло и воплотить Добро в собирательном и личном человеке — в ходе Нравственно-политического Возрождения.

В статье Вольнослава "Арест Петра Якира", прошлые заслуги диссидента отмечались положительно.

6-ой была статья Северного — "Вьетнам, Египет, США и СССР. Внешнеполитический комментарий", где отмечалось, что СССР тратит на глобально-империалистические цели более 40% своего национального дохода, и описывался советский экспансионизм во всем мире.

В статье Скорбящего — "Операция "почтовый ящик" — рассказывалось о распространении нескольких тысяч листовок в Москве 14.06.72. Они призывали к забастовочной борьбе трудящихся за свои права и были подписаны "Гражданский Комитет". ЛС выражает им полную поддержку. Далее шла "Аннотация предыдущих выпусков ЛС", раздел "Новинки демократической литературы", призыв к содействию по выпуску ЛС и его распространению.

Изданный во 2-й половине 1973 года "Луч свободы" № 6 был посвящен общеполитическим, национальным и внешнеполитическим вопросам. Во "Введении" давалась краткая характеристика предлагаемых работ.

Первой было мини-эссе Пришельца — "Создание демократической партии — ближайшая историческая задача". В работе говорилось о необходимости борьбы за положительные и принципиальные перемены в стране, что уже породило в стране оппозиционные силы. Особые надежды последовательные демократы возлагали на ДДСС, физически и организационно еще неокрепшее. Оно выполнило в основном идеологические задачи и в этой области приходится говорить о первых сдвигах. В будущих годах нашего века должна быть создана Демократическая Партия Советского Союза (ДПСС), которая насчитывала бы не более 20 тыс. чело-

век и была развернута на географической базе: Москва—Ленинград—Свердловск—Новосибирск—Львов—Харьков и столицы союзных республик. Призывалось также основать Союз Морально-Политического Возрождения (СМПВ), один из зачатков которого — существующая с 1971 года группа Морально-Политического Возрождения. Она должна быть политически независимой от руководства ДПСС и в тоже время быть совестью Партии.

2. была работа Морозова "О родине". В ней предлагалось различать родину национальную и гражданскую и не отождествлять ее с понятием "политический режим". Последний может быть врагом "родины" и вести дело к ее гибели. Ленин и Власов были изменниками по отношению к существующему государству, но не по отношению к своей родине. Оба желали родине блага. Один — социалистического, другой — националистического. Подлинный изменник родины — сам большевизм. Отношение "возрожденцев" к родине — не слепое поклонение и незаслуженное восхваление. У народа много недостатков. Национальной землей часто считается территория, отнятая у другого народа. Народ подлежит моральному оздоровлению, а нации должны самоопределиться. К родине может быть 4 отношения: 1. патриотизм; 2. национализм демократический; 3. национализм эгоистический; 4. шовинизм, давший три вида империализма — а. национал-империализм, б. либерал-империализм и в. социал-империализм. Обоготворение нации и отрицание личности ведет к *шовинизму*. Обоготворение человека и отрицание нации ведет к *антропологизму*. Обоготворение Бога и отрицание человечества и нации ведет к *теологизму*.

Любовь к нации и уважение к человеку есть *национализм*. Любовь к человечеству и уважение к человеку и нации есть *космополитизм*. Любовь к Богу и уважение к человеку, нации и человечеству есть *Теополитизм*.

"За нравственно-политическое Возрождение нашей Родины!" — так кончается работа.

3. был мини-очерк Северного "Западные страны и большевизм". В работе вскрывается определенная вина западных стран в становлении и укреплении большевизма.

В гл. 1 — "Отказ от эффективной борьбы с большевиз-

мом в 1917—21 гг.” — говорится о вялом противодействии стран Европы большевизму.

В гл. 2 — “Спасение большевизма от 2-й гражданской войны в 1921—23 гг.” — говорилось о помощи Запада по стабилизации внутреннего положения в Советской России.

В гл. 3 — “Помощь в создании военно-экономического потенциала большевизма” — описывается помощь западных стран Советской России по строительству промышленности с 20-х годов до 1941 года.

В гл. 4 — “Спасение большевизма от военного поражения и политической гибели” — рассказывается об огромных поставках по ленд-лизу и об иной военно-политической помощи сталинскому режиму во время 2-й мировой войны.

В гл. 5 — “Уступка большевизму Восточной Европы и территории в Северной Азии” — дается описание пособничества по установлению советского послевоенного господства за пределами СССР.

В гл. 6 — “Вялое противодействие всемирному проникновению большевизма в 1946—1972 годах” — говорится о запоздалых и недостаточных мерах защиты Свободного мира от советского империализма.

В гл. 7 — “Послевоенное экономическое пособничество и выведение большевизма из сельскохозяйственного кризиса в 1963—1966 гг.” — говорится о фактической экономической помощи по укреплению внутреннего положения советского режима.

В гл. 8 — “Спасение большевизма от потенциальной народной революции в результате сельскохозяйственного кризиса 1972 года” — описывается продажа СССР 28 млн. тонн зерна на общую сумму 1,5 миллиарда долларов.

В “Заключении” говорится, что три фактора мешают восходящему развитию всего человечества и моральному Возрождению: 1. Преступный большевистский режим. 2. Несовершенство русского народа и его интеллигенции. 3. Близорукий эгоизм и узкое корыстолюбие западных стран. Запад призывается к искуплению своих черных заслуг перед большевизмом и с удесятеренной энергией содействовать утверждению идеалов Свободы и Любви в человечестве.

... Кроме деятельности по выпуску журнала “Луч Свободы” была также составлена короткая статья о понятии

"советская власть" под названием "Советская власть. Советчики и антисоветчики" под псевдонимом "Донской". В статье говорится, что Советы были созданы не большевиками, а рабочими Иваново-Вознесенска. Советы же трудящихся после 1917 года были созданы социалистической коалицией. Большевизм перенял идею Советов, но лишил советы власти и сделал их своим пропагандистским словом. Поэтому именно большевики — "антисоветчики". Демократы готовы признать в качестве политической основы страны — Демократические Советы, если они будут функционировать как подлинное народное представительство.

В первой половине 1974 года был издан "Луч Свободы" № 7, целиком посвященный политической борьбе в Советском Союзе. Для этой цели я составил эссе под названием "Борьба за свободу — долг народов России". Если бы я не вышел живым из заключения, то оно было бы политическим завещанием.

В гл. 1 — "Теория и действительность" — исследуются 1. внутренние свойства народа, 2. природа интеллигенции и 3. взаимодействие народа с интеллигенцией и правящим слоем. Ставится задача по размещиванию и интеллигизации русского народа.

В гл. 2 — "Большевистский режим" — описываются мрачные социально-исторические результаты, достигнутые за период большевистского владычества в политической, экономической, национальной, культурной, внешне- и внутриполитической, а, главное, в социально-нравственной области.

В гл. 3 — "Преобразующие силы страны" — показана расстановка преобразующих — околорбольшевистских, подобнобольшевистских, религиозных и национальных сил в стране, анализируются их недостатки и возможности.

В гл. 4 — "Демократическое движение. Теоретические основы" — приводятся три идейных комплекса ДДСС: 1. Политико-социальный, требующий свободно-демократического строя и сотрудничества классов. 2. Экономико-культурный, требующий трехукладного хозяйства и свободной культуры. 3. Национально-международный, требующий деимпериализации, самоопределения народов и всемирного сотрудничества. Определяются также общественные шансы на поддержку принципов ДДСС. При-

водится перечень работ и документов ДДСС и НПВ на 1974 год.

В гл. 5 — "Демократическое движение. Практические задачи" — говорится о 4-х последовательных ступенях борьбы: об 1. индивидуальной, 2. организационной, 3. консолидационной и 4. координационной.

В гл. 6 — "Демократическая партия" — ставится задача о будущем переходе к партийной форме политической борьбы, рассматриваются проблемы 1. контрчекистской борьбы, 2. предательства, 3. руководства партии, 4. подполья и оппозиции при различных общественных условиях.

В гл. 7 — "Демократический фронт" — обосновывается возможность и необходимость сотрудничества с демократическими силами в стране в форме Блока или Фронта.

В гл. 8 — "Нравственно-политическое Возрождение" — обосновывается принцип дополнения политического принципа нравственным началом и необходимость создания в будущем Союза нравственно-политического Возрождения.

В гл. 9 — "Путь положительного грядущего развития" — говорится о возможности перехода в течение большого исторического срока от большевистской деспотии к свободной демократии, затем к свободной теократии и, наконец, к Богочеловечеству.

В гл. 10 — "Заключение" — говорится, что перед народами Советского Союза три пути: 1. Путь возрождения и жизни. 2. Путь катастрофы и гибели. 3. Путь прозябания и застоя. Выбор пути зависит от социально-политической и духовно-нравственной активности народов.

Во второй половине 1974 года был издан 8-й. и — увы! — последний выпуск журнала "Луч Свободы", посвященный текущим и социальным проблемам.

1-й была статья "Печальника" "Антидемократическая кампания в Советском Союзе". В ней перечисляются печальные итоги преследований оппозиции в течение последних месяцев: расправа со "Свободной мыслью", травля А. Солженицына, А. Сахарова и В. Максимова, покаяние Якира и Красина, капитуляция "Хроники" (прекращение выпуска), новый срок А. Амальрику и т. д. Осуждается предательство Якира и Красина и самоликвидация "Хроники", беззубо-нейтральное поведение В. Чалидзе за границей и заявление Сахарова о "бесперспективности борьбы"

весной 1973 года, одобряется принципиальное и несгибаемое поведение А. Солженицына. Причинами некачественного поведения оппозиции объявляются: 1. отсутствие четкой политической идеологии; 2. отсутствие твердой решимости на борьбу; 3. отсутствие принципиального самоотделения от большевизма; 4. отсутствие достаточного числа цельных и сильных личностей. Статья призывает: 1. не привязываться слепо к авторитетам и следовать лишь за достойными; 2. усвоить ясные и твердые демократические принципы; 3. решиться на длительную, бескомпромиссную и жертвенную борьбу; 4. принципиально отделиться от большевистской системы.

2-м публиковался мини-очерк Морозова "Личность и социальное самоопределение", посвященный личностным и общественным проблемам.

В гл. 1 — "Человек и личность" — определяются 4 миропорядка, с которыми соотносится человеческая личность: 1. первобытный, 2. природный, 3. социальный и 4. космический, а также основополагающие качества, признаки и виды личности.

В гл. 2 — "Личность — неизменная основа общественного идеала" — приводятся теоретические модели личности и обществ.

В гл. 3 — "Западный и восточный человек. Европа и Азия" — содержится подробная характеристика 1. западного, 2. восточного, 3. китайско-японского и 4. африканского человека.

В гл. 4 — "Русский человек. Евро-Азия" — дается общая характеристика русского человека в 1. союзно-племенную, 2. "киевскую", 3. "татарскую", 4. "московскую", 5. "петербургскую" и 6. "большевистскую" исторические эпохи.

В гл. 5 — "Родовой первобытный человек. Генократия. Силовой природный человек. Моно- и поликратия" — дается характеристика человеческого типа, основывающего свое бытие на принципе силы или рода.

В гл. 6 "Свободная социальная личность. Демократия и панократия" — характеризуется человек, основывающийся на принципе свободы.

В гл. 7 — "Внетерриториальное социальное определение" — обосновывается право людей, склонных к определенному порядку социальной жизни, не разделяемому большин-

ством, объединяться в Экстерриториальные Общины, не- или малозависимые от государства.

В гл. 8 — "Территориальное социальное самоопределение" — обосновывается право людей со сходным социальным идеалом объединяться в Территориальные Общины, не- или малозависимые от государства.

В гл. 9 — "Любящая космическая личность. Идеократия и теократия" — характеризуется человек, основывающий свое бытие на принципе любви.

В гл. 10 — "Всединная мировая личность. Мирочеловечество" — характеризуется будущий человек, основывающий свое бытие на принципе мироединства и вселенскости.

В гл. 11 — "Главные эпохи человечества" — определяется 5 последовательных видов человечества 1. Первобытное человечество, основанное на родоединстве. 2. Природное человечество, основанное на Силе. 3. Социальное человечество, основанное на Свободе. 4. Космическое человечество, основанное на Любви и 5. Мирочеловечество, основанное на Мироединстве.

В гл. 12 — "Заключение" — кратко резюмируется содержание предыдущих 11-ти глав, содержится призыв — не быть достойными Вселенского Возмездия, избежать Катастрофы и строить высокоценную личность — основное богатство Вселенной!..

На этом выпуск журнала "Луч Свободы" на неопределенное время по воле судьбы прекратился. Но в течение 1974 года были написаны еще три философские работы, которые должны были бы войти в журналы "Луч Свободы" в 1975 году и далее.

Первым эссе было *"Основы цельной жизни"* под псевдонимом Сандер. В этой работе намечаются три пути для цельной, гармоничной и миросообразной жизни, воплощающей идеал Истины, Добра и Красоты.

В 10-ти главах 1-й части книги "Истина" дается путь Истины, пригодный для интеллектуального типа людей, и ведущий через Истину — к Добру и Красоте.

В 10 главах 2-й части книги под названием "Добро" показывается путь Добра, подходящий для этического типа людей и ведущий через Добро — к Истине и Красоте.

А в 10 главах 3-й части книги, озаглавленной "Красота", намечается путь Красоты, доступный для эстетического типа

людей и ведущий через Красоту — к Истине и Добру. На всех трех путях одинаково достигим идеал цельной жизни. Книга заканчивается призывом: "Человек воли и верующий! Делай Добро, чтобы познать Истину и творить Красоту! Человек разума и ученый! Познай Истину, чтобы творить Красоту и делать Добро! Человек чувства и художник! Твори Красоту, чтобы познать Истину и делать Добро!" По сути дела работа была моим личностным завещанием.

Надо отметить, что сами мы, в своей нравственно-просветительной деятельности, шли путем Истины и старались ее постичь на наших философских семинарах. И надо сказать, что положительные результаты можно было видеть воочию. Путь Добра, в его особом виде, придется частично пройти в заключении. А путь Красоты остается неиспробованным. Если не считать слабых попыток на Западе...

Второе эссе под названием "Земля, 1975" и под псевдонимом Фамарин было посвящено глобальному развитию человечества. Это было моим видением мира в конце третьей четверти 20-го века. И моими мыслями о его будущем. Самому же мне пришлось смотреть на Землю 1975 из-за колючей проволоки. "Фамарин" был выбран потому, что отец Людмилы хотел назвать ее из-за черноглазости и темно-волосости — Тамара (Фамарь — в восточном варианте).

В гл. 1 — "Точка и момент развития человечества" — доказывалось, что экспоненциальное развитие человечества достигло переломной, критической точки и за ней необходимо должна начаться затухающая или стабильная полоса развития.

В гл. 2 — "Природно-экологическое положение человечества" — говорится об угрожающем положении в природной среде и в биологии человека.

В гл. 3 — "Социально-политическое положение человечества" — говорится о демографической, продовольственной, генетической, внутрисоциальной и внесоциальной проблеме человечества.

В гл. 4 — "Духовно-нравственное положение человечества" — показывается низкий уровень духовной просвещенности и нравственной просветленности.

В главах 5, 6, 7, 8, и 9 с названиями — "Азия", "Европа", "Америка", "Африка" и "Австралия" — дается природно-

демографическая и политико-экономическая характеристика континентов.

В гл. 10 — "Опасности планеты" — дается картина страшной опасности, нависшей над человечеством вследствие трех параллельно идущих процессов разложения: 1. Природно-биологического умерщвления. 2. Социально-политического порабощения. 3. Духовно-нравственного падения.

В гл. 11 — "Путь преобразования планеты" — выдвигается программа спасения земли через три процесса Возрождения человечества: 1. Природно-биологическое оздоровление. 2. Социально-политическое освобождение. 3. Духовно-нравственное восхождение.

В гл. 12 — "Заключение" — приходят к выводу, что человек имеет все предпосылки для высокостойного развития. За хорошее и плохое мы все несем и разделяем всеобщую ответственность. И подлежим Воздаянию, которое есть либо Возмездие, либо Вознаграждение. И задача человечества — достойно работать на пользу Великой эволюции, звенья которой: Нарождение-Род-Сила-Свобода-Любовь-Всеединство-Вознесение... Книга заканчивается призывом: "Воспрянь сердцем, пробудись умом и укрепись волей, мой современник! Судьба мира в твоих руках! Она в наших с тобою руках!" Если я живым не вышел бы из заключения, то эту работу следовало бы рассматривать как мое человеческое завещание.

Третьим и последним очерком предрестного года было произведение Эллинова — "Принципы Мироведения. Очерк Космософии". Оно заключало мое видение Высшего мира и безграничной Вселенной в конце сорокалетнего поиска Истины. В выборе псевдонима я отдал дань греческому происхождению Людмилы.

В гл. 1 — "Введение" — говорится, что содержание дальнейшего не полновесная основа будущего Мироведения, а лишь мгновенное духовное видение Мира.

В гл. 2 — "Ценность Мироведения" — определяется задача мыслителей и духовидцев современности: 1. восстановить и воссоздать все наиболее ценное, принесенное людям мыслителями и пророками прошлого, 2. совершить творческий прорыв к новым горизонтам знания, чтобы попытаться дать человечеству Истинное Мирозозрение как основу Благостного Миродействия. Признаки истинного мирозозре-

ния в том, что оно: 1. рождает смелость, 2. дает силу, 3. умножает энергию, 4. творит чистоту. Кроме того, оно обладает — 1. глубиной и 2. многосторонностью. Предлагаемое видение, возможно, есть один из путей к нему.

В гл. 3 — "Высший принцип" — в качестве Исхода и Завершения, Центра и Сосредоточия Мира видится Высшее Первоначало. Далее приводятся общие доказательства Его существования, описывается Строение и Признаки Божественного Бытия, даются Его существенные определения. Противоположно Высшему Началу, которое есть Предельная Гармония Духа, Вещества и Воли, существует Низшее Начало, которое есть Предельный Хаос Духа, Вещества и Воли. Высшая Гармония хочет свободного Воссоединения и Вознесения Предельного Хаоса. Мир, созданный Первоначалом, есть арена Вознесения Хаоса к Гармонии.

В гл. 4 — "Основные начала" — определяются признаки и свойства Духовного, Вещественного и Жизненного начала Мира, описывается их творческое взаимодействие, а также деятельность Чистых и Падших видов бытия.

В гл. 5 — "Строительство мира" — дается общая картина 1. Первоединой структуры мира. 2. Бытия, жизни, местонахождения и развития Начал. 3. Борьбы с силами Хаоса. 4. Положения трехмерного мира. 5. Общей цели развития.

В гл. 6 — "Становление Вселенной" — изображаются процессы: 1. Работы ядерной кузницы. 2. Образования облобков. 3. Объединения атомов. 4. Объединения молекул. 5. Создания космических систем. 6. Становления Земли.

В гл. 7 — "Развитие человека" — приводится модель Человека, который есть частица Божественного Бытия и частица Мира. Первое дает ему способность к возвышенному чувству, благодатной воле и глубокому разуму. Второе вызывает его драматические колебания между Гармонией и Хаосом. В зависимости от преобладания Духовного, Вещественного или Жизненного начала нарождается Интеллектуальный, Эстетический или Этический тип. Человек до рождения находится в До-предельном мире, после рождения — в Со-предельном мире и после смерти — в За-предельном мире. Цикл повторяется по тайным Законам развития. Даются основы строения человеческого бытия и средства Мировосприятия. Далее приводятся цели Миродейтельности.

В гл. 8 — "Познание Истины" — говорится о постижении духовной, идеальной Гармонии Мира через Интуитивный Интеллект и Собственно Интеллект.

В гл. 9 — "Совершение Добра" — говорится о положении жизненной, витальной Гармонии Мира через Интуитивную и Собственно Этику.

В гл. 10 — "Сотворение Красоты" — говорится о воспроизведении вещественной, материальной гармонии мира через Интуитивную и Собственно Эстетику.

В гл. 11 — "Ценность Миродействия" — показывается, что Миродействие складывается из непрестанной и пожизненной деятельности следующих трех видов: 1. Постигание Истины и Правды во всех явлениях и сущностях Мира. 2. Совершение Добра и Блага на всех участках и областях Мира. 3. Сотворение Красоты и Прекрасного во всех предметах, лицах и отношениях Мира. Эти три вида Миродействия образуют два Великих качества: 1. Совершенство или приближение себя и Мира к Божественному Бытию. 2. Творчество или преобразование себя и Мира в Божественное Бытие. Сочетание Совершенства и Творчества есть Свободное Всеединство, то есть Любовь.

В гл. 12 — "Заключение" — говорится, что в наше время человечество совершает опасный переход от Природной эпохи к Социальной. Это — опасный прыжок через пропасть, который поможет благополучно совершить высокоценное Мировоззрение и энергичное Миродействие.

Это познание и действие предотвратит угрожающую нам Катастрофу. Если большинство человечества составит из людей добрых, деятельных или любящих, или оно последует за своим положительным меньшинством — Катастрофа будет предотвращена. В этом случае "человечество возродится в Социальной эпохе, и планета наша станет более благоприятной ареной для воплощения духовных и вещественных начал и их ускоренного, восходящего развития к высшим формам бытия. Человечество же будет последовательно эволюционировать от Природного через Социальное к Космическому состоянию, от Силы — через Свободу — к Любви!"

... Если я был бы похоронен на Барашевском кладбище заключенных в Мордовии в ближайшие годы после 1974, то эта работа была бы моим духовным завещанием...

Сборник "10 лет Демократического Движения (1969—1979)" содержал следующие статьи:

1. "К социально-нравственному Возрождению", где содержался призыв не только к политическому освобождению, но и к нравственному обновлению народов страны, рассматривался вопрос общественной морали. Описывалась история нравственной катастрофы народов России. Намечался план нравственного Возрождения страны через три ступени, а. подготовительную, б. определяющую и в. завершающую.

2. "12 принципов русского дела".

3. "6 тезисов за свободно-национальную Россию".

4. "В защиту очага и семьи — против социальной агрессии власти", в которой описывается шестикратное разрушение очага и семьи автора, произведенное, прямо или косвенно, советским государством. Статья была обвинением и иском к Правительству СССР. Это мыслилось как символический иск миллионов обезоженных и обессемеенных людей, в результате социальной агрессии власти. Если иск не будет удовлетворен, то "мир вернет вам отражение собственных дел. Вернет скоро и неизбежно. И не будет вам, истребителям очага, разрушителям семьи, тогда ни очага, ни семьи на земле человеческой!".

5. "Заявление А. Сахарову и в Комитет прав человека ООН", в котором КГБ ставился под подозрение в тайных убийствах диссидентов и политзаключенных. Предлагалось расследовать загадочную смерть М. Кончаковского и Г. Снегирева, необъяснимые болезни П. Айрикяна и В. Осипова, угрозу КГБ в мой адрес — "устроить встречу с Марксом". Сообщалось о лишении свиданий и принуждении ходить на политзанятия под страхом наказания.

6. "Заявление правительству СССР", в котором еще раз декларировались принципы ДДСС и отмечались достижения организации за 10 лет: а) организационно-политическое оформление, б) создание идеологии, в) распространение информации, г) моральная проверка в условиях репрессий, д) завоевание общественной поддержки и доверия.

Содержались требования: 1. Легализации деятельности ДДСС, 2. Разрешения издания органа информации ДДСС.

7. "Основы политики будущего", где рассматривались А. Внешнеполитические проблемы и план урегулирования конфликта с Китаем, и Б. Внутриполитические проблемы и план самоопределения народов. (Эта статья была опубликована в украинском журнале "Сучасність" № 235/236 за 1980 год... Сборник широко распространялся в Самиздате в СССР и в конце 1979 года был напечатан издательством "Архив Самиздата" в Мюнхене.)

При аресте известного московского демократа поэта Виктора Некипелова 7 декабря 1979 года этот сборник был у него изъят при обыске. В феврале 1980 года ко мне приехал московский следователь, предъявил мне сборник, пытался выяснить — знаю ли я Некипелова и я ли автор сборника. Я отказался от всяких комментариев на том основании, что разговариваю лишь с независимой общественностью, а не с КГБ. Следователь уехал не солоно хлебавши. Но во всяком случае отправку целого сборника на волю я считаю большой удачей...

В 1980 году я отправил в Самиздат страны и за границу еще один сборник, который назывался "Мысль в огне". Он содержал следующие материалы: 1. "Судебное таинство истории", где говорится о высших правосудных силах, действующих в жизни народов вообще и в жизни русского народа в частности. 2. "Организация свободных наций", где структура и политика ООН подвергаются резкой критике. Предлагается план реорганизации ООН, а при ее невозможности основать другую всемирную организацию — ОСН, способную более эффективно бороться за свободу народов и права человека во всем мире. 3. "За свободу поработенных народов! За свободную Эстонию!", где рассматривалась скорбная история Эстонии после 1940 года и обосновывалось право на ее самоопределение и независимость. 4. "Слово об истоках славянства", в котором разоблачались фальсификации советских историков и восстанавливалась историческая правда о древне-славянских племенах. 5. "Заявление правительству СССР по случаю предстоящего окончания срока", в которой разоблачаются порочная внутренняя и внешняя политика СССР, а также преследование демократов. Говорилось о глубоком отвращении автора

к бесчеловечной советской системе, единственный самоубыточный вклад которой в историю это — невиданное по чудовищности карательное оружие, примененное против собственного народа. При таких условиях автор, выйдя из тюрьмы, не сможет молчать и сидеть сложа руки, но будет активно бороться с системой. И его придется или тайно убить, или вернуть в тюрьму с 15 годами, как многих других. Поэтому выход из тюрьмы в несвободную страну лишен всякого смысла. Далее шли стихотворения, написанные в неволе: "Мысль в огне", "Слово к молодым", "Благодарность", "Сон в зимнюю ночь", "Исповедь. Матери и жене", "Ожидание", "Посвящение женщине", "Ночное видение". Сборник также распространялся в Самиздате СССР и был напечатан в 1980 году издательством "Архив Самиздата" в Мюнхене...

О Г Л А В Л Е Н И Е

А. Авторханов. Предисловие	1
Мартин Дьюхерст. Введение западного литературоведа	VI
От автора	5
Глава 1. Изначальное	9
Глава 2. Впечатления	49
Глава 3. Учение	105
Глава 4. Труд	135
Глава 5. Политическая борьба	159
Глава 6. Во имя свободы!	185
Глава 7. Нравственное просветительство	217
Глава 8. За победу любви!	233
Глава 9. Испытание	245
Глава 10. Изгнание	311
Глава 11. Возрождение Востока	327
Глава 12. Преображение Земли	341
Приложения:	
К главе 6	351
К главе 8	359
К главе 9	411
Фотографии и документы	415

С. СОЛДАТОВ

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

1. Введение

Человеческая культура в своем развитии прошла долгий и сложный путь. Исследователь развития культуры сталкивается с бесконечно большим количеством фактов, событий и явлений, которые находятся в причудливых и многочисленных причинных связях друг с другом, по мере развития все более усложняющихся.

Знание закономерностей и тенденций развития культуры исключительно важно, ибо последняя в широком смысле слова определяет характер существования и судьбу человеческого общества. При исследовании их возникает необходимость упорядочить и осмыслить хаотическую на первый взгляд массу фактов, построить логическую модель развития.

До последнего времени изучением развития культуры занимались две науки: философия, устанавливающая ее наиболее общие закономерности, и история конкретных видов культуры: экономики, науки, техники, искусства и т. д., определяющая их исторические закономерности. Эти две науки пользуются логико-описательным методом, который, позволяя глубоко и всесторонне осветить качественные стороны развития культуры и тонко оттенить ее самые малозаметные подробности, не лишен, однако, и известных недостатков. Он громоздок, сложен и не нагляден. Пользование им или понимание его требует больших интеллектуальных усилий, солидной специальной подготовки и огромных затрат времени. В этих условиях подчас очень трудно выделить господствующую тенденцию развития на обширном историческом материале.

В последние годы при изучении исторических явлений все чаще используется логико-математический метод. Применение математических средств и понятий в историческом исследовании позволяет придавать историческим явлениям и процессам стройные символические числовые и пространственные, графические и аналитические формы. При умелом использовании метода можно получить ясную, точную и наглядную картину развития культуры.

Особый интерес проявляется к математическому исследованию развития ведущей отрасли современной культуры — науки. Аналитическое исследование развития современной науки в настоящее время оформилось в молодую, самостоятельную научную дисциплину. Еще в 1936 г. польские ученые М. и С. Оссовские вслед за академиком Г. Котарбинским предложили назвать будущую новую отрасль исследования «наукой о науке» [1]; выдвинуты и другие варианты названия: «сайнология», «наукознание», «эпистемология» [1], «логетика» [2]. В СССР наиболее широкое распространение получил предложенный Г. Добровым термин «науковедение» [1].

2. Современное состояние науковедения

Из данных зарубежной и отечественной литературы последних лет, а также из материалов проведенного в 1966 г. в Киеве Первого Всесоюзного симпозиума по науковедению [2] и Второго симпозиума, состоявшегося там же в декабре 1967 г. [3],

Комитет Государственной Безопасности при СМ СССР
Особый Отдел КГБ при СМ СССР в/ч. 10675

№ 29 22 сентября 1969 г.

ПОВЕСТКА

Гр-н (ка) Солдатову Сергею Ивановичу
Прожив. ул. Решетку дом № 44 кв. № 1
Особый Отдел вызывает Вас в качестве свидетеля и просит
явиться по адресу г. Минск ул. Толмача 8
комн. № 1 к тов. Бодунову 23 сентября 1969 г.
к 10 часам.

Явка обязательна

В руках иметь паспорт или удостоверение личности.

Исполнитель Особого Отдела КГБ в/ч. 10675
Заместитель Демисенко

Май Солдатов
Назначен в Особый Отдел КГБ
81.05.75 - 10⁰⁰ 30 13 15 23.09.69 10675
Заместитель Демисенко

1552200
6 2 1855
Ст. 10
Уч.

Комитет государственной безопасности при Совете Министров Эстонской ССР

П О В Е С Т К А

Созданов, Сергей Иванович.
Таблице ул. Ристузе 44-45.

Вам предлагается явиться 24-VI-1967 г. в 10 час. — мин.
в Комитет государственной безопасности при Совете Министров Эстонской ССР по адресу:
гор. Таллин, ул. Благари, дом 1, каб. № 83 тов. Г

для допроса в качестве свидетеля.

При явке без уважительных причин несут уголовную ответственность по ст. 173 УК ЭССР. Просьба иметь при себе документ, удостоверяющий личность, и сохранить проездной билет для оплаты проезда.

На основании ст. 88 УПК Эст. ССР и ст. 78 КЗОТ за Вами сохраняется заработная плата по месту работы за время явки в орган следствия.

1
Начальник областного отдела КСБ при СМ ЭССР
[Signature]

Протокол обыска

№ 10 июня 1969 года

г. Талдыкорган

Я, г. старший следователь КРС при обл. прокуратуре
Иванов Иван Иванович и старший КРС при обл. прокуратуре
Иванов Иван Иванович, а.к. Иванов и а.к. Иванов
с участием понятых Иванов Иван Иванович
проживающих в г. Талдыкорган по делу № 8-51
и Иванов Иван Иванович Владимирович
проживающих в г. Талдыкорган по делу № 8-51
в присутствии Солдатова Сергея Ивановича и Труфанова Виктора Ивановича
с соблюдением требований ст. ст. 79, 139-142 УПК Эст. ССР произвел обыск

Солдатова Сергея Ивановича
по адресу: г. Талдыкорган д. 49

В соответствии со ст. 141 УПК ЭССР понятным Иванов Иван Иванович

разъяснено их право присутствовать во время обыска при всех действиях следователя и по поводу этих действий делать заявления.

Обыск производился с участием переводчика Иванов Иван Иванович г. Талдыкорган
Иванов Иван Иванович проживающих г. Талдыкорган
Иванов Иван Иванович г. Талдыкорган, предупрежденно об
уголовной ответственности по ст. ст. 173 и 175 УК Эст. ССР.

(подпись переводчика)

Следователь предъявил постановление о производстве обыска от 10 июня 1969 г.
граждан Солдатова Сергея Ивановича, после чего ему (ей)
было предложено выдать Солдатова Сергея Ивановича
Иванов Иван Иванович

Гражданин Солдатов Сергей Иванович заявил, что
Тема Иванов г. Талдыкорган д. 49

ПРОГРАММА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

«Социализм развивается во всех сферах жизни, захватывая крайние последствия, до последнего предела. Тогда слова выражаются из титанической борьбы групп революционного меньшинства криком отчаяния, и слова становятся смертной борьбой, в которой социализм занимает место высшего консенсуса и будет победой грядущей, известной нам революции...»

А. И. Герцен. Сочинения.

Женева 1875-79 г. том 5, стр. 131

Смысл ста лет назад над Европой возник призыв — призыв революционного коммунизма. Под его знаменем объединились обездоленные, нищие, эксплуатируемые всех стран. Прошли годы и призыв преобразился в грозную, сокрушительную силу. И это не удивительно — коммунизм обещал излечить человечество от всех общественных язв: нищеты, эксплуатации, классового и национального неравенства, истребительных войн...

Был назван главный враг справедливости и равенства — частная собственность. История — духовное богатство общества, исторически сложившаяся совокупность норм и принципов

себя расправками с мирным, невооруженным населением.

Работники госбезопасности! Ваша задача бороться против шпионажа, а не против демократических сил. Не забывайте, что многие ваши коллеги, решительно борознившие против надуманной 'контрреволюции' и 'врагов народа' пали от ими же поднятого меча. Помните судьбу многих своих предшественников!

Мы, демократы страны, заявляем, что преисполнены твердой решимости неуклонно бороться за провозглашенные ценности: свободу и благоосостояние народа, невзирая на любые трудности и жертвы! Мы, демократы страны, призываем всех честных, мыслящих и смелых граждан нашего общества, любого возраста, пола, религиозной, классовой и национальной принадлежности, принять деятельное участие в мирной, ненасильственной борьбе за высокие демократические идеалы!

Мы, демократы страны, заявляем нашу священную борьбу за свободное демократическое общество, в случае временного поражения, нашей славной, боевой молодежи и будущим поколениям!

ДЕМОКРАТЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА! ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ, БОРИТЕСЬ, ПОБЕЖДАЙТЕ!

Демократы России, Украины, Прибалтики.

СССР, 1969 год.

В. С. Смирнов

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат * Избранное

Документальная серия. Выпуск 1

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Выпуск XI

МЕМОРАНДУМ

Демократического движения
Советского Союза
Верховному совету СССР

НОСЕВ 1972

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

МЕМОРАНДУМ

Демократическому совету СССР
О НЕЗАКОННОМ ЗАХВАТЕ ВЛАСТИ ДУКОВСКИМ КЛЮС
И ЕГО АНТИКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ПРЕАМБУЛА

1. Демократы Советского Союза, изложившие свои взгляды и цели в «Программе Демократического движения Советского Союза», принятой в 1969 году, последовательно придерживаясь принципа мирной эволюционной демократизации общественных отношений в стране, составили и направляют настоящий Меморандум Верховному совету СССР — высшему конституционному органу власти в стране.

2. Демократы требуют открытого обсуждения Меморандума на сессии Верховного совета, обеспечения публикации Меморандума в печати, беспрепятственного обсуждения в коллегиях и создания комиссии по расследованию антиконституционной деятельности руководства КПСС.

3. Демократы настоящим Меморандумом констатируют, что руководство КПСС, воспользовавшись народом, как орудием, с помощью которого вырвало власть из рук Временного правительства, создало в стране свою политическую организацию, ставшую над всеми государственными и общественными учреждениями. Это обеспечило руководству КПСС неограниченное монополии во всех областях и сферах жизни страны, т. е. в нарушении первой программы РСДРП и первых учредительных декретов советской власти, наложивших правовой и юридической основой советской власти, а также в нарушение действующей Конституции 1936 года, незаконно присвоив себе всю полноту законодательной, исполнительной и судебной власти.

с отменой всех антиконституционных законодательных актов.

4. Обеспечить нормальное функционирование законодательных органов, судебной системы и прокуратуры аппарата в соответствии с конституционными нормами.

5. Ввести в стране демократические свободы.

6. Принять закон об освобождении всех политических заключенных.

7. Провести всеобщие демократические выборы.

8. Разработать новую конституцию, которая законодательно закрепит политические основы демократизованного советского общества.

Мы демократы, заявляем, что в целях осуществления этих мер и во имя общественного блага, мы готовы даже сотрудничать с правительством при условии, что будут немедленно освобождены все политические заключенные, возмещен ущерб им и их близким, даны реальные гарантии о непреследовании советских граждан за их убеждения.

Наступила пора открыть новую страницу истории страны. — период мирной демократизации общественных отношений. И демократы полны решимости. Их не пугают ни партийная охрана, ни тюрьмы, ни лагеря, ни психбольницы, ни страдания, ни лишения. Борьба за свободу и демократию будет продолжаться и расширяться в наступающем десятилетии. И эту священную для нас борьбу мы доведем до победного конца. В этом мы видим свой гражданский долг.

Демократы! Обьединитесь, боритесь, побеждайте! СССР, 5 декабря 1970 года

Копия

Уголовное дело № К.І-070/75

П Р И Г О В О Р

ИМЕНЕМ ЭСТОНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

31 октября 1975 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Эстонской ССР, в составе:

председательствующего АФАПАСЬЕВА
народных заседателей: БАЙТЕЛЬС
ВНИИКСЕР

при секретаре ОРАСТЭ
с участием прокурора КЕССЛЕР
адвоката КОН

в открытом судебном заседании в гор. Таллине, рассмотрев уголовное дело по обвинению

1. МЯТЛИКА Калъ Яановича, 1932 года рождения, уроженца города Тарту, Эстонской ССР, эстонца, гражданина СССР, беспартийного, с высшим образованием, холос - того, работал ассистентом кафедры автоматики факультета электроавтоматики Таллинского политехнического института, не судимого, проживавшего в городе Таллине, по ул. Лехола дом 27 -/

в преступлениях, предусмотренных ч.І ст.68 и ч.І ст. 207 УК Эстонской ССР;

2. СОЛДАТОВА Сергея Ивановича, 1933 года рождения, уроженца гор. Нарва, Эстонской ССР, русского, гражданина СССР, беспартийного, женатого, с высшим образованием, последнее время занимался переводами, не судимого, проживавшего в гор.Таллине по ул. Лембиту дом № 8 кв. 49;

СОЛДАТОВ, в целях подрыва и ослабления Советской власти на протяжении 1970-1974 годов систематически проводил антисоветскую агитацию и пропаганду путем приобретения, размножения, распространения антисоветских документов, со- держащих призывы к борьбе с Советской властью, а также кле- ветнические измышления, порочащие Советский государственный и общественный строй.

1) В 1972-1974 годах с ЮСКЕВИЧЕМ, МЯТИКОМ, ВАРАТО и КИЙ- РЕНДОМ участвовал в изготовлении и распространении "мемо- рандумов" "Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций" и "Генеральному Секретарю Организации Объединенных Наций", в которых возводятся злобная клевета на внешнюю, внутреннюю и национальную политику КПСС и Советского прави- тельства. Осенью 1972 года на квартире ОРУМАА в городе Тал- лине передал ей для размножения машинописный документ под названием "Генеральному Секретарю Организации Объединенных Наций", а затем получил от нее не менее 3 машинописных экземпляров этого документа и оригинал.

"Меморандумы в ООН", направленные за границу, были опубликованы в буржуазной и эмигрантской печати, передава- лись различными антисоветскими радиостанциями. Данное обви- нение установлено:

- показаниями свидетеля ОРУМАА о том, что осенью 1972 года получила от СОЛДАТОВА и по его просьбе отпечатала на пишущей машинке 2-3 экземпляра документа под названием "Генеральному Секретарю ООН" и возвратила оригинал вместе с отпечатанным документом;

- показаниями свидетеля ОРУМАА, которая опознала до- кумент, отпечатанный ею по предложению СОЛДАТОВА на пишущей машинке "Олимпия" с русским шрифтом, полученной от ЮСКЕВИЧА;

- изъятием при обыске у обвиняемого МЯТИКА трех эк- земпляров "меморандума", отпечатанного ОРУМАА; заключением эксперта, из которого усматривается, что изъятые документы отпечатаны в одну закладку на пишущей машинке "Олимпия";

- протоколом осмотра "меморандумов в ООН" и документальными материалами об их опубликовании в зарубежной печати.

2) Весной 1971 года в городе Таллине совместно с ВАРАТО и МЯТИКОМ участвовал в изготовлении нелегального антисоветского журнала "Ээсти рахвуслик хяэль" /"Национальный голос Эстонии" / № 4 и 5 за 1971 год. С этой целью передал ВАРАТО для перепечатывания три машинописных статьи антисоветского клеветнического содержания под названием "Водрузим знамя эстонских национальных стремлений!"; "Демократическое движение и национально-освободительное движение зависимых народов Советского Союза" и "Три высшие ценности". После перепечатывания получил оригинал вместе с одним экземпляром для помещения в журнал.

Весной 1971 года на квартире ВАРАТО в городе Таллине передал ему две фото пленки с машинописными текстами указанных журналов, а также оригиналы вместе с эскизом титульного листа.

Данное обвинение установлено:

- показаниями обвиняемого ВАРАТО о том, что он весной 1971 года вместе с СОЛДАТОВИМ и МЯТИКОМ подготовил материалы для нелегального антисоветского журнала "Ээсти рахвуслик хяэль" № 4 и 5, в которые вошли статьи, составленные ВАРАТО, а также СОЛДАТОВИМ и МЯТИКОМ. Указанные статьи ВАРАТО отпечатал на пишущей машинке и передал СОЛДАТОВУ для помещения в журнал;

- изъятием у ВАРАТО, КИЙРЕНДА и МЯТИКА при обыске машинописных экземпляров указанных журналов и отдельных статей, фото пленок и фотокопий.

3) Весной 1971 года совместно с ВАРАТО и МЯТИКОМ принимал участие в изготовлении нелегального антисоветского журнала "Ээсти демократ" / "Демократ Эстонии" / № 4 за 1971 год. Поручил ВАРАТО для размещения статьи "Новый класс", содержащий клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. После изготовления полу -

чил один машинописный экземпляр для помещения в журнал, а также оригинал. Получил от ВАРАТО для журнала "Ээсти демо - крет" статьи антисоветского содержания под названием "Как долго просуществует мир", "О развитии общества", "Об образ - зовании", написанные МЯТИКОМ, а также статью "Вспомини...", написанную ВАРАТО.

Данное обвинение установлено:

- показаниями обвиняемого ВАРАТО о том, что весной 1971 года он совместно с СОЛДАТОВЫМ и МЯТИКОМ участвовал в подготовке материалов и изготовлении нелегального антисовет - ского журнала "Ээсти демократ" № 4, для чего перепечатал на пишущей машинке ряд статей, полученных от СОЛДАТОВА, а также написанных им и МЯТИКОМ;

- изъятием у ВАРАТО при обыске машинописных текстов указанных статей;

- изъятием у КИЙРЕНДА плоских пленок с текстами ука - занных статей, заключением эксперта о том, что плоские плен - ки сняты с машинописных материалов, изъятых у ВАРАТО;

- показаниями свидетеля АРДЕРА о получении им в начале 1972 года от СОЛДАТОВА машинописного документа на эстонском языке под названием "Свобода, человек и личность", изъятием этой статьи при обыске у АРДЕРА; материалами дела, из ко - торых усматривается, что изъятый у АРДЕРА документ и маши - нописный текст, снятый КИЙРЕНДОМ на плоские пленки, от - печатаны в одну закладку.

4) В 1970-1971 годах в городе Таллине передал ВАРАТО для ознакомления, размножения и распространения:

- отпечатанный на пишущей машинке документ антисовет - ского содержания на эстонском языке "Программа ДДСС" и фото - копии этого документа на русском языке, в котором в книжеч - нической форме изображены государственный и общественный строй СССР, политика КПСС и Советского правительства и со - держится призыв к борьбе с советской властью;

- два экземпляра машинописного программного документа на русском языке под названием "Тактические основы ДДСС" и

два комплекта фотокопий этого же документа. В начале 1971 года вместе с МЯТИКОМ и ВАРАТО участвовал в переводе этого документа на эстонский язык;

- машинописный сборник ключевых тезисов содержания на русском языке под названием "Хроника текущих событий" № 1/6/ за 1969 год.

Указанные факты подтверждаются:

- показаниями ВАРАТО, что в 1970-1971 годах он получил от СОЛДАТОВА следующие документы: "Программа ДДСС" и фотокопии с текстом этого документа на русском языке; "Тактические основы ДДСС" в двух экземплярах и два комплекта фотокопий этого документа; сборник "Хроника текущих событий" № 1/6/ за 1969 год;

- показаниями ВАРАТО о том, что он с помощью СОЛДАТОВА и МЯТИКА перевел документ, озаглавленный "Тактические основы ДДСС" на эстонский язык; размножил его в 8-10 экземплярах, из которых 4-5 экземпляров передал СОЛДАТОВУ;

- показаниями свидетеля КАЛЛИСА, которого СОЛДАТОВ ознакомил с отрывками документа "Тактические основы ДДСС".

5) В 1970-1971 годах передал ВАРАТО для ознакомления и распространения следующие антисоветские документы:

- "Смысл и истоки русского коммунизма" /резюме /;

- фотокопии машинописных статей на русском языке под названием "Наш общественный идеал", "Интеллигенция и демократическое движение", "Экономическое положение СССР", "Надеяться или действовать";

- фотокопии эмигрантского антисоветского печатного издания на русском языке со статьями под названием "Наша короткая память", "1970 год", "Суд истории - суд божий", "К размышлениям об интеллектуальной свободе", "К ответу на письмо А.Белицкого в Союз советских писателей" и "Мораль и власть".

6 В 1971 году передал ВАРАТО для размножения машинописный документ на эстонском языке с антисоветским призывом под названием "2000 слов". После перепечатывания получил оригинал обратно. Данное обвинение установлено показаниями ВАРАТО, который получил указанные документы у СОЛДАТОВА, а также изъятием у ВАРАТО перечисленных выше документов.

Своими действиями СОЛДАТОВ совершил преступление, предусмотренное частью I ст.68 УК Эстонской ССР.

Обвинения, предъявленные подсудимым и указанные в обвинительном заключении, которые но, приведены в данном приговоре, и не перечисляя конкретных эпизодов, в отношении всех подсудимых по делу, суд считает их недоказанными или не содержащими полных признаков преступления, предусмотренных ч.1 ст.68 УК Эстонской ССР и поэтому исключает их из обвинения подсудимых.

При определении меры наказания МЯТИКУ, БСКЕРИЧУ, КИИРЕНДУ и СОЛДАТОВУ суд учитывает неосознанно ими своей вины и находит необходимым избрать им меру наказания, основанную на лишении свободы.

В отношении ВАРАТО суд учитывает, что он как на предварительном следствии, так и в судебном заседании полностью признал себя виновным, раскаялся в совершенном преступлении, своим поведением способствовал раскрытию данного преступления и находит возможным в порядке исключения применить к нему ст. 47 УК Эстонской ССР.

Исходя из изложенного и руководствуясь ст.ст. 262 и 263 УК Эстонской ССР,

П Р И Г О В О Р И Л А :

МЯТИКА Калель Яновича, СОЛДАТОВА Сергея Ивановича, КИИРЕНДА Мати Альфредовича, БСКЕРИЧА Артема Васильевича и ВАРАТО Арво-Гуннар Яновича признать виновными и на основании части I ст.68 УК Эстонской ССР лишить свободы: МЯТИКА и СОЛДАТОВА сроком на шесть /6/ лет каждого, КИИРЕНДА и БСКЕРИЧА сроком на пять /5/ лет каждого, без ссылки о отбывании наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима и ВАРАТО сроком на три /3 / года. МЯТИКА на основании части I ст. 207 УК Эстонской ССР сроком на один /1/ год лишения свободы и в соответствии со ст. 40 УК Эстонской ССР окончательную меру наказания ему считать шесть /6 / лет лишения свободы, без ссылки и о отбывании наказания в ИТК строгого режима.

На основании ст. 47 УК Эстонской ССР меру наказания ВАРАТО считать условной с испытательным сроком пять /5 / лет.

В соответствии от. 34 УК Эстонской ССР лишить МЯТИКА воинского звания - старший лейтенант и КИЙРЕНДА воинского звания - лейтенант.

Вещественные доказательства, изъятые :

у ДСКЕВИЧА - пишущая машинка "Мерседес"

у КИЙРЕНДА - пишущие машинки "Эрика" и "Москва"

у МЯТИКА - пишущая машинка "Олимпия"

у ВАРАТО - пишущая машинка "Каппель"

у СОЛДАТОВА - пишущая машинка "Олимпия" конфисковать в доход государства.

Изъятые у ДСКЕВИЧА - валик, банка с черной краской, шесть плоских пленок;

у МЯТИКА - оружие и боеприпасы / винтовка № I4794, ствол винтовки № AE-3639, затвор № AE-3639, патроны калибра 7,62 мм I30 штук, калибра 7,92 мм 32 штуки/, фотоаппарат "Зенит-3М" /объектив "Геллио-44, ФЭД-2 /объектив ФЭД № 885030, объектив "Таир"-II № 005952, самодельная фотоимпульсная лампа, автопуск и два тросика для автопука, 3 светофильтра, карманный штатив "Киев", комплект удлинительных колец для фотоаппарата "Зенит", дополнительная линза, фотоэкспозиметр ФЭ-2 № 002788, самодельный светозаморитель, самодельный механический заморитель чувствительности фотобумаги, фотоувеличитель "Ленинград" / с объективом "Индустар" № 5575797 /, 4 рамки для кадрирования при фотопечата-нии, электроглянцеватель, резак, термометр для фоторабот, 40 пакетов фотобумаги, 5 пачек бумаги, 45 литров от пишущей машинки и 25 кружочков белого металла;

у ВАРАТО - 30 комплектов белой бумаги с копиями / в каж дом 10 листов белой бумаги и 9 листов копирки /, подготовленных для печатания на пишущей машинке конфисковать в доход государства. 58 номеров газеты "Ээсти сына"

за 1942-1943 годы, 19 номеров газеты "Линна Тээтэя" за 1941 год, 12 номеров газеты "Ээсти Пильдидехт" за 1943-1944 годы, много в двух томах под названием "Ээсти рахва каннатусто ооста" - уничтожить.

Выписать с МЯТИКА, СОЛДАТОВА, КИЙРЕНДА, ЮСКЕВИЧА и БАРАТО судебные издержки по 137 рублей с каждого.

Срок отбывания наказания по приговору исключить: МЯТИКУ, КИЙРЕНДУ и ЮСКЕВИЧУ с 13 декабря 1974 года, СОЛДАТОВУ с 4 января 1975 года.

БАРАТО меру пресечения отменить и его в зале суда из-под стражи освободить.

Приговор окончательный, на апелляционному обжалованию и опротестованию не подлежит.

Председательствующий:

АФАНАСЬЕВ

Народные заседатели:

ВЯНИКОВ

БАРТЕМЬС

Двенадцать принципов русского дела

— Pct.

or

used

22

56M

much

КВЕРТРА

2.

by an

MM.

MC

5

060

ix

105

КЛЗ

10

Index

АМЕРИКАНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

ВСТУПАЮТ В НОВУЮ ФАЗУ

ВСТУПАЮТ В НОВУЮ ФАЗУ

MC

much

✱

11

Index

САМИЗДАТ

Шесть тезисов за свободно-национальную Россию

ПАРИЖ, «РУССКАЯ МЫСЛЬ».

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РУССКОМУ ЭКОНОМИСТУ *)

«Скажи, какому чародею
отдать разбойную красу?»

Летом 1978 г. газета «Русская Мысль» опубликовала статью «12 принципов русского дела» под моей фамилией **). По этому поводу Вы написали мне в лагерь воинственное письмо. Торжествующие представители власти охотно ознакомили меня с ним. Вы пишете, что лагерники — народ, свихнувшийся от отсутствия в семье «веселой, полигрудой хозяйки» и озлобленные ко всему русскому. Конечно, судьбы и пути в лагерь у каждого различны. Но сам я счастливо женат. Жена моя — прекрасная хозяйка и мать. И совсем иного рода «семейные неурядицы» привели меня в политический лагерь строгого режима. Наведите-ка соответствующие справки. Правоммерно ли называть «озлобленным к русскому», к России горечь за ее прошлое, тревогу за настоящее и заботу о будущем? Правдивый диагноз иногда суров, а целебные лекарства подчас горьки, уж не зыщите. Иначе не может быть и исцеления.

Вы иронизируете над «микрображией», богатой идеями, но ничтожной числом. Смеялись когда-то над социалистами в России, — а потом были март 1881 и февраль 1917. Смеялись над большевиками, и вот — октябрь 1917. Не просматриваете ли вы и над демократами. В истории вы найдете немало великих событий, происходивших на шумном многолюдии, но подготовленных в тишине и немногими. Час демократов еще пробьет!

Вы узнаете, что в 1907 г. во Владимирском соборе г. Петербурга венчались Александра Ивановна Миронова и Федор Терентьевич Трушин (военно-морской врач), — родители моей матери Ольги. А в 1894 г. в г. Керчи в семье Алексея Алексеевича Солдатова родился сын Иван — мой отец. Но я благодарю судьбу и за другое. Когда в 30-е годы родители мои разошлись, чудесная эстонская женщина Лаяца Ласс стала мне второй матерью. Я рос в Эстонии и полюбил народ эстонский как свой собственный. Это помогло мне справедливо и трезво оценить отношения эстонского и русского народов, объективно осмыслить историю обоих народов, малого и большого, осознать необходимость нравственного отношения между нациями вообще. Но вот вы возмущаетесь, что «забыл родство Солдатов правнук, об интересах китайцев пекущийся». На это отвечу, что мы живем в эпоху, когда национальное сознание должно гармонично сочетаться с глобальным сознанием, а со временем и перерастать в него. Вот и необходимо думать не только об эгоистическом своенациональном благе, но и об интересах китайцев, англичан, французов, немцев, евреев, индусов, — народов больших и малых, в конечном счете — об интересах всего человечества. Ибо в наше время общечеловеческое благо — залог национального. И наоборот. Что плохо человечеству, станет злом и для нации. Вот почему и нужды великой китайской нации подлежат разумному удовлетворению. Что же касается

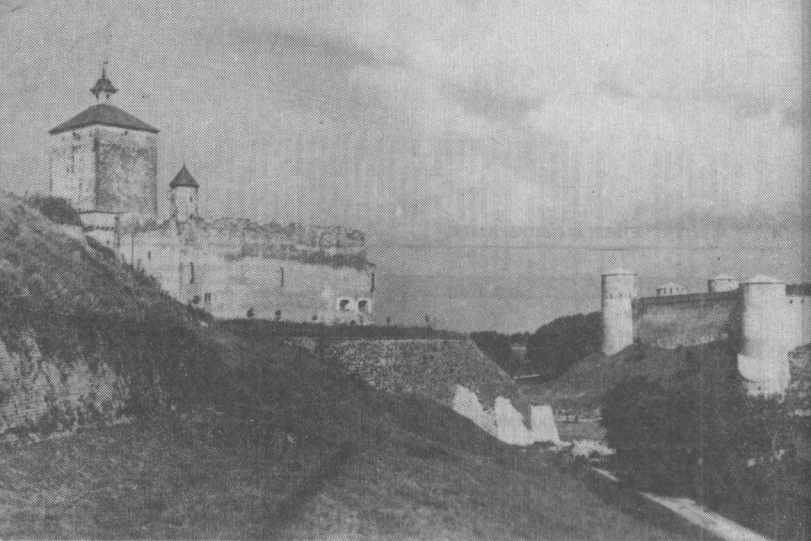
2 Народы и нации, высказавшиеся в ходе самоопределения против независимости, могут свободно примкнуть к свободно-национальной России на федеративных началах. И здесь мы будем равняться на достойные примеры федеративных отношений, например, чехов, словаков и украинцев в Чехословакии 1918-38 гг., англичан и французов в Канаде, многих наций, племен и народностей в США и Индии. Все это свободные государства с одной численно преобладающей и ведущей нацией.

Создание свободно-национального государства Российского морально необходимо, социально целесообразно и исторически неизбежно. Оно обеспечит русскому народу беспорные блага и преимущества.

1) в политике — обеспечение гражданских прав, повышение гражданского сознания и освобождение творческих сил нации. Имперский Молох требует превращения страны в военный лагерь, постоянного усиления государственного начала и ослабления гражданского. Это приводит к подавлению прав, унижению достоинства и к неоправданным жертвам, а силы нации бесплодно направляются на ложные символы власти, господства над другими народами. Возникает социальная катастрофа.

2) В экономике — создание процветающей национальной экономики, ориентированной на нестолженные нужды нации. Глобальный экспансионизм требует превращения страны в кузницу оружия в ущерб национальному благосостоянию. Это приводит к непомерному разбуханию военно-промышленного комплекса, к непроизводительным растратам сил, труда и ресурсов во всем мире. Возникает экономическая катастрофа.

3) В национальном вопросе — обеспечение национальных прав, повышение национального самосознания и установление равноправно-дружественных отношений со всеми нациями. Колониализм требует поддержания режима военной колонии на захваченных национальных территориях под

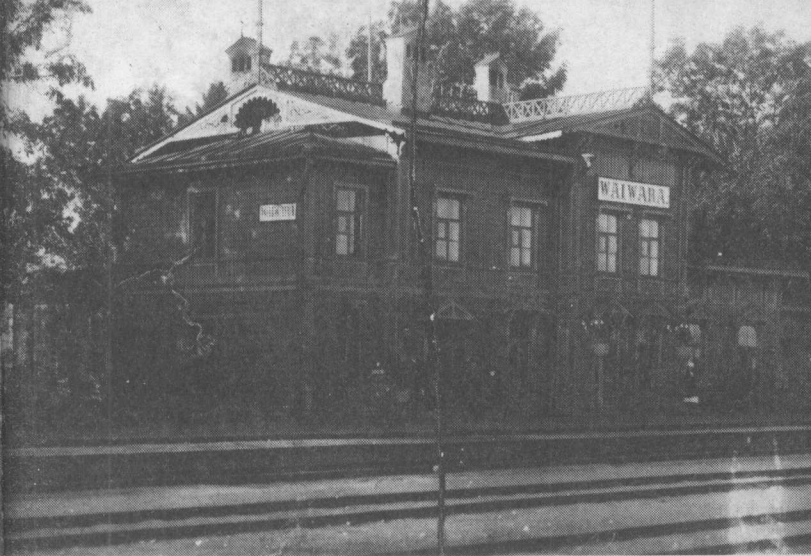
Нарва. Пограничные крепости

Вайвара, 1938. С матерью

Мать и отец

Ленинград Станция Вайвара...

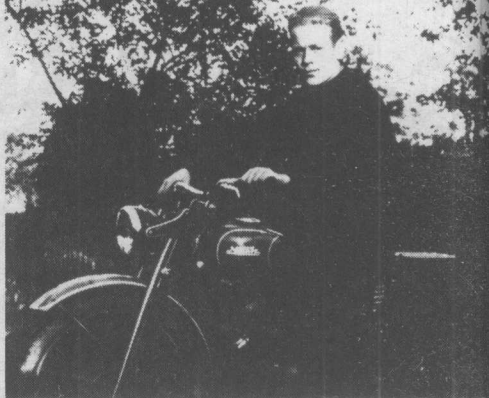

Вайвара, 1938. С отцом

1938. Ланда — нижний ряд слева

*Леша Елехин.
Школьный друг*

*1952. Абитуриент средней школы
в Йыхви*

*1950. 8-й класс средней
школы в Кивийыли*

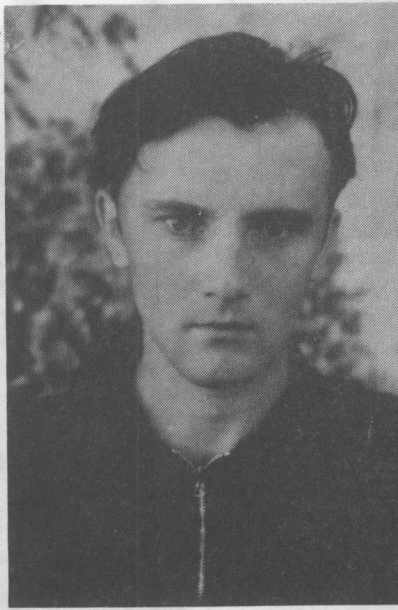

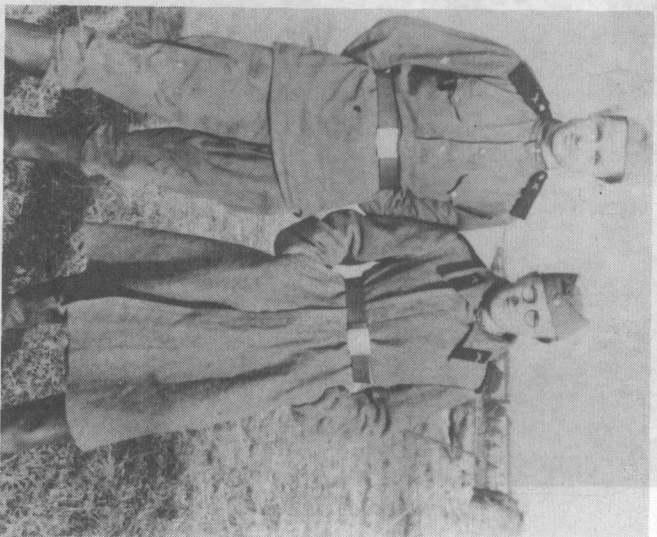
Ленинград. Людмила с родителями

*Ленинград.
Года после окончания техникума*

Кохтла-Нымме. В начале пути

Кронштадт, 1958. С Олегом Смарадовым

Ленинград, 1960. Дипломант

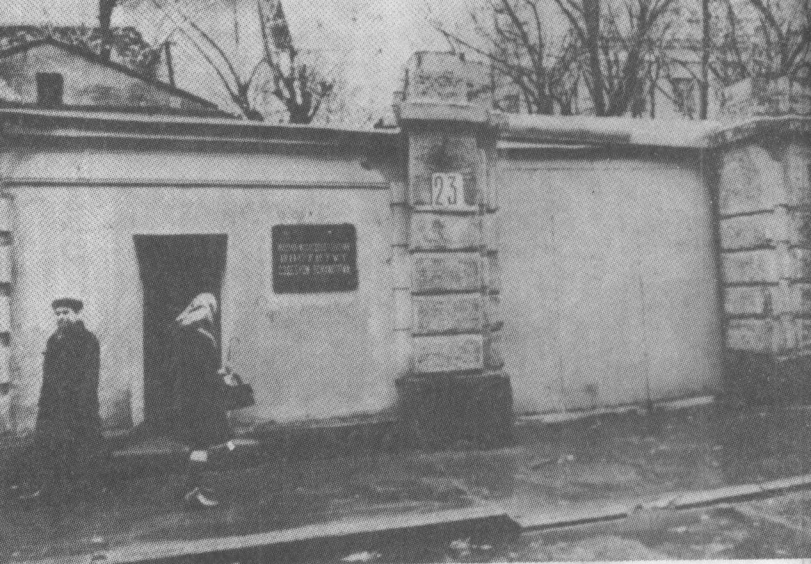
КГБ СССР на Лубянской площади в Москве

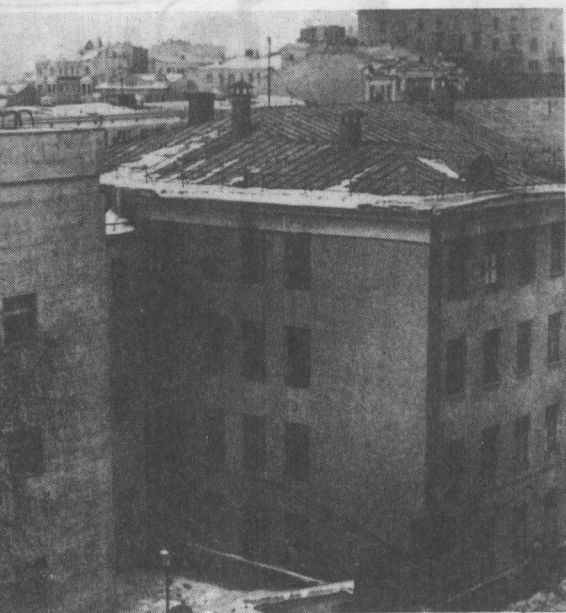
Центральная тюрьма ЭССР в Таллине — знаменитая "Батарея" (вид с города)

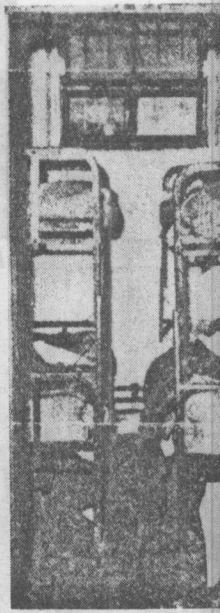
*Верховный Суд
ЭССР в Таллине*

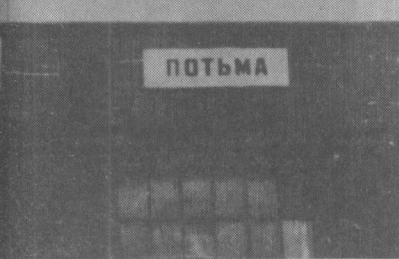
Проходная Института им. Сербского

*Психоневрологический Институт
им. Сербского в Москве*

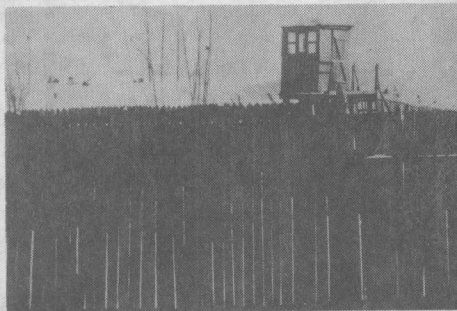

*Камера
в Лефортовской тюрьме*

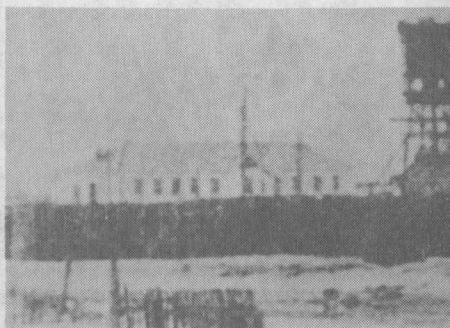
*"Ворота" Дубровлага —
станция Потьма
Мордовской АССР*

*Караульная вышка
и забор лагеря*

Прибытие заключенного в "воронке"

*Общий вид лагеря
№ 19 в МАССР*

Кладбище заключенных

Москва. Дима Леонтьев

Киев. Василь Стус

Таллин, 1981. После выхода из тюрьмы

Таллин, 1981. Людмила

Аугуст Мельдер с семьей. Пламенный патриот и друг автора, умерший в 1981 г. в Куйметса на 2-й день после выхода из 20-летнего заключения

Мюнхен, 1983. Автор с женой Людмилой

